A21
5/53

ОИК
дет.

A21 5/53
24/37

КНИГА

для

ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ЧТЕНІЯ

и

ПРАКТИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

Составилъ

А. Галаховъ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Декабря 16-го дня, 1847 года.

Ценсоръ, Стат. Сов. и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

Гос. Истор. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 330678
193 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

А. ПРОЗА.

I. СТАТЬИ ИЗЪ СВЯЩЕННОЙ ИСТОРІИ И РЕЛИГІОЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

II. СТАТЬИ ДЛЯ УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ.

III. СТАТЬИ ИЗЪ ИСТОРІИ.

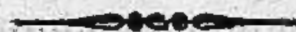
IV. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

V. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПІЕСЫ.

VI. СТАТЬИ ИЗЪ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

VII. ПИСЬМА, ПРИТЧИ И РАЗСУЖДЕНІЯ.

Б. СТИХИ.

I.

Статьи изъ Священной Исторіи и религіознаго содержанія.

1. ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ.

Дочь (*входя въ комнату*). Христосъ воскресе, любезная матушка!

Мать. Воистину воскресе, милая моя дочь!

Дочь. Вотъ вамъ яичко.

Мать (*цѣлуя ее*). Вотъ и тебѣ яичко; *похристосоемся.*

Дочь. Сегодня самый радостный праздникъ.

Мать. Да, дитя мое! Что можетъ быть радостнѣе воспоминанія, что Спаситель нашъ воскресъ изъ мертвыхъ.

Дочь. Вѣдь Онъ воскреситъ и насъ, когда опять придетъ на землю.

Мать. Такъ, другъ мой; на воскресеніи Христовомъ основана и нашего воскресенія надежда. Мы вѣруемъ, что Христосъ воскресъ; поэтому вѣруемъ, что Онъ воскреситъ и насъ. Вотъ для чего мы, въ этотъ день, и даримъ другъ друга яицами.

Дочь. Какъ это, маменька? Развѣ яичко можетъ увѣрить насъ, что мы воскреснемъ?

Мать. Конечно можетъ: оно служитъ знаменіемъ нашего воскресенія. Посмотри на это яицо: имѣетъ ли оно жизнь?

Дочь. Нѣтъ; оно какъ мертвое.

Мать. Но что можетъ выдти изъ этого яичка?

Дочь. Цыпленочекъ, и какой хорошенькой! въ мягкомъ пушку и съ маленькими крылышками.

Мать. Видишь, другъ мой, что изъ яица раждается живая птичка, которая не имѣла прежде никакихъ признаковъ жизни. Такъ и мы, во время втораго Христова пришествія, изъ праха воскреснемъ и будемъ жить вѣчно.

Дочь. Вотъ для чего мы даримъ другъ друга яичками! Я до сихъ поръ не знала этого, хотя и давно знала, что мы воскреснемъ.

Мать. Смотри же, когда будешь *христосоваться*, съ кѣмъ бы то ни было, яичкомъ, всегда помни, что мы, разставшись съ здѣшнею жизнію, хотя будемъ лежать въ землѣ мертвые, какъ будущій птенецъ въ этой скорлупѣ, но по звуку архангельской трубы, въ одно мгновеніе оживемъ, возстанемъ изъ земли и вознесемся на облакахъ по воздуху, чтобы встрѣтить Іисуса Христа, идущаго среди множества ангеловъ судить живыхъ и мертвыхъ.

Дочь. Какъ весело будетъ намъ встрѣтить своего Спасителя! Но скажите, для чего мы, при этомъ случаѣ, цѣлуемся?

Мать. Цѣлованіе есть знакъ взаимной любви; и мы, цѣлуясь другъ съ другомъ, исполняемъ заповѣдь Христову — помнишь ли, какую?

Дочь. Помню, маменька. Іисусъ Христосъ предъ своимъ страданіемъ сказалъ Апостоламъ: *любите другъ друга; какъ я возлюбилъ васъ, такъ и вы любите другъ друга* *). Объ этомъ вы напоминали мнѣ третьяго дня, когда читали *страсти Господни*.

Мать. Исполняй же, другъ мой, эту святую заповѣдь, если хочешь воскреснуть, такъ какъ Христосъ воскресъ, и жить съ нимъ вѣчно въ царствіи небесномъ.

Дочь. Я люблю всѣхъ и всѣмъ желаю счастія; этому вы научили меня, любезная матушка.

Мать. Повтори же, что значитъ благочестивое обыкновеніе христосоваться яицами?

Дочь. Когда мы говоримъ: *Христосъ воскресе! воистину воскресе!* то увѣряемъ другъ друга, что Іисусъ Христосъ хотя и умеръ, но опять воскресъ. Когда даримъ другъ друга яичками, то увѣряемъ одинъ другаго, что и мы, во время втораго Христова пришествія, воскреснемъ, какъ цыпленочекъ воскреснетъ изъ яичка. Когда цѣлуемся, то какъ будто говоримъ: будемъ любить другъ друга столько же, сколько любитъ насъ Іисусъ Христосъ.

Мать. Хорошо, милая моя! Не забывай же, въ чемъ должно состоять христосованье, и всегда дѣлай это съ благоговѣніемъ къ Іисусу Христу и съ искреннею любовію къ ближнему.

Дочь. Я боюсь, чтобы не спросить васъ о чемъ нибудь не кстати — но мнѣ бы хотѣлось знать, кто первый похристосовался?

Мать. Это значитъ тоже, если бы ты спросила, кто первый сказалъ: *Христосъ воскресе!* Не правда ли, другъ мой, хотя бы это сказалъ онъ и безъ яица и безъ поцѣлуя?

Дочь. Такъ, маменька!

Мать. Подумай же хорошенько, не вспомнишь ли чего нибудь изъ евангельской исторіи?

Дочь. Ахъ! это сказалъ Ангелъ....

Мать. Разскажи, какъ это происходило?

Дочь. Въ первый день недѣльный — вѣдь этотъ день называется у насъ Воскресеньемъ?

Мать. Да, милая моя, потому что Іисусъ Христосъ въ этотъ день воскресъ.... но разсказывай дальше.

Дочь. Въ первый день недѣльный, весьма рано поутру, Марія Магдалина и подруги ея пришли къ Іисусову гробу съ ароматами, чтобы помазать тѣло его, и вдругъ увидѣли тамъ Ангела, котораго взоръ блисталъ, какъ молнія, и одежда была бѣлая, какъ снѣгъ.

---

*) Іоан. гл. 13, ст. 34.

Онѣ ужаснулись; но Ангелъ сказалъ имъ: не ужасайтесь! вы ищете Іисуса распятаго. Его нѣтъ здѣсь. Онъ воскресъ. Вотъ мѣсто, гдѣ положили его *).

Мать. Теперь знаешь, кто первый похристосовался, то есть, поздравилъ съ воскресеніемъ Христовымъ? Кто же подтвердилъ это согласіемъ и отвѣчалъ: *воистину воскресе!* Не вспомнишь ли, другъ мой?

Дочь. (*подумавъ*). Однажды двое учениковъ шли въ нѣкоторое село; на пути вдругъ подошелъ къ нимъ Іисусъ Христосъ. Они не узнали Его и разговаривали съ Нимъ о Его же смерти и воскресеніи, будто съ какимъ нибудь прохожимъ. Такимъ образомъ дошли они до селенія и начали ужинать. Іисусъ Христосъ разломилъ хлѣбъ и подалъ имъ. Въ это время они вдругъ узнали его; но Іисусъ въ ту же минуту сталъ невидимъ. Ученики съ радостію возвратились въ Іерусалимъ и сказали Апостоламъ, что видѣли Господа. Тогда всѣ одиннадцать Апостоловъ въ одинъ голосъ сказали: воистину воскресъ Господь **)! Кажется такъ, любезная матушка?

Мать. Такъ, другъ мой! Теперь помни же: когда мы говоримъ: *Христосъ воскресе!* то подражаемъ Ангелу; а когда говоримъ: *воистину воскресе!* то подражаемъ Апостоламъ.

Дочь. Когда же начали давать другъ другу яица?

Мать. Это первая, какъ повѣствуетъ благочестивое преданіе, сдѣлала Марія Магдалина, та самая, которую ангелъ поздравилъ съ воскресеніемъ Христовымъ.

Дочь. А Марія Магдалина кого поздравила, и притомъ подаривъ яичкомъ?

Мать. Римскаго императора Тиверія. Она пришла въ Римъ для того, чтобы проповѣдать Евангеліе; предстала императору и, поднесши ему красное яицо, сказала: *Христосъ воскресе!* Этими словами Марія начала предъ нимъ свою проповѣдь. Первые христіане, уважая память равноапостольной проповѣдницы, почли за нужное подражать ей и, поздравляя другъ друга съ воскресеніемъ Христовымъ, начали одинъ другаго дарить яицами.

Дочь. Вы сказали, маменька, что Марія Магдалина поднесла Тиверію красное яицо: для чего же именно красное, а не другаго цвѣта было это яицо?

Мать. Какъ яицомъ святая Марія хотѣла показать императору, что Іисусъ Христосъ воскресъ и насъ воскреситъ, такъ краснымъ цвѣтомъ яица изобразила животворящую кровь Его, которою Онъ омылъ грѣхи наши и тѣмъ избавилъ насъ отъ вѣчной смерти.

Дочь. Покорно благодарю васъ, любезная матушка, что вы такъ хорошо все это мнѣ растолковали. Впредь я буду еще съ большею радостію христосоваться съ вами, для того, что понимаю, что за тайна въ этомъ заключается.

***) Мар. гл. 16, ст. 1. 6.**

****) Лук. гл. 24, ст. 34.**

2. АНГЕЛЪ ХРАНИТЕЛЬ.

Дочь. Какъ сегодня я счастлива, любезная матушка!

Мать. Чѣмъ такъ счастлива, другъ мой?

Дочь. Я нечаянно раскрыла Евангеліе, и вдругъ глаза мои встрѣтились вотъ съ какими словами: *Ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лице Отца моего небеснаго.* Мнѣ захотѣлось узнать, чьи это Ангелы, и когда прочитала нѣсколько строчекъ, то какъ обрадовалась, что Іисусъ Христосъ говоритъ здѣсь о дѣтяхъ.

Мать. Въ самомъ дѣлѣ нынѣшній день для тебя очень счастливъ. Дай Богъ тебѣ такъ встрѣтить каждый день.

Дочь. Вѣдь и у меня есть мой Ангелъ на небесахъ?

Мать. Такъ, другъ мой! И у тебя, и у всѣхъ дѣтей, и у каждаго человѣка есть Ангелъ хранитель, который возноситъ наши молитвы къ Отцу небесному и печется о нашемъ здравіи и спасеніи.

Дочь. Какъ мнѣ хорошо! На земли я имѣю маменьку, а на небесахъ Ангела хранителя. Мнѣ совсѣмъ бояться нечего.

Мать. Конечно бояться нечего, если не будешь упряма, когда Ангелъ Хранитель скажетъ что нибудь хорошее душѣ твоей. Ты вѣдь часто слышишь голосъ его.

Дочь. (*обнимая мать свою*). Каждый день и каждый часъ!.... Ангелъ Хранитель всегда говоритъ мнѣ чрезъ васъ, милая моя маменька!

Мать. Это правда, дитя мое, потому что я никогда не пропускаю случая научить тебя чему нибудь хорошему. Но не говоритъ ли также тебѣ Ангелъ Хранитель какъ нибудь инымъ образомъ?

Дочь (*подумавъ*). Когда я слышу благовѣстъ къ обѣднѣ, то какъ будто какой нибудь голосъ раздается въ душѣ моей: „помолись Іисусу Христу." — И это вѣрно голосъ моего Ангела Хранителя?

Мать. Правда твоя, дитя мое! Поэтому-то благочестивые наши предки, услышавъ благовѣстъ, крестились и читали: *Архангельскій гласъ вопіетъ ти, Чистая: радуйся благодатная, Господь съ тобою.*

Дочь. А когда сердце мое желаетъ чего нибудь хорошаго, это не голосъ ли моего Ангела Хранителя?

Мать. Конечно такъ! Напримѣръ, кто сегодня заставилъ тебя раскрыть Евангеліе? Кто указалъ прямо на слова Христовы о дѣтяхъ, такихъ же какъ ты? Кто пробудилъ въ тебѣ охоту прочитать нѣсколько строчекъ? Все это сдѣлалъ Ангелъ Хранитель души твоей.

Дочь. Поэтому, если я хочу подать милостыню, то хочу этого не сама собою, но заставляетъ меня хотѣть мой Ангелъ? моей волѣ стоитъ только согласиться?

Мать. И не сомнѣвайся въ этомъ. Люди вообще столь слабы, что сами отъ себя неспособны и помыслить что нибудь хорошее,

но эту способность получают отъ Бога. Для сего и приставленъ къ каждому человѣку Ангелъ Господенъ. Не видала ли ты, какъ пастушки ходятъ за своими овечками?

Дочь. Я видѣла въ Павловскѣ близь дворца.... О! этотъ пастушокъ весьма любитъ своихъ овечекъ: ищетъ, гдѣ для нихъ лучше трава, гдѣ лучше вода; не позволяетъ имъ расходиться далеко другъ отъ друга, и когда молоденькая овечка отстанетъ отъ стада, онъ бѣжитъ за ней и приноситъ на своихъ рукахъ.

Мать. Въ тысячу кратъ ласковѣе, въ тысячу кратъ неусыпнѣе Господь чрезъ Ангела своего хранитъ всякаго добраго человѣка. Это безподобно изображается въ Священномъ Писаніи. Сыщи и прочитай двадцать второй псаломъ.

Дочь (*прійскавъ, читаетъ*). „Господь пастырь мой; я не буду въ скудности. Онъ покоитъ меня на злачныхъ пажитяхъ; водитъ меня на тихія воды. Душѣ моей даетъ отраду; водитъ меня стезями правды, ради имени своего. Если даже пойду долиною смертной сѣни, не убоюсь зла: ибо ты со мною; твой жезлъ и твой посохъ успокоитъ меня. Ты поставилъ предо мною столъ въ виду враговъ моихъ; умастилъ елеемъ главу мою; чаша твоя преисполнена. Такъ благость и милость сопровождаетъ меня во всѣ дни жизни моей; я пребуду въ дому Господнемъ многія лѣта." — Ахъ, маменька, кто не пожелаетъ быть овечкой Божіей! Я сердечно хочу этого.

Мать. Это зависитъ отъ тебя самой: будь добра, какъ овечка; тогда Господь будетъ для тебя тѣмъ добрымъ пастыремъ, который готовъ положить душу за своихъ овечекъ. Онъ Ангелу своему заповѣдалъ сохранять тебя на всѣхъ путяхъ; и этотъ Ангелъ Хранитель на рукахъ понесетъ тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею. Такъ говоритъ священное Писаніе *).

Дочь. Онъ же будетъ возносить и молитвы мои къ Отцу небесному? Вы сказали это, еще сначала нашего разговора.

Мать. Спасибо тебѣ, другъ мой, что напомнила объ этомъ; я было и позабыла. Слушай же, что видѣлъ Евангелистъ Іоаннъ въ откровеніи самого Іисуса Христа: „*Пришелъ Ангелъ и сталъ предъ жертвенникомъ, держа златую кадильницу; ему дано было множество ѳиміама, чтобы онъ съ молитвами всѣхъ Святыхъ возложилъ его на златый жертвенникъ, который находится предъ Престоломъ Господнимъ; и вознесся дымъ ѳиміама съ молитвами святыхъ отъ руки Ангела предъ Господа* **). Понимаешь ли, что значатъ эти слова Іоанна Богослова?

Дочь. Понимаю, маменька, но изъяснить вамъ этихъ словъ не могу.... Развѣ не то ли они значатъ, что если мой Ангелъ Хранитель помогаетъ мнѣ молиться, то молитвы мои вознесятся къ Богу, точно такъ, какъ дымъ изъ кадила возносится къ небу?

---

*) Псал. 90, ст. 11—12.

**) Апок. гл. 8, ст. 3—4.

Мать. Точно такъ, дитя мое! Только не забудь, что дымъ отъ кадила имѣетъ пріятный запахъ. Надобно, чтобы и твои молитвы были непустыя и неизлишнія, но достойныя величества и святости Божіей, и слѣдовательно ему пріятныя.... Тогда Ангелъ Хранитель будетъ помогать тебѣ, и твои молитвы вознесутся къ престолу Всевышняго. Напротивъ, если предметомъ молитвъ будетъ какая нибудь суетность, то Ангелъ Господень не будетъ твоимъ помощникомъ, для твоего же счастія; и всѣ молитвенныя восклицанія останутся на земли, подобно какъ дымъ разстилается по землѣ, когда подавляемъ бываетъ вѣтромъ. Объ этомъ мы ужъ говорили.

Дочь. Ахъ, маменька! При такой привязанности къ намъ и при такомъ доброжелательствѣ и неусыпности Ангела Хранителя, отъ чего люди грѣшатъ?

Мать. Отъ того, другъ мой, что не хотятъ слушать голоса его.

Дочь. Что же съ такимъ человѣкомъ дѣлаетъ Ангелъ Хранитель?

Мать. Когда онъ увидитъ, что всѣ его убѣжденія напрасны, тогда отъ грѣшника удаляется; но, и удаляясь, онъ плачетъ о погибели души его.

Дочь. Какой онъ милосердый! Но есть ли способъ возвратить къ себѣ Ангела Хранителя?

Мать. Стоитъ только искренно раскаяться въ грѣхахъ своихъ.... Тогда Ангелъ Хранитель съ радостію возвратится къ человѣку, обниметъ его, забудетъ свою обиду, и станетъ молиться Отцу небесному, чтобы и Онъ опять принялъ его, какъ возлюбленное дитя, въ свои объятія.

Дочь. Слава Богу! какъ я рада этому! я всегда буду прислушиваться къ голосу моего Ангела Хранителя, всегда буду исполнять волю его.

Мать. Однакожъ ты имѣешь и свою волю, и эту волю далъ тебѣ Господь.

Дочь. Знаю, любезная матушка, знаю: моя воля должна быть всегда согласна съ волею моего Ангела Хранителя.

Мать. Это необходимое условіе, другъ мой! Всегда помни, что надежда на попеченіе твоего Ангела Хранителя отнюдь не освобождаетъ тебя отъ собственной заботливости сдѣлать себя счастливою. Служебные духи, то есть, Ангелы Господни, въ служеніе посылаются за хотящихъ наслѣдовать спасеніе. Сама старайся о твоемъ спасеніи. Ангелъ Хранитель въ этомъ будетъ твоимъ помощникомъ. И люди обыкновенно больше обращаются съ тѣми, которые имѣютъ одинаковые съ ними нравы. Дѣлай всегда добро, желай одного добра, думай только о добрѣ, словомъ: имѣй ангельскіе нравы; тогда Ангелъ, поставленный отъ Бога хранителемъ твоей души и твоего тѣла, ни на одну минуту отъ тебя не отступитъ: будетъ твоимъ другомъ, покровителемъ, совѣтникомъ, утѣшителемъ.

Мансветовъ.

(*Подарокъ дѣтямъ на святую пасху 1830 г.*)

3. ИСТОРІЯ ІОСИФА.

СЫНОВЬЯ ІАКОВЛЕВЫ.

Іаковъ имѣлъ двѣнадцать сыновей. Вотъ имена ихъ, по порядку старшинства: Рувимъ, Симеонъ, Левій, Іуда, Завулонъ, Иссахаръ, Данъ, Гадъ, Асиръ, Нефѳалимъ, Іосифъ и Веніаминъ. Два послѣдніе были дѣти любимой жены его Рахили. Старшіе сыновья Іакова занимались скотоводствомъ, и своими поступками не всегда заслуживали любовь родительскую. Веніаминъ, самый младшій, былъ еще ребёнокъ; но Іосифъ, прекрасный, кроткій и добродѣтельный юноша, былъ любимецъ отца своего. Іаковъ сшилъ ему нарядное, цвѣтное платье. Старшіе братья завидовали Іосифу, ненавидѣли его за такое предпочтеніе предъ ними, и ненависть ихъ еще болѣе усилилась съ тѣхъ поръ, какъ Іосифъ разсказалъ имъ два необыкновенные сна, видѣнные имъ. Однажды сказалъ онъ братьямъ: „послушайте, какой я видѣлъ странный сонъ; мнѣ снилось, что мы всѣ въ полѣ жнемъ пшеницу и вяжемъ снопы; мой снопъ стоялъ прямо, ваши же снопы окружили мой снопъ и кланялись ему.“— „Не уже ли ты будешь царемъ нашимъ, а мы твоими подданными?“ сказали ему съ досадою братья.

Скоро послѣ того Іосифъ видѣлъ другой сонъ, который также разсказалъ братьямъ. „Мнѣ снилось,“ говорилъ онъ, „что солнце, луна и одиннадцать звѣздъ кланяются мнѣ.“ Іаковъ, услышавъ это, сдѣлалъ ему выговоръ, сказавъ: „что это за сонъ! Не уже ли я, жена моя и братьи твои придемъ поклониться тебѣ.“— Братья озлобились на Іосифа за такія сновидѣнія; но Іаковъ, который самъ имѣлъ сны, посланные Богомъ, не забылъ ихъ и въ тайнѣ размышлялъ о словахъ Іосифовыхъ. „Вѣроятно“, думалъ онъ, „Богъ назначаетъ къ чему-либо великому моего Іосифа.“ И въ самомъ дѣлѣ, Іосифъ, любимецъ отца своего, за добродѣтели свои былъ любимъ Богомъ.

ІОСИФЪ ПРОДАННЫЙ БРАТЬЯМИ.

Сыновья Іакова пасли стада отца своего. Однажды они отогнали стада очень далеко отъ родительскаго дома, и какъ долго не было отъ нихъ никакого извѣстія, то отецъ сказалъ Іосифу: „поди, посмотри, здоровы ли братья твои и скотъ нашъ, и, возвратясь, увѣдомь меня обо всемъ, что тамъ дѣлается.“ Іосифъ, надѣвъ свое нарядное платье, пошелъ къ братьямъ. Братья, увидя его еще издали, говорили другъ другу: „вотъ идетъ нашъ сновидецъ; убьемъ его и скажемъ отцу, что дикіе звѣри растерзали его. Посмотримъ,

на что пригодятся ему сны его." Рувимъ, старшій изъ братьевъ, ужаснулся, услыша о семъ намѣреніи и, всячески стараясь спасти Іосифа, говорилъ: „не убивайте его, умоляю васъ; не проливайте невинной крови; не оскверняйте рукъ вашихъ убійствомъ брата; лучше бросьте его въ этотъ ровъ!" Онъ сказалъ это для того, что хотѣлъ придти ночью, вынуть его изо рва и отвести къ отцу. Когда Іосифъ приблизился къ братьямъ, они сорвали съ него одежду и бросили его въ ровъ. Послѣ того, какъ бы не сдѣлавъ ничего худаго, спокойно сѣли обѣдать. Но Рувимъ не могъ ѣсть съ ними; онъ ушелъ и размышлялъ о средствахъ спасти Іосифа.

Во время Рувимова отсутствія увидѣли они проѣзжающихъ измаильтянскихъ купцовъ съ верблюдами. Эти Измаильтяне были потомки Измаиловы: они везли разные товары въ Египетъ. Іуда сказалъ братьямъ своимъ: „къ чему намъ убивать Іосифа? Онъ братъ нашъ. И какая прибыль намъ будетъ, если мы убьемъ его? Лучше продадимъ его этимъ купцамъ; тогда будутъ у насъ деньги. И такъ Іосифа опять вытащили изъ рва и, не взирая на просьбы его, стонъ и слезы, продали Измаильтянамъ за двадцать серебряныхъ монетъ.

Спустя нѣсколько времени, Рувимъ пришелъ вынуть Іосифа изъ рва. Онъ ужаснулся, не нашедъ его, и, внѣ себя, побѣжалъ къ братьямъ. „Что вы сдѣлали съ этимъ несчастнымъ отрокомъ?" спрашивалъ онъ. „Я не нашелъ его во рву! Теперь, что со мною будетъ!" — Мы продали его, отвѣчали братья. — Потомъ, чтобъ скрыть отъ отца свое преступленіе, они убили козла, омочили въ крови его Іосифово платье и послали къ отцу, велѣвъ сказать: „вотъ окровавленное платье, которое мы нашли среди поля; посмотри, не Іосифу ли оно принадлежитъ?" Іаковъ тотчасъ узналъ одежду любимаго сына своего, и въ отчаяніи восклицалъ: „Это Іосифово платье! его растерзали хищные звѣри!" Долго оплакивалъ онъ любимаго сына своего. Всѣ сыновья и дочери сошлись утѣшать его, но бѣдный отецъ былъ неутѣшенъ. „Ахъ!" говорилъ онъ, „горесть сердечная и меня скоро низведетъ въ могилу; я скоро соединюсь съ сыномъ моимъ Іосифомъ!"

ІОСИФЪ ВЪ ЕГИПТѢ.

Измаильтяне, прибывъ въ Египетъ, продали Іосифа Пентефрію, одному изъ первыхъ вельможъ царя египетскаго. Пентефрій, замѣтя въ Іосифѣ необыкновенный умъ, честность, скромность и благочестіе, сдѣлалъ его первымъ человѣкомъ въ домѣ своемъ и поручилъ ему все свое имѣніе. Хорошимъ людямъ вездѣ бываетъ хорошо; они вездѣ находятъ себѣ друзей и покровителей. Іосифъ былъ счастливъ и въ чужой землѣ, между чужими людьми.

Пентефрій имѣлъ злую жену: она хотѣла уговорить Іосифа обманывать мужа своего вмѣстѣ съ нею; но какъ Іосифъ не соглашался на ея предложенія, то злая сія женщина нашла средство

оклеветать его передъ Пентефріемъ такъ, что онъ велѣлъ посадить невиннаго Іосифа въ темницу, гдѣ содержались государственные преступники.

Но Господь Богъ есть защитникъ невинности и покровитель добродѣтели. Іосифъ и въ самой темницѣ нашелъ друзей. Тюремный начальникъ полюбилъ его и, вмѣсто того, чтобы содержать его строго, какъ невольника, онъ сдѣлалъ его вторымъ человѣкомъ по себѣ, и поручилъ ему смотрѣть за всѣми, содержавшимися въ темницѣ.

Во время Іосифова заключенія, царь египетскій разгнѣвался на двухъ придворныхъ чиновниковъ и приказалъ посадить ихъ въ тюрьму. Одинъ изъ нихъ былъ виночерпій, который подавалъ вина царю, а другой хлѣбодаръ, который смотрѣлъ за столомъ царскимъ. Однажды, вошедъ къ нимъ поутру, Іосифъ нашелъ ихъ задумчивыми. Они сказали ему: „мы видѣли странные сны, значеніе коихъ желали бы знать; но здѣсь въ тюрьмѣ некому истолковать ихъ; нѣтъ ученыхъ снотолкователей." Іосифъ сказалъ: „изъясненіе сновъ зависитъ отъ Бога; скажите мнѣ, что вамъ снилось." Тогда виночерпій началъ первый. „Я видѣлъ во снѣ", говорилъ онъ, „виноградную лозу, на которой было три вѣтви и на вѣтвяхъ созрѣлъ виноградъ. Мнѣ казалось, что я собиралъ ягоды, выжималъ сокъ въ кубокъ царскій и подносилъ его царю." — Іосифъ тотчасъ сказалъ ему: „три вѣтви означаютъ три дня; по прошествіи сего времени царь прикажетъ освободитъ тебя и возвратитъ тебѣ прежнюю должность. Въ дни счастія своего вспомни обо мнѣ и постарайся освободить меня изъ темницы, гдѣ я заключенъ невинно." Послѣ того и хлѣбодаръ сталъ разсказывать сонъ свой. „Мнѣ снилось," говорилъ онъ, „что я несу три корзины на головѣ: въ верхней корзинѣ находились всякаго рода съѣстные припасы для царя, и птицы прилетали клевать ихъ." Тогда Іосифъ сказалъ ему: „три корзины означаютъ три дня; по прошествіи сего времени царь прикажетъ повѣсить тебя на висѣлицѣ, гдѣ птицы будутъ клевать твое тѣло." Все случилось точно такъ, какъ предсказалъ Іосифъ. Неблагодарный виночерпій въ дни счастія забылъ о Іосифѣ; но Богъ, никогда не оставляющій невиннаго, былъ съ Іосифомъ и обратилъ во благо и самыя бѣды его.

ОСВОБОЖДЕНІЕ ІОСИФА.

Спустя два года послѣ того, самъ Фараонъ, то есть царь египетскій, ибо *Фараонъ* есть титулъ царей египетскихъ, видѣлъ также замѣчательный сонъ. Ему снилось, что онъ стоитъ при рѣкѣ, изъ которой вышли семь жирныхъ прекрасныхъ коровъ, и паслись близь берега на травѣ. Вслѣдъ за ними изъ тѣмъ же водъ вышли семь тощихъ, худыхъ коровъ, и эти худыя коровы съѣли семь жирныхъ коровъ. Фараонъ проснулся; но, заснувъ опять, онъ увидѣлъ во снѣ семь свѣжихъ полныхъ колосьевъ, выросшихъ на од-

номъ стеблѣ. Возлѣ нихъ, изъ того же самаго стебля выросли семь сухихъ, пустыхъ колосьевъ, которыми съѣдены были полные колосья. Эти сны встревожили царя. Какъ скоро наступило утро, онъ приказалъ собрать всѣхъ ученыхъ снотолкователей во дворецъ; но никто не могъ изъяснить Фараону сны его.

Только тогда неблагодарный виночерпій вспомнилъ о товарищѣ своего несчастія, о Іосифѣ, и сказалъ Фараону: „я вспомнилъ теперь мой проступокъ; когда ты, государь, прогнѣвался на меня и на хлѣбодара, и обоихъ насъ приказалъ заключить въ темницу, тогда каждый изъ насъ имѣлъ по одному чудесному сновидѣнію. Въ той же темницѣ находился одинъ еврейскій юноша; мы разсказали ему сны свои; онъ обоимъ намъ изъяснилъ ихъ, и все случилось такъ, какъ онъ сказалъ. Я возвращенъ къ прежней должности, а хлѣбодаръ повѣшенъ.“ Фараонъ тотчасъ послалъ за Іосифомъ; на него надѣли нарядное платье и привели къ царю.

Фараонъ сказалъ Іосифу: „я видѣлъ сонъ, но никто не можетъ изъяснить его. Мнѣ сказывали, что ты толкуешь сны.“ Скромный Іосифъ отвѣчалъ: „я ничего не могу сдѣлать самъ собою! Одному Богу возможно дать тебѣ, государь, желаемое объясненіе.“ Тогда Фараонъ разсказалъ сны свои.

„Оба сна имѣютъ одно значеніе,“ сказалъ Іосифъ: „Богъ наставляетъ ими царя. Семь тучныхъ коровъ и семь полныхъ колосьевъ означаютъ семь плодородныхъ лѣтъ. Семь же тощихъ коровъ и семь сухихъ колосьевъ означаютъ семь безплодныхъ лѣтъ. Вотъ какимъ образомъ все это случится: во всей землѣ египетской въ теченіи семи лѣтъ будетъ величайшее изобиліе. Послѣ того настанутъ другія семь лѣтъ, въ которыя не родится ничего, и что заготовлено будетъ въ изобильные годы, то истребится во времена безплодія. Но что Фараонъ имѣлъ сряду два сна одинакаго значенія, это показываетъ, что Божіе опредѣленіе исполнится вѣрно и въ скоромъ времени. Нужно, чтобы царь назначилъ человѣка разумнаго, дѣятельнаго, который въ годы изобилія запасъ бы всякаго хлѣба такое количество, какое достаточно для прокормленія народа его въ годы безплодія.“

Сіе понравилось Фараону и всѣмъ его чиновникамъ. „Гдѣ найду я другаго человѣка, который бы, подобно Іосифу, былъ вдохновенъ самимъ Богомъ?“ сказалъ Фараонъ. „Тебѣ открылъ Господь тайну Свою; слѣдственно ты мудрѣе другихъ. Тебя хочу я поставить главою всей земли египетской, вторымъ человѣкомъ по себѣ; однимъ престоломъ своимъ буду я выше тебя.“ Сказавъ сіе, Фараонъ снялъ перстень съ руки своей и надѣлъ его на перстъ Іосифа. Также приказалъ облечь его въ богатую одежду, возложилъ на шею его золотую цѣпь, и повелѣлъ посадить на придворную колесницу и возить торжественно по столицѣ, чтобъ всѣ знали о новомъ его достоинствѣ.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ІОСИФОВЫХЪ БРАТЬЕВЪ ВЪ ЕГИПЕТЪ.

Во время изобилія, Іосифъ устроилъ въ Египтѣ огромныя житницы, въ которыя собралъ множество хлѣба. Наконецъ настали и голодные годы; въ это время Іосифъ отперъ житницы и одѣлялъ хлѣбомъ всѣхъ неимущихъ Египтянъ. И изъ чужихъ странъ пріѣзжали къ Іосифу закупать хлѣбъ.

Въ землѣ ханаанской также сдѣлался голодъ. Тогда Іаковъ сказалъ сыновьямъ своимъ: „я слышу, что въ Египтѣ продаютъ хлѣбъ; поѣзжайте и купите, сколько нужно, чтобы намъ не умереть съ голоду." Десять старшихъ братьевъ Іосифа поѣхали въ Египетъ; одинъ только Веніаминъ остался съ отцемъ. Іаковъ боялся, чтобы дорогою не случилось съ нимъ какого либо несчастія.

Сыны Іакова прибыли въ Египетъ. Тамъ безъ вѣдома Іосифа никто не смѣлъ продавать хлѣба, и такъ они пошли къ нему. Они не узнали его и почтительно поклонились ему до земли. Іосифъ тотчасъ узналъ ихъ и, припомнивъ сновидѣнія, съ сердечною благодарностію и благоговѣніемъ размышлялъ о неисповѣдимыхъ судьбахъ Божіихъ.

Однакожъ онъ притворился, будто не знаетъ братьевъ своихъ и не понимаетъ языка ихъ. Онъ грозно сказалъ имъ черезъ переводчика: „вы соглядатаи, и пріѣхали вывѣдывать, что дѣлается въ землѣ Египетской" — „Нѣтъ! господинъ," отвѣчали братья, „мы люди честные, никогда не бывали соглядатаями и пріѣхали сюда за тѣмъ, чтобы купить хлѣба. Отецъ нашъ живетъ въ землѣ Ханаанской, и насъ всѣхъ было двѣнадцать братьевъ. Одного изъ насъ не стало, а младшій остался дома съ отцемъ." — „Нѣтъ! вы люди подозрительные," сказалъ Іосифъ; „я хочу испытать, вѣрны ли слова ваши, и не выпущу васъ изъ земли Египетской, пока не пріѣдетъ сюда младшій братъ вашъ. Пошлите одного изъ васъ за братомъ, а прочіе оставайтесь моими плѣнниками, пока я не узнаю, что вы точно говорите правду." Онъ приказалъ отвесть ихъ въ темницу.

Мщеніе чуждо душѣ добродѣтельной. Іосифъ хотѣлъ не мстить братьямъ своимъ, но исправить ихъ. Черезъ три дня онъ приказалъ представить ихъ передъ себя и сказалъ имъ: „я боюсь Бога и не притѣсняю никого. Если въ самомъ дѣлѣ вы честные люди, то пускай одинъ изъ васъ останется здѣсь въ темницѣ, а прочіе ѣдутъ домой съ купленнымъ хлѣбомъ; потомъ возвратитесь опять ко мнѣ съ меньшимъ братомъ своимъ: тогда я повѣрю словамъ вашимъ, и вы избавитесь отъ угрожающей вамъ смерти."

Несчастіе было началомъ исправленія Іосифовыхъ братьевъ. Они говорили другъ другу: „вѣрно мы наказаны за жестокосердіе противу брата нашего Іосифа. Мы видѣли скорбь души его и слезы, и не слушали его моленія." — „Не говорилъ-ли я вамъ," сказалъ

Рувимъ, „чтобы вы не грѣшили противъ брата? Вы не послушали меня; вотъ теперь кровь его взыскивается."

Они думали, что Іосифъ не понимаетъ словъ ихъ, потому что говорили съ нимъ всегда черезъ переводчика; но Іосифъ, услыша разговоръ ихъ, былъ тронутъ до глубины сердца ихъ раскаяніемъ, отворотился и заплакалъ. Между тѣмъ, желая удостовѣриться въ истинѣ ихъ чувствъ, онъ опять обратился къ нимъ и приказалъ передъ глазами ихъ связать Симеона. Исполнивъ сіе, служители Іосифа насыпали мѣшки прочихъ братьевъ его хлѣбомъ, и привезенныя ими деньги на покупку хлѣба, по приказанію его, тайно вложили въ мѣшки. Также снабдили ихъ всякими съѣстными припасами на дорогу. Навьюча на ословъ мѣшки свои, Іосифовы братья поѣхали домой, получивъ строгое приказаніе не являться на лицо Іосифу безъ меньшаго брата.

Возвратясь къ отцу, они съ горестію разсказали ему все, что случилось. И къ большему удивленію и ужасу, высыпая хлѣбъ, нашли въ мѣшкахъ деньги свои.

Престарѣлый Іаковъ жалѣлъ Симеона, но болѣе всего страшился за Веніамина. „Іосифа уже нѣтъ," говорилъ онъ; „Симеонъ заключенъ въ темницѣ; теперь вы хотите отнять у меня моего Веніамина; всѣ бѣды обрушились на меня. Не отпущу Веніамина въ Египетъ; съ нимъ случится какое нибудь несчастіе и тогда вы низведете въ могилу сѣдинами покрытую мою голову."

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ІОСИФОВЫХЪ БРАТЬЕВЪ ВЪ ЕГИПЕТЪ.

Голодъ въ землѣ ханаанской все еще продолжался. Хлѣбъ, купленный въ Египтѣ, былъ съѣденъ. Іаковъ сказалъ дѣтямъ своимъ: „отправьтесь опять въ Египетъ и, если возможно, купите хлѣба." — „Управляющій Египтомъ, отвѣчалъ Іуда, сказалъ намъ: „не показывайтесь на глаза мои, если вы не привезете съ собою меньшаго брата вашего. Отпусти съ нами отрока, иначе намъ нельзя будетъ достать хлѣба, и мы всѣ должны будемъ умереть съ голоду, и ты, и мы, и наши дѣти. Я беру Веніамина на свои руки, требуй его отъ меня; если я обратно не привезу его къ тебѣ и не поставлю передъ лицемъ твоимъ: тогда вина останется на мнѣ одномъ на всю жизнь мою. Если бы мы не такъ долго медлили, то могли бы уже два раза съѣздить въ Египетъ."

Наконецъ Іаковъ съ стѣсненнымъ сердцемъ сказалъ: „когда это необходимо нужно, то вотъ что сдѣлайте; возьмите лучшихъ произведеній земли сей и отвезите въ подарокъ правителю Египта: бальзама, меду, стираксы, ладану, финиковъ и миндалю, и деньги, найденныя въ мѣшкахъ вашихъ, возвратите ему. Возьмите съ собою и Веніамина; Всемогущій Богъ да поможетъ вамъ обрѣсти милость передъ правителемъ Египта, чтобы вы могли обратно привезти съ собою и брата вашего, оставшагося въ заточеніи, и воз-

любленнаго моего Веніамина. А если мнѣ суждено быть бездѣтнымъ, пусть такъ и будетъ."

Сыны Іаковлевы прибыли опять въ Египетъ. Узнавъ, что Веніаминъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ прочими братьями, Іосифъ призвалъ своего домоправителя и приказалъ ему приготовить роскошный обѣдъ и пригласить на оный пріѣзжихъ. Когда домоправитель ввелъ ихъ въ домъ Іосифа, то они съ трепетомъ разсказали ему о деньгахъ, найденныхъ въ мѣшкахъ своихъ, думая, что ихъ возьмутъ въ невольники за оныя деньги. „Не заботьтесь объ этомъ," отвѣчалъ домоправитель; „самъ Богъ возвратилъ вамъ тѣ деньги; я получилъ отъ васъ все исправно." Онъ привелъ также и Симеона, и всѣ вмѣстѣ вошли въ домъ Іосифа. Домоправитель сказалъ, что они останутся здѣсь обѣдать и что ослы ихъ также будутъ накормлены.

Въ ожиданіи прихода Іосифова, они изготовили свои подарки. Когда Іосифъ вошелъ, всѣ братья упали передъ нимъ на колѣни и каждый держалъ въ рукахъ подарокъ свой. Онъ ласково привѣтствовалъ ихъ и спросилъ: „здоровъ ли отецъ вашъ? Живъ ли еще старецъ?—Они отвѣчали: „престарѣлый родитель нашъ, рабъ твой, здравствуетъ." Увидя Веніамина, Іосифъ спросилъ: „это меньшій братъ вашъ, о которомъ вы мнѣ говорили? — Богъ да благословитъ тебя, сынъ мой!" сказалъ онъ отроку и поспѣшилъ удалиться, чтобы скрыть слезы свои. Сердце его пылало любовію къ меньшему брату. Слезы текли ручьями изъ глазъ его; онъ ушелъ въ свою внутреннюю комнату и, запершись тамъ, плакалъ.

Умывъ лице свое, Іосифъ возвратился къ братьямъ и, стараясь удержать слезы, сказалъ: „подайте кушанье!" Братьевъ посадили за столъ по старшинству: старшаго выше, а младшаго ниже всѣхъ. Они, глядя другъ на друга, удивлялись и не могли понять, почему такъ хорошо извѣстны ихъ лѣта. Самъ же Іосифъ хотя и обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, но за особеннымъ столомъ. Веніамину, родному брату своему, сыну матери его Рахили, оказывалъ онъ болѣе почестей; всякаго кушанья и напитковъ давали ему впятеро больше противъ другихъ. Всѣ ѣли, пили, и скоро вино ихъ развеселило.

ІОСИФЪ ОТКРЫВАЕТСЯ БРАТЬЯМЪ.

Іосифъ еще разъ хотѣлъ испытать братьевъ своихъ. Онъ приказалъ домоправителю своему наполнить хлѣбомъ мѣшки ихъ, вложить въ нихъ привезенныя за хлѣбъ деньги, въ мѣшокъ же Веніамина, сверхъ того, вложить серебряный свой кубокъ. Домоправитель исполнилъ Іосифово приказаніе и на другой день сыновья Іакова отправились въ обратный путь.

Едва успѣли они выѣхать за городъ, какъ Іосифъ, призвавъ своего домоправителя, сказалъ ему: спѣши догнать этихъ иностранцевъ, и скажи имъ: вы платите зломъ за добро; вы украли тотъ кубокъ, изъ котораго всегда пьетъ господинъ мой."

Домоправитель сдѣлалъ все, какъ ему было приказано. „Что это значитъ!“ сказали Іосифовы братья. „Какъ можно подумать, чтобы мы способны были къ столь гнусному поступку? Ты помнишь, что мы привезли назадъ изъ земли Ханаанской найденныя въ мѣшкахъ нашихъ деньги? Не уже ли мы украдемъ изъ дома господина твоего серебряный кубокъ? Тотъ, у котораго найдется этотъ кубокъ пусть будетъ казненъ смертію, а всѣ прочіе останутся невольниками твоего господина.“ Они развьючили ословъ, сняли съ нихъ мѣшки и развязали ихъ. Домоправитель самъ осматривалъ мѣшки, начиная со старшаго, и когда очередь дошла до младшаго, то кубокъ нашелся въ мѣшкѣ Веніамина. Какъ описать ихъ ужасъ! Навьюча опять на ословъ мѣшки свои, они возвратились въ городъ. Всѣ пошли къ Іосифу; Іуда же, бросясь передъ нимъ на колѣни, горько плакалъ.

„Что вы сдѣлали?“ сказалъ Іосифъ. „Не уже ли вы думали обмануть меня?“ — „О!“ воскликнулъ Іуда, „что скажемъ мы въ оправданіе наше? Богъ наказываетъ насъ за давно учиненное злодѣяніе. Вотъ тотъ, который укралъ твой кубокъ; мы всѣ остаемся твоими невольниками.“ — Нѣтъ!“ отвѣчалъ Іосифъ, „это было бы несправедливо! Я не хочу, чтобы правые страдали за виновнаго; тотъ, который укралъ мой кубокъ, одинъ останется моимъ невольникомъ; вы же возвратитесь съ миромъ къ отцу вашему.“

Іуда приблизился къ Іосифу и говорилъ съ жаромъ: „Государь, позволь мнѣ сказать тебѣ нѣсколько словъ; не разгнѣвайся за смѣлость, съ какою дерзаю говорить тебѣ, первому человѣку по царѣ. Ты нѣкогда спросилъ у насъ: живъ ли еще нашъ родитель и имѣемъ ли мы еще братьевъ? Тогда мы сказали тебѣ, что отецъ нашъ живъ и что мы имѣемъ еще младшаго брата, котораго родитель нашъ любитъ болѣе всего на свѣтѣ. Ты приказалъ намъ привести его, но мы отвѣчали тебѣ, что отецъ скорѣе разстанется съ жизнію, нежели съ любимымъ сыномъ своимъ.“ Если вы не привезете ко мнѣ младшаго брата своего — сказалъ ты—то никогда не увидите болѣе лица моего.“ Мы все это объяснили нашему родителю, и когда онъ хотѣлъ послать насъ въ другой разъ въ Египетъ, то мы сказали ему, что не смѣемъ ѣхать безъ меньшаго брата нашего. Тогда отецъ сказалъ намъ: вы знаете, что любимая жена моя, Рахиль, имѣла только двухъ сыновей; одинъ изъ нихъ ушелъ изъ дома и вы сказали мнѣ, что онъ растерзанъ дикими звѣрями; съ тѣхъ поръ я не видалъ его. Если вы увезете отъ меня другаго Рахилина сына и съ нимъ случится какое либо несчастіе, то съ печали вы низведете въ могилу сѣдинами покрытую мою голову. И такъ, если мы возвратимся домой безъ отрока, отецъ нашъ, который любитъ его болѣе своей жизни, умретъ съ горя. Я взялъ его на свои руки; я поручился, что буду беречь его; я сказалъ родителю, что отвѣчаю жизнію моею за отрока; и такъ пусть останусь я невольникомъ твоимъ; его же отпусти домой съ братьями. Какъ покажусь я на глаза родителю, если не будетъ со мною отрока? Я не могу видѣть горести его.“

Тогда Іосифъ увидѣлъ, что братья его исправились. Не могши долѣе скрываться, онъ приказалъ всѣмъ, окружавшимъ его Египтянамъ, удалиться, и, оставшись одинъ съ братьями, громко зарыдалъ, и сказалъ: „я Іосифъ! живъ ли еще родитель мой?"—Братья отъ страха стояли неподвижно и не могли выговорить ни одного слова. Вспоминая злодѣйской свой поступокъ противу Іосифа, они не могли радоваться сему свиданію и не чувствовали ничего, кромѣ ужаса и удивленія; кроткій, добродѣтельный Іосифъ казался имъ страшнымъ.

Іосифъ, желая ободрить своихъ братьевъ, сказалъ: „приближьтесь; я братъ вашъ Іосифъ, тотъ самый, котораго вы продали въ Египетъ. Богъ привелъ меня сюда для вашего же блага. Прошло два голодныхъ года; но неурожай продолжится еще пять лѣтъ. Во все это время не будутъ ни сѣять, ни жать. И такъ Господь послалъ меня сюда для того, чтобы доставить вамъ средства къ пропитанію; для того, чтобы чрезъ меня вы могли избавиться отъ голодной смерти. Не по вашей волѣ, но по власти Божіей нахожусь я здѣсь. Богъ поставилъ меня вторымъ по Фараонѣ, начальникомъ дома его, княземъ всей земли египетской. Поспѣшите возвратиться къ отцу нашему и возвѣстите ему слѣдующее: „сынъ твой, Іосифъ, велѣлъ сказать тебѣ: Господь поставилъ меня начальникомъ надъ всѣмъ Египтомъ. Не медля пріѣзжай ко мнѣ. Ты поселишься въ прекраснѣйшей странѣ Египта и будешь жить близь меня съ дѣтьми твоими и внуками, со стадами и со всѣмъ твоимъ имуществомъ. Я буду пещись о тебѣ и о всемъ томъ, что тебѣ принадлежитъ, и буду кормить васъ всѣхъ, ибо голодъ на землѣ продолжится еще пять лѣтъ." — „Теперь вы видите, что я говорю съ вами вашимъ языкомъ, безъ переводчика. Возвѣстите отцу моему о величіи, какое меня окружаетъ; разскажите ему о всемъ, что вы видѣли; поспѣшайте, возвратитесь ко мнѣ скорѣе и привезите съ собою отца моего."

Онъ обнялъ брата своего Веніамина и плакалъ надъ нимъ; также и Веніаминъ плакалъ въ его объятіяхъ. Потомъ онъ дружески обнималъ каждаго изъ братьевъ и проливалъ слезы.

РАДОСТЬ ПРЕСТАРѢЛАГО ІАКОВА.

Фараонъ былъ очень доволенъ, узнавъ о прибытіи Іосифовыхъ братьевъ. Онъ далъ нѣсколько собственныхъ своихъ колесницъ, чтобы привезти отца Іосифова, женъ, братьевъ его и дѣтей ихъ. Іосифъ подарилъ каждому изъ братьевъ по нарядному платью; Веніамину же далъ пять нарядныхъ платьевъ и триста серебряныхъ монетъ. Также отцу своему послалъ десять ословъ, навьюченныхъ разными лучшими египетскими произведеніями, и десять ослицъ съ хлѣбомъ и со всякими припасами для дороги. Отпуская братьевъ своихъ, онъ сказалъ: „не безпокойтесь на дорогѣ; не дѣлайте другъ другу упрековъ въ прошедшемъ: всѣ прежнія неудовольствія должно предать забвенію."

Между тѣмъ престарѣлый отецъ съ горестію и безпокойствомъ ожидалъ возвращенія дѣтей своихъ. Онъ боялся лишиться возлюбленнаго своего Веніамина. Вдругъ явились передъ нимъ всѣ дѣти вмѣстѣ съ Веніаминомъ и, увидя его, воскляцали: „Іосифъ, сынъ твой, живъ! Онъ тотъ могучій правитель Египта, о которомъ мы говорили тебѣ!" Старецъ не хотѣлъ вѣрить имъ. Тогда сыновья разсказали ему всю исторію Іосифа и повторили всѣ слова его. Увидѣвъ присланныя колесницы Фараоновы и великолѣпные подарки, Іаковъ повѣрилъ и, какъ бы пробудясь отъ сна, воскликнулъ: „Іосифъ, сынъ мой, живъ! Я поѣду къ нему! Я хочу видѣть его прежде смерти моей."

Іаковъ немедленно собрался въ путь. Сыновья его посадили женъ и дѣтей своихъ въ колесницы Фараоновы, взяли съ собою всѣ стада свои и все имѣніе свое, и отправились въ Египетъ. Всѣхъ ихъ числомъ было семьдесятъ душъ. На границахъ земли ханаанской Іаковъ принесъ жертву Богу. Онъ колебался оставить землю, дарованную Богомъ ему и потомству его. Такой дальній путь былъ утомителенъ и опасенъ для слабаго старца, и потому онъ просилъ Бога послать ему помощь Свою и наставить его какъ поступать. Господь сказалъ ему въ ночномъ видѣніи: „Я Богъ твой, Богъ отца твоего! Иди безъ страха въ землю Египетскую; Я буду съ тобою. Тамъ потомство твое сдѣлается великимъ народомъ, и Я возвращу его въ землю, обѣщанную тебѣ и предкамъ твоимъ. Пусть Іосифъ сомкнетъ глаза твои." — Сіе видѣніе успокоило благочестиваго старца, и онъ безъ страха продолжалъ путь свой въ Египетъ. Іуда поѣхалъ впередъ возвѣстить о прибытіи Іакова. Іосифъ сѣлъ въ колесницу свою и спѣшилъ встрѣтить отца. Увидя его, онъ сошелъ съ колесницы, бросился въ его объятія и долго плакалъ. Старецъ сказалъ: „теперь я спокойно умру; я увидѣлъ лице твое, ты еще живъ."

Іосифъ доложилъ Фараону о прибытіи Іакова, и царь сказалъ: „весь Египетъ отверстъ отцу твоему и братьямъ; выбери для жилища ихъ лучшее мѣсто изъ всего моего государства." — Іосифъ самъ представилъ Фараону отца своего. Царь радовался свиданью отца съ столь добрымъ сыномъ. Благочестивый старецъ благословилъ Фараона, который спросилъ у него: сколько тебѣ лѣтъ? Іаковъ отвѣчалъ: „время странствія моего есть сто тридцать лѣтъ. Немноги и скорбны были дни жизни моей; они далеко не равняются со днями странствія отца моего." Онъ еще разъ благословилъ Фараона, и вышелъ отъ него съ растроганнымъ сердцемъ. Іосифъ, по приказанію царя, отвелъ для поселенія семейства своего лучшую страну во всемъ Египтѣ, землю Гесемскую. Онъ заботился о родныхъ своихъ и доставлялъ имъ съ избыткомъ все нужное.

Анна Зонтагъ.

(*Священная Исторія для дѣтей*).

4. ПРЕДАНІЕ

О ВВЕДЕНІИ ПРЕЧИСТОЙ И БЛАГОСЛОВЕННОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ ВЪ ЦЕРКОВЬ ГОСПОДНЮ.

Когда исполнилось Пречистой и Преблагословенной Отроковицѣ, Дѣвѣ Маріи, три года, праведныя родители Ея, Іоакимъ и Анна, вспомнили обѣщаніе, сдѣланное ими въ то время, какъ они молились о разрѣшеніи ихъ неплодія, обѣщаніе принести рожденное отъ нихъ чадо въ даръ Богу, и положили исполнить оное на самомъ дѣлѣ. Для этого пригласили въ Назаретъ, гдѣ они жили, всѣхъ своихъ сродниковъ, которые были царскаго и архіерейскаго рода; ибо Іоакимъ происходилъ отъ царскаго племени, а жена его отъ архіерейскаго. Пригласили также дѣвъ чистыхъ, приготовили множество свѣчъ и убрали дѣву Марію съ великолѣпіемъ царскимъ, о чемъ воспѣваютъ древніе св. отцы церкви. Св. Іаковъ, архіепископъ іерусалимскій, отъ лица Іоакима восклицаетъ: „пригласите дщерей еврейскихъ чистыхъ, да возьмутъ свѣщи зажженныя!" Св. Германъ, патріархъ цареградскій, отъ лица Анны говоритъ: „приношу Господу обѣтъ мой, произнесенный въ скорби устами моими; для сего я собрала дѣвицъ со свѣчами, священниковъ и сродниковъ, и говорю имъ: „радуйтесь со мною; я передъ вами являюсь теперь матерью, и Дочь мою привожу и отдаю не земному царю, но Богу, Царю небесному." А Св. Θеофилактъ, архіепископъ болгарскій, такъ пишетъ о царскомъ убранствѣ Богоотроковицы: „надобно было, чтобъ введеніе Божественной Отроковицы было Ея достойно: нищенское рубище не можетъ быть прилично такому свѣтлому и многоцѣнному перлу. Надлежало одѣть Ее въ царскую одежду, чтобъ пріуготовить къ высшей славѣ и красотѣ!"

Устроивъ благолѣпно все, что нужно было для Ея славнаго введенія во храмъ, всѣ отправились въ Іерусалимъ, отстоявшій на три дня пути отъ Назарета. Достигнувъ Іерусалима, пошли къ церкви, чтобы ввести въ нее одушевленную Церковь Божію, — трехлѣтнюю Отроковицу, Пречистую Дѣву Марію. Ликъ дѣвицъ шелъ предъ Нею съ зажженными свѣчами; почему Св. Тарасій, архіепископъ константинопольскій, влагаетъ сіи слова въ уста Св. Анны: „Ступайте, дѣвы, со свѣчами предо мною и предъ Богоотроковицею!" Съ кротостію и смиреніемъ святые родители вели сами Дочь свою, дарованную имъ Богомъ. Множество сосѣдей, сродниковъ и знакомыхъ слѣдовали за ними радуясь, и всѣ, со свѣчами въ рукахъ, окружали Марію, какъ звѣзды свѣтлую луну, на удивленіе всего Іерусалима. Св. Θеофилактъ описываетъ это шествіе такъ: „Дщерь забываетъ домъ отца Своего, и приводится къ Царю, возлюбившему красоту Ея; приводится къ нему съ честію и блистательнымъ сопровожденіемъ. Благолѣпно выходитъ Она изъ отеческаго дома; со славою провожаютъ Ее сродники, сосѣди и всѣ други Ея роди-

330640

телей. Отцы участвуютъ въ веселіи отца Ея, матери раздѣляютъ радость матери; отроковицы и дѣвы, ликуя, предшествуютъ, со свѣчами, Богоотроковицѣ, подобно кругу звѣздъ, сіяющему вмѣстѣ съ луною. Весь Іерусалимъ собрался глядѣть на столь необыкновенно-новое шествіе трехлѣтней Отроковицы, облеченной такою славою и провожаемой съ свѣтоносною почестью.“ И не только жители земнаго Іерусалима, но и граждане небеснаго, святые ангелы, стеклись, чтобъ видѣть славное введеніе Пречистой Дѣвы Маріи, и, увидѣвъ оное, изумились, какъ поетъ св. церковь: „ангели вхожденіе Пречистыя зряще, удивишася: како Дѣва вниде во Святая Святыхъ!“ Невидимый ликъ безплотныхъ умовъ, соединившись съ видимымъ ликомъ чистыхъ дѣвъ, шествовалъ вмѣстѣ съ ними. Такъ, по повелѣнію Господа, окруженная ими, какъ избранный сосудъ Божій, Марія введена во святилище. Св. Георгій, архіепископъ никомидійскій, такъ о семъ упоминаетъ: „когда родители вели Дѣву къ дверямъ церковнымъ, къ нимъ присоединились ангелы и вмѣстѣ съ ними Ее окружили. Хотя ангелы и не вѣдали силы таинства воплощенія, но какъ слуги Господа Бога, по Его повелѣнію, служили Ей при Ея входѣ во храмъ. Они удивлялись Ей, какъ избранному сосуду добродѣтелей, носящему знаменіе чистоты вѣчной, и видѣли, что плоть Ея была такова, что никакая нечистота грѣховная не могла къ Ней приблизиться; и такъ, исполняя волю Господа, совершали повелѣнное Имъ служеніе.“ Вотъ съ какою почестью и славою, не только отъ людей, но и отъ ангеловъ, непорочная Отроковица провождаема была въ церковь Божію. И ветхозавѣтный кивотъ, содержавшій въ себѣ манну, будучи еще только прообразованіемъ Пречистой Дѣвы, внесенъ былъ въ скинію сіонскую съ великою почестью предъ всѣмъ собравшимся Израилемъ. Тѣмъ славнѣе надлежало быть, предъ лицемъ собранныхъ ангеловъ и человѣковъ, введенію Преблагословенной Дѣвы, сего одушевленнаго кивота, которому предназначено было вмѣщать въ себѣ манну — Христа.

Когда ветхозавѣтный кивотъ вносили въ скинію Господню, передъ нимъ шествовалъ царствовавшій надъ Израилемъ Бого-отецъ Давидъ. А сему одушевленному кивоту, Пречистой Дѣвѣ, вводившейся въ церковь Божію, предшествовалъ не земной царь, но Царь небесный, къ Которому ежедневно молимся: „Царю небесный! Утѣшителю, Душе истины!“ Онъ Самъ былъ предводителемъ сей Дщери Царевой, какъ свидѣтельствуетъ о томъ святая церковь въ своемъ гимнѣ: „Во Святая Святыхъ, Святая и Непорочная, Святымъ Духомъ вводится!“ При внесеніи кивота было пѣніе, сопрождаемое музыкою; Давидъ повелѣлъ начальникамъ левитовъ поставить пѣвцовъ, чтобы съ пѣснями мусикійскими, на органахъ, псалтиряхъ, гусляхъ и кимвалахъ раздавались гласы веселія. При введеніи же Пресвятой Дѣвы, не отъ земныхъ мусикійскихъ пѣсенъ раздавались гласы радости; но сами ангелы, служа невидимо введенію Дѣвы, воспѣвали Ее. Они, небесными своими голосами, прославляли Дѣву, входящую во Святая Святыхъ на службу Господу, какъ о томъ вос-

поминаетъ церковь: „Благодать совводящи, яже въ Дусѣ Божественномъ, юже воспѣваютъ ангели Божіи: сія есть селеніе небесное!“ Но здѣсь слышались и человѣческія пѣснопѣнія: праведная Анна (какъ говоритъ Св. Тарасій въ своемъ словѣ) возглашала къ предшествующимъ дѣвамъ: „Пойте хвалу Ей, пойте Ей на гусляхъ, славьте Ее пѣснію духовною, возвеличите Ее на псалтирѣ десятострунномъ....“ На это указываетъ и церковь въ сихъ словахъ: „Радуются Іоакимъ и Анна духомъ, и лики дѣвъ поютъ Господу псаломски воспѣвая, и Матерь Его чествуя!“ Изъ словъ сихъ видно, что ликъ предшествующихъ дѣвъ пѣлъ Пресвятой Дѣвѣ нѣкоторые изъ псалмовъ Давидовыхъ. Согласно съ тѣмъ и сочинитель канона на Введеніе говоритъ дѣвамъ: „Начинайте, дѣвы, держащія свѣчи, и воспойте ваши пѣсни!“ А сами праведные родители, Іоакимъ и Анна (по свидѣтельству Св. Тарасія) пѣли пѣснь праотца ихъ Давида: „Слыши дщерь, и виждь, и приклони ухо твое и забуди люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ Царь доброты твоея!“ (Псал. 44. ст. 11). Ѳеофилактъ повѣствуетъ, что священники, служившіе въ церкви, вышли и встрѣтили съ пѣснями Богоотроковицу, предопредѣленную быть Матерію Архіерея великаго, прошедшаго небеса. Праведная Анна (какъ пишетъ Св. Тарасій) такъ говорила Дочери своей при Ея входѣ въ церковь: „Гряди, Дщерь моя, къ Тому, Кто Тебя даровалъ мнѣ! Гряди, кивотъ освященія, къ многомилостивому Владыкѣ; гряди, дверь жизни, къ милосердому благъ Подателю; гряди, ковчегъ Слова, во храмъ Господень; вниди въ церковъ Господню, радость и веселіе міра!“ Потомъ вмѣстѣ съ Іоакимомъ, обратясь къ Захаріи, какъ пророку, святителю и сроднику своему, Анна сказала. „Прими, Захарія, сѣнь чистую; прими, священникъ, ковчегъ непорочный; прими, пророкъ, кадильницу не съ вещественнымъ углемъ; прими, праведникъ, ѳиміамъ духовный.“ А Св. Германъ повѣствуетъ, что она такъ говорила архіерею: „Прими, пророкъ, Дщерь, Богомъ мнѣ дарованную. Прими, введи и всели Ее на гору святую, въ готовомъ жилищѣ Божіемъ, не испытывая о Ней, но ожидая, что Богу, Ее призвавшему, благоугодно будетъ совершить съ Нею“.

Св. Іеронимъ пишетъ, что при входѣ во храмъ было пятнадцать ступеней, по числу степенныхъ псалмовъ, и что священники и левиты, восходя на служеніе, пѣли на каждой ступени по одному изъ оныхъ псалмовъ. Праведные Іоакимъ и Анна, приведши Дочь свою, поставили Ее на первой ступени; Она же, укрѣпляемая невидимою силою Божіей, безъ чьей-либо помощи, Сама Собою взошла вдругъ до самой высшей ступени и тамъ остановилась. Такъ еще и въ юномъ Ея возрастѣ, Богъ проявилъ въ ней великую силу Свою, симъ показывая, какъ велика будетъ въ Ней благодать, когда Она достигнетъ до совершенныхъ лѣтъ. Всѣ изумились, увидѣвъ трехлѣтнюю Отроковицу, взошедшую такъ быстро, безъ помощи другихъ, на ступени, какъ будто бы Она была уже взрослая. Особливо святитель Захарія крайне сему удивился, и какъ пророкъ испол-

ненный Святымъ Духомъ, возопилъ, какъ о томъ говоритъ Св. Тарасій: „О Отроковица чистая! О Дѣва непорочная! Дѣва прекрасная! Женамъ всѣмъ украшеніе! Образъ и примѣръ доброты для дщерей! Ты благословенная въ женахъ, прославленная чистотою, запечатлѣнная дѣвствомъ, Ты—разрѣшеніе клятвы Адамовой!“ Онъ же, по свидѣтельству Св. Германа, сказалъ Аннѣ: „Благословенъ плодъ твой, жена досточтимая паче прочихъ! Прославлена утроба твоя и преславна Дщерь, приведенная тобою, Богу любезная!“ Тотъ же Св. Германъ пишетъ, что Захарія, ведя за руку Отроковицу во святилище, съ душею радостною говорилъ Ей: „Гряди, исполненіе обѣтованій Господа, печать завѣта Его! Гряди, проявленіе совѣта Его, совершеніе таинствъ Его, зеркало всѣхъ пророковъ! Гряди, обновленіе обветшавшихъ! свѣтъ лежащихъ во тьмѣ! Гряди, новѣйшій и божественнѣйшій даръ! Вниди радостно въ церковь Господа Твоего: теперь въ земную, человѣкамъ доступную, а потомъ и въ горнюю, для земныхъ неприступную!„—Отроковица, веселясь и играя, какъ по свѣтлому чертогу, ходила по Дому Господню. Будучи только еще трехъ лѣтъ, Она уже достигла до совершенства, благодатію Божіею, какъ предвидѣнная и предъизбранная Самимъ Богомъ прежде сложенія міра!

Такъ Пречистая и Преблагословенная Дѣва Марія введена была въ церковь Господню. Архіерей Захарія сдѣлалъ вещь странную и для всѣхъ удивительную: онъ ввелъ Отроковицу въ самую внутреннюю скинію, называемую Святая Святыхъ, находящуюся за второю завѣсой, гдѣ стоялъ кивотъ завѣта, весь окованный златомъ, и гдѣ херувимы славы осѣняли алтарь. Туда не только женскому полу, но даже священникамъ не позволялось входить: это было дозволено одному архіерею, и то однажды въ годъ. Тамъ-то Пресвятой Дѣвѣ архіерей Захарія назначилъ мѣсто для молитвы. Прочимъ же дѣвамъ, приводимымъ въ юномъ возрастѣ на службу Господню, отводилось мѣсто, по свидѣтельству Кирилла Александрійскаго и Григорія Нисскаго, между церковью и алтаремъ, гдѣ впослѣдствіи убитъ былъ Захарія. По строжайшему запрещенію отъ архіереевъ, ни одна изъ дѣвъ не смѣла подойти къ святилищу. Напротивъ, Пречистой Дѣвѣ, со времени Ея введенія во храмъ, позволено было во всякій часъ входить во внутренній алтарь за завѣсу и тамъ молиться. Архіерей сдѣлалъ сіе по таинственному наученію Божію. Объ этомъ такъ говоритъ св. Ѳеофилактъ: „Архіерей въ то время, объятый Богомъ, былъ внѣ себя и уразумѣлъ, что Отроковица есть вмѣстилище божественной благодати и болѣе его самого достойна предстоять повсечасно лицу Божію. Вспомнивъ же сказанное въ законѣ о кивотѣ, которому повелѣно быть во Святая Святыхъ, уразумѣлъ онъ, что это прообразовало Отроковицу. И такъ, не усумнясь ни мало, онъ осмѣлился, вопреки постановленію закона, ввести Ее во Святая Святыхъ. Такимъ образомъ Отроковица заняла мѣсто, невидимое отъ всѣхъ мужей, даже недоступное самимъ священникамъ, но посѣщаемое только одинъ разъ въ году архіереемъ. Над-

лежало, чтобы освященная прежде зачатія чистотою вышеественною и оправданная еще во чревѣ матери, не была подчинена общему, тяжкому закону, наложенному на людей грѣшныхъ; ибо Она возведена была выше ангеловъ, и въ Ней дѣйствовалъ уже не законъ, а благодать совершенная."

Св. Іеронимъ повѣствуетъ, что праведные родители, приведя благословенную Дочь свою, принесли дары, жертвы и всесожженія Богу; а потомъ, принявъ благословеніе отъ святителя и всего собора священниковъ, возвратились домой съ своими сродниками и, веселясь и славя Бога, сдѣлали всѣмъ великолѣпное угощеніе.

Авдотья Глинка.

(*Жизнь Пресвятыя Богородицы*).

5. О СВЯТОЙ МУЧЕНИЦѢ АЛЕКСАНДРѢ ЦАРИЦѢ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ВОСПИТАННИЦАМЪ ХАРЬКОВСКАГО ИНСТИТУТА БЛАГОРОДНЫХЪ ДѢВИЦЪ. 21 АПРѢЛЯ 1843 ГОДА).

Съ душевнымъ наслажденіемъ бываю я въ благолѣпномъ храмѣ института вашего, милыя дѣвицы, воспитывающіяся подъ священнымъ кровомъ Августѣйшей Царицы, Матери всѣхъ призираемыхъ Ею! Съ сердечнымъ умиленіемъ гляжу на васъ благоговѣйно стоящихъ и съ усердною молитвою слѣдующихъ за прошеніями, возсылаемыми къ Подателю всѣхъ благъ! Сердце согрѣвается при такомъ видѣ. При такомъ зрѣлищѣ, вѣра убѣждаетъ насъ, что усердная, чистая дѣтская молитва ваша возносится прямо къ Богу и отъ благодати Его испрашиваетъ всѣ милости, о коихъ церковь, чрезъ избраннаго и верховнаго изъ нашихъ служителей Господнихъ, достойнаго архипастыря нашего, молитъ вѣчное Милосердіе. При такомъ зрѣлищѣ утверждаешься въ вѣрѣ, что Русскіе есть избранный народъ Божій, особо Имъ милуемый, особо Имъ хранимый за все то благочестіе, которое воспитаніемъ насаждается въ сердцахъ, во множествѣ удостоенныхъ Высочайшаго родительскаго попеченія. Въ служеніи церковномъ, при возглашеніи драгоцѣннаго имени Той, которая посвятила Себя для доставленія вамъ временнаго счастія и вѣчнаго блаженства, взоры ваши—замѣтилъ я при сегодняшнемъ служеніи въ церкви вашей—устремляются на предстоящій у васъ съ лѣвой стороны иконостаса образъ святой мученицы Александры Царицы. Преклоняя колѣна, испрашиваете вы ходатайства Ея, чтобы ваши молитвы, ваши желанія о продолженіи драгоцѣнныхъ для Россіи дней Августѣйшей Покровительницы вашей и сохраненія необходимаго для всѣхъ насъ здравія Ея услышаны были небеснымъ

Отцемъ, въ Его же руцѣ бездна милосердія и щедротъ. Многія изъ васъ—видѣлъ я—останавливали долго вниманіе свое на Святой, и какъ будто думали: „Царица и мученица! Какъ согласить это?“ Извѣстно, что мучениками и мученицами святая церковь наша величаетъ тѣхъ, которые, при свѣтѣ благодати Божіей познавъ суеты идолослуженія и презрѣвъ всѣ прелести мірскія, добровольно претерпѣвали лютѣйшія страданія и пріяли мучительную смерть за истину Бога живаго. Какъ же Царицѣ быть мученицей? Кто допустилъ ее до того? Кто былъ виною такого ея самоотверженія?

Окончивъ здѣсь ученье и получивъ свободу располагать временемъ, вы скоро найдете случай удовлетворить любопытство ваше. Наставленныя въ благочестіи, утвержденныя въ святой истинѣ, что „Слово Божіе“ есть единый руководитель ко всему благому и полезному въ жизни, вы, имѣя тогда досугъ и способы, съ удвоеннымъ стараніемъ будете заниматься чтеніемъ всего, питающаго душу, и въ книгахъ, для того предназначенныхъ, скоро узнаете въ подробности все. Узнаете, отъ чего Царица сдѣлалась мученицею, что было поводомъ, что она, презря блескъ, пышность, самый вѣнецъ и всю славу царскую, всему этому предпочла скорби, страданія и мучительную смерть. Вы это узнаете—но со временемъ; а мнѣ пришло желаніе, чтобы это вамъ извѣстно было теперь, и чтобы вы, знавши подвиги Святой, при молитвахъ къ Ней возсылаемыхъ, исполнялись большаго упованія, что ходатайство Ея предъ вѣчнымъ и безмѣрнымъ Милосердіемъ будетъ принято, и чрезъ Нея вы получите все по благому желанію вашему.

Прошу внимательно выслушать.

Нѣкоторымъ изъ васъ извѣстно, а другимъ въ свое время изъяснятъ наставники, отъ чего и какъ въ первыхъ вѣкахъ христіанства преслѣдуемы и гонимы были всѣ вѣрующіе въ истиннаго Бога и исповѣдавшіе, что предвѣчнымъ Сыномъ Его искуплены они отъ грѣха и вѣчной смерти. Гонители вѣрующихъ въ сію непреложную истину, при одномъ достопоклоняемомъ имени Божественнаго Искупителя нашего Іисуса Христа, приходили въ лютую злобу, въ изступленномъ бѣшенствѣ нещадно мучили, терзали и наконецъ предавали мучительной смерти всякаго, исповѣдывавшаго Іисуса Христа, Сына Божія. Властители народовъ, цари, ослѣпленные тьмою идолослуженія, хотѣли истребить, искоренить святую вѣру, и въ слѣпотѣ своей думали, что, умертвивши всѣхъ, извѣстныхъ имъ христіанъ, можно изгладить изъ памяти людской самое имя Спасителя міра и удержать всѣхъ въ поклоненіи и признаваніи боговъ, изобрѣтенныхъ суевѣріемъ и придуманныхъ страстями человѣческими. До того ненавидимо было ими христіанство, что не смотрѣли на званіе, полъ, возрастъ, и при одномъ словѣ, кто бы ни сказалъ о себѣ, или на кого бы ни указано было, что онъ христіанинъ, тотъ подвергался жесточайшимъ мученіямъ и предавался смерти. Но никакіе человѣческіе замыслы, никакія усилія ослѣпленной злобы не могли одолѣть церкви Божіей и противиться

благодатному, спасительному промыслу Его. Предавался мученію одинъ, — а, для внушенія страха въ народѣ, мученія надъ каждымъ христіаниномъ производились всенародно — и вотъ кровь льется, члены сокрушаются; терзаемый укрѣпляется силою Божіею, непобѣдимъ, не стонетъ, не изнемогаетъ, бодръ, какъ страдающій за правду, мужественъ, какъ видящій близко величайшую, неизъяснимую награду, все переноситъ какъ бы въ чужомъ тѣлѣ; предстоящіе, поражаясь необыкновенными подвигами, сознаются въ душѣ своей, что вѣра, страдальцемъ исповѣдуемая, должна быть истинная, чистая, святая; убѣждаются въ томъ — и изъ многолюдной толпы выступаютъ сотнями новые подвигоположники вѣры, которые безтрепетно возглашаютъ: „Великъ Богъ христіанскій; мы вѣруемъ въ Него!“ И тутъ же, подвергаясь всякаго рода мученіямъ, идутъ на смерть безъ боязни, увѣренные, что страдаютъ и полагаютъ души за правду, за истину святую, за имя Бога живаго, спасшаго насъ Собою отъ грѣха, и дарующаго истинно-любящимъ Его жизнь вѣчную.

Такъ при жесточайшемъ изъ всѣхъ гонителей на христіанъ, римскомъ императорѣ Діоклитіанѣ, въ войскѣ его находился „тысяченачальникъ,“ соотвѣтствующій саномъ и властію своею теперешнему полковнику, по имени Георгій. Онъ былъ происхожденія благороднаго, видный, красивый, крѣпкій мужествомъ и наученный по тогдашнему всѣмъ наукамъ; и какъ родителями своими былъ воспитанъ въ законѣ христіанскомъ, то и среди товарищей своихъ, въ невѣріи бывшихъ, среди исполненія обязанностей по должности и свѣтскихъ приличій, не только не скрывался, что онъ христіанинъ, но и не упускалъ ничего, чего требовала отъ него исповѣдуемая имъ святая вѣра. Какъ ни строги были отъ царя запрещенія, чтобы никто не дерзалъ и помыслить о христіанствѣ, какими ни угрожали мученіями каждаго христіанина; но многіе, а въ числѣ ихъ и Георгій, не внимая ничему, не страшась никакой силы человѣческой, не ужасаясь объявленныхъ мученій, шли неуклонно по истинному пути и не таились въ поклоненіи истинному Богу. Узнавали о таковыхъ, предавали на мученія.... Св. Георгій, явясь въ совѣтъ царевъ, торжественно исповѣдалъ себя *рабомъ Христа Бога.*

Неистовый въ злобѣ мучитель, видя твердость Св. Георгія, готоваго переносить всѣ страданія и никакъ не отречься отъ Спасителя міра, приступилъ къ мученіямъ. Святый все терпѣлъ, все переносилъ, не ослабѣвая въ духѣ, и среди наносимыхъ ему терзаній непрестанно проповѣдывалъ Христа, неумолкаемо повторялъ, что за имя Его святое онъ готовъ принять еще лютѣйшія муки. И Господь не оставлялъ вѣрнаго раба Своего: когда онъ былъ истерзанъ и изрѣзанъ желѣзомъ, Господь послалъ ангела своего и исцѣлилъ страстотерпца отъ ранъ, возвратилъ ему силы и крѣпость; тогда мучитель, видя Святаго, какъ будто не принявшаго ни одной раны, воспламенился большимъ бѣшенствомъ и подвергъ Св.

Георгія новымъ, жесточайшимъ прежнихъ мученіямъ. Едва живаго, мученика отнесли въ темницу, полагая, что онъ въ туже ночь умретъ; но Господь исцѣлилъ язвы его, возвратилъ здоровье, сокрушенные члены его совсѣмъ исправилъ, и утромъ, при выводѣ его на судилище, собравшееся тамъ множество народа съ удивленіемъ увидѣло его совершенно здоровымъ, крѣпкимъ и еще бодрѣйшимъ, нежели былъ до мученія.

Поражаемые такими чудесами, совершаемыми въ глазахъ всѣхъ божественною силою, многіе изъ народа кричали и славили Бога христіанскаго; ихъ тутъ же схватывали, казнили.... и новыя толпы, завидуя жребію страдавшихъ вмалѣ и получившихъ немедленно небесную, неизъяснимую награду, объявляли, что и они исповѣдуютъ Христа и готовы принять за Него страдальческую смерть. Мучитель неистовствовалъ; въ свирѣпости своей нещадно проливалъ кровь рабовъ Христовыхъ и изобрѣталъ новыя терзанія побѣдоносному Георгію.

На мученія святаго великомученика Георгія, кромѣ множества стекавшагося народа, пожелала взглянуть супруга Діоклитіана, Царица Александра, до коей дошла молва о необыкновенномъ мужествѣ и твердости Георгія въ сраженіяхъ и чудесныхъ его исцѣленіяхъ послѣ жесточайшихъ мученій. Кротость нрава, скромность, добродѣтельная жизнь и всѣ благія качества царицы конечно призвали на нее особенную благодать Божію, и Господь ее, уклоняющуюся отъ путей нечестивыхъ язычниковъ, возжелалъ спасти отъ вѣчной погибели и причислить къ лику избранныхъ Своихъ. Наблюдая за подвигами Св. Георгія и видя его непоколебимую вѣру, безстрашіе и терпѣніе въ жестокихъ мукахъ, униженіе, наносимое имъ при всѣхъ ложнымъ божествамъ, доселѣ чтимымъ за истинныя, она, уже осѣненная благодатію небесною и просвѣщенная свыше въ разумѣ, познавъ истиннаго Бога, не страшась, чтобы ни послѣдовало съ нею и готовая даже на всѣ мученія, рѣшилась было тутъ же явно исповѣдать святое имя Христа Спасителя, но однимъ изъ вельможъ, окружавшихъ царя, узнавшемъ о намѣреніи ея, была не допущена до того, и подъ разными предлогами препровождена въ домъ. Но тѣмъ онъ не отклонилъ ее отъ пламеннаго желанія страдать за познаннаго ею Христа, къ чему и искала она удобнаго случая.

При ежедневныхъ страданіяхъ Св. Георгія и чудесахъ въ немъ и чрезъ него происходившихъ, о чемъ подробно изложено въ житіи его, 23-го апрѣля, Царица Александра, новая въ душѣ христіанка и уже по рѣшимости своей мученица, скоро достигла до исполненія желанія своего. Среди торжества страстотерпца надъ невѣрующими, снова увидѣвшими осмѣяніе идоловъ и униженіе служащихъ имъ жрецовъ, въ народѣ произошло волненіе. Съ крикомъ и воплемъ бросилась толпа на Св. Георгія. Узнавъ о смятеніи, Царица Александра рѣшилась вступить въ святый подвигъ — и съ твердостію, оставя царскіе чертоги, презря всю славу, пыш-

ность и блескъ царскій, поспѣшила на площадь, гдѣ истязаемъ былъ Святый, и, за народомъ, не могши къ нему достигнуть, начала издали громко взывать: „Боже Георгіевъ! Ты одинъ всесиленъ! Помоги мнѣ!“ Между тѣмъ Діоклитіанъ повелѣлъ взять мученика изъ толпы народной и представить къ себѣ. Тутъ началъ онъ снова укорять его въ непочтеніи идоловъ и грозить новыми муками, и когда Св. Георгій доказывалъ ложность чтимыхъ язычниками боговъ и что всѣ мученія ничтожны для него, явилась и Царица Александра. Съ непоколебимою твердостію, неустрашимо исповѣдала она предъ всѣми вѣру свою въ истиннаго Бога и, припавши къ ногамъ мученика, укоряла мучителя въ жестокости, посмѣявалась надъ идолами и обвиняла всѣхъ, кланяющихся имъ.

Внѣ себя отъ изумленія, Діоклитіанъ сказалъ ей: „Что сдѣлалось съ тобою, Александра, что ты, повѣривъ этому волхву и чародѣю, такъ явно и дерзко отрицаешься отъ боговъ нашихъ?“ Но Царица, уже полная любви къ истинному Богу и пламенѣя вѣрою въ Іисуса Христа, отворотилась отъ мужа и не отвѣчала ему ничего. Въ лютомъ бѣшенствѣ, не помня себя отъ злобы, Діоклитіанъ, оставя дальнѣйшія убѣжденія, тутъ же повелѣлъ предать смерти Св. Георгія и Царицу Александру.

Приставленные къ тому воины повлекли великомученика Св. Георгія изъ города и повели также и Царицу, усердно готовую умереть. Безъ боязни идя на казнь, она тихо молилась познанному ею Богу и, возводя глаза на небо, съ нетерпѣніемъ ждала минуты явиться лицу Его. И Господь, видящій мысли и знающій всѣ желанія наши, благоволилъ, не подвергая ее тѣлеснымъ страданіямъ, призвать къ Себѣ ту, которая возлюбила Его всею крѣпостію души своей; и когда она, изнемогшая въ силахъ, на пути казни, испросила у воиновъ позволенія отдохнуть, сѣла близь одного строенія, то приклонивъ голову къ стѣнѣ, тутъ же предала духъ свой Богу.

И Царица Александра, какъ мученица по произволенію и по твердой рѣшимости своей принять всѣ истязанія за познаннаго ею Бога, явилась у престола Вѣчнаго Милосердія и получила сугубую награду, какъ за послѣдній, столь трудный для пола ея подвигъ, такъ и за всѣ тѣ добрыя дѣла, коими она, среди царской роскоши и удовольствій житейскихъ, не преставала украшать душу свою, и достигла до того, что Самъ Господь возлюбилъ ее и содѣлалъ достойною любви своей. И вотъ Святая, среди неизъяснимаго блаженства, призираетъ на подражательницу Свою въ добродѣтели, въ любви къ ближнимъ, въ состраданіи къ юности и безпомощности, призираетъ на Ту, которая украшаетъ такими качествами царскій вѣнецъ, данный Ей Богомъ по предъизбранію; призираетъ и на тѣхъ, которые такъ нѣжно любятъ Государыню, равную ей по имени, сану земному и по душевнымъ качествамъ, милостиво внемлетъ молитвамъ ихъ, вмѣстѣ съ прошеніями своими, о томъ же къ милосердному Богу, внемлющему и исполняющему прошенія ходящихъ по заповѣдямъ Его.

Молитесь, милыя дѣвицы! Молитесь здѣсь, молитесь и по выходѣ изъ вашего священнаго убѣжища, молитесь во всякое время и во всѣхъ обстоятельствахъ объ одномъ и томъ же, о чемъ вы такъ пламенно, такъ усердно сегодня молились въ храмѣ. Молитесь для общаго счастія и благоденствія нашего.

Основьяненко.

(*Журналъ для дѣтей: Звѣздочка, 1843.*)

II.

Статьи для умственнаго развитія и пріобрѣтенія познаній.

6. О ВСЕЛЕННОЙ.

Большое пространство, нами обитаемое, называемъ мы *Землею*. Но Земля наша есть только малая часть всей *Вселенной*, т. е. всего видимаго міра, созданнаго всемогущимъ Богомъ. Вселенная заключаетъ въ себѣ безчисленное множество тѣлъ, подобныхъ Землѣ нашей, и нѣкоторыя изъ нихъ, намъ извѣстныя, несравненно болѣе всего Земнаго Шара. Какое множество таковыхъ тѣлъ представляется взорамъ нашимъ, на сводѣ небесномъ, во время свѣтлой ночи! По причинѣ чрезвычайнаго удаленія ихъ, они кажутся намъ маленькими свѣтящими точками; но могли ли бы мы усмотрѣть ихъ въ такомъ ужасномъ отъ насъ разстояніи, если бъ они не были очень велики? Мы называемъ ихъ *звѣздами*. *Солнце, Луна* и *Звѣзды* суть *небесныя* тѣла; *Земля* наша также небесное тѣло, ибо она составляетъ часть Вселенной. Величайшею изъ звѣздъ намъ представляется *Солнце*. Лучи его, пробѣгая неизмѣримыя пространства небесныя, стремятся освѣщать Землю нашу, и вездѣ распространяютъ жизнь и плодородіе. Послѣ Солнца, *Луна* представляется намъ самымъ большимъ тѣломъ на небесномъ сводѣ; но это происходитъ отъ того только, что она ближе всѣхъ прочихъ къ намъ. Она также свѣтитъ, но не такъ ярко, какъ Солнце, и свѣтъ ея не согрѣваетъ насъ. Большой голубой сводъ, который мы называемъ небомъ, не есть собственно сводъ: это обширное пространство, въ которомъ движутся Земля, Солнце, Луна и безчисленное множество звѣздъ. Всѣ небесныя тѣла, обращающіяся, подобно Землѣ нашей, вокругъ Солнца и получающія свѣтъ свой отъ Солнца, вообще называются *планетами*. Земля наша также есть *планета*; ибо она также освѣщается и согрѣвается Солнцемъ и обращается во-

кругъ него. Намъ извѣстно 14 планетъ. Всѣ сіи небесныя тѣла вмѣстѣ съ Землею нашею составляютъ Вселенную. Земля наша имѣетъ 5,400 географическихъ миль въ окружности, величина для насъ огромная; но сколь мала она въ сравненіи съ тѣмъ, что мы называемъ Вселенною, когда одно Солнце уже въ 1,400,000 разъ больше объема Земли! Какая огромная величина! Изъ Солнца, какъ вы видите, можно бы сдѣлать 1,400,000 такихъ шаровъ, какъ нашъ Земной Шаръ; а отъ одного края Солнца до другаго можно бы помѣстить въ одинъ рядъ 112 Земныхъ Шаровъ. Что послѣ этого въ сравненіи съ Солнцемъ Земля наша, со всѣми ея пространными морями и высокими горами, со всѣми великими государствами, о которыхъ повѣствуетъ *Географія*, т. е. описаніе Земли?—

Солнце лучами своими освѣщаетъ и согрѣваетъ не только Землю нашу, но еще многія другія небесныя тѣла, которыя, подобно Землѣ, вокругъ его движутся. Ближайшая къ Солнцу планета называется *Меркуріемъ*, послѣ нея ближайшая къ Солнцу есть *Венера*, потомъ слѣдуетъ *Земля*. *Астрономы* (т. е. люди, занимающіеся наблюденіями надъ небесными тѣлами) узнали и исчислили даже, въ какомъ разстояніи каждое изъ небесныхъ тѣлъ находится отъ Солнца, какъ великъ кругъ, описываемый ими вокругъ Солнца, и сколько они на то употребляютъ времени. То небесное тѣло, которое ближе всѣхъ находится къ Солнцу совершаетъ оборотъ свой вокругъ Солнца въ 88 дней. Земля же наша употребляетъ 365 дней 5 часовъ 48 минутъ и 51 секунду на совершеніе оборота своего вокругъ Солнца. Обращеніе Земли вокругъ Солнца называется *годовымъ* ея движеніемъ. Но земля въ то же самое время обращается вокругъ самой себя, или, какъ говорятъ, *вокругъ оси своей*. Это называется *суточнымъ* ея движеніемъ, потому что она употребляетъ на то 24 часа, или одни сутки. Земля наша въ теченіи своемъ вокругъ Солнца имѣетъ спутника, который есть нашъ Мѣсяцъ или *Луна*. Луна ближе всѣхъ прочихъ тѣлъ къ землѣ, но, не смотря на то, она находится въ разстояніи 51,600 миль отъ насъ, — пространство, столь великое, что въ немъ могли бы помѣститься тридцать Земныхъ Шаровъ рядомъ. Уранъ совершаетъ обращеніе свое вокругъ солнца въ продолженіе 85 лѣтъ. — Можете ли вы себѣ представить, съ какою быстротою летитъ пушечное ядро? Однако жъ, не смотря на скорость полета, только чрезъ 25 лѣтъ пущенное отъ Земли ядро могло бы долетѣть до Солнца. Какое ужасное разстояніе!—Помните ли вы еще, какъ называются небесныя тѣла, обращающіяся, подобно Землѣ нашей, вокругъ Солнца и получающія свѣтъ свой отъ Солнца же?—Нѣтъ сомнѣнія, что планеты имѣютъ сходство съ нашею Землею; что на нихъ бываютъ, какъ и на нашей Землѣ, четыре времени года; что и на нихъ попеременно бываетъ день и ночь; что онѣ, какъ и Земной Шаръ нашъ, состоятъ изъ суши и воды, и потому нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, что и онѣ имѣютъ своихъ обитателей. Прочія тѣла, въ безчисленномъ множествѣ на небѣ примѣчаемыя, кажется, большею частію суть солнца,

т. е. тѣла, имѣющія собственный свой свѣтъ и, подобно нашему солнцу, освѣщающія и согрѣвающія лучами своими другія темныя тѣла. Всѣ эти свѣтящіяся небесныя тѣла называются *неподвижными звѣздами*. Ихъ называли такъ потому, что прежде полагали, что онѣ не имѣютъ никакого движенія. И дѣйствительно, движеніе ихъ столь медленно, что едва примѣчается; но чрезъ новѣйшія наблюденія астрономовъ узнали, что нѣкоторыя изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ имѣютъ движеніе, почему нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ и на счетъ прочихъ. Солнце наше также есть неподвижная звѣзда, и, вѣроятно, одна изъ малѣйшихъ: ибо какъ моглибы мы усмотрѣть прочія неподвижныя звѣзды, при ужасномъ разстояніи ихъ отъ насъ, еслибъ онѣ не превышали Солнце величиною? Можете ли вы, любезныя дѣти, представить себѣ все это, и не удивляться великолѣпію и огромности Вселенной, и не благоговѣть предъ величіемъ и всемогуществомъ Творца?

7. О ЗЕМЛѢ И ЕЯ ОБИТАТЕЛЯХЪ.

Мы видѣли уже, что *Земля* наша очень велика, но что она, не смотря на то, составляетъ весьма малую часть *міра*. Видъ имѣетъ она круглый, шарообразный. Это доказывается слѣдующимъ образомъ. По тѣни какого-либо тѣла можно довольно вѣрно заключить о видѣ его; если же тѣнь, отбрасываемая тѣломъ, представляется намъ всегда круглою, то нѣтъ сомнѣнія, что и самое тѣло также должно быть круглое. Это именно замѣчено съ Землею. Вы, можетъ быть, слышали уже о лунныхъ затмѣніяхъ? При этихъ затмѣніяхъ на лунѣ видна круглая тѣнь, и доказано, что сія тѣнь отбрасывается Землею на луну тогда, когда Земля, при поворотѣ своемъ вокругъ Солнца, находится въ прямомъ направленіи между Солнцемъ и Луною. Изъ сего можно съ основательностію заключать, что Земля имѣетъ *круглый и шарообразный видъ*. Эта и еще другія причины, которыя впрочемъ труднѣе понять, доказываютъ, что Земля есть большой шаръ, имѣющій поверхность не ровную, но покрытую возвышеніями и углубленіями; ибо вамъ извѣстно, что на Землѣ есть горы и долины. Хотя нѣкоторыя горы весьма высоки, но, въ сравненіи съ величиною Земли, онѣ то же самое, что на апельсинѣ маленькія выпуклости или неровности.

Все, что намъ доселѣ извѣстно о Земномъ Шарѣ, любезныя дѣти, нельзя было узнать вдругъ; много стоило труда, пока люди могли составить себѣ опредѣленное понятіе о видѣ Земли и обо всемъ, что нынѣ о ней извѣстно. Сначала познанія людей о Земномъ Шарѣ ограничивались ближайшими окрестностями ихъ собственнаго мѣстопребыванія. Они полагали, что *горизонтъ*, т. е. кругъ, которымъ небо, какъ намъ кажется, граничитъ съ Землею, обозначалъ

конечные предѣлы Земли. Такъ, напримѣръ, Греки именно представляли себѣ Землю въ видѣ плоскаго круга, обтекаемаго, по ихъ мнѣнію, рѣкою *Океаномъ*. Въ послѣдствіи люди представляли себѣ Землю въ видѣ барабана, позже — въ видѣ яйца, и т. д. Только мало-по-малу дошли до того, чтобы съ основательностію составить себѣ то понятіе о Землѣ, которое мы имѣемъ теперь о ней.

Нынѣ имѣются уже художественные шары, или *глобусы*, представляющіе Землю въ маломъ видѣ; есть даже такіе, на коихъ показаны возвышенности и углубленія Земли. Есть картины, или изображенія, представляющія или всю поверхность Земнаго Шара, или какую-либо часть ея въ маломъ видѣ; онѣ называются *ландкартами*. Ландкарты, на которыхъ представляется вся поверхность Земнаго Шара, называются *полушаріями*. На сихъ полушаріяхъ видны два большіе круга; но вы, послѣ сказаннаго выше, вѣрно не воображаете себѣ, что Земля состоитъ изъ двухъ круговъ: круги сіи начерчены только потому, что иначе нельзя представить всей поверхности Земли на одной плоскости. Представьте себѣ, что вы хотѣли бы изобразить яблоко на какой-либо плоскости такъ, чтобы вся его поверхность была видна: вы легко убѣдитесь, что это можно сдѣлать не иначе, какъ разрѣзавъ яблоко на двѣ половины и представляя каждую половину отдѣльно. Такимъ же образомъ поступаютъ при изображеніи поверхности Земнаго Шара, и потому вы видите два круга. По той же самой причинѣ эти ландкарты называются полушаріями, ибо онѣ представляютъ Земной Шаръ раздѣленнымъ на два полушара. Понимаете ли вы это? Если вы не понимаете, то учитель это объяснитъ. Вы увидите также, что на ландкартѣ нѣкоторыя мѣста покрыты красками: эти мѣста представляютъ сушу, а невыкрашенныя, бѣлыя мѣста — воду. Вода скопляется во всѣхъ большихъ углубленіяхъ вокругъ всего Земнаго Шара. Вся эта вода вмѣстѣ называется *Океаномъ*. Всю сушу Земнаго Шара, для лучшаго опредѣленія, раздѣлили на пять главныхъ частей, называющихся *частями свѣта*. Каждая изъ сихъ пяти частей свѣта имѣетъ особенное названіе. Самая маленькая часть свѣта, лежащая вверху, на полушаріи по правой сторонѣ, называется *Европою*. Въ этой части свѣта находится *страна*, въ которой мы живемъ, и потому называемся *Европейцами*. На семъ же полушаріи лежатъ еще *Азія*, *Африка* и часть *Австраліи*. На лѣвомъ полушаріи лежитъ *Америка* и другая часть *Австраліи*, ибо Австралія состоитъ изъ многихъ острововъ, разсѣянныхъ по *Океану*.

Вы знаете уже, любезныя дѣти, что Земля наша обращается вокругъ Солнца; но прежде, напротивъ того, полагали, будто Солнце обращается вокругъ Земли. Отъ сего-то поныне говорятъ: *солнце восходитъ и заходитъ*. Такъ называемое восхожденіе и захожденіе Солнца дало поводъ къ различному раздѣленію горизонта. Сей кругъ, о которомъ мы говорили уже выше, умственно раздѣлили на разныя части, кои назвали вообще *странами свѣта*. Главнѣйшія стра-

ны свѣта суть: *Востокъ*, *Западъ*, *Югъ* и *Сѣверъ*. Та часть горизонта, гдѣ Солнце, повидимому, восходитъ, называется *Востокомъ*, а гдѣ оно скрывается подъ горизонтъ — *Западомъ;* та же часть, гдѣ Солнце находится во время полдня, именуется *Югомъ* или *полднемъ*, а противоположная *Югу* страна — *Сѣверомъ*, *полуночью*. Обо всемъ этомъ узнаете вы болѣе, когда будете учиться *Космографіи*, или описанію устроіства Вселенноіі.

Можетъ быть, вы удивляетесь, любезныя дѣти, что на ландкартѣ не видите изображеній городовъ, горъ, рѣкъ, лѣсовъ, деревьевъ, растеній и животныхъ, которые на Землѣ находятся, а только одни имена ихъ. Но подумаіте, какъ велика была бы ландкарта, на которой бы хотѣли представить все это, хотя й въ маломъ видѣ. Да и возможно ли было бы представить все это на ландкартѣ? Конечно нѣтъ, и, слѣдственно, вы должны довольствоваться однимъ очеркомъ *земель* и именами главнѣйшихъ городовъ, рѣкъ, озеръ, горъ и т. д. Имена частей свѣта напечатаны крупнымъ шрифтомъ, т. е. крупными буквами, имена земель мелкимъ шрифтомъ, а имена городовъ еще мельчайшимъ шрифтомъ. Извилистыя линіи, которыя вы видите на картѣ, означаютъ теченіе рѣкъ, а продолговатыя черныя пятна означаютъ озера. Горы означаются маленькими черточками, другъ противъ друга расположенными.

Однимъ взглядомъ на ландкарту увидите вы, что поверхность всего Шара есть, такъ сказать, обширное море, изъ котораго возвышается множество острововъ большихъ и малыхъ. Двумъ изъ сихъ большихъ острововъ дано названіе *материковъ*. Одинъ изъ сихъ материковъ заключаетъ въ себѣ *Европу*, *Азію* и *Африку;* другой — *Америку*. Вся *суша* занимаетъ только третью часть всей поверхности Земнаго Шара, ибо двѣ трети онаго покрыты водою. Слѣдственно на поверхности Земнаго Шара собственно нѣтъ такъ называемой твердой земли, но только большіе и малые острова и полуострова, выходящіе, какъ горы, изъ моря. Въ сихъ горахъ и въ сушѣ вообще есть скалы, называемыя гранитными, составляющія, такъ сказать, основу всего Земнаго Шара, какъ кости составляютъ основу человѣческаго тѣла. Гранитъ образуетъ около Шара сводъ, поддерживающій всѣ другія массы, накиданныя на него. Въ сихъ гранитныхъ скалахъ содержится преимущественно олово и желѣзо, и прекраснѣйшіе кристаллы; но металлы большею частію находятся въ глинистыхъ слояхъ земли. Съ глинистыми слоями перемѣшаны известковые слои, въ которыхъ находится мраморъ, порфиръ, яшма, серпентинный камень (змѣевикъ), кварцъ и плавикъ. У *подошвы* гранитныхъ горъ обыкновенно простираются такъ называемыя *флецовыя горы*, въ которыхъ цѣлыми *слоями*, или *пластами*, находятся: *каменная соль*, *соляные источники*, *минеральныя воды*, *шиферъ*, проникнутый мѣдью, *смолистыя земли*, проникнутыя *каменнымъ масломъ*, *каменный уголь* и пр. Въ сихъ-то горахъ преимущественно бываютъ *рудокопни*, въ которыхъ человѣкъ неутомимо роется, для добыванія и произведенія на свѣтъ сокровищъ зе-

ми. Да, дѣти, въ глубинѣ сихъ горъ, объятой темнотою ночи, и въ безпрерывной опасности работаетъ мужественный рудокопъ при слабомъ сіяніи лампады, чтобы вырыть изъ нѣдръ земли драгоцѣнное *золото и серебро.*

Въ самой глубинѣ земли надъ гранитными слоями, составляющими основу Земнаго Шара, находятся огромныя массы, которыя, образуя горы, лежатъ правильными слоями и содержатъ остатки животныхъ и растеній. Хотя сіи остатки и не превращены совершенно въ камень, но они такъ твердо объяты бываютъ каменною массою, что ихъ едва можно различить отъ оной. Они извѣстны подъ названіями: *амонитовъ*, *энкринитовъ*, *мамонтовыхъ костей.* Еще находятся тамъ *неокаменѣлыя* кости *слоновъ*, *китовъ*, *носороговъ* и огромныхъ *медвѣдей*, которымъ нынѣ нѣтъ подобныхъ на землѣ. Но удивительнѣе всего, любезныя дѣти, то, что всѣ сіи животныя могутъ только жить въ жаркихъ странахъ, а кости сіи находятся въ холодныхъ странахъ, на сѣверѣ. Достопримѣчательно и то, что между сими массами никогда не находили человѣческихъ костей: доказательство, что человѣкъ созданъ былъ позже.

Наконецъ есть горы, выпускающія густой дымъ и изрыгающія иногда — какъ неизмѣримыя и неисчерпаемыя плавильныя печи, — камни, пепелъ и какую-то огненную жидкую массу, называемую *лавою.* Это обыкновенно сопровождается ужаснымъ гуломъ и молніею. Эти горы именуются *вулканами* или *огнедышащими горами.* Въ Европѣ теперь извѣстны три большія огнедышащія горы: *Везувій*, *Этна* и *Гекла.* Лава, камни и пепелъ, выбрасываемые вулканами на близлежащія земли, иногда покрываютъ цѣлые города. Такимъ образомъ древніе города *Геркуланумъ* и *Помпея* погребены были подъ пепломъ и лавою Везувія, при изверженіи въ 79 году Р. Х. У насъ, въ Камчаткѣ, есть также огнедышащія горы, но онѣ гораздо меньше и называются *сопками.*

Въ горахъ иногда бываютъ *пещеры*, изъ коихъ иныя весьма любопытны. Есть пещеры, въ которыхъ со сводовъ каплетъ вода, растворившая известковыя частицы; эти капли отвердѣваютъ и висятъ со свода въ видѣ сосулекъ, которыя называются *сталактитами.* Каменная масса, изъ которой образуются сталактиты, называется *капельникомъ.* Удивительному нѣтъ конца, любезныя дѣти, когда мы разсматриваемъ природу. Можемъ ли мы не приходить въ онѣмѣніе предъ величіемъ Творца?

Къ особеннымъ отличіямъ земной поверхности принадлежатъ *долины*, или пространства, лежащія между противоположными хребтами большихъ или малыхъ горъ. Замѣтьте при семъ, что самая низкая часть ихъ, обыкновенно средняя, служитъ *русломъ* какого-либо потока или рѣки, которая беретъ свое начало въ болѣе возвышенныхъ странахъ. Подобныя долины не рѣдко находятся въ мѣстахъ высокихъ, но большею частію въ низменныхъ. Узкія отверстія, которыя служатъ входомъ въ высокія долины, называются *ущеліями*, и имѣютъ часто мрачный и грозный видъ. На земной

поверхности бываютъ мѣста, простирающіяся на великое разстояніе, гдѣ мало или совсѣмъ нѣтъ горъ и значительныхъ углубленій. Такія мѣста называются *равнинами;* но равнины, подобно долинамъ, встрѣчаются иногда на самыхъ высокихъ мѣстахъ, и онѣ тогда называются *плоскими возвышенностями.* Замѣчательнѣйшія равнины сего рода находятся въ Америкѣ, гдѣ, напримѣръ, равнина *Квито* на 12,000 футовъ выше поверхности моря. *Низкія равнины,* судя по качеству почвы ихъ, кажется прежде были покрыты водою. Такова, напримѣръ, обширная равнина, простирающаяся къ югу отъ Балтійскаго моря. Многія равнины, по причинѣ сухой и безплодной земли ихъ, остаются ненаселенными, и называются тогда *степями.* Впрочемъ подъ симъ названіемъ иногда понимаютъ также большее пространство земли плодородной, но остающейся необработанною по причинѣ ненаселенности своей. У насъ, въ Россіи, много степей сего рода; такъ напримѣръ *Бессарабская степь,* между Дунаемъ и Днѣпромъ, плодородна, но почти совершенно необработана; ибо населена только при берегахъ моря и рѣкъ. Въ *Киргизской степи* также есть плодоносныя мѣста и, сверхъ того, она изобилуетъ солью. У насъ вообще нѣтъ столько чисто-песчаныхъ степей, каковы въ Африкѣ, напримѣръ степь Сагара, которая представляетъ обширное песчаное море, зыблемое вѣтрами; но за то у насъ, въ сѣверной части Сибири, много *тундристой земли,* состоящей изъ болотъ и топей, поросшихъ мхомъ, подъ которымъ ледъ остается во весь годъ; только кое-гдѣ колышется лѣсъ и растетъ мелкій тальникъ. Подобныя непроходимыя *тундры* и болота къ сѣверу отъ Тобольска на большомъ пространствѣ простираются почти до самаго Сѣвернаго Ледовитаго моря, отъ чего въ тѣхъ мѣстахъ лѣтомъ нѣтъ сообщенія сухимъ путемъ. Вотъ какое разнообразіе представляетъ намъ поверхность Земнаго Шара, даже относительно качества почвы!

И все, что мы знаемъ доселѣ о Землѣ, любезныя дѣти, указываетъ на то, что она нѣкогда претерпѣла великій переворотъ. Такъ въ иныхъ мѣстахъ сильные потоки раздвинули, такъ сказать, великія массы суши, и оставивъ по бокамъ высокія утесистыя стѣны, образовали огромныя ворота. Такимъ образомъ составились вѣроятно, и многіе *проливы,* посредстомъ которыхъ раздѣляются земли и соединяются между собою моря.

Между рядами высокихъ горъ, простирающихся по всему Земному Шару, высочайшая гора Давалагири, въ Азіи, поднимается до 27,540 англ. футовъ. Послѣ нея до сихъ поръ считалась высочайшею горою Чимборасо, въ Америкѣ, имѣющая 20,148 футовъ вышины; но путешественники и естествоиспытатели, безпрестанно занимающіеся наблюденіями по всему Земному Шару, открыли нынѣ въ Америкѣ другія горы, подымающіяся еще выше Чимборасо, изъ коихъ напримѣръ, гора *Иллимани,* имѣетъ 22,941 футъ вышины. У насъ, въ Европѣ, высочайшая гора есть Монъ-Бланъ, имѣющая 14,764 Парижскихъ футовъ вышины. Всѣ сіи высокія горы покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, и потому онѣ необитаемы ни людьми, ни жи-

вотными. Горы сіи, окруженныя глубокими безднами, представляютъ неизъяснимо-величественный видъ, ужасающій взоръ человѣческій. Онѣ, такъ сказать, суть святилища природы, на которыхъ до сихъ поръ еще не ступила нога человѣческая. Высочайшее человѣческое жилище въ Европѣ есть Странноприимный Домъ на горѣ Сенъ-Бернардѣ, принадлежащей къ Альпійскимъ горамъ. Домъ этотъ построенъ въ высотѣ 7,731 фута отъ поверхности моря. Самое возвышенное мѣсто у насъ въ Европейской Россіи есть, такъ называемая, *Плоская Возвышенность*, которая имѣетъ 1,200 англійскихъ футовъ вышины. На сей плоской возвышенности три большія рѣки берутъ начало, и въ разныхъ направленіяхъ впадаютъ въ различныя моря. Сіи рѣки суть: *Западная Двина*, впадающая въ Балтійское море; *Днѣпръ*, впадающій въ Черное море, и *Волга*, величайшая изъ всѣхъ европейскихъ рѣкъ, впадающая въ Каспійское море. Теченіе сихъ большихъ рѣкъ можетъ вамъ дать нѣкоторое понятіе о продолжительной покатости земли въ сихъ трехъ направленіяхъ; ибо воды рѣкъ текутъ все ниже и ниже, пока онѣ соединятся наконецъ съ моремъ.

Обширный Океанъ, омывающій всю сушу Земнаго Шара и освобождающій землю отъ вредныхъ паровъ, привлекая оные къ себѣ, имѣетъ неизмѣримую глубину. Для измѣренія морской глубины употребляютъ *грузило*: это гиря, которую на вымѣренной веревкѣ или на канатѣ опускаютъ въ воду до дна. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опускали грузило въ море на 4,680 футовъ, не находя никакого дна. Представьте себѣ, если вы можете, эту глубину, и подумайте потомъ, что высочайшая гора на свѣтѣ поднимается впятеро выше надъ поверхностію моря. Вообразите теперь, какъ велика должна быть наша Земля, и что притомъ она есть только малое тѣло въ обширномъ мірозданіи, въ которомъ огромнѣйшія тѣла безпрерывно совершаютъ свои круговращенія.

Глубина Океана весьма различна; ибо дно морское, подобно поверхности земли, наполнено горами и долинами, холмами и скалами; и какъ рука человѣческая безпрерывно наполняетъ сушу зданіями, которыя всеразрушающее время превращаетъ въ развалины, такимъ же образомъ природа наполняетъ дно морское тѣми страшными каменными обитателями, въ которыхъ безчисленное множество животныхъ находятъ, кажется, незыблемое прибѣжище свое. Сіи громады не рѣдко влекутъ мореходца въ ужасную, неизмѣримую могилу моря: ибо погибъ тотъ корабль, который бурею нанесенъ на *коралловый рифъ*.

Море подвержено различнымъ движеніямъ, причиняемымъ дѣйствіемъ вѣтровъ или общимъ и особеннымъ теченіемъ. Весьма чувствительное возвышеніе водъ морскихъ на берегахъ называется *приливомъ*, а послѣдующее за онымъ пониженіе водъ — *отливомъ*. Причины сего движенія заключаются въ солнцѣ и лунѣ. Солнце дѣйствіемъ силы *притяженія* дважды въ день воздымаетъ и понижаетъ морскія воды. Сіи солнечные приливы и отливы возобновляются

каждые шесть часовъ. Такимъ же образомъ и приливы и отливы, производимые луною посредствомъ той же силы притяженія, повторяются чрезъ каждые шесть часовъ ночи.

Если днемъ видъ необозримаго моря и величественное волнованіе его наполняютъ душу удивленіемъ и умиленіемъ, радостью и ужасомъ, то видъ его ночью не менѣе наполняетъ душу таковыми чувствами. Часто весь Океанъ, доколѣ глазъ видитъ, представляетъ одно только обширное, какъ бы огненное поле свѣта. Сіе великолѣпное и поразительное зрѣлище называется: *свѣтъ моря.* Иногда корабль, разсѣкая волны, проводитъ какъ бы огненную борозду; иногда, кажется, тысячи звѣздъ плаваютъ и играютъ на поверхности моря. Въ другое время сіе явленіе становится страшнѣе: свѣтлыя волны поднимаются, катятся и разсыпаются въ видѣ блестящей пѣны. Большія свѣтящіяся тѣла, похожія съ виду на рыбъ, преслѣдуютъ другъ друга, исчезаютъ и снова появляются. И какъ бы вы думали, дѣти, кто производитъ великолѣпный свѣтъ сей? Маленькое, величиною съ булавочную головку животное, названное *свѣтящимся морскимъ червякомъ* и имѣющее тѣло совершенно прозрачное. *Медузы*, довольно большія морскія животныя, изъ длинныхъ усиковъ своихъ также выпускаютъ сильный свѣтъ, похожій на свѣтъ восковой свѣчи, между тѣмъ какъ тѣло ихъ остается темнымъ.

Хотя соленость моря затрудняетъ замерзаніе морской воды, но, не смотря на то, оно у полюсовъ, т. е. на верхней и нижней точкахъ Земнаго Шара, образуетъ необозримыя ледяныя поля. Въ близости сихъ ледяныхъ скопищъ, даже въ срединѣ лѣта видны цѣлые острова изъ крѣпкаго льда; это такъ называемый *плавунъ*, который для мореходцевъ былъ бы еще гибельнѣе, если бъ онъ не шелъ такъ медленно.

Прѣсная вода, протекающая чрезъ сушу Земнаго Шара, болѣе образуется изъ ключей и воды тающихъ льдовъ, покрывающихъ вершины горъ. Ключи и воды сіи, изливаясь, образуютъ небольшіе протоки воды, болѣе или менѣе быстрые, которые называются *ручьями.* Воды сильныхъ дождей стремятся съ большею быстротою и буйно и извилисто бороздятъ бока горъ; онѣ-то преимущественно называются *потоками*. Сіи *ручьи* и *потоки*, соединяясь въ одинъ каналъ, принимаютъ названіе *рѣки.* Кто изъ васъ, любезныя дѣти, гуляя по берегу какой-либо большой рѣки, подумалъ о томъ, какъ далеко текутъ и откуда происходятъ сіи неистощимыя массы воды? Все, насъ окружающее, заслуживаетъ наше вниманіе. Въ малѣйшемъ червячкѣ, въ малѣйшемъ камешкѣ, удивляемся мы, при разсматриваніи оныхъ, величію Творца Вселенной. *Рѣка*, которая такъ глубока, что можно плыть по оной на большихъ судахъ, называется *судоходною.* Углубленіе, въ которомъ текутъ воды какой-либо рѣки, называется *русломъ* рѣки. Края русла называются *берегами.* Во многихъ рѣкахъ русло рѣки вдругъ круто понижается. Сіи мѣста, въ которыхъ вода вдругъ съ высокаго мѣста бросается въ глубину, называются *водопадами.* Извѣстнѣйшій водопадъ есть *Ніагар-*

скій, въ Америкѣ; а за нимъ водопадъ *Рейна*, при Шафгаузенѣ. У насъ, въ близости Петербурга, рѣка Нарова образуетъ таковый водопадъ, но въ маломъ видѣ. Водопадъ Иматры, при Выборгѣ, уже гораздо значительнѣе. Иногда поперегъ рѣки находятся скалы, препятствующія свободному теченію воды; такія скалы называются *порогами*. Въ Россіи, на *Днѣпрѣ*, находится много пороговъ. *Истокъ* рѣки есть то мѣсто, гдѣ рѣка начинается, а *устье*,—то мѣсто, гдѣ она впадаетъ въ море, или въ какое-либо озеро, или даже въ другую рѣку. Впрочемъ бываютъ и рѣки, не имѣющія устья, но теряющіяся въ пескахъ.

Есть озера, простирающіяся въ длину и ширину болѣе нежели на 240 верстъ. Нѣкоторыя озера представляютъ весьма удивительныя явленія. Многія изъ нихъ только по временамъ наполняются водою. *Циркницкое озеро*, въ Илиріи, принадлежитъ къ сему роду. Полагаютъ, что эти озера, посредствомъ невидимыхъ каналовъ, находятся въ *сообщеніи* съ какимъ-либо подземнымъ водохранилищемъ, въ коемъ прибыль и убыль воды имѣетъ необходимо на нихъ вліяніе. Труднѣе, любезныя дѣти, изъяснить волненія и различныя движенія, примѣчаемыя въ нѣкоторыхъ озерахъ. Такъ, напримѣръ, озеро *Веттеръ*, въ Швеціи, часто сильно волнуется въ самую тихую погоду. Но что вы скажете, если узнаете, что на нѣкоторыхъ озерахъ существуютъ плавающіе острова? А дѣйствительно есть такіе острова; они большею частію состоятъ изъ камыша и корней древесныхъ, кои переплелись и сцѣпились крѣпко между собою и покрыты наносною землею. На плавающихъ островахъ озера Гердау, въ Пруссіи, могутъ пастись, говорятъ, до ста головъ скота. Вы, конечно, удивляетесь сему, любезныя дѣти, потому что вы этого еще никогда не видали; но сколько удивительнаго окружаетъ васъ ежедневно!

Люди, обитающіе на Земномъ Шарѣ, весьма различествуютъ между собою величиною, цвѣтомъ кожи, языкомъ, нравами и образомъ жизни. Тѣ, которые живутъ вмѣстѣ въ одной и той же странѣ и которые сходствуютъ между собою наружнымъ видомъ, языкомъ и нравами, называются *народомъ*, или *націею*. Впрочемъ, между сими различными народами, иные имѣютъ нѣкоторыя общія свойства. Сіи общія *свойства* основываются или на ростѣ, или *физіономіи*, т. е. образѣ лица, или на *цвѣтѣ* кожи, или на свойствѣ *волосъ*, или, наконецъ, на формѣ *черепа*.

Всѣ сіи различія могутъ зависѣть, и даже доказано, что они отчасти въ самомъ дѣлѣ зависятъ, отъ *образа жизни*, отъ *пищи* и отъ *климата*, т. е. качества воздуха. Говорятъ, что наши предки, т. е. люди, обитавшіе прежде насъ въ странахъ, теперь нами обитаемыхъ, весьма различествовали тѣлосложеніемъ своимъ отъ насъ. Вѣроятно, пряная пища, хмѣльные напитки, роскошь и т. п. измѣняютъ мало по малу наружность человѣческаго тѣла. Даже климатъ, имѣющій столь великое вліяніе на человѣка, весьма перемѣнился у насъ, ибо страны сіи теперь гораздо болѣе населены,

нежели прежде были; а чѣмъ болѣе населена какая-либо страна, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ суровость климата, зависящая весьма много отъ большаго количества лѣсовъ и болотъ. Образъ жизни много можетъ споспѣшествовать къ различію наружности человѣческаго тѣла. Знатныя Мавританки, заключенныя въ домахъ своихъ, по увѣренію достовѣрныхъ людей, имѣютъ лица ослѣпительной бѣлизны, тогда какъ цвѣтъ простолюдиновъ той страны, даже въ юности ихъ, подходитъ къ цвѣту сажи. Горные Абиссинцы почти такъ же бѣлы, какъ мы, Европейцы, тогда какъ соотечественники ихъ, живущіе на равнинахъ, имѣютъ цвѣтъ лица почти черный. Замѣтьте только, дѣти, какъ различенъ бываетъ цвѣтъ лица даже между нашими соотечественниками. Кузнецъ, работающій цѣлый день предъ жаромъ печки, имѣетъ совсѣмъ другой цвѣтъ кожи, нежели человѣкъ, котораго съ самыхъ юныхъ лѣтъ берегли отъ вліянія солнечныхъ лучей и воздуха вообще. Цвѣтъ нашей кожи зависитъ отъ слизистой и сѣтчатой ткани, которая находится непосредственно подъ верхнею кожицею.

Большая часть европейскихъ народовъ имѣетъ болѣе или менѣе бѣлый цвѣтъ кожи, волосы длинные, темные или русые, носъ нѣсколько орлиный и глаза обыкновенно голубые или темные. Въ Африкѣ народы преимущественно имѣютъ кожу чернаго цвѣта, волосы черные и курчавые, носъ толстый и вздернутый, губы также толстыя, но малиноваго цвѣта. Сіи народы называются *Неграми.* Большая часть жителей Азіи имѣетъ оливковый цвѣтъ кожи; впрочемъ у иныхъ кожа бываетъ также темножелтаго цвѣта.

Американцы преимущественно имѣютъ цвѣтъ кожи мѣдно-красный, волосы черные и прямые, жесткіе и рѣдкіе, глаза впалые, а носъ приплюснутый, но между тѣмъ выдающійся. Жители острововъ Южнаго Океана имѣютъ темный цвѣтъ кожи. Впрочемъ объ этихъ народахъ трудно говорить вообще утвердительно, ибо они еще мало извѣстны.

Почти во всѣхъ частяхъ свѣта взрослые люди имѣютъ обыкновенно пять футовъ вышины, и потому эта величина принимается среднимъ ростомъ. Въ тѣхъ холодныхъ странахъ, гдѣ бываетъ, такъ сказать, только одно время года, т. е. зима, люди рѣдко выростаютъ выше четырехъ футовъ. Въ иныхъ же странахъ Земнаго Шара бываютъ люди, достигающіе до 7 и 8 футовъ вышины; такихъ людей называютъ *великанами.* Люди чрезмѣрно малые называются *карликами.* Впрочемъ нѣтъ такого народа, который бы состоялъ вообще изъ *великановъ* или *карликовъ.*

Касательно образа жизни между различными обитателями Земнаго Шара также можно замѣтить общія свойства. Нѣкоторые, напримѣръ, не имѣютъ никакого понятія о гражданскихъ связяхъ, озабочены единственно дневнымъ необходимымъ содержаніемъ, т. е. они никакихъ запасовъ на зиму не дѣлаютъ. Они не сѣютъ и вообще не думаютъ о будущемъ, но только тогда ищутъ пищи, когда голодъ ихъ къ тому принуждаетъ. Эти народы единственно запи-

маются *звѣриною* или *рыбною ловлею*, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, живутъ въ пещерахъ, или въ худыхъ хижинахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ столбовъ, покрытыхъ звѣриными кожами, и только во время войны или охоты выбираютъ общаго предводителя. Такіе народы называются *дикими народами*. Дикіе народы населяютъ сѣверные берега Азіи, внутреннія страны Африки и большую часть Америки и Австраліи.

Потомъ есть *кочующіе народы*, которые также не имѣютъ постоянныхъ жилищъ и живутъ въ шатрахъ; но они уже гораздо образованнѣе, ибо занимаются *скотоводствомъ*, а это требуетъ уже больше знаній и наблюденій, нежели охота. Ихъ главное богатство составляютъ безчисленныя стада, которыя ихъ питаютъ. Они часто блуждаютъ по необитаемымъ пространствамъ, и остаются только тамъ, гдѣ находятъ хорошія паствы, и только до тѣхъ поръ, пока сіи паствы достаточны для пропитанія многочисленныхъ стадъ ихъ. Въ Средней Азіи и у насъ, въ Сибири, много кочующихъ или *кочевыхъ* народовъ.

Наконецъ, есть народы, которые называются *образованными* или *осѣдлыми*. Они, кромѣ скотоводства, занимаются *земледѣліемъ*, *ремеслами* и *торговлею*, также *науками* и *искусствами*. Образованные народы живутъ въ постоянныхъ, искусно выстроенныхъ жилищахъ или домахъ, и живутъ вмѣстѣ въ *селахъ* или *городахъ*. У нихъ введены различныя *званія* или *состоянія*, какъ-то: *князья*, *дворяне*, *граждане* и *крестьяне*. Одни изъ нихъ обработываютъ землю и называются *земледѣльцами*; другія занимаются какимъ-либо ремесломъ и называются *ремесленниками*, какъ-то: портные, сапожники, столяры и т. д.; иные занимаются какимъ-либо искусствомъ и называются *художниками*, какъ-то: живописцы, ваятели, архитекторы; другіе занимаются *торговлею*, какъ-то: *негоціанты*, *купцы*, *лавочники*, и т. д. Образованные народы живутъ по опредѣленнымъ законамъ, т. е. они между собою согласились въ томъ, какъ каждый долженъ поступать, что онъ можетъ позволить себѣ или нѣтъ; и кто между ними живетъ, долженъ повиноваться симъ законамъ. Дабы всякій исполнялъ все, что сказано въ сихъ законахъ, на то есть у образованныхъ народовъ начальства и правительства, наблюдающія за *исполненіемъ* законовъ. Такое общество образованныхъ народовъ, повинующееся однимъ законамъ, называется *гражданскимъ* обществомъ или *государствомъ*. Во многихъ государствахъ только одно лице имѣетъ право издавать законы и выбирать начальство. Сіе лице есть верховное въ государствѣ и называется *Монархомъ* или *Правителемъ*. Иногда Монархъ называется Императоромъ, иногда Королемъ, иногда Княземъ и т. д. Всѣ земли, находящіяся подъ его правительствомъ, составляютъ его *государство*. Государство, въ которомъ верховная власть находится въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, называется республикою.

8. ОБЩЕЕ ПОНЯТІЕ О МАНУФАКТУРАХЪ.

Первыя ремесла произошли отъ нуждъ и потребностей житейскихъ. Съ размноженіемъ рода человѣческаго, ремесла становились необходимѣе и разнообразнѣе.

Должно быть, что первыя работы были очень просты, и только по прошествіи долгаго времени онѣ стали такъ многосложны и дошли до такого совершенства и разнообразія, какъ онѣ теперь находятся у просвѣщенныхъ народовъ; а со временемъ, вѣроятно, онѣ еще болѣе усовершенствуются.

Такъ какъ въ наше время много ученыхъ людей начали заниматься теоріею ремеслъ, стали изобрѣтать новые способы для облегченія трудныхъ работъ и находить разныя средства, чтобъ замѣнять недостатокъ однихъ матеріаловъ другими; то ремесла въ короткое время достигли такого совершенства, до котораго они не дошли бы очень долго, если бы ученые не разсматривали работы ремесленниковъ и не приспособляли бы къ нимъ правила, почерпнутыя изъ другихъ наукъ.

Теперь во многихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаютъ Технологію или науку о ремеслахъ, заводахъ и фабрикахъ, гдѣ переработываются естественныя произведенія,—для того, чтобы тѣ, которые посвящаютъ себя наукамъ, могли своими теоретическими знаніями помогать распространенію и усовершенствованію ремеслъ, заводовъ и фабрикъ, необходимыхъ для общественнаго благосостоянія.

Въ составъ Технологіи входитъ много другихъ наукъ, какъ-то: Математика, Механика, Оптика, Минералогія, Ботаника, Зоологія, Физика, Химія, Металлургія, горное искуство, рисованье, черченье, токарное, столярное, слесарное мастерства и другія. Очень немногія изъ естественныхъ произведеній годятся для различнаго употребленія безъ предварительнаго приготовленія.

Искусство ихъ переработывать, т. е. измѣнять ихъ видъ и составъ, называется мануфактурною промышленностію, а тѣ, которые приводятъ это искуство въ дѣйствіе, называются мануфактурными ремесленниками и мастеровыми.

Когда какимъ нибудь ремесломъ занимаются нѣсколько человѣкъ, на отчетѣ одного хозяина, такимъ образомъ, что каждый ремесленникъ не выдѣлываетъ цѣлой вещи, но только особую ея часть, а другіе соединяютъ эти части для составленія цѣлаго: тогда это заведеніе называется заводомъ, если въ немъ работы производятся огнемъ или молотомъ; когда же работы производятся машинами и руками, тогда заведеніе называется фабрикою.

Всѣ произведенія, которыя дѣлаются на фабрикахъ и заводахъ, называются мануфактурными издѣліями.

Орудія и разные снаряды, употребляемые на заводахъ и фабрикахъ, называются инструментами и машинами.

Разные матеріалы, которые обработываются на мануфактурныхъ заведеніяхъ, берутся изъ всѣхъ трехъ царствъ природы.

Царство животное доставляетъ овечью шерсть, изъ которой дѣлаютъ сукна, фланели, казимиры, мериносы, ковры, камлоты и другія шерстяныя произведенія.

Изъ козьяго пуха дѣлаютъ платки, чулки; изъ пуха ангорскихъ козъ работаютъ турецкія шали и другія самыя тонкія ткани.

Шкурки бобровъ и кроликовъ на шляпныхъ фабрикахъ превращаются въ пуховыя шляпы.

Кожи козловъ, барановъ выдѣлываются на кожевенныхъ заводахъ для башмаковъ, сапоговъ, чемодановъ и другихъ надобностей.

Изъ жира воловъ и овецъ топятъ сало, изъ котораго дѣлаютъ мыло и сальныя свѣчи.

Пчелы доставляютъ медъ, воскъ для восковыхъ свѣчей.

Шелковые черви даютъ шелкъ сырецъ, изъ котораго дѣлаются всѣ шелковыя произведенія.

Это главныя фабричныя произведенія царства животныхъ; но есть еще много иныхъ производствъ изъ животнаго царства.

Царство прозябаемое доставляетъ для фабрикъ бумажныхъ матерій хлопчатую бумагу, изъ которой работаютъ холстинки, ситцы, коленкоры, миткали, нанки, кисеи и другія матеріи.

Ленъ есть первый матеріалъ полотняныхъ фабрикъ; изъ него дѣлаютъ холстъ, полотно, парусину, тикъ, батистъ. Всѣ изношенныя хлопчато-бумажныя и льняныя матеріи, на бумажныхъ фабрикахъ, передѣлываются въ бумагу и обои. Рваная бумага превращается на фабрикахъ битой бумаги въ подносы, табакерки, лампы и другія вещи.

Конопля поступаетъ на канатные заводы, которые доставляютъ канаты и веревки.

Изъ индиго, сандала, марены, вайды, крапа, шафрана, на красильныхъ заводахъ дѣлаются краски.

Изъ золы или пепла сожженныхъ растеній на поташныхъ заводахъ добывается особеннаго рода соль, которая называется поташемъ. Поташъ же употребляется на разныхъ заводахъ и фабрикахъ для дѣланія селитры, стекла, для бѣленія полотенъ, миткалей, и идетъ въ крашеніе и въ варку мыла.

На масляныхъ заводахъ выбиваютъ масло, изъ орѣховъ, мака, конопли.

На винокуренныхъ заводахъ изо ржи дѣлается вино, спиртъ и ликеръ.

На винодѣльныхъ заведеніяхъ виноградъ превращается въ вино; скиснувшееся же вино отдается на уксусные заводы для уксуса.

На сахарныхъ заводахъ изъ сахарнаго тростника и изъ свекловицы дѣлаютъ сахаръ.

На солодовенныхъ заводахъ изъ зеренъ ржи и ячменя дѣлаютъ солодъ, который употребляется въ квасъ, и въ пиво на пивоварняхъ.

Всѣ мебели и экипажи дѣлаются изъ разнаго дерева.

Царство ископаемыхъ доставляетъ намъ ювелирныя, часовыя, позументныя вещи, золото и серебро.

На желѣзные и оружейные заводы идутъ желѣзо и чугунъ.

Мѣдь поступаетъ на литейные заводы, гдѣ льются пушки и колокола, также на фабрики мѣдныхъ вещей, гдѣ она употребляется отъ тонкой проволоки и струны арфы и фортепьяно до самоваровъ, кострюль, котловъ и рукомойниковъ.

Золото, серебро и мѣдь поступаютъ также на монетные дворы.

Песокъ есть первый матеріялъ для стекла, вмѣстѣ съ кремнемъ, кварцемъ и горнымъ хрусталемъ.

Фаянсовая глина поступаетъ на фаянсовыя и фарфоровыя фабрики.

На гранильныхъ фабрикахъ, разными машинами, обработываютъ всѣхъ сортовъ драгоцѣнные камни; съ этихъ фабрикъ получаютъ вазы, колонны, столы изъ яшмы, порфира, гранита, мрамора и другихъ камней, которые украшаютъ дворцы и дома богатыхъ людей.

Изъ селитры, сѣры и угольевъ на пороховыхъ заводахъ дѣлаютъ порохъ, который производитъ такіе страшные выстрѣлы, взрывы и блестящіе фейерверки.

Есть еще заводы селитряные, купоросные, квасцовые и нашатырные — тамъ дѣлается и селитра и купоросъ, и квасцы и нашатырь посредствомъ химическаго соединенія и разложенія разныхъ кислотъ, минераловъ и солей. Эти заводы называются химическими заведеніями. Безъ нихъ не было бы и красочныхъ фабрикъ, которыя, заимствуя изъ царства прозябаемаго, еще больше заимствуютъ изъ царства ископаемаго.

Сургучъ, которымъ вы печатаете письма, дѣлается на сургучныхъ фабрикахъ тоже изъ разныхъ минераловъ.

Кромѣ этихъ фабрикъ и заводовъ, нѣкоторые художники и ремесленники дѣлаютъ математическіе и физическіе инструменты, музыкальные струнные и духовые; множество разныхъ галантерейныхъ вещей, матеріялы для которыхъ берутся изъ царства ископаемаго.

Все то, что производится на фабрикахъ и заводахъ, не могло бы сдѣлаться вдесятеро большимъ числомъ людей въ сравненіи съ тѣмъ числомъ, какое работается теперь, еслибъ люди не изобрѣли средствъ къ своему облегченію: эти средства — машины. Начиная отъ кофейной ручной мѣльницы до огромнѣйшихъ машинъ, замѣняющихъ сотни рукъ, все это дѣлаютъ машины, которыхъ польза огромна и очевидна. Человѣкъ всегда искалъ средствъ къ умноженію своихъ силъ и своихъ способовъ, черезъ содѣйствіе орудій, машинъ или животныхъ, не для того чтобы избавить себя отъ труда, но чтобы облегчить этотъ трудъ и больше произвести, потому что самъ человѣкъ можетъ приводить въ дѣйствіе только извѣстное количество жизненныхъ силъ. Силу надобно такъ примѣнять, чтобы она какъ можно больше производила, а этому помогаютъ машины. Са-

мая дрянная соха есть уже машина, потому что она усиливаетъ работу, уменьшаетъ издержки, соединенныя съ замедленіемъ — стало быть уменьшаетъ и цѣну самого хлѣба. Прежде нежели изобрѣли водяныя и вѣтряныя мѣльницы, земледѣльцы съ большимъ трудомъ перемалывали двумя камнями зерна, для приведенія ихъ въ муку. Богатые люди за дорогую цѣну нанимали работниковъ для дѣланія муки, а бѣдные съ большимъ трудомъ ее себѣ доставали. Теперь же съ помощію мѣльницъ всѣ пользуются мукой за небольшія деньги.

Если бы не нашли средства ткать чулки машинами, то онѣ были бы такъ дороги, что одни богатые люди могли бы носить такіе чулки; а теперь, когда чулки очень скоро и легко ткутся на машинахъ, они такъ дешевы, что и бѣдные люди могутъ хорошо обуваться.

Изъ этой промышленности Франція и Англія извлекаютъ огромныя выгоды: сбытъ чулокъ за границей очень важенъ.

Если бы монетчики гравировали, а не выбивали монету, какъ это дѣлается теперь, то цѣнность работы возвысила бы тогда, можетъ быть, въ половину настоящую цѣнность монеты.

Нѣкоторые говорятъ, что съ изобрѣтеніемъ машинъ много людей останется безъ дѣла и безъ хлѣба — это несправедливо. Усиленіе разныхъ отраслей мануфактурной промышленности требуетъ столько же человѣкъ для приведенія въ движеніе машинъ и для наблюденія за ними, сколько было ихъ надобно для производства. Только эти машины дѣлаютъ во сто разъ скорѣе и болѣе нежели люди, а потому и произведенія становятся дешевле, и больше входятъ во всеобщее употребленіе. До изобрѣтенія книгопечатанія множество писцовъ занимались списываніемъ манускриптовъ; казалось бы, что это великое открытіе должно было лишить ихъ занятія, которое ихъ прокармливало, — напротивъ, съ открытіемъ типографій, эти же переписчики, которые привыкли разбирать самые дурные почерки и вѣрно списывать, были приглашены въ типографіи для держанія корректуръ и для набора. Теперь же, когда, съ распространеніемъ просвѣщенія, книгъ выходитъ великое множество и типографіи существуютъ во всѣхъ концахъ вселенной, — ясно, что при нихъ занято народа въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе, нежели прежде было занято переписываніемъ рукописей. Самое число писцовъ умножилось.

Машины не только много производятъ и дѣйствуютъ хорошо и отчетливо; но онѣ же даютъ еще начало множеству другихъ вѣтвей промышленности, которыя связаны съ ихъ устройствомъ. Такъ искуство дѣлать карды, цилиндры, шпульки, веретена и множество другихъ вещей родилось вмѣстѣ съ изобрѣтеніемъ механическаго ткачества. Такъ точно книгопечатаніе родило словолитное и гравировальное искуства, литографію, рѣзанье на деревѣ, и усилило бумажное производство.

Паровыя машины также не лишили хлѣба работниковъ, потому что, со времени открытія употребленія паровъ, полезныя работы очень размножились. Никогда не дѣлалось столько прекрасныхъ вещей и такъ быстро и дешево, какъ съ того времени, съ котораго вошли въ употребленіе паровыя машины. Паровыя машины принесли большое пособіе въ производствѣ многихъ мануфактурныхъ издѣлій; ихъ открытіе и усовершенствованіе въ продолженіи тридцати лѣтъ доставило необъятныя выгоды, открыло источники богатствъ, прежде неизвѣстные, и многіе города обязаны имъ не только своимъ распространеніемъ, но нѣкоторые даже и построеніемъ.

Изобрѣтеніе паровой машины, которая теперь встрѣчается въ различныхъ мануфактурахъ, принадлежитъ генію знаменитаго Джемса Уатта.

За это открытіе Уаттъ заслужилъ вѣчную благодарность отъ потомства. Но не смотря на всю пользу открытій Уатта, ему стоило большихъ трудовъ ихъ распространеніе. У него не доставало денегъ для устройства такой машины, какую онъ создалъ въ своемъ умѣ; по счастію, люди благомыслящіе составили общество и собрали для этого достаточную сумму. Машина была окончена, и всѣ ученые нашли ее превосходной. Тогда Уаттъ согласился, чтобы его машиной замѣнились тѣ, которыя были въ употребленіи до сего времени, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему уступалась третья часть изъ суммъ, сберегаемыхъ отъ покупки горючихъ матерьяловъ. Это условіе скоро доставило ему огромный доходъ: такъ съ однихъ Корнвалійскихъ рудниковъ онъ получилъ 600,000 франковъ, что составляло треть сберегаемой суммы. Это вамъ можетъ дать понятіе о пользѣ паровыхъ машинъ, которыя кромѣ того приносятъ большую пользу путешественникамъ какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути: посредствомъ паровъ приводятся въ движеніе пароходы и паровозы.

Быстрота пароваго привода удивительна. Одинъ изъ англійскихъ мануфактуристовъ сказалъ недавно въ Лондонскомъ собраніи мануфактуристовъ, что 200 работниковъ выпрядаютъ теперь машинами такое количество бумаги, которое за 40 лѣтъ передъ этимъ потребовало бы 20,000 работниковъ.

Онъ прибавилъ, что если бы выпрядать безъ машинъ все тоже количество бумаги, которое теперь приготовляется въ Англіи съ помощію машинъ, имѣющихъ паровой приводъ, то для этого потребовалось бы по крайней мѣрѣ 60,000,000 работниковъ, и наконецъ, что количество всѣхъ вообще работъ, которыя призводятся помощію паровыхъ машинъ, заняло бы работою по крайней мѣрѣ 400,000,000 рукъ. Это справедливо, потому что основано на самыхъ вѣрныхъ математическихъ исчисленіяхъ. Хорошій мануфактуристъ, по какой бы части мануфактурныхъ заведеній онъ ни занимался, долженъ быть человѣкъ съ большими свѣденіями.

9. О ПОЧВАХЪ.

Въ сельскомъ хозяйствѣ одну изъ важныхъ частей занимаетъ царство растительное: лѣсъ служитъ на постройки, отопленіе и другія нужды; злаки доставляютъ хлѣбъ; изъ льна, пеньки и крапивы выдѣлываютъ полотна, холсты, нитки и т. д. Разсмотримте же, гдѣ и какъ должно разводить эти растенія, чтобы они приносили большее количество произведеній и лучшаго качества, при содѣйствіи мѣсту и климату, сколько силы человѣка позволяютъ, и какія условія необходимы для произрастанія.

Для произрастанія необходимы: во первыхъ *почва*, т. е. мѣсто, гдѣ бы укоренялись и питались растенія, потому что въ одномъ воздухѣ безъ земли ничто не можетъ рости; но какъ зерно, брошенное въ мерзлую землю, не взойдетъ, слѣдственно надобна во вторыхъ *теплота*, отъ которой соки въ растеніяхъ и питаніе для нихъ въ почвѣ свободно бы обращались; въ третьихъ необходима *влажность*, растворяющая въ почвѣ питаніе — безъ нее трава и деревья совсѣмъ бы засохли, что и бываетъ во время сильныхъ продолжительныхъ жаровъ. Сверхъ этихъ трехъ условій есть и другія условія, такъ же важныя, но менѣе замѣтныя для нашихъ чувствъ, и на которыя силы человѣческія не имѣютъ почти никакого вліянія; эти условія: воздухъ, свѣтъ, электричество, магнитизмъ и другія. Для васъ понятно по-крайней-мѣрѣ то, что безъ воздуха и свѣта ничто не можетъ рости.

Теперь займемся почвами; къ другимъ же условіямъ будемъ обращаться только по мѣрѣ того, какое они имѣютъ вліяніе на почвы, а не на самое растеніе.

На поверхности земной вы видите различнаго свойства землю; въ одномъ мѣстѣ глина, въ другомъ песокъ, въ третьемъ черная земля и т. д.; слой, который вы видите на поверхности, вообще не глубокъ, но для сельскаго хозяйства онъ только и важенъ: въ немъ укореняются растенія, и только одинъ этотъ слой содержитъ въ себѣ для нихъ пищу. Пищу растеній составляютъ сгнившія и полусогнившія органическія тѣла, какъ-то: растенія и животныя, обитающія на этомъ верхнемъ слоѣ. Вскопайте землю глубже, тамъ вы найдете только минеральныя части: песокъ, глину, руды, соли и т. д., которыя никакого питанія не даютъ растеніямъ; впрочемъ они находятся также въ верхнемъ слоѣ и необходимы для произрастанія. Если вы посадите растенія въ одни сгнившія органическія тѣла, или такъ называемый навозъ, то они также, какъ и въ почвѣ, состоящей изъ однѣхъ минеральныхъ частей, погибнутъ.

Изъ этого вы видите, что почва состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: органической и минеральной; каждая изъ этихъ частей бываетъ различнаго свойства; отъ различія ихъ собственныхъ свойствъ и различной пропорціи смѣшенія ихъ составныхъ частей, зависитъ свойство почвы, или ея плодородіе, и притомъ для разныхъ расте-

ній различно; но вообще во всѣхъ почвахъ пропорція органическаго вещества въ сравненіи съ минеральнымъ незначительна, а потому и самыя почвы раздѣляются по большему количеству содержащейся въ нихъ той или другой минеральной части; такъ напримѣръ: почва, въ которой болѣе глины, называется глинистою; гдѣ болѣе песку—песчаною, и т. д. Самая богатая органическимъ веществомъ почва называется по своему черному цвѣту черноземною, но и въ ней на 100 фунтовъ приходится не болѣе 15 фунтовъ органическаго вещества, а иногда бываетъ менѣе 6-ти фунтовъ.

Почвы раздѣляются на пять главныхъ родовъ:

1-е Почвы песчаныя,
2-е — — глинистыя,
3-е — — черноземныя,
4-е — — известковыя,
5-е — — тундристыя.

1-е. Почвы *песчаныя*, по различной пропорціи другихъ составныхъ частей, подраздѣляются на многія другія почвы, какъ то: *глинистопесчаныя*, *известковопесчаныя*, *черноземнопесчаныя*.

2-е. Почвы *глинистыя*, которыя также подраздѣляются на *песчаноглинистыя*, *известковоглинистыя*, *черноземноглинистыя*. Песчаныя и глинистыя почвы занимаютъ больше среднюю и отчасти сѣверную и южную полосы Россіи и Сибири.

3-е Почвы *черноземныя* важны не меньше двухъ первыхъ, вмѣстѣ взятыхъ, какъ по пространству занимаемому ими на земной поверхности, такъ еще болѣе по плодородію. Эти почвы, по мнѣнію геологовъ, образовались послѣ потопа отъ осадка погибшихъ растеній и животныхъ. Часть средней и большая часть южной полосы Европейской Россіи и южная Сибирь больше покрыты этими почвами.

4-е Почвы *известковыя* составлены больше изъ минеральныхъ известковыхъ частей; онѣ не отличаются плодородіемъ и въ Россіи рѣдко встрѣчаются.

5-е. Почвы *тундристыя*, или тундры, составъ которыхъ преимущественно заключаетъ въ себѣ органическія, растительныя и частію животныя вещества полусогнившія, по большой части находятся въ мѣстахъ низменныхъ и болотистыхъ; частію средняя и большая часть сѣверной Россіи и Сибири покрыты этими почвами. Въ Сѣверной Сибири почвы эти тянутся на тысячи верстъ, доставляя мохъ, почти единственное произведеніе тѣхъ странъ, служащее пищею для безчисленныхъ стадъ оленей — богатство туземцевъ, кочующихъ по этимъ тундрамъ. Тѣже поверхности земли, которыя покрыты сыпучими песками, какъ пустыни Сахары въ Африкѣ, Шамо въ Азіи, пустыни Аравійскія, и хребтами снѣговыхъ и каменистыхъ горъ, каковы Тибетскій, Кавказскій, Альпійскій, не могутъ

назваться почвами, потому что на нихъ нельзя растеніямъ ни укореняться, ни питаться.

Почва *песчаная*, содержащая въ себѣ достаточное количество органическихъ веществъ, весьма плодородна и легко обработывается. Части ея не крѣпко соединены: плугъ или соха разрѣзываютъ ее легко; борона раздробляетъ ее свободно; она разсыпается, не прилипаетъ къ земледѣльческимъ орудіямъ; рабочій скотъ идетъ по ней легко, не вязнетъ, не скользитъ. Не имѣя связи, она пропускаетъ свободно воздухъ; нагрѣвается скоро; во время жаровъ ночью, легко принимая въ себя влажный воздухъ, увлаживаетъ корни растеній и способствуетъ ихъ питанію; кромѣ того, будучи не такъ темнаго цвѣта, какъ другія почвы, менѣе принимаетъ въ себя солнечныхъ лучей, слѣдовательно медленнѣе накаляется, а потому во время засухъ долѣе другихъ почвъ поддерживаетъ жизнь растеній. Главныя неудобства этихъ почвъ состоятъ въ томъ, что онѣ, во-первыхъ, свободно пропуская воздухъ, подвергаютъ быстрой перемѣнѣ температуры корни разстеній, которые часто убиваютъ самое растеніе; во-вторыхъ, по рыхлому своему свойству скорѣе истощаются.

Почвы *глинистыя*, по плотности и вязкости своей, тяжелы для обработки: плугъ и соха съ трудомъ ихъ прорѣзываютъ, борона медленно ихъ разрыхляетъ, рабочій скотъ вязнетъ и скользитъ по нимъ. Нагрѣваются онѣ медленно; воздуху мало доступны; задерживаютъ воду на поверхности и вымачиваютъ растенія; во время же сильныхъ жаровъ, не проникаясь влажнымъ воздухомъ, растрескиваются и обнажаютъ корни растеній, отъ чего растенія гибнутъ. Удобство этихъ почвъ состоитъ въ томъ, что онѣ, во-первыхъ, мало пропуская воду и воздухъ, сохраняютъ въ себѣ органическія вещества, служащія для питанія растеній, и не такъ быстро подвергаютъ корни растеній перемѣнѣ температуры; во-вторыхъ, долѣе удерживаютъ въ себѣ влажность.

Почвы *черноземныя* удобны для обработки, содержатъ много питанія, вбираютъ много воды, не удерживая ее на поверхности; довольно свободно пропускаютъ воздухъ и воду, хорошо нагрѣваются и даютъ свободно распространяться корнямъ растеній. Неудобства этихъ почвъ состоятъ въ томъ, что въ сильные жары, чернымъ своимъ цвѣтомъ поглощая солнечные лучи, закаляются, растрескиваются и выжигаютъ растенія.

Почвы *известковыя*, хотя и удобны для обработки, но, возбуждаясь сильно ѣдкимъ своимъ свойствомъ, быстро истощаютъ питательныя части, отъ чего для поддержанія своего плодородія требуютъ болѣе искуственныхъ средствъ.

Почвы *тундристыя*, по осушеніи и искуственномъ способствованіи гніенію, дѣлаются плодородными и удобными для обработки; но такъ какъ онѣ большею частію занимаютъ страны полярные, то при самомъ благопріятномъ смѣшеніи составныхъ частей по климату не могутъ быть плодородными.

Разсмотрѣвъ почвы такъ, какъ онѣ находятся въ природѣ, и зная условія, необходимыя для произрастанія, человѣкъ постояннымъ вниманіемъ и трудомъ вноситъ, такъ сказать, искуственно отсутствующія и пополняетъ неполныя условія плодородія въ природныхъ почвахъ; избыточествующія же ослабляетъ. Вы знаете, что растенія питаются единственно органическими веществами, которыя истощаются, потому ихъ должно пополнять, или, какъ говорятъ, удобрять почву, т. е. унавоживать ее; тѣ же почвы, которыя избыточествуютъ органическими веществами, отъ чего растеніе, получая излишнее питаніе, гибнетъ, надо поправлять минеральными веществами. Почву слишкомъ рыхлую, какова *песчаная*, надобно уплотнять органическими и минеральными веществами, какъ-то: навозомъ, глиною и т. д. Почву слишкомъ плотную, какова *глинистая*, разрыхлять тоже органическими и минеральными веществами, какъ-то: навозомъ, пескомъ, и. т. д. Почвѣ *черноземной* помогать частымъ перепахиваніемъ, дабы воздухъ и влага быстрѣе приготовляли въ ней питаніе. Почву *известковую* надобно поправлять другими минералами, также и органическими веществами. Почву *тундристую* осушать канавами и приправлять известкою и солями, переѣдающими и гноящими органическія вещества, изобилующія въ этой почвѣ.

Всѣ эти работы вообще называются землевоздѣлываніемъ и землеудобреніемъ, составляющимъ вмѣстѣ одну изъ важнѣйшихъ частей сельскаго хозяйства.

10. ЧТО ТАКОЕ ИСТОРІЯ?

(Посвящается Колѣ.)

Замѣчаешь ли ты, милый Коля, какъ все вокругъ тебя перемѣняется? Ты, напримѣръ, всталъ сегодня при свѣчкѣ, потому что на дворѣ было темно, а часа черезъ два свѣчку твою погасили, потому что свѣтло стало—вотъ ужъ и перемѣна. Ты сидишь одинъ въ комнатѣ, вдругъ входитъ кто-нибудь и начинаетъ съ тобой говорить—вотъ опять перемѣна. Короче, если ты будешь примѣчать, то увидишь, что все вокругъ тебя перемѣняется. И чѣмъ болѣе проходитъ времени, тѣмъ болѣе перемѣнъ случается. Вотъ отъ чего, когда ты долго не будешь видѣть какого-нибудь мѣста или человѣка, такъ послѣ ты, можетъ быть, насилу узнаешь это мѣсто или этого человѣка; а все отъ того, что съ нимъ между тѣмъ случится много перемѣнъ, или хоть одна, да важная. Напримѣръ, ты три года тому назадъ былъ у дяденьки на дачѣ и гулялъ тамъ въ саду, а поѣзжай-ка туда будущее лѣто: ужъ сада не найдешь, да и стараго деревяннаго домика не узнаешь, потому что вмѣсто него выстроенъ одинъ большой каменный домъ. Да и дяденька-то

ужъ не тотъ: бывало, онъ былъ такой веселый и разговорчивый, шутилъ и игралъ съ тобой, а теперь сидитъ цѣлый день нахмурясь въ своемъ домѣ и ни съ кѣмъ говорить не хочетъ. Вотъ какая тутъ перемѣна случилась: и мѣсто и человѣка трудно узнать! Сдѣлалось это въ три года, и сдѣлалось не вдругъ, а мало по-малу, такъ что еслибъ ты все тутъ же былъ, такъ едва бы замѣтилъ, какъ это сдѣлалось.

Между тѣмъ ты, мой другъ, и самъ все перемѣняешься. Было время, когда ты не только ни читать, ни писать не умѣлъ, да и говорить-то еще совсѣмъ не могъ. А передъ тѣмъ ты не умѣлъ и ходить; на ногахъ не умѣлъ стоять, и даже самъ кушать не умѣлъ; а еще прежде того ты ничего не понималъ; а еще прежде—тебя и совсѣмъ на свѣтѣ не было. Этого ты самъ конечно не помнишь, а я такъ очень помню. Теперь же ты мальчикъ хоть куда: читаешь и пишешь очень порядочно, знаешь ужъ многое, растешь, учишься, а иногда и пошаливаешь. Вотъ какъ ты въ десять лѣтъ перемѣнился! А черезъ нѣсколько годовъ не то еще будетъ.... что будетъ? этого никто не можетъ знать напередъ, а только не то будетъ, что теперь — это вѣрно. Можетъ быть ты выростешь великъ, будешь уменъ и добръ, станешь трудиться съ пользою для себя и для другихъ, потомъ состарѣешься, и наконецъ закроешь глаза на-вѣки! А можетъ быть (чего не дай Богъ!) ты умрешь и въ молодости.... Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ: мой Коля станетъ рости и умнѣть, будетъ большимъ человѣкомъ, сдѣлаетъ много хорошаго и умретъ не прежде какъ въ старости, оставивъ по себѣ добрую память между людьми! это я предчувствую.

Изъ ребенка ты сдѣлался мальчикомъ; изъ мальчика сдѣлаешься взрослымъ человѣкомъ; изъ взрослаго человѣка — старикомъ. Вотъ изъ какихъ перемѣнъ состоитъ жизнь. Вѣдь перемѣняться и значитъ жить. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы не перемѣнялся каждый день. Да! это кажется тебѣ страннымъ, однако справедливо. Всѣ мы съ каждымъ днемъ старѣемъ, хоть и непримѣтно; всѣ мы съ каждымъ днемъ становимся въ душѣ или лучше или хуже, хоть намъ и кажется, что мы все тѣже. Мы всѣ живемъ для того, чтобы день ото дня становиться лучше, и объ этомъ должны всякую минуту заботиться. Такъ и ты, Коля, долженъ каждый день стараться, чтобы вечеромъ, ложась спать, былъ ты уже лучше, нежели какимъ всталъ по-утру. Вѣдь всякій отдѣльный день составляетъ какъ будто особую жизнь. Просыпаясь, ты какъ будто родишься; потомъ живешь, а вечеромъ, засыпая, ты какъ будто на цѣлую ночь умираешь. Передъ сномъ ты молишься Богу; тогда ты всякій разъ долженъ у себя спрашивать: „что я сегодня сдѣлалъ? что я сдѣлалъ хорошаго и что дурнаго?“ И если ты точно сдѣлалъ что нибудь дурное, рѣшись завтра быть лучше и ужъ никогда болѣе не дѣлать того, въ чемъ упрекаетъ тебя совѣсть. Но когда тебѣ придется засыпать на-вѣки, т. е. у-

мирать, тогда для тебя не будетъ завтрашняго дня, и ужъ тебѣ нельзя будетъ перемѣниться.

Я сказалъ тебѣ, что жить значитъ перемѣняться; однакожъ не всѣ перемѣны въ жизни одинаково важны и занимательны. Черезъ нѣсколько лѣтъ у тебя начнетъ рости борода; это будетъ также перемѣна въ твоей жизни, только совсѣмъ неважная. Но когда тебя отдадутъ въ какое нибудь училище, это будетъ важная перемѣна, потому что отъ этого много будетъ зависѣть вся твоя судьба, то есть отъ этого произойдетъ много другихъ и можетъ быть важныхъ перемѣнъ въ твоей жизни. Судьбу вѣдь и составляютъ всѣ тѣ перемѣны, которыя одна за другою случаются въ чьей нибудь жизни. Если перемѣна вдругъ обнаруживается какимъ нибудь замѣтнымъ образомъ или даже дѣломъ, то она называется случаемъ или происшествіемъ. Происшествіе всегда бываетъ важнѣе случая. Если ты, напримѣръ, упадешь, то это довольно непріятная перемѣна твоего положенія будетъ только случай, но если у твоего папеньки (сохрани Богъ) загорится домъ и пропадетъ большая часть имущества, то эта перемѣна — пожаръ — будетъ происшествіе, котораго ты вѣкъ не забудешь, потому что отъ этой перемѣны случится множество другихъ перемѣнъ въ твоей жизни, и твое положеніе совсѣмъ перемѣнится.

Можетъ быть, ты ужъ усталъ читать разговоръ мой съ тобою? Такъ отложи книгу и отдохни, пока въ тебѣ не произойдетъ такой перемѣны, которая опять позволитъ тебѣ читать со вниманіемъ и съ охотою. Лучше совсѣмъ не читать, нежели читать кое-какъ. А какое тутъ чтеніе, когда и голова и глаза устали! На все есть свое время: есть время на дѣло, есть время и на бездѣлье. Ужъ такъ мы созданы: все намъ нужны перемѣны. Вотъ отъ чего однообразіе, одно и тоже, наскучаетъ намъ, а разнообразіе нравится.

Ты, Коля, не одинъ живешь на свѣтѣ. Когда кто спроситъ: какъ тебя зовутъ? ты скажешь сперва свое имя, потомъ свою фамилію. Эта фамилія принадлежитъ не одному тебѣ, но и родственникамъ твоимъ, которые вмѣстѣ съ тобою составляютъ семейство. Когда же кто спроситъ: Нѣмецъ ли ты или Французъ? ты скажешь: „Нѣтъ, я Русскій!“ это значитъ, что ты принадлежишь къ русскому народу.

Ты вѣрно знаешь, что человѣческій родъ состоитъ изъ разныхъ народовъ? А что такое народъ? Большое множество семействъ, которыя говорятъ однимъ языкомъ и обыкновенно имѣютъ одну религію, одни нравы и живутъ вмѣстѣ на одной землѣ. Каждый народъ есть особое, великое семейство. И какъ въ семействѣ всѣ подчинены отцу, такъ и цѣлый народъ всегда повинуется кому нибудь главному, какой нибудь власти. Иногда нѣсколько народовъ управляются одною и тою же властію. Такъ въ нашей Россіи, кромѣ Рускихъ, есть и Татары, и Чухны, и Поляки, и другіе народы, а всѣ они имѣютъ одного общаго отца-государя. Такое огром-

ное семейство, состоящее изъ одного или нѣсколькихъ народовъ подъ одною властью, называется государствомъ.

Народъ отъ времени также перемѣняется, какъ и всякій отдѣльный человѣкъ. Поэтому можно сказать, что и народъ живетъ, имѣетъ свою жизнь, свою судьбу и даже — вотъ что замѣчательно — народъ, какъ и всякій изъ насъ, имѣетъ свои возрасты. Сперва народъ бываетъ грубымъ, непросвѣщеннымъ, т. е. онъ еще не воспитанъ, онъ — младенецъ, мальчикъ. Потомъ онъ умножается, усиливается, умнѣетъ; онъ будто молодой человѣкъ. И такъ какъ всякій изъ насъ въ этомъ возрастѣ любитъ показывать свою силу, любитъ смѣлые поступки и даже опасности, такъ и народъ въ это время, чувствуя силы свои, часто предпринимаетъ славныя дѣла, завоевываетъ чужія земли и увеличиваетъ свои владѣнія. Послѣ того народъ успокоивается, заводитъ у себя лучшій порядокъ, болѣе занимается хозяйствомъ, науками и искусствами, нежели походами; стало быть онъ уже остепенился, возмужалъ. Вѣдь и всякій человѣкъ, послѣ молодыхъ лѣтъ, становится гораздо тише, разсудительнѣе, трудится много, а забавляется мало. Наконецъ и для народа настаетъ старость. Онъ слабѣетъ, приходитъ въ разстройство и напослѣдокъ умираетъ, т. е. обыкновенно покоряется какимъ нибудь другимъ молодымъ народамъ и съ ними смѣшивается.

Теперь ты знаешь, что народъ также перемѣняется, также живетъ, какъ и всякій изъ насъ; въ его жизни также бываютъ случаи и происшествія, болѣе или менѣе важныя. Желалъ-ли бы ты, чтобъ я тебѣ разсказалъ жизнь какого нибудь народа, напримѣръ хоть того, къ которому ты самъ принадлежишь? Не правда ли, разсказъ о жизни русскаго народа отъ самаго его младенчества до сихъ поръ былъ бы очень занимателенъ для тебя? Только вѣдь этотъ разсказъ сдѣлался бы чрезвычайно длиненъ? Жизнь народовъ не такъ коротка, какъ жизнь отдѣльныхъ людей. Человѣкъ уже старъ въ 60, 70 лѣтъ; до ста почти никто не доживаетъ. А народы живутъ иногда по тысячамъ лѣтъ. Вотъ и русскому народу скоро минетъ 1000 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ помнитъ себя, т. е. какъ нѣкоторые люди стали записывать всѣ перемѣны, какія съ нимъ случаются. Но ты, пожалуй, подумаешь, будто и невозможно разсказать всего, что случилось съ цѣлымъ народомъ въ продолженіе 1000 лѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, что на такой длинный разсказъ не станетъ и всей человѣческой жизни?

Послушай. Если бъ я тебя попросилъ разсказать мнѣ твою жизнь, сталъ-ли-бы ты описывать всѣ безъ исключенія перемѣны, всѣ случаи, какіе каждый день происходили съ тобой? Нѣтъ: ты, какъ умный мальчикъ, вѣрно разсказалъ бы мнѣ изъ своей жизни только главныя перемѣны, особливо тѣ, отъ которыхъ послѣ случились и другія перемѣны. Такъ долженъ поступать и тотъ, кто захочетъ разсказывать жизнь цѣлаго народа. Онъ долженъ говорить только о тѣхъ перемѣнахъ или происшествіяхъ, въ которыхъ точно вид-

на жизнь народа, а объ ничтожныхъ случаяхъ не долженъ совсѣмъ и упоминать. Въ жизни всякаго есть много такого, что могло быть и иначе, а жизнь бы отъ того нисколько не перемѣнилась. Тебѣ, напримѣръ, вчера стригли волосы: но ты отъ этого не сталъ ни лучше, ни счастливѣе—и, разсказывая мнѣ свою жизнь, ты вѣрно не станешь описывать мнѣ, когда и гдѣ тебя стригли. Ежели, напротивъ, ты прочтешь какую нибудь книгу, изъ которой узнаешь много новаго и полезнаго, то въ разсказѣ своемъ непремѣнно долженъ будешь упомянуть объ ней, потому что ты и въ мысляхъ и въ дѣлахъ своихъ, а слѣдовательно и въ перемѣнахъ свой жизни, почувствуешь вліяніе этой книги. Такъ и тотъ, кто разсказываетъ жизнь народа, пропускаетъ въ ней все маловажное, а останавливается только на существенномъ; сверхъ того онъ всѣ перемѣны, случившіяся у такого-то народа, разсматриваетъ въ ихъ взаимной связи, т. е. показываетъ, что отъ чего произошло.

Такой разсказъ о жизни народа составляетъ особую науку и имѣетъ особенное названіе, которое ты, вѣроятно, уже слыхивалъ, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ понималъ его. Такой разсказъ, любезный Коля, называется Исторіею. Слово это греческое и по настоящему значитъ просто разсказъ или повѣствованіе. Можно разсказывать жизнь не только одного народа, но и многихъ, даже всѣхъ, которые когда нибудь жили и теперь живутъ, но, разумѣется, только такихъ, которые ужъ вышли изъ младенчества и составили государство. Вѣдь о жизни маленькихъ дѣтей нечего разсказывать: всѣ они похожи другъ на друга и всѣ дѣлаютъ тоже самое. Такъ и дикіе народы еще только начинаютъ свою жизнь; всѣ они сходны одинъ съ другимъ, и исторія ими не занимается. Когда она изображаетъ судьбу всѣхъ главныхъ народовъ, бывшихъ или еще и теперь существующихъ въ мірѣ, то называется всемірною, т. е. исторіею всего міра, всего человѣчества. Изъ того ты легко можешь заключить, что и въ цѣломъ человѣчествѣ происходятъ перемѣны, что слѣдовательно и оно живетъ. Да! и эта жизнь всего занимательнѣе для насъ. Что такое каждый изъ насъ въ сравненіи съ цѣлымъ человѣчествомъ? Не болѣе, какъ капелька въ океанѣ. Мы всѣ одинъ за другимъ умираемъ, а человѣчество все живетъ да живетъ, и будетъ жить, пока земля стоитъ.

Какъ-же для насъ должна быть важна всемірная исторія! Изъ нея мы узнаемъ, какъ и все человѣчество сперва было похоже на младенца, было грубо и невѣжественно, но потомъ мало-по-малу становилось образованнѣе и лучше. Какъ долго оно не знало истиннаго Бога! Наконецъ Отецъ нашъ небесный сжалился надъ своими бѣдными дѣтьми и открылся имъ, пославъ на землю Іисуса Христа. Вотъ послѣ этого-то родъ человѣческій сталъ особенно подвигаться во всемъ, и теперь онъ будетъ изъ вѣка въ вѣкъ еще примѣтнѣе улучшаться. Иногда людямъ кажется противное; но это только кажется. Подумай самъ, возможно ли, чтобъ Создатель, заботясь о судьбѣ всякаго отдѣльнаго человѣка, даже всякой безсловесной тва-

ри, оставилъ безъ попеченія судьбу всего человѣчества? Нѣтъ, участіе Провидѣнія ясно видно въ исторіи. Но разумѣется, Господь Богъ въ премудрости Своей часто употребляетъ средства, которыхъ мы не понимаемъ. Иногда величайшее добро можетъ при первомъ взглядѣ показаться зломъ. Я тебѣ уже говорилъ, что и народъ также, какъ всякій человѣкъ, старѣетъ и наконецъ умираетъ. Однакожъ то добро, которое онъ сдѣлалъ, никогда уже не погибнетъ, а перейдетъ къ другимъ народамъ. Были, напримѣръ, Греки и Римляне. Теперь этихъ двухъ народовъ уже нѣтъ, но все, что они сдѣлали, вся ихъ жизнь, даже ихъ языкъ, до сихъ поръ составляютъ собственность человѣчества. Такъ-то жизнь народа никогда не проходитъ безъ пользы для всего человѣческаго рода, который по этому все и становится лучше. Ты, другъ мой, со временемъ увидишь, какое важное дѣло для каждаго изъ насъ — опытность, т. е. знаніе всякой всячины не по наслышкѣ, а по тому, что мы сами въ жизни испытали. Такъ и для человѣчества чрезвычайно важна опытность. Этому насъ учитъ всемірная исторія.

Когда разсказывается жизнь одного только народа, или хоть и всѣхъ, да въ какое нибудь особое время, тогда исторія называется частною. Такъ есть исторія Франціи, исторія Англіи, исторія Россіи и проч. Также точно можетъ быть исторія, напримѣръ, 12-го, 16-го, 18-го и всякаго другаго столѣтія.

Я сказалъ: исторія Франціи, Англіи, Россіи, вмѣсто исторіи Французовъ, Англичанъ, Русскихъ. Это все равно: можно употреблять названіе земли вмѣсто названія народа; можно также говорить: исторія такого-то государства, напримѣръ русскаго или и просто: русская, англійская исторія. И этакъ всякій тебя пойметъ.

Я надѣюсь, милый Коля: когда ты выростешь большой, то будешь много заниматься исторіею, особливо русскою. Исторія — одна изъ самыхъ занимательныхъ и полезныхъ, одна изъ необходимѣйшихъ наукъ. Я ужъ объяснилъ тебѣ, какъ важна человѣку опытность. Суди же, во сколько умножится твоя опытность, когда ты въ исторіи узнаешь, какъ прожили не только многіе люди, у которыхъ надобно учиться жить, но и цѣлые народы. Слыша разсказы объ ихъ жизни, ты какъ будто самъ вмѣстѣ съ ними проживешь ее. Безъ исторіи, твоя собственная опытность всегда будетъ недостаточна.

А какъ занимательна исторія! Сколько въ ней услышишь интересныхъ происшествій! Сколько въ ней узнаешь замѣчательхъ людей, и добрыхъ и злыхъ, и великихъ и низкихъ, такихъ, которымъ должно подражать, и такихъ, съ которыми должно бояться и малѣйшаго сходства! Кто не знаетъ исторіи, тому все, что вокругъ него происходитъ, кажется новымъ и страннымъ; напротивъ, знающій ее сравниваетъ настоящее съ прошедшимъ, сличаетъ нынѣшнихъ людей съ прежними, обо всемъ можетъ судить правильно, даже иногда предвидѣть, чѣмъ какая нибудь перемѣна кончится.

Ты ужъ и теперь можешь начать заниматься исторіею. Есть по этой части много хорошихъ книгъ, написанныхъ для дѣтей. Ты легко найдешь хорошую книгу въ этомъ родѣ, если обратишься къ кому нибудь знающему.

Теперь, Коля, еслибъ у тебя спросили: „Что такое исторія?" подумай, чтобы ты отвѣчалъ. Исторія есть.... пут-ка, говори самъ.... По моему, тебѣ надобно отвѣчать вотъ какъ: Исторія есть наука, которая изображаетъ въ связномъ разсказѣ существенныя перемѣны въ жизни народовъ, или, пожалуй, государствъ. Со временемъ ты самъ, можетъ быть, еще лучше этого отвѣтишь на мой вопросъ; но покуда намъ и этого довольно.

Еще я долженъ замѣтить кое-что. Еслибъ ты разсказалъ мнѣ свою жизнь, ты бы не только говорилъ, что съ тобой случилось, но для полноты еще прибавлялъ бы: когда и гдѣ такая-то перемѣна произошла. Безъ этого я бы все-таки хорошенько не зналъ твоей жизни. Такъ и въ исторіи не довольно описывать происшествія; надобно сверхъ того показывать время и мѣсто ихъ. И читая исторію, ты всегда долженъ стараться запоминать во первыхъ столѣтія и годы, когда что было, а во вторыхъ города, селенія, рѣки и другія мѣста, гдѣ что было. Кто помнитъ годы и столѣтія, объ томъ говорятъ, что онъ знаетъ хронологію, т. е. счетъ времени. А кто твердо помнитъ замѣчательныя мѣста и умѣетъ находить ихъ на картѣ, тотъ знаетъ географію, т. е. землеописаніе. Слово: хронологія и географія, также какъ и исторія, взяты съ греческаго языка.

Хорошо ли ты теперь понимаешь, что такое исторія? Если понимаешь, поздравляю: ты полюбишь исторію, и она много, много принесетъ тебѣ пользы. А если не понимаешь, прочти еще разъ, да повнимательнѣе, все, что я здѣсь написалъ, и всякій разъ, когда тебѣ что не совсѣмъ будетъ ясно, совѣтуйся съ кѣмъ нибудь, кто постарше да поумнѣе тебя.

Я. Гротъ.

11. КРАТКІЯ ПОЛОЖЕНІЯ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНІЯ ВНИМАТЕЛЬНОСТИ И РАЗМЫШЛЕНІЯ.

Заведеніе, въ которомъ книги печатаются, называется типографіею. Я знаю также еще нѣкоторыя напечатанныя книги. Я могу назвать первую читанную мною печатную книгу.

Сочиняющій, или издающій книги, называется сочинителемъ или издателемъ книги. Имя сочинителя, по большей части, находится въ заглавіи книги. Сперва книга пишется, потомъ печатается, и, посредствомъ печатанія, въ короткое время, одну книгу можно размножить до нѣсколькихъ тысячъ. Искусство сіе называется книгопечатаніемъ.

Всякая книга состоитъ изъ многихъ листовъ. Переплетчикъ сшиваетъ сіи листы, чтобы они не растерялись, или не пришли бы въ безпорядокъ.

Я знаю какъ раздѣляется время. — Семь дней составляютъ недѣлю, а четыре недѣли и два или три дня — мѣсяцъ. Изъ такихъ двѣнадцати мѣсяцевъ или изъ 365 дней состоитъ годъ. — Полгода заключаетъ въ себѣ шесть мѣсяцевъ, а четверть года три мѣсяца. Названія двѣнадцати мѣсяцевъ по порядку суть: Генварь, Февраль, Мартъ, Апрѣль, Май, Іюнь, Іюль, Августъ, Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь.

Когда пройдутъ 52 недѣли или 12 мѣсяцевъ, тогда одинъ годъ оканчивается, и начинается другой. Въ первый день Новаго года, празднуютъ Новый годъ. Въ сей день родные, знакомые, пріятели и сосѣди желаютъ взаимно другъ другу всякаго благополучія.

Исполнившіяся сто лѣтъ, называютъ столѣтіемъ или вѣкомъ. Мы живемъ теперь въ девятнадцатомъ вѣкѣ или столѣтіи. Мы начинаемъ считать годы или ведемъ лѣтосчисленіе отъ Рождества по плоти Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, и теперь прошло уже болѣе 1800 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Онъ родился.

Въ первые два мѣсяца каждаго года и въ послѣдній, бываетъ у насъ очень холодно, падаетъ снѣгъ и замерзаетъ вода. Сіе время года называется зимою.

Въ три мѣсяца, слѣдующіе послѣ Февраля, уже не столь холодно; ледъ таетъ; снѣгъ падаетъ рѣдко и по немногу; на деревьяхъ появляются почки, цвѣты и листья, показываются ласточки и расцвѣтаютъ нѣкоторые цвѣты, особливо снѣжноцвѣтъ, фіялки, ландыши. Это прекрасное время года называется весною.

Въ Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ солнце палитъ; воздухъ часто бываетъ очень жарокъ; человѣкъ жалуется на жаръ; но жаръ полезенъ, ибо онъ способствуетъ созрѣванію многихъ прекрасныхъ ягодъ и плодовъ, на примѣръ: клубники, смородины, крыжевника, вишенъ, грушъ, яблокъ, персиковъ, абрикосовъ и сливъ. Это время года называется лѣтомъ.

Въ Сентябрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Октябрѣ, и даже въ Ноябрѣ мѣсяцахъ, убираютъ всѣ плоды въ садахъ, огородахъ и на поляхъ, и складываютъ въ магазины — или на поверхности земли, или въ погребахъ. Въ Іюлѣ и въ Августѣ, крестьяне жнутъ хлѣбъ серпами, связываютъ въ снопы и свозятъ ихъ въ овины, гдѣ его молотятъ. Потомъ крестьяне копаютъ картофель и рѣпу, срѣзываютъ капусту, и то, что находятъ для продовольствія своего лишнимъ, отвозятъ въ городъ для продажи. Молоченный хлѣбъ ссыпаютъ въ большіе мѣшки и везутъ къ мельнику, чтобы перемолоть его на мельницѣ, въ муку. Это время года называются осенью.

Я знаю разнаго рода вещи, на которыя смотрѣлъ со вниманіемъ. Я знаю множество растеній, разводимыхъ въ садахъ и въ огородахъ, напримѣръ: морковь, бобы, горохъ, огурцы, виноградныя

лозы, хрѣнъ, салатъ, разнаго рода капусту, петрушку, порей, шалфей, спаржу, крессъ. Я знаю негодныя или сорныя травы (бурьянъ) и умѣю отличать ихъ отъ другихъ растеній.

На поляхъ растетъ рожь, пшеница, ячмень, овесъ, ленъ, пенька и гречиха. — Чечевица, бобы, горохъ и картофель растутъ также на поляхъ и называются потому полевыми плодами.

Въ садахъ растутъ груши, яблоки, сливы, вишни, абрикосы, персики и орѣхи; между деревьями сажаютъ разнаго рода кустарники; растетъ смородина, крыжевникъ, барбарисъ, малина и т. п. Плоды всѣхъ этихъ деревьевъ и кустарниковъ можно ѣсть (они употребляются въ пищу и здоровы) если они зрѣлы. Незрѣлые плоды вредны.

Деревья снабжаютъ насъ не только сочными плодами, но, весною, радуютъ еще своими бѣлоснѣжными и румяными цвѣтами; въ жаркіе лѣтніе дни прохлаждаютъ тѣнью, а зимою согрѣваютъ насъ, доставляя дрова.

Дерево стоитъ крѣпко, потому что имѣетъ крѣпкіе корни, глубоко входящіе въ землю. Надъ корнемъ возвышается стволъ, который окруженъ твердою корою, словно одеждою. На верху ствола вырастаютъ вѣтви, а на вѣтвяхъ сучки, на сучкахъ листья и плоды. Въ началѣ весны на сучьяхъ не видно еще ни листьевъ, ни плодовъ, но только почки; наконецъ сіи послѣднія раскрываются и изъ нихъ появляются листья и цвѣты, изъ цвѣтовъ происходятъ плоды. Листья украшаютъ дерево и защищаютъ плоды отъ палящаго солнца. Если дерево лишается листьевъ прежде нежели плоды поспѣютъ, то плоды посыхаютъ.

Если кора на деревѣ повреждена, то дерево болѣетъ и наконецъ умираетъ (засыхаетъ). Потому весьма худо дѣлаютъ, и достойны строгаго наказанія тѣ дѣти, которыя злонамѣренно, или изъ шалости, срѣзываютъ кору на деревѣ, или обдираютъ ее. Никогда не намѣренъ я повреждать ни одного дерева, но буду любоваться здоровымъ и цвѣтущимъ деревомъ.

Не всѣ животныя имѣютъ одинаковый видъ; есть большая разница между собакою, воробьемъ, щукою, лягушкою, паукомъ и улиткою. У собаки четыре ноги и она кормитъ сосцами щенятъ своихъ; потому она принадлежитъ къ четвероногимъ сосцекормящимъ, или млекопитающимъ. У воробья только двѣ ноги: онъ кладетъ яйца и тѣло его покрыто перьями, а потому онъ принадлежитъ къ птицамъ. У щуки нѣтъ ни ногъ, ни крылъ; на ней не шерсть какъ у собаки, и не перья какъ у воробья, но чешуя. Она не можетъ ходить подобно собакѣ, ни летать подобно воробью, но можетъ плавать, т. е. въ водѣ съ быстротою перемѣнять мѣсто; для сего движетъ она плавательными своими перьями и хвостомъ. Она принадлежитъ къ рыбамъ и можетъ жить только въ водѣ.

Хотя у лягушки четыре ноги, но заднія ея ноги длинны, и служатъ ей не столько для ходьбы сколько для плаванія; она также

не можетъ, въ собственномъ смыслѣ, ходить, но только прыгать,
или скакать. Она живетъ на землѣ и въ водѣ, и принадлежитъ
посему къ амфибіямъ или земноводнымъ.
Паукъ имѣетъ восемь ногъ, и не красную и теплую, но холод-
ную и бѣловатую кровь. На тѣлѣ у него много рубцевъ или нарѣ-
зовъ. Онъ принадлежитъ къ насѣкомымъ. — Улитка совсѣмъ не
имѣетъ ногъ и можетъ только ползать; она также имѣетъ холод-
ную, бѣловатую кровь и принадлежитъ къ слизнякамъ или молю-
скамъ.

Почти каждое животное имѣетъ свойственный ему голосъ. Рыбы,
черви и насѣкомыя не имѣютъ, кажется, никакого голоса. Пріят-
нѣйшій голосъ имѣетъ человѣкъ. Я слышалъ, какъ поютъ соловей
и жаворонокъ, какъ лаетъ и ворчитъ собака, какъ мычитъ корова,
какъ коза и овца блеятъ, какъ кричитъ павлинъ, какъ хрюкаетъ
поросенокъ, какъ пищитъ мышь, какъ ржетъ лошадь, какъ кри-
читъ лебедь и какъ квакаетъ лягушка.

Природа дала животнымъ теплое одѣяніе. Нѣкоторыя изъ нихъ
покрыты грубыми волосами, или шерстью, другія перьями, нѣкото-
рыя чешуею, иныя щетиною или колючками, или костяною скор-
лупою.

Дикіе звѣри, живущіе въ лѣсахъ, и, большею частію, избѣгаю-
щее присутствія человѣка, сами достаютъ себѣ пищу: нѣкоторые
изъ нихъ умерщвляютъ другихъ животныхъ и пожираютъ ихъ, отъ
чего называются хищными животными; другіе ѣдятъ павшихъ жи-
вотныхъ (падаль), хотя бы они даже пришли уже въ гніеніе. Домаш-
нихъ животныхъ кормитъ самъ человѣкъ: ихъ кормъ весьма разно-
образенъ, ибо они питаются травою, разными растеніями, коренья-
ми, почками, листьями, деревомъ, сокомъ цвѣтовъ, зернами, мяки-
ною и даже ядовитыми для насъ растеніями.

Быки, коровы, овцы, лошади и козы питаются травою, не пренеб-
регая и огородныхъ растеній; собаки и кошки ѣдятъ мясо; куры
и гуси хлѣбныя зерна, особливо же ячмень. Пчелы питаются сокомъ
цвѣтовъ; большая часть червей кореньями; гусеница листьями.

Наружные члены животныхъ очень различны. У нѣкоторыхъ изъ
нихъ есть руки и ноги, каковы обезьяны; у другихъ же нѣтъ ни
рукъ, ни ногъ и никакого другаго наружнаго члена, способствую-
щаго движенію, каковы змѣи и черви. У нѣкоторыхъ двѣ, у дру-
гихъ четыре ноги; у иныхъ шесть или восемь, а у иныхъ даже сто
ногъ; у насѣкомаго, называемаго мокрицею, 14 ногъ. У нѣкото-
рыхъ изъ нихъ есть крылья; у другихъ плавательныя перья; у
иныхъ щупальца и усики. Я могу наименовать такихъ животныхъ,
у которыхъ есть щупальца, и такихъ, у которыхъ есть усики.

Нѣкоторыя животныя имѣютъ необыкновенно тонкое чувство.
Вороны и собаки имѣютъ отмѣнно тонкое чутье, а орелъ имѣетъ
удивительно проницательный взоръ. У нѣкоторыхъ животныхъ, на
примѣръ у дождеваго червяка, не замѣтно никакихъ орудій чувствъ
—ни ушей, ни глазъ, ни носа.

Чувствуя усталость, животныя ложатся спать, и нѣкоторыя изъ нихъ спятъ съ открытыми глазами, на примѣръ зайцы; другія спятъ стоя, на прим. лошади; иныя только днемъ, потому что ночью выходятъ на добычу, на прим. совы и разные дикіе звѣри. Нѣкоторыя животныя спятъ цѣлую зиму, и не прежде пробуждаются, какъ когда воздухъ становится теплъ.

Всякое животное имѣетъ непріятеля, противъ котораго оно должно защищаться и предохранять себя, но всякое животное умѣетъ также защищаться противъ своего непріятеля при нападеніи его —кусаясь, лягаясь, бодаясь, колясь, убѣгая, прятаясь, умѣютъ они отражать своихъ непріятелей или приводить себя въ безопасность. Нѣкоторыя изъ живущихъ въ водѣ, будучи преслѣдуемы, мутятъ воду; нѣкоторыя останавливаютъ непріятелей своихъ испускаемою отъ себя вонью; другія же представляются мертвыми, или жалобными криками зовутъ къ себѣ на помощь.

Животныя съ большою заботливостію лелѣютъ и кормятъ дѣтей своихъ. Еще прежде, нежели сіи послѣднія родятся, они приготовляютъ для нихъ мягкое, теплое и безопасное жилище. Нѣкоторыя животныя, какъ на примѣръ: собаки, кошки, лошади, коровы и козы рождаютъ живыхъ дѣтей, кормятъ ихъ сосцами, отъ чего и называются сосцекормящими или млекопитающими. Птицы и рыбы кладутъ яйца, изъ коихъ, чрезъ нѣкоторое время, дѣйствіемъ теплоты, выходятъ дѣти.

Птицы живутъ въ воздухѣ и имѣютъ легкое одѣяніе изъ перьевъ; другія животныя живутъ въ водѣ и, по большой части, бываютъ одѣты слизистою чешуею, каковы, на примѣръ, большая часть рыбъ; другія живутъ подъ землею, какъ то: хомякъ, кротъ, крысы, мыши и черви, и сіи послѣднія имѣютъ или одѣяніе изъ шерсти, или гладкую удобрастягивающуюся кожу. Въ странахъ очень холодныхъ животныя имѣютъ весьма теплое одѣяніе. На млекопитающихъ находится самая разнообразная покрышка. Кожа ихъ поросла или волосами, или шерстью, или щетиною,—у иныхъ колючками, чешуею или раковиною.

Польза, приносимая человѣку млекопитающими, неописанно велика. Мы не могли бы жить безъ овецъ, быковъ и коровъ, потому что овца снабжаетъ насъ шерстью или волною, изъ которой мы дѣлаемъ себѣ платье; мясо быковъ (говядина) есть самая питательная наша пища, а кожа ихъ необходима для насъ, ибо сапожники шьютъ изъ нея сапоги и башмаки. Во многихъ странахъ быкъ или волъ необходимъ при обработываніи земли, потому что съ его помощію пашутъ землю. Корова даетъ молоко, изъ котораго приготовляются масло и сыръ. — Лошади также отмѣнно полезны для верховой и упряжной ѣзды и для плуговъ; равно какъ и ослы необходимы въ странахъ гористыхъ, потому что, по крѣпости своей и неутомимости, употребляются для перевоза тяжестей.

Тѣ же услуги, которыя намъ доставляютъ лошади и быки, въ самыхъ холодныхъ странахъ доставляютъ олени, а въ жаркихъ верблюды.

Птицы веселятъ насъ пѣніемъ своимъ, употребляются въ пищу и полезны для насъ въ разныхъ другихъ отношеніяхъ, — отчасти перьями своими и яйцами, а отчасти тѣмъ, что поядаютъ павшихъ животныхъ, истребляютъ вредныхъ или непріятныхъ, а особливо змѣй, лягушекъ и ящерицъ. Птицы бываютъ домашнія — изъ рода куръ, водяныя или плавающія, болотныя, пѣвчія, лѣсныя и хищныя.

Рыба полезна человѣку, какъ средство къ пропитанію. Есть страны, которыхъ жители часто цѣлый годъ, и притомъ исключительно, питаются рыбою. — Жиръ и кожа нѣкоторыхъ рыбъ также идетъ въ употребленіе.

Насѣкомыя полезны для насъ особливо тѣмъ, что уничтожаютъ большую часть негодной травы — отчасти еще въ сѣмени, отчасти когда она уже выросла. Они поядаютъ падаль или павшихъ животныхъ, которыя безъ сего заражали бы воздухъ. Разныя насѣкомыя въ нѣкоторыхъ странахъ употребляются также въ пищу, на примѣръ — большая саранча. Отъ пчелъ получаемъ мы медъ и воскъ. Нѣкоторыя животныя даютъ прекрасную краску. Испанскія мухи, въ просторѣчіи у насъ называемыя *Шпанскими мушками*, составляютъ превосходное лекарство.

Изъ слизняковъ также нѣкоторые употребляются въ пищу, на примѣръ — устрицы. Художники выдѣлываютъ разнымъ образомъ раковины, особливо перломутовыя. — Губка, столь полезное произведеніе, есть жилье, приготовляемое для себя червякомъ. Піявицы или піявки суть одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ лекарствъ.

Животныя, которыхъ кожа въ большомъ употребленіи, суть слѣдующія: быки, телята, овцы, лошади, свиньи, козы, олени, дикія козы и ослы. Изъ кожи рыбы, называемой *мечь-рыба*, выдѣлывается также кожа для подошвъ. Кожа, выдѣлываемая изъ бычачьей шкуры, называется опоекъ, юфть, или выростокъ, смотря по способу приготовленія, или по возрасту животнаго. Кожа съ домашнихъ свиней не снимается, но только съ дикихъ. Встарину книги обыкновенно переплетались въ свиную кожу.

Изъ слоновой кожи пергаминщикъ дѣлаетъ красивый пергаминъ на которомъ можно писать карандашемъ и, написавъ, стирать.

Шкуры животныхъ, поросшія мягкою, волнистою шерстью, идутъ на дѣланіе шубъ. Какъ называется человѣкъ, дѣлающій шубы? — Если же эта шерсть не велика, то ее соскабливаютъ и употребляютъ на приготовленіе шляпъ.

Животныя, которыхъ мясо употребляется въ пищу, суть слѣдующія: быки, телята, бараны, ягнята, свиньи, козы, олени, дикія козы, зайцы, куры, гуси, утки, индѣйки, голуби, сѣрые дрозды, жаворонки, фазаны, рябчики, и т. д. — Молоко нѣкоторыхъ животныхъ служитъ также въ пищу человѣку, особливо молоко коровъ, овецъ и козъ. Лошадиное молоко также пьютъ въ нѣкоторыхъ странахъ

Ослиное молоко очень полезно, и употребляется даже какъ лекарство въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ.

Есть различнаго рода земли, каковы: песокъ, горшечная глина, мѣлъ, известь. Песокъ употребляетъ каменщикъ, смѣшивая его съ известью; мелкимъ пескомъ посыпаютъ не высохшія еще на бумагѣ чернила, чтобы они не стерлись, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пескомъ посыпаютъ также полы въ комнатахъ.—Глину употребляетъ печникъ при складываніи печки: также идетъ она и на строенія; изъ глины же дѣлаютъ и кирпичъ. — Въ овинахъ полы или токи обыкновенно сдѣланы изъ крѣпко размятой глины. Горшечникъ выдѣлываетъ изъ горшечной глины горшки, блюда, миски и кружки. Мѣлъ употребляется для письма и въ живописи, а известь идетъ на строеніе.

Камни также полезны въ разныхъ видахъ. Песчаникъ идетъ для молотья хлѣба на мельницахъ, отъ чего называется мельничнымъ камнемъ или жерновомъ, когда онъ обсѣкается и округливается; другіе употребляются для точенія ножей, ножницъ, топоровъ и сабель; иныя на постройку, на мощеніе улицъ, особливо песчаникъ, известнякъ и булыжникъ, равно какъ гранитъ и мраморъ, получающіе очень хорошій видъ отъ шлифовки и полированья. Нѣкоторые дорогіе и отмѣнно красивые камни служатъ для украшенія и называются благородными или драгоцѣнными каменьями. Алмазъ есть драгоцѣнный и сверхъ того весьма полезный камень, ибо рѣжетъ стекло и необходимъ для стекольщиковъ.

Къ полезнымъ камнямъ принадлежитъ кремень; онъ преимущественно употребляется для ружей, и также изъ него плавятъ стекло на стеклянныхъ заводахъ. Аспидный камень принадлежитъ тоже къ весьма употребительнымъ; онъ идетъ въ нѣкоторыхъ странахъ на кровли домовъ и для письма (грифель).

Хрусталь имѣетъ блескъ и цвѣтъ прекраснѣйшаго бѣлаго стекла. Названія знатнѣйшихъ драгоцѣнныхъ камней суть: алмазъ, халцедонъ, карніолъ, агатъ, яшма, хризопразъ, гранатъ, гіацинтъ, рубинъ, смарагдъ или изумрудъ, топазъ, сапфиръ.

Въ землѣ находятъ золото, серебро, платину, мѣдь, желѣзо, олово, свинецъ, каменый уголь, торфъ, каменную соль, драгоцѣнныя каменья, сѣру. Изъ золота, платины, серебра и мѣди дѣлаютъ монету или деньги. Имперіалы, полуимперіалы, червонцы, суть золотыя монеты.

III.

Статьи изъ Исторіи.

12. ПЕТРЪ I.

РОЖДЕНІЕ ПЕТРА I-ГО.

Живо представляю себѣ, какъ обрадуются всѣ маленькіе друзья мои, прочитавъ названіе этой главы, увидѣвъ это имя, славное, великое, равно прославляемое Русскими и въ раззолоченныхъ палатахъ вельможъ ихъ и въ бревенчатыхъ домикахъ крестьянъ. Такъ, любовь къ Петру одинакова не только во всякомъ званіи народа нашего, но даже, мнѣ кажется, и во всякомъ возрастѣ. Скажите, кто изъ маленькихъ читателей моихъ еще не знаетъ его и не желаетъ слышать все, что разсказываютъ о немъ? О! въ этомъ случаѣ не уступятъ имъ и читательницы мои! Это уже не то, что длинный разсказъ о малороссійскихъ казакахъ! Посмотрите, какое любопытство примѣтно на лицахъ ихъ. Съ какимъ ожиданіемъ свѣтлые глазки ихъ смотрятъ па того изъ старшихъ братьевъ, который, чтобы удовлетворить общему желанію маленькаго собранія, обѣщалъ прочитать вслухъ эти страницы о Петрѣ, и если бы онъ не принялся скоро за дѣло,—нетерпѣливыя дѣвочки вѣрно взяли бы изъ рукъ его книгу и начали бы сами читать ее. Но удивительно ли это нетерпѣніе ихъ, — вѣдь онѣ русскія дѣвочки — когда и всѣ иностранные народы, и всѣ умнѣйшіе писатели этихъ народовъ не могутъ надивиться нашему незабвенному Петру, и всѣ въ одинъ голосъ называютъ его самымъ великимъ государемъ? Послѣ того какъ же можно намъ, Русскимъ, для счастія которыхъ Петръ посвящалъ каждый часъ своей славной жизни, какъ можно намъ менѣе восхищаться имъ? Такъ, мои милыя малютки, ваше нетерпѣніе очень справедливо, и я сожалѣю, что не могу въ этуже минуту удовлетворить его, не смотря на обманчивое названіе этого разсказа! Еще не настало время начать исторію Петра: будущій герой Россіи, вмѣстѣ съ будущимъ величіемъ ея, еще покоится въ дѣтской колыбели; младенческіе взоры его еще не зажглись огнемъ генія; маленькія ручки еще не чертятъ плановъ завоеванныхъ земель и новой столицы, но безпечно играютъ жемчужными нитками, обвивающими шею молодой красавицы, нѣжно наклонившейся надъ его колыбелью. Но ктожъ эта счастливица, такъ сладко улыбающаяся младенцу Петру? Не такъ ослѣпителенъ блескъ царской одежды ея, какъ очаровательно счастіе, блистающее въ прекрасныхъ глазахъ ея. О! если она наслаждается такимъ блаженствомъ, то отгадать не трудно, кто она. — Это — молодая супруга царя Алексія Михайловича, это — счастливая мать Петра!

Мать Петра! Сколько величія, сколько славы въ этомъ словѣ для женщины! Какъ занимательна должна быть ея исторія! какъ любопытны всѣ подробности, до нея касающіяся! Къ тому же вѣдь это не первая супруга Алексія Михаиловича, уже извѣстная намъ царица Марія Ильинишна, изъ рода Милославскихъ. Нѣтъ, она умерла въ 1669 году и царь женатъ теперь на другой. И такъ, маленькіе друзья мои, ожиданія и желанія ваши не были совсѣмъ напрасны; вы услышите исторію матери Петра, узнаете, кто была она, прежде нежели судьба возвела ее на тронъ Россіи. Возвратимся же нѣсколько назадъ, забудемъ, что Петръ уже родился, и представимъ себѣ то время, когда Алексій Михаиловичъ, еще недавно лишившись супруги, съ которою жилъ долго и счастливо, долженъ былъ вскорѣ потомъ оплакать и смерть старшаго, шестнадцатилѣтняго сына, царевича Алексія Алексіевича. Но и эти сильныя, семейственныя горести не производили своего гибельнаго дѣйствія надъ твердою душею царя. Съ прежнею неутомимостію продолжалъ онъ заниматься дѣлами государственными. Во всемъ обширномъ царствѣ его не было предмета, на который бы онъ не обращалъ своего благодѣтельнаго вниманія. Собранныя узаконенія уже давно выданы были новою книгою, подъ названіемъ Уложенія царя Алексія Михаиловича, и эта книга, къ славѣ мудраго государя, сдѣлалась основаніемъ русскихъ законовъ. Послы его ѣздили не только въ Германію, Францію и Швецію, но даже въ Испанію и Италію, даже въ Турцію и Китай. Для торговли съ послѣднимъ построены были въ Сибири города: Нерчинскъ и Иркутскъ. Торговля вообще была много улучшена въ это примѣчательное царствованіе; самыя деньги получили другой видъ: Алексій Михаиловичъ учредилъ монетный дворъ, гдѣ начали чеканить серебряные рубли и полтинники. Для распространенія просвѣщенія, онъ основалъ въ Москвѣ первую академію, которая называлась Заиконоспасскою. Чтожъ касается до правосудія, то рѣдкій государь былъ правосуденъ такъ, какъ Алексій Михаиловичъ. Кромѣ того, что онъ внимательно разсматривалъ всѣ дѣла, какія представляли ему бояре — передъ дворцомъ его всегда стоялъ запечатанный царскою печатью ящикъ съ такою скважиною на крышкѣ, въ которую можно было просунуть свернутый листъ бумаги. Въ этотъ ящикъ каждому позволялось класть свою просьбу. Вечеромъ его приносили къ государю, который самъ распечатывалъ его, самъ разсматривалъ всѣ положенныя просьбы, и самъ тотчасъ же писалъ на нихъ свои рѣшенія.

Въ такомъ безпрестанномъ занятіи счастіемъ народа, великодушный Алексій проводилъ всю жизнь свою. Обманчивая преданность боярина Морозова рано сдѣлала его осторожнымъ въ выборѣ совѣтниковъ и искреннихъ друзей. Долго искалъ онъ человѣка, съ которымъ бы можно было раздѣлить тяжесть правленія, и все боялся ошибиться. Наконецъ казалось ему, что онъ встрѣтилъ такого, что онъ нашелъ вѣрнаго друга, готоваго пожертвовать ему и отечеству жизнію. Это былъ думный дворянинъ Артамонъ Сергѣевичъ Мат-

вѣевъ. Съ каждымъ днемъ царь открывалъ въ немъ новыя достоинства, съ каждымъ днемъ любилъ его болѣе и болѣе; и надобно сказать правду,—на этотъ разъ Алексій Михаиловичъ не ошибся: изъ всѣхъ придворныхъ его не было никого благороднѣе, добрѣе и усерднѣе Матвѣева! Царь находилъ такъ много удовольствія въ бесѣдахъ съ умнымъ совѣтникомъ своимъ, что даже иногда ѣздилъ къ нему въ гости. Съ удивленіемъ смотрѣли на это придворные: прежде никогда не бывало, чтобы цари русскіе посѣщали своихъ подданныхъ.

Со времени кончины супруги и сына, эти посѣщенія сдѣлались чаще, потому что, не смотря на всю твердость души, государь не могъ не грустить о невозвратной потерѣ милыхъ сердцу его. Артамонъ Сергѣевичъ умѣлъ развлекать его горесть, умѣлъ утѣшать его лучше всѣхъ другихъ придворныхъ бояръ и вельможъ.

Такъ протекли два года, и къ царю возвратилось прежнее спокойствіе и веселость. Вотъ въ одинъ вечеръ Алексій Михаиловичъ пріѣхалъ къ любимцу своему позднѣе обыкновеннаго: у боярина, не ожидавшаго въ тотъ день гостей, уже накрытъ былъ столъ для ужина. Царь, замѣтивъ небольшое замѣшательство хозяина, шутливо сказалъ, что столъ накрытъ очень кстати, что онъ проголодался и вмѣстѣ съ нимъ отужинаетъ; только съ тѣмъ, прибавилъ добрый государь — „чтобы за столомъ были всѣ тѣ, кто обыкновенно ужинаетъ съ тобою.“

Желаніе царя было исполнено, и когда кушанье подали, въ комнату вошла хозяйка съ сыномъ и молодою дѣвушкой. Царь удивился: никогда не слыхалъ онъ, чтобъ у Матвѣева была дочь, и никогда прежде не видалъ въ домѣ его этой дѣвушки. За ужиномъ удивленіе его увеличилось: незнакомка была красавица изъ красавицъ. По обыкновенію того времени, она мало говорила, но за то всякое слово ея было такъ и мило и умно, что восхищенный государь не могъ наслушаться ея сладкаго голоса, не могъ наглядѣться на прекрасныя черты лица ея. Почти не спуская съ нея глазъ, Алексій Михаиловичъ даже позабылъ спросить, какъ зовутъ ту, которая такъ пріятно поразила его, и не прежде какъ уже въ половинѣ ужина поздравилъ хозяина съ такою прекрасною дочерью. Но тутъ узналъ онъ, что это была не дочь, а только воспитанница Матвѣева. Отецъ ея, Кириллъ Полуехтовичъ Нарышкинъ, былъ небогатый дворянинъ, который, проживая лѣто и зиму въ бѣдной деревенькѣ своей, былъ очень радъ, что родственникъ и другъ его, Артамонъ Сергѣевичъ, взялъ къ себѣ маленькую дочь его. И такъ Наталія выросла въ домѣ Матвѣева. Онъ и добрая жена его любили воспитанницу свою какъ родное дитя, и, рано замѣтивъ чрезвычайную красоту дѣвочки, старались украсить и умъ ея всѣми познаніями, какія только можно было въ то время доставить знаменитой боярышнѣ русской. Наталія щедро вознаграждала эту любовь и эти нѣжныя попеченія: она была добра, чувствительна, прекрасна сердцемъ точно столько же, какъ и наружностію. Любуясь

ею, добрые Матвѣевы часто думали, что какъ Богъ помогъ имъ воспитать пріемную дочь ихъ, такъ со временемъ поможетъ и выдать за-мужъ за хорошаго человѣка, который не посмотритъ на то, что она бѣдная дѣвушка.

Все это было разсказано Алексію Михаиловичу, когда онъ началъ распрашивать любимца своего о прекрасной воспитанницѣ его. Артамонъ Сергѣевичъ не скрылъ отъ добраго государя даже и того, какъ и онъ и жена его желали бы видѣть милую Наталію свою за-мужемъ. Царь не только одобрилъ такое желаніе, но даже, уѣзжая домой, сказалъ, что и онъ подумаетъ о томъ, какъ бы найти хорошаго жениха для такой прекрасной дѣвушки, какъ Наталія.

Онъ и подлинно началъ думать объ этомъ, и вообразите, милыя дѣти, кто былъ этотъ женихъ, котораго онъ выбралъ для счастливицы? Это былъ — онъ самъ! Да, прелестная дочь Нарышкина такъ плѣнила царя своею милою наружностію, а воспитаніе, полученное ею въ домѣ умнаго Артамона Сергѣевича, такъ хорошо ручалось за ея душевныя достоинства, что онъ рѣшился сдѣлать ее супругою своею, и на той же недѣлѣ пріѣхалъ сказать объ этомъ Матвѣеву. Вы можете представить себѣ, какъ удивился добрый воспитатель Наталіи! Сначала думалъ онъ, что слышитъ это во снѣ, но потомъ, когда государь повторилъ еще разъ слова свои — Матвѣевъ упалъ къ ногамъ его и умолялъ оставить это намѣреніе: оно, казалось, предвѣщало счастливому любимцу царя столько опасностей отъ зависти вельможъ, и безъ того уже не любившихъ его за это счастіе, что онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на блистательную судьбу Наталіи!

Алексію Михаиловичу пріятно было видѣть безкорыстную преданность вѣрнаго подданнаго и друга. Онъ ласково поднялъ его и старался успокоить искренними увѣреніями въ томъ, что никогда никакія причины не заставятъ его перемѣнить расположеніе свое къ тому, кто такъ часто доказывалъ ему свое усердіе и вѣрность.

По просьбѣ Матвѣева, царь не сказалъ въ тотъ день Наталіи ни слова о любви своей, но исполнилъ старинный обрядъ русскихъ государей. Вы вѣрно догадаетесь, друзья мои, что я говорю о томъ собраніи красавицъ, изъ которыхъ царь обыкновенно выбиралъ невѣсту свою. Да, и въ этотъ разъ онѣ съѣхались въ кремлевскій дворецъ. Робко всходила на великолѣпное крыльцо царское и Наталія, съ удивленіемъ размышляя, отъ чего и ее, бѣдную и вовсе незнатную дѣвушку, назначили въ списокъ невѣстъ. Подлѣ нея шла нѣжная воспитательница ея, супруга Матвѣева, которая знала причину этого назначенія и очень желала сказать ее своей милой, ненаглядной питомицѣ, но Артамонъ Сергѣевичъ запретилъ это, и она молчала до тѣхъ поръ, пока участь Наталіи — была тайною для нея самой и для всѣхъ; но за то съ той минуты, какъ счастливая дѣвушка уже названа была царевною и въ великолѣпномъ нарядѣ невѣсты государя приготовлялась принимать поздравленія отъ всего двора,—терпѣніе доброй боярыни кончилось, и она вы-

сказала знаменитой воспитанницѣ своей все, что знала о любви къ ней государя.

Вотъ, милыя дѣти, подробности втораго супружества царя Алексія Михаиловича. Свадьба была 25 января 1671 г. Рѣдкое счастіе его и молодой царицы сдѣлалось совершеннымъ въ достопамятный, навѣки незабвенный для Россіи день: 30 маія 1672 года. Это былъ день рожденія Петра! Хотя у Алексія Михаиловича и остались отъ первой супруги два сына, царевичи Θеодоръ и Іоаннъ, но оба они были такого слабаго здоровья, что вовсе нельзя было надѣяться на продолжительную жизнь ихъ, и потому царь восхищенъ былъ рожденіемъ третьяго сына! Можетъ быть, счастливый отецъ предчувствовалъ славу новорожденнаго! Но небо отказало ему въ блаженствѣ видѣть, какъ чудесно развивались великія силы необыкновеннаго ребенка; самое младенчество Петра не протекло въ глазахъ родителя: прежде нежели исполнилось ему четыре года, Алексій Михаиловичъ скончался и осиротѣвшее сердце печальной царицы уже одно, безъ нѣжнаго друга своего, прислушивалось къ первымъ словамъ героя, къ первымъ мыслямъ великаго ума его.

ПЕТРЪ ДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЦАРЬ РОССІИ.

Наконецъ открываются предъ нами прекраснѣйшія страницы исторіи Россіи! Наконецъ на тронѣ ея является государь, назначенный судьбою произвесть въ отечествѣ нашемъ тотъ великій переворотъ, который въ полной мѣрѣ можетъ назваться чудеснымъ, неслыханнымъ ни у какихъ народовъ! Всѣ они, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ, просвѣщались постепенно; Русскіе-же сдѣлали это вдругъ, какъ будто бы по какой-то волшебной силѣ! Эту волшебную, удивительную силу, Богъ, покровительствующій Россіи, вложилъ въ душу любимца своего, Петра. Точно, этотъ великій государь могъ назваться любимцемъ Бога: все въ немъ было прекрасно и необыкновенно! Чудесно самое младенчество его, чудесны лѣта дѣтства! Что я говорю? Даже самое рожденіе его было чудесно предсказано за нѣсколько мѣсяцевъ. Это удивляетъ васъ, милыя дѣти? да, вы правы, это удивительно, непонятно и объясняется развѣ только тѣмъ, что Богъ для такого чрезвычайнаго смертнаго допустилъ чрезвычайное явленіе въ природѣ. Какъ бы то ни было, только прежде, нежели онъ родился, два монаха, одинъ Симеонъ Полоцкій, а другой, бывшій потомъ митрополитомъ въ Ростовѣ, св. Димитрій, сказали царю Алексію Михаиловичу, что у него родится сынъ Петръ, что онъ наслѣдуетъ престолъ его, и будетъ такимъ героемъ, съ которымъ не сравнится никто изъ современниковъ. Они говорили, что видѣли это по расположенію звѣздъ на небѣ. Встарину, милыя дѣти, во всей Европѣ вѣрили, что звѣзды имѣютъ вліяніе на рожденіе людей, и потому часто предвѣщали судьбу и дѣла ихъ. Эта наука называлась астрологіею. Вы удивитесь еще болѣе, милые читатели мои, когда

я скажу вамъ, что предсказаніе о Петрѣ было не въ одной Россіи. Въ библіотекѣ императорской академіи наукъ есть до сихъ поръ переписка двухъ иностранныхъ ученыхъ: Николая Гейнзіуса и Іоанна Гревіуса. Первый, въ 1672 году, былъ нидерландскимъ посланникомъ въ Москвѣ, и писалъ къ послѣднему о рожденіи царевича Петра, и о тѣхъ предвѣщаніяхъ, какія были сдѣланы о немъ, а Гревіусъ отвѣчалъ на это изъ Голландіи, что и у нихъ ученые гадатели замѣтили тоже самое по звѣздамъ, и согласны съ предсказаніями Русскихъ о новорожденномъ царевичѣ.

Что же надобно было думать предкамъ нашимъ объ этомъ младенцѣ, удивившемъ міръ прежде рожденія своего? О! они приняли его въ этомъ мірѣ, какъ существо неземное; они ожидали отъ него всего необыкновеннаго, и ожидачія ихъ исполнились болѣе, нежели они могли вообразить себѣ! Мнѣ кажется, я никогда не кончила бы, милые читатели мои, если бы начала разсказывать вамъ все, что сказалъ умнаго, все, что сдѣлалъ великаго этотъ ни съ кѣмъ несравнимый Петръ! Слова и дѣйствія его, эти священныя драгоцѣнности народа русскаго, составляютъ многочисленные томы сочиненій, которыхъ и десятая часть не можетъ помѣститься въ краткой исторіи нашей: съ благоговѣніемъ должны они храниться въ памяти каждаго Рускаго, и вѣрно вы не одинъ разъ прочитаете ихъ, когда уже въ состояніи будете заниматься такимъ важнымъ чтеніемъ. Тогда только вы въ полной мѣрѣ узнаете величіе Петра и въ восторгѣ удивленія и благодарности къ Богу скажете: „Господи, благодаримъ Тебя за такого государя и за Твою любовь къ отечеству нашему!“

Но до тѣхъ поръ вамъ надобно довольствоваться небольшими разсказами нашими. Конечно, они несовершенны, они не могутъ назваться исторіей Петра — это только легкіе очерки его великихъ дѣлъ, но мы вознаградимъ сколько нибудь это несовершенство: я постараюсь собрать какъ можно болѣе любопытныхъ для васъ подробностей этого славнаго царствованія, а вы будете внимательно читать и помнить ихъ до тѣхъ поръ, пока настанетъ для васъ время насладиться чтеніемъ настоящей исторіи великаго преобразователя Россіи.

И такъ начнемъ разсказы наши съ самыхъ первыхъ лѣтъ Петра: великіе люди бываютъ занимательны даже въ то время, когда только что начинаютъ говорить. Напримѣръ, послушайте, каковъ былъ Петръ при самомъ началѣ третьяго года своей жизни:

Въ день св. апостоловъ Петра и Павла, 29 Іюня, праздновались именины царственнаго малютки. Кромѣ дорогихъ вещей, полученныхъ въ этотъ день Петромъ отъ нѣжныхъ родителей его и другихъ лицъ семейства царскаго, множество подарковъ отъ вѣрныхъ подданныхъ ожидало маленькаго именинника въ одной изъ комнатъ кремлевскаго дворца. Вотъ онъ входитъ туда съ боярами, приста-

вленными къ нему *, съ дѣтскимъ любопытствомъ смотритъ на все, чѣмъ усердіе народа хотѣло повеселить сына государя обожаемаго, и вдругъ быстрые, прекрасные глаза его засверкали отъ радости: они увидѣли маленькую стальную саблю! Не прошло минуты, какъ онъ уже держалъ ее въ рукахъ, уже узналъ, что ее поднесъ какой-то купецъ, уже приказалъ привести къ себѣ этого купца! Какъ скоро тотъ явился—царевичъ бросился къ нему на встрѣчу, приказалъ ему поднять себя на руки, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ, что онъ никогда не забудетъ его за такой прекрасный подарокъ. Не выпуская изъ рукъ сабли, побѣжалъ онъ къ своему родителю и просилъ непремѣнно чѣмъ нибудь пожаловать купца, а его опоясать саблею. Алексій Михаиловичъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на пламенную радость трехлѣтняго ребенка при видѣ оружія; она предвѣщала любовь его къ славѣ военной. Все было исполнено по желанію Петра: купецъ пожалованъ достоинствомъ гостя московскаго, сабля съ молитвою надѣта самимъ государемъ сверхъ голубаго шелковаго кафтанчика царевича. Царь сдѣлалъ еще болѣе: видя особенную страсть сына своего къ военнымъ занятіямъ, онъ собралъ нѣсколько человѣкъ дѣтей однихъ лѣтъ съ Петромъ, приказалъ сдѣлать для нихъ разныя маленькія оружія и выучить ихъ всему, чему учились солдаты. Тутъ-то, съ каждымъ днемъ начались для Петра праздники: съ утра до вечера онъ игралъ и учился съ своими маленькими воинами, и счастливая сабля почти никогда не снималась съ храбраго малютки; случалось даже, что онъ засыпалъ вмѣстѣ съ нею! Вотъ, милые читатели мои, вотъ Петръ на третьемъ году своего возраста. На четвертомъ, онъ лишился попечительнаго и нѣжнаго отца, но мѣсто его заступилъ столько же нѣжный братъ и воспитаніе его продолжалось съ прежнею заботливостію; на пятомъ опредѣленъ былъ къ нему учителемъ дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ. Онъ училъ его читать и писать порусски, также исторіи всеобщей и въ особенности — отечественной. Зотовъ, хотя не получилъ самъ отличнаго образованія, слишкомъ рѣдкаго въ то время въ отечествѣ нашемъ, и не зналъ иностранныхъ языковъ, но былъ человѣкъ очень умный, который понималъ искуство сдѣлать ученіе пріятнымъ занятіемъ, и кромѣ того былъ усерденъ и неутомимъ въ отправленіи своей должности. Историческіе уроки его не могли называться этимъ строгимъ именемъ. Нѣтъ, это были не уроки, но самые занимательные разговоры, во время которыхъ онъ разсказывалъ маленькому ученику своему о славныхъ государяхъ русскихъ, особенно о Святославѣ, Владимірѣ, Александрѣ Невскомъ, Димитріи Донскомъ, Іоаннахъ:

---

* Главнымъ изъ нихъ, или наставникомъ царевича, былъ дѣдъ его, бояринъ Кириллъ Полуехтовичъ Нарышкинъ, и при немъ помощники: Князь Прозоровскій, Головинъ и Головкинъ.

Великомъ и Грозномъ, и наконецъ о Михаилѣ и Алексіи. Чтобъ сдѣлать разсказы свои еще разнообразнѣе, Зотовъ велѣлъ представить въ рисункахъ всѣ важнѣйшія происшествія, случившіяся во время этихъ знаменитыхъ царствованій, и расположилъ ихъ по всѣмъ комнатамъ царевича. О! еслибъ вы могли представить себѣ, маленькіе друзья мои, какъ эти картины и разсказы нравились Петру! Какой огонь блисталъ въ глазахъ его, когда онъ слушалъ о храбрости Святослава или Владиміра! Какъ весело улыбался при побѣдѣ Донскаго! Какъ восхищался великими дѣлами Грознаго! Какъ огорчался его преступленіями! Однимъ словомъ, Зотовъ въ полной мѣрѣ достигъ цѣли своей: пятилѣтній царевичъ, не смотря на младенческій умъ свой, понялъ, что государь только изъ исторіи можетъ научиться царствовать, и полюбилъ эту науку болѣе всѣхъ другихъ. Иногда, слушая описаніе какого нибудь города или крѣпости, онъ просилъ, чтобы ему показали планы ихъ, и къ удивленію всѣхъ, окружавшихъ его, разсматривалъ ихъ со всею внимательностію и любопытствомъ взрослаго человѣка. Не рѣдко случалось даже и то, что быстрый умъ ученика увлекался далѣе познаній учителя, и добрый Зотовъ, не смотря на все свое усердіе, не въ состояніи былъ отвѣчать па безпрестанные вопросы его и принужденъ былъ прибѣгать въ такихъ случаяхъ къ ученымъ иностранцамъ, находившимся въ службѣ царской, а иногда и къ самому царю, который съ особеннымъ удовольствіемъ любилъ разговаривать съ умнымъ малюткой и удивляться его необыкновеннымъ способностямъ.

Таковъ былъ умъ Петра въ самомъ нѣжнѣйшемъ дѣтствѣ; теперь я разскажу маленькимъ читателямъ моимъ случай, который покажетъ имъ сердце и нравъ его въ этомъ возрастѣ.

Царица Наталія Кириловна, не смотря на все сыновнее почтеніе къ ней Θеодора Алексіевича, имѣла много огорченій во время вдовства своего. Ближніе бояре, окружавшіе царя, по большой части родственники матери его, — Милославскіе, ненавидѣли вторую супругу Алексія Михаиловича и вмѣстѣ съ нею — всѣхъ Нарышкиныхъ. Пользуясь частыми болѣзненными припадками Θеодора и кротостію Наталіи, не любившей жалобами своими тревожить добраго и больнаго государя, они и приверженцы ихъ выдумывали на нее разныя клеветы, старались отдалять ее отъ царя, и даже осмѣливались иногда явно показывать ей свое неуваженіе. Однажды, самый дерзкій изъ нихъ, бояринъ Языковъ, похвасталъ между своими пріятелями, что заставитъ вдовствующую царицу выѣхать изъ дворца и жить въ другомъ домѣ, отдаленномъ отъ царскаго. Вотъ онъ и въ самомъ дѣлѣ явился на другой день къ Наталіи Кириловнѣ и сдѣлалъ ей свое дерзкое предложеніе подъ предлогомъ, что многочисленный дворъ ея * не можетъ помѣщаться въ одномъ домѣ съ

* Царь Θеодоръ Алексѣевичъ такъ уважалъ супругу родителя своего, что, вступивъ на престолъ, не перемѣнилъ ничего при дворѣ

государевымъ. Сначала царица, зная, что это выдумка Языкова, не встревожилась этимъ безразсуднымъ предложеніемъ и съ твердостію отказалась отъ него, но потомъ, когда обманщикъ сказалъ, что пришелъ отъ имени царя, Наталія вздрогнула и, испугавшись опасностей, какія грозили сыну ея, при немилости царствовавшаго брата его, не могла удержать слезъ своихъ. Между тѣмъ этотъ сынъ, предметъ нѣжнѣйшихъ попеченій ея, былъ тутъ же въ комнатѣ. Съ удивленіемъ слушалъ горделивый малютка дерзкаго, осмѣлившагося такъ грубо говорить съ государыней. Уже онъ готовъ былъ закричать отъ гнѣва, какъ вдругъ заблистали слезы въ прекрасныхъ глазахъ его матери. О, какъ сильно забилось младенческое сердце Петра! Царица, обожаемая мать его, плакала отъ дерзкихъ словъ подданнаго! Въ эту минуту, онъ увидѣлъ, что для наказанія Языкова мало собственнаго гнѣва его, и, не сказавъ никому ни слова, пошелъ къ царю. Одинъ Зотовъ провожалъ его и едва успѣвалъ бѣжать за пылкимъ ученикомъ своимъ.

Θеодоръ Алексѣевичъ по обыкновенію обрадовался, увидѣвъ своего любимца, но испугался его встревоженнаго вида и заботливо спрашивалъ, что съ нимъ? Тогда Петръ поцѣловалъ нѣсколько разъ руку брата и сказалъ: „Государь! я пришелъ къ тебѣ съ жалобою на Языкова: онъ хочетъ меня и съ матерью моею выгнать изъ дома отца моего и отдалить отъ тебя, какъ встарину Годуновъ отдалилъ и потомъ погубилъ царевича Димитрія. Если тотъ домъ, куда высылаютъ насъ, нравится тебѣ, то я буду въ немъ жить вмѣстѣ съ тобою, но изъ дома отца моего, безъ тебя, Государь, никуда не выѣду.“ — Сказавъ это, маленькій царевичъ оборотился ко всѣмъ окружавшимъ въ это время государя, и прибавилъ съ слезами на глазахъ: „Развѣ я не сынъ великаго царя Алексія Михаиловича, что мнѣ нѣтъ мѣста въ домѣ отца моего?“

Θеодоръ былъ тронутъ почти столько же, какъ и маленькій братъ его: онъ спѣшилъ успокоить и утѣшить его своими ласками, и тотчасъ же пошелъ къ царицѣ увѣрить ее, что онъ никогда не думалъ отдавать Языкову такихъ несправедливыхъ приказаній. Онъ предоставилъ ей наказать обманщика, какъ ей угодно, но кроткая Наталія отказалась отъ того и великодушно простила виновнаго боярина. Ей пріятно было оказать эту милость: въ душѣ ея разливалась такая сладкая радость въ ту минуту, когда она нѣжными ласками благодарила маленькаго защитника своего, что ей хотѣлось бы всему свѣту доставить хотя половину того счастія, какое могло чувствовать ея материнское сердце!

Такъ Петръ во все время дѣтства своего продолжалъ быть утѣшеніемъ и славою родительницы своей и всего семейства царскаго.

ея и оставилъ на прежнихъ мѣстахъ всѣхъ, служившихъ у нея. Этотъ дворъ былъ такъ многочисленъ, что однихъ стольниковъ было 102. Изъ дѣтей этихъ придворныхъ чиновниковъ были выбраны первые товарищи военныхъ игръ Петра.

Вы слышали уже, что Θеодоръ Алексіевичъ такъ любилъ его, что, умирая, назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. Хотя это не было утверждено письменнымъ актомъ, но всѣ, окружающіе царя, помнили слова его. Къ тому же различіе между здоровьемъ и душевными способностями обоихъ царевичей было такъ велико, что каждый долженъ былъ сознаться, что царь поступилъ справедливо и великодушно. Здѣсь представится вамъ новое великодушіе, милые друзья мои! Подивитесь, какъ благородны были всѣ сыновья Алексія Михаиловича! Вы сей часъ слышали, что одинъ изъ нихъ, изъ любви къ отечеству, отдалъ престолъ не старшему, родному брату и наслѣднику, но меньшому, рожденному отъ второй супруги родителя своего. Но что же сдѣлалъ этотъ старшій, обиженный царевичъ? Вмѣсто того, чтобы оскорбиться такою несправедливостію, и, какъ мы часто видимъ въ свѣтѣ, начать споръ о наслѣдствѣ своемъ, онъ добровольно согласился съ желаніемъ скончавшагося царя, и, уступая корону меньшому брату, съ кротостію сознался, что не чувствуетъ себя способнымъ царствовать такъ хорошо какъ онъ! О милыя дѣти, помните этотъ трогательный примѣръ смиренія и братской любви, какой показалъ намъ добрый Іоаннъ Алексѣевичъ. Не думайте, что онъ принужденъ былъ сдѣлать это, потому что послѣ кончины Θеодора тотчасъ всѣ присягнули Петру. Нѣтъ! это избраніе было сдѣлано совсѣмъ не такъ поспѣшно. Прежде, патріархъ Іоакимъ со всѣмъ духовенствомъ и чинами государственными явился къ обоимъ царевичамъ и спрашивалъ, которому изъ нихъ угодно будетъ принять корону русскую; Іоаннъ Алексіевичъ въ ту же минуту объявилъ, что онъ отказывается отъ нея, чувствуя слабыя силы свои, и тогда уже всѣ присягнули десятилѣтнему Петру. Іоанну же было въ это время шестнадцать лѣтъ. Не удивительна ли такая скромность и уступчивость въ этомъ пылкомъ и самонадѣянномъ возрастѣ! О, Іоаннъ заслуживаетъ уваженіе наше, какъ ни маловажно было участіе его въ дѣлахъ государственныхъ во все время его непродолжительной жизни. Но оставимъ этого кроткаго сына царей: онъ былъ на землѣ не для здѣшняго міра, и хотя въ послѣдствіи мы еще будемъ встрѣчать имя его въ исторіи нашей, но оно будетъ сіять въ ней тихо, едва замѣтно, подлѣ лучезарнаго блеска, окружающаго имя младшаго брата его. Обратимся къ этому необыкновенному смертному, обратимся къ нашему Петру: — онъ уже на престолѣ! Самыя отдаленныя страны Россіи уже назвали его царемъ своимъ, добродѣтельную мать его правительницею. Все по наружности было спокойно, все, казалось, съ довѣренностію ввѣрило судьбу свою тому, кто до рожденія еще названъ былъ героемъ. Но это спокойствіе походило на тишину, — предвѣстницу страшной грозы.

А. Ишимова.

(*Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей*).

13. ИЗЪ ИСТОРІИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ПРЕОДОЛѢВАЕТЪ СВОЮ БОЯЗНЬ.

Замѣчательно, что въ дѣтскихъ лѣтахъ Петръ *боялся воды*, какъ говорится въ просторѣчіи. Разсказываютъ, что царица Наталія ѣздила съ нимъ на богомолье, когда ему было года четыре, и, при переѣздѣ черезъ какой-то ручей, карета царицы едва не опрокинулась. Петръ спалъ на рукахъ матери, проснулся отъ ея крика и такъ испугался воды, наполнившей карету, что съ тѣхъ поръ видъ рѣки приводилъ его въ невольное содроганіе. Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ принудилъ Царя побѣдить сію слабость, когда было ему уже лѣтъ четырнадцать. Гуляя съ нимъ верхомъ въ полѣ, неожиданно подъѣхалъ Голицынъ къ рѣкѣ и переѣхалъ черезъ нее въ бродъ. Спутники Царя слѣдовали за Голицынымъ и потомъ начали купаться. Насмѣшки заставили Петра преодолѣть свою робость и Онъ пустился на лошади чрезъ рѣку. Преодолѣвши однажды слабость свою, онъ не остановился на томъ и вскорѣ сдѣлался такъ же безстрашенъ на водѣ, какъ на землѣ, былъ отважнымъ, ловкимъ пловцемъ и впослѣдствіи изумлялъ самыхъ отважныхъ моряковъ мужествомъ среди морскихъ опасностей.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ И ЛОЦМАНЪ АНТИПЪ.

Мая 1-го, выѣхалъ Царь изъ Москвы, проплылъ, не останавливаясь, мимо Холмогоръ и 18-го былъ въ Архангельскѣ. Сюда явился Архіепископъ Аѳанасій и долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ Царемъ въ Соловецкій Монастырь, хотя и боялся морскаго пути. Передъ отъѣздомъ служили молебенъ. Царь пѣлъ звучнымъ басомъ съ пѣвчими, и 29-го Мая, отплылъ съ Аѳанасіемъ и свитою на яхтѣ архіепископской, весьма неудобной и неловкой. Къ ужасу спутниковъ Царя, едва выплыла яхта на средину Бѣлаго моря, возстала страшная буря. Тщетно убѣждалъ, ободрялъ другихъ Царь. Всѣ отъ страха потеряли голову, молились, плакали, прощались одни съ другими. Не унывалъ только Петръ. Душа его какъ будто радовалась борьбѣ съ раздраженною стихіею. По счастію, на яхтѣ нашелся опытный лоцманъ, служитель Соловецкаго монастыря, Антипъ Тимоѳеевъ. Видя, что только Антипъ сохраняетъ присутствіе духа, Царь обратился къ нему и совѣтовался съ нимъ. Антипъ сказалъ, что осталось одно средство спастись отъ гибели— направить корабль къ ближайшей гавани: Унскіе Рога. Царь велѣлъ отдать ему руль и команду, но не вытерпѣлъ самъ и началъ вмѣшиваться въ распоряженія. „Поди прочь!" закричалъ разсерженный Антипъ: „я знаю, что дѣлать! Если ты мнѣ отдалъ

руль, что-же ты мѣшаешься въ мое дѣло?“ Смиренно отошелъ отъ него Царь. Антипъ искусно управилъ судно къ берегу и счастливо провелъ его среди опасныхъ каменьевъ, коими усѣянъ входъ въ Унскую гавань. „Помнишь-ли, пріятель, какъ ты отподчивалъ меня на морѣ?“ смѣясь спросилъ тогда Царь у Антипа. Испуганный лоцманъ упалъ къ ногамъ его. „Нѣтъ, ты былъ правъ, а я виноватъ, вмѣшиваясь не въ свое дѣло,“ отвѣчалъ царь, поцѣловалъ Антипа, и подарилъ ему на память свое мокрое дорожное платье.

САРДАМСКІЙ ДОМИКЪ.

Пребываніе Царя въ Сардамѣ сдѣлало навсегда достопамятнымъ сей маленькій городокъ. Никто не бываетъ нынѣ въ Амстердамѣ безъ того, чтобы не заѣхать въ Сардамъ. Донынѣ уцѣлѣлъ тамъ смиренный домикъ, гдѣ жилъ Петръ Великій, и сохраняется въ немъ мебель, имъ самимъ сдѣланная: тесовая кровать его и простой столъ. Домикъ называютъ *Княжескимъ Домомъ*, и его сохраняютъ какъ драгоцѣнность, подъ особеннымъ каменнымъ навѣсомъ. Онъ принадлежитъ нынѣ королевѣ нидерландской, праправнукѣ Великаго Царя. Его посѣщали Императоръ Іосифъ, король шведскій, Густавъ III и Наполеонъ. Императоръ Павелъ благоговѣйно разсматривалъ его въ 1782 году; Александръ Благословенный, возвращаясь побѣдителемъ въ отечество, былъ въ Сардамѣ и оставилъ памятникомъ въ домикѣ великаго предка своего надпись, начертанную золотыми буквами на мраморѣ: *Petro Magno Alexander* (*Петру Великому Александръ*). Надпись надъ входомъ въ домикъ говоритъ посѣтителю: „Ничто не мало великому человѣку.“ Вспомнимъ, что домику Петра Великаго воздалъ поклоненіе и нынѣ благополучно царствующій Монархъ Россіи, посѣщавшій его вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Въ немъ благодатный наслѣдникъ его, будущій Царь Русскій, былъ угощаемъ своею Августѣйшею Теткою въ 1838 году. Онъ написалъ на стѣнѣ домика имя свое и подъ его именемъ прибавилъ спутникъ его, поэтъ, котораго именовать не нужно (кто не узнаетъ его по мелодическимъ стихамъ?):

Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ Ангелы Святые.
Великій Князь! благоговѣй:
Здѣсь колыбель Имперіи Твоей, —
Здѣсь родилась Великая Россія!

А. Пушкинъ.

ПРИБЫТІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ САРДАМЪ.

На другой день по пріѣздѣ, осматривалъ онъ Амстердамъ и поспѣшилъ въ находящійся неподалеку отъ него небольшой городокъ

Сардамъ, родину многихъ мастеровъ, которыхъ зналъ онъ въ Россіи, товарищей своихъ по Переяславлю и Воронежу. Сардамъ славился верфью, множествомъ фабрикъ, заводовъ, мельницъ и дѣятельностью жителей, отличныхъ мореходцевъ на купеческихъ судахъ, посѣщавшихъ тогда всѣ части свѣта. Подплывая къ Сардаму, Царь увидѣлъ Голландца, ловившаго рыбу, и узналъ въ немъ Геррита Киста, кузнеца, бывшаго въ Россіи. Онъ кликнулъ его по имени. Кистъ не вѣрилъ глазамъ своимъ: въ красной байковой курткѣ, холстинныхъ брюкахъ и большой круглой шляпѣ передъ нимъ стоялъ Царь Русскій. „Ты-ли это, Царь Московскій!“ воскликнулъ добродушный Кистъ. Царь велѣлъ ему молчать, избралъ его руководителемъ своимъ въ Сардамѣ и прежде всего вмѣстѣ съ нимъ отправился искать себѣ квартиру. Нашелся маленькій отдѣльный домикъ у самого Киста, гдѣ жила какая-то бѣдная вдова. Она уступила свое жилище Царю, за 7 гульденовъ прибавки къ платѣ хозяину. Царь обѣдалъ потомъ въ трактирѣ. „Что вы за люди?“ спрашивали собесѣдники Царя и его спутниковъ. — „Мы русскіе плотники и пріѣхали сюда учиться,“ отвѣчалъ Царь, распивая кружку пива по обычаю Сардамцевъ. Онъ купилъ себѣ топоръ, пилу, инструменты, записался работникомъ на верфи мастера Рогге и принялся за работу.

ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ САРДАМѢ.

Донынѣ жители Сардама гордятся тѣмъ, что у нихъ жилъ и учился Петръ Великій, и преданіе народное повторяетъ множество разсказовъ объ его сардамскомъ житьѣ-бытьѣ. Такъ, напримѣръ, вспоминаютъ тамъ, какъ отличался онъ искуствомъ между всѣми плотниками и мастерами и получилъ за это званіе *баса*, или *мастера*, какъ онъ работалъ на пильной мельницѣ, въ маслобойнѣ и на бумажной фабрикѣ. Мельница-крупчатка, гдѣ обтесалъ онъ лодку, донынѣ называется *Царскою*. Посѣтители домика удивляются искуству въ сдѣланныхъ Царемъ корабельныхъ моделяхъ, тамъ сохраняемыхъ. Царь самъ носилъ себѣ дрова на кухню, топилъ печку, стряпалъ кушанье. Войдя однажды въ домъ къ знакомому плотнику въ грязныхъ башмакахъ, онъ былъ остановленъ сердитою хозяйкою, смиренно скинулъ башмаки и, изъ опасенія замарать чистый полъ, остался въ чулкахъ. Онъ посѣтилъ мать бывшаго въ Россіи мастера Іозіака, за-просто завтракалъ съ нею и обѣдалъ у жены другаго мастера Ренсена. „Почему знаешь ты моего мужа?“ спросила его жена Арріена Метье, отъ котораго Царь привезъ ей поклонъ изъ Россіи. — „Мы работали съ нимъ вмѣстѣ у Московскаго Царя,“ отвѣчалъ Петръ. „Но кто-же ты самъ?“ спросила его любопытная Голландка. „Я плотникъ,“ отвѣчалъ Царь. Купивши у одного Сардамца ботъ, по приглашенію продавца Царь долженъ былъ распить съ нимъ въ магарычъ кружку пива. Онъ

купилъ себѣ, кромѣ бота, яхту, самъ отдѣлалъ на нее мачту, прогуливался въ ней по морю, плавалъ нѣсколько разъ въ Амстердамъ, и однажды, пустившись въ шлюпкѣ по заливу въ бурное время, едва не утонулъ, когда сильнымъ волненіемъ перекачнуло шлюпку. Бывшіе при Царѣ успѣли схватить его. „Мнѣ надобно было окреститься въ Нѣмецкомъ Морѣ!" сказалъ смѣючись Царь.

ОСНОВАНІЕ ПЕТЕРБУРГА.

Намъ драгоцѣнны даже малыя подробности основанія нынѣшней великолѣпной столицы Русскаго Царства.

Точкою начала ея постановилъ Царь небольшой островокъ *Енисари*, на главномъ протокѣ Невы, тамъ, гдѣ раздвигается она на два рукава *Неву* и *Невку*, обтекая островъ *Койвисари* (Березовый, или *Петербургскую сторону*). *Енисари* отдѣлялся отъ *Койвисари* небольшимъ протокомъ, и Царь назначилъ построить на немъ и на берегу *Койвисари* крѣпость. Заграждая Неву, она могла защищать городъ, который предполагали расположить на *Койвисари*. Обтекая *Енисари*, Нева еще дѣлится на два рукава: *Большую* и *Малую Неву*, такъ что *Койвисари* и *Гирвисари* (*Лосинный*, или *Васильевскій Островъ*) составляютъ съ *Енисари* три мыса вмѣстѣ — *Стрѣлку*. Здѣсь предположено было устроить охранительныя баттареи.

Строеніе Петебурга началось закладкою на *Енисари* крѣпости, во имя *Св. Апостоловъ Петра и Павла*, о шести бастіонахъ: первый былъ начатъ, находящійся влѣво отъ Петровскихъ Воротъ и обращенный лѣвымъ фасомъ къ Петербургской сторонѣ. Каждый бастіонъ отданъ былъ подъ надзоръ особеннаго надзирателя: одинъ сооружалъ самъ *Царь*, другіе *Меншиковъ*, *Головинъ*, *Нарышкинъ*, *Трубецкой* и *Зотовъ*. Половина бывшаго тогда въ Петербургѣ войска, плѣнные Шведы, нѣсколько тысячъ крестьянъ, присланныхъ изъ Новгорода и Олонца, и окрестныхъ Чухонцевъ, всего до 40,000 человѣкъ, работали неусыпно все лѣто и всю осень, рубили лѣсъ, носили землю, строили домы. Къ осени, земляные валы крѣпости были окончены и на Лосинномъ Островѣ были устроены охранныя батареи; на нихъ и на крѣпостныхъ валахъ Петропавловскихъ поставили до 300 пушекъ. Въ крѣпости сооружена была небольшая церковь, деревянная, во имя Св. Апостоловъ Петра и Павла, и протянуты четыре линіи домиковъ, покрытыхъ землею и досками, для комендaнта и офицеровъ, съ арсеналомъ, магазинами, лютеранскою киркою и аптекою. На царскомъ бастіонѣ развѣвался флагъ съ изображеніемъ орла, держащаго въ когтяхъ четыре моря (Балтійское, Азовское, Бѣлое и Каспійское). На островѣ Койвисари, внѣ крѣпости, на берегу, построенъ былъ домикъ для пребыванія Царя—онъ хранится донынѣ, сей драгоцѣнный домикъ, на

благоговѣніе потомству. Кто изъ насъ не видалъ его? Кто не преклонялъ въ стѣнахъ его колѣнъ? Двѣ небольшія комнаты, раздѣленныя сѣнями, съ кухнею, составляли жилище Царя. Домикъ внутри былъ обитъ холстиною и выбѣленъ, а снаружи раскрашенъ въ голландскомъ вкусѣ кирпичиками; на крышѣ его была для украшенія поставлена деревянная мортира; по угламъ видны были деревянныя, крашеныя, пылающія бомбы. (Благоговѣніе народное къ чудотворной иконѣ, поставленной Царемъ въ домикѣ и бывавшей съ нимъ въ походахъ его, преобратило нынѣ одну изъ комнатъ домика въ часовню, куда во множествѣ собираются благочестивые люди молиться тамъ, гдѣ великій Царь мыслилъ и молился о благѣ Русскаго Царства.) Подлѣ домака выстроили обширный домъ Меншикову. Здѣсь Царь давалъ пиры, принималъ пословъ и держалъ совѣты. Тысячи балагановъ, хижинъ и землянокъ покрывали Петербургскую сторону, и *вотъ что былъ великолѣпный Петербургъ въ первый годъ существованія его.*

ХАРАКТЕРЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Богъ, пославшій избранника своего Россіи въ лицѣ Петра, при геніальныхъ душевныхъ способностяхъ одарилъ его и тѣлесными качествами необыкновенными. Иностранцы, во время путешествія Петра по Европѣ, съ удивленіемъ смотрѣли на юнаго, 25-лѣтняго Русскаго Царя, высокаго, статнаго, мужественнаго, съ горящими черными очами, орлинымъ взоромъ, живостью, быстротою во всѣхъ движеніяхъ. Петръ, достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, былъ ростомъ 2-хъ аршинъ 14-ти вершковъ. Смуглое, но правильное, оживленное умомъ лице его оттѣнялось густыми, черными, волнистыми волосами, небрежно заброшенными за уши. Небольшіе усы придавали ему видъ воинственный. Голосъ у него былъ чистый, ясный, громкій; рѣчь смѣлая, порывистая; походка величественная, хотя и скорая. Всѣ сильныя впечатлѣнія ярко отражались на лицѣ Петра, выраженіе коего, всегда веселое, мгновенно вспыхивало грозою при гнѣвѣ и также быстро свѣтлѣло улыбкою. Его тѣлесная сила была изумительна: онъ разгибалъ лошадиную подкову и свертывалъ въ трубку серебряную тарелку. Еще при Софіи онъ рѣдко уже надѣвалъ долгополое русское платье; но чаще всего являлся въ зеленомъ мундирѣ своего любимаго Преображенскаго полка. Принявъ самодержавіе, на аудіенціяхъ пословъ и во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ былъ онъ всегда въ мундирѣ своемъ, иногда только возлагая сверхъ него на рамена порфиру и царскій вѣнецъ на голову свою. На верфяхъ и въ работѣ онъ бывалъ въ простомъ полукафтанѣ. Въ кабинетѣ своемъ трудился онъ въ простой фуфайкѣ. Во время путешествія надѣвалъ онъ иногда, но весьма рѣдко, французскій кафтанъ и башмаки, вмѣсто своихъ большихъ сапоговъ. Послы русскіе, сопровождавшіе его, при аудіенціяхъ и тор-

жественныхъ встрѣчахъ являлись въ великолѣпныхъ русскихъ платьяхъ, всегда занимая богатые экипажи. Царь въ путешествіи ѣхалъ въ простой каретѣ, гдѣ для услугъ его сидѣли съ нимъ два деньщика и карликъ. По городамъ ѣзжалъ онъ въ легкой одноколкѣ, верхомъ, и часто ходилъ пѣшкомъ запросто.

Н. Полевой.

14. ИЗЪ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ.

ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ЧТЕНІЯ.

Вотъ повѣсть временныхъ лѣтъ, откуда пошла Русская земля, кто началъ первый княжить въ Кіевѣ, и какъ стала Русская земля.

Мы такъ начнемъ эту повѣсть. Послѣ потопа, три сына Ноевы, Симъ, Хамъ и Афетъ, раздѣлили землю: востокъ достался Симу, южная страна — Хаму, сѣверъ и западъ — Афету; отъ племени Афетова пошелъ народъ славянскій. Спустя много вѣковъ, Славяне сѣли по Дунаю, гдѣ теперь земля венгерская и болгарская. Отъ тѣхъ Славянъ разошлись по землѣ многіе народы и назвались каждый своимъ именемъ, гдѣ кто сѣлъ на какомъ мѣстѣ; такъ напр. одни поселились на рѣкѣ, именемъ Моравь, и назывались Моравами, а другіе назывались Чехами 1); а вотъ тоже Славяне: Бѣлые Хорваты, Сербы и Хоружане 2). Когда Волохи 3) напали на Славянъ подунайскихъ, поселились среди нихъ, и стали ихъ притѣснять, то Славяне опять начали двигаться къ сѣверу: такъ одни пришли и сѣли на Вислѣ, и прозвались Ляхами; отъ этихъ Ляховъ пошли Поляки, Лутичи, Мазовшане, Поморяне. Другіе Славяне пришли и сѣли по Днѣпру, и назвались Полянами, а другіе — Древлянами, потому-что стали жить въ лѣсахъ; а другіе сѣли между Припетью и Двиною, и назвались Дреговичами; Полочане прозвались отъ рѣчки, именемъ Полоты, которая впадаетъ въ Двину. Тѣ которые поселились около озера Илменя, прозвались своимъ именемъ, Славянами; они построили себѣ городъ и назвали его Новгородомъ. Такъ разошелся Славянскій народъ.

---

1) Богемцы.

2) Каринтійцы.

3) Кельты.

Всѣ названные племена жили особо другъ отъ друга, каждое на своемъ мѣстѣ, со своими нравами, обычами и преданіями. У Полянъ были обычаи кроткіе и тихіе, а другія племена жили какъ звѣри. Между Полянами было три брата: одному имя Кій, другому—Щекъ, третьему—Хоривъ; сестру ихъ звали Лыбедью. Они построили городъ, который назвали, по имени старшаго брата, Кіевомъ. По смерти этихъ братьевъ, Древляне и другіе окольные народы стали притѣснять Полянъ; тогда пришли къ нимъ Козары и сказали: „платите намъ дань". Поляне подумали, и дали имъ по мечу отъ каждаго дома. Козары принесли мечи къ князю своему и старшинамъ, и сказали: „вотъ мы нашли новую дань". Старшины спросили: „откуда вы это взяли"? — „Да вонъ тамъ въ лѣсу, на горѣ, надъ рѣкою Днѣпровскою",—отвѣчали они. Тогда старцы козарскіе сказали: „охъ, не хороша эта дань, князь! мы воюемъ саблями, острыми съ одной только стороны, а у этого народа мечи съ обѣихъ сторонъ острые: будутъ они брать дань и на насъ, и на другихъ странахъ".—Все и сбылось, что предсказали старцы: Русскіе и до-сихъ-поръ владѣютъ Козарами.

Въ то время, какъ Поляне, Сѣверяне и другія племена платили дань Козарамъ, по бѣлкѣ съ каждаго дома, Варяги 4) изъ-за моря брали дань на Славянахъ новгородскихъ, на Кривичахъ, также на Чуди и Мери 5). Скоро однако эти народы прогнали Варяговъ за море, перестали давать имъ дань, и начали владѣть сами собою. Но, прогнавши Варяговъ, они никакъ не могли уладиться другъ съ другомъ, и начали междоусобныя войны. Тогда они стали говорить между собою: „поищемъ себя князя, который бы владѣлъ нами и судилъ всѣ дѣла справедливо"; отправили пословъ за море къ Варягамъ, къ Руси; Русью назывались Варяги точно такъ же, какъ другіе зовутся Шведами, иные Норвежцами, Англичанами, Готами. Чудь, Новгородцы и Кривичи сказали Руси: „земля наша велика и обильна, да порядка въ ней нѣтъ; пойдите княжить и владѣть нами". Собрались три брата съ родственниками своими, взяли съ собою всю Русь и пришли: Рюрикъ въ Новгородъ, Синеусъ на Бѣлоозеро, Труворъ въ Изборскъ; отъ нихъ-то и прозвалась Русская земля. Черезъ два года, умерли Синеусъ и Труворъ; Рюрикъ одинъ принялъ всю власть, и роздалъ города приближеннымъ къ себѣ людямъ. Двое изъ нихъ, Аскольдъ и Диръ, которые не были ни родня Рюрику, ни бояре его, отпросились идти къ Царюгороду. Идучи внизъ по Днѣпру, они увидали на горѣ городокъ, и спросили: „чей это городокъ?" Жители отвѣчали имъ: „были три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ; они-то и построили этотъ городокъ, да послѣ изгибли, а мы вотъ платимъ дань Козарамъ". Аскольдъ и Диръ остались въ Кіевѣ, собрали много Варяговъ, и начали владѣть Полянами; а Рюрикъ княжилъ въ Новгородѣ.

4) Народы сѣверо-западной Европы.

5) Народы финскаго племени.

Въ 866 году, пошли Аскольдъ и Диръ на Грековъ, при Царѣ Михаилѣ. Царь, въ это время, пошелъ было войною на Аравитянъ, но, получивъ вѣсть, что Русь идетъ на Царь-городъ, возвратился. Между-тѣмъ Аскольдъ и Диръ вошли въ константинопольскую гавань, перебили множество христіанъ, и съ двумя стами кораблей обступили городъ. Царь съ патріархомъ всю ночь молились въ церкви Влахернской Богородицы, и потомъ, вынесши ризу Богородицы, погрузили ее въ воду. До того времени море было тихо; вдругъ поднялась буря съ вѣтромъ, встали волны и разбили русскіе корабли; очень немного изъ Аскольдовыхъ воиновъ спаслось отъ такой бѣды и возвратилось въ отечество.

Между-тѣмъ умеръ Рюрикъ; онъ передалъ княженіе Олегу, своему родственнику, поручивъ ему и сына своего Игоря, который былъ еще дитя. Собравши много войска, пошелъ Олегъ къ Смоленску, взялъ этотъ городъ и посадилъ въ немъ своихъ мужей. Оттуда пошелъ внизъ, взялъ Любечь и посадилъ въ немъ также своихъ мужей. Пришедши къ горамъ кіевскимъ, и видя, что Аскольдъ и Диръ княжатъ, Олегъ скрылъ часть воиновъ своихъ въ лодкахъ, другихъ оставилъ позади, а самъ пришелъ, неся малютку Игоря на рукахъ. Онъ послалъ сказать Аскольду и Диру: „мы купцы; идемъ въ Грецію отъ Олега и Игоря; придите повидаться съ нами“. Аскольдъ и Диръ пришли. Тогда воины выскакали изъ лодокъ, и Олегъ сказалъ кіевскимъ князьямъ: „вы не князья, ни княжескаго рода, но я княжескаго рода, и вотъ сынъ Рюриковъ“. Аскольда и Дира убили, понесли на гору и погребли на горѣ. Олегъ сѣлъ княжить въ Кіевѣ и сказалъ: „это будетъ мать русскимъ городамъ“; послѣ чего началъ строить города и уставилъ дани. Сперва Олегъ воевалъ съ Древлянами и заставилъ ихъ давать дань по черной куницѣ. Потомъ онъ пошелъ на Сѣверянъ; побѣдивъ ихъ и наложивъ на нихъ дань легкую, не далъ имъ Козарамъ дани платить, сказавши: „я непріятель имъ, а съ вами у меня нѣтъ никакой вражды“. Послалъ и къ Радимичамъ спросить: „кому дань даете?“. Они отвѣчали: „Козарамъ“. Олегъ сказалъ имъ: „не давайте Козарамъ, но давайте лучше мнѣ“. Радимичи согласились.

Въ 907 году, пошелъ Олегъ на Грековъ, а Игоря оставилъ въ Кіевѣ; взялъ съ собою Варяговъ множество, Новгородцевъ, и Чуди, и Кривичей, и другихъ народовъ. Со всѣми съ ними пошелъ Олегъ на коняхъ, и въ корабляхъ, и пришелъ къ Царю-городу; Греки замкнули гавань и затворили городъ. Олегъ вышелъ изъ корабля, велѣлъ корабли вытащить на берегъ и повоевалъ городскія окрестности. Русскіе перебили множество Грековъ, разорили дома, пожгли церкви, однимъ словомъ, поступали такъ, какъ обыкновенно поступаютъ непріятели. Греки, видя все это, испугались, выслали къ Олегу изъ города и сказали ему: „возми дани сколько хочешь“. Олегъ согласился и возвратился въ Кіевъ, неся золото, драгоцѣнныя ткани, плоды и вина. Народъ прозвалъ его Вѣщимъ 6).

6) Волшебникомъ.

По смерти Олега, началъ княжить Игорь. Древляне затворились отъ него; Игорь пошелъ на нихъ, побѣдилъ и наложилъ дань больше, чѣмъ Олегъ. Въ 941 году, пошелъ Игорь на Грековъ. Болгары послали вѣсть къ царю, что идетъ Русь на Царь-городъ. Русскіе опустошали азіатскіе берега до тѣхъ поръ, пока не пришли греческіе воеводы съ востока и окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Русскіе, посовѣтовавшись, вышли на Грековъ, и послѣ злой сѣчи, Греки едва могли одолѣть. Русскіе сѣли ночью въ лодки и побѣжали. Но греческій воевода встрѣтилъ ихъ въ лодкахъ съ огнемъ и началъ пускать трубами огонь на русскія лодки, такъ что страшно было смотрѣть. Русскіе, увидавъ пламень, пометались въ морскую воду, чтобъ уйдти какъ-нибудь, и такимъ образомъ возвратились домой. Пришедши, каждый разсказывалъ своимъ о чудесномъ огнѣ. „У Грековъ въ рукахъ точно молніе небесное, которое они пускали и жгли насъ; вотъ почему и не одолѣли мы ихъ“,— говорили воины Игоря. Игорь же, пришедши, началъ собирать большое войско, и послалъ звать Варяговъ изъ-за моря: онъ опять хотѣлъ идти на Грековъ. Въ 944 году, Игорь въ самомъ-дѣлѣ отправился къ Царю-городу въ лодкахъ и на коняхъ. Корсунцы, услыхавъ объ этомъ, послали сказать императору Роману: „идетъ Русь; кораблей у нихъ множество; покрыли все море корабли.“ Также и Болгары послали вѣсть: „идутъ Русскіе, наняли и Печенѣговъ.“ Тогда Царь послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ съ просьбою: „не ходи, но возьми дань, какую бралъ Олегъ; придамъ и еще къ той дани.“ Игорь, дошедши до Дуная, созвалъ дружину и началъ думать съ нею о предложеніи царя. Дружина Игорева сказала: „если царь такъ говоритъ, то чего же намъ еще больше: безъ битвы возьмемъ золото, серебро и дорогія ткани. Вѣдь неизвѣстно, кто одолѣетъ: мы или они? Съ моремъ нельзя заранѣе уговориться; теперь мы не по землѣ ходимъ, но по глубинѣ морской: здѣсь одна смерть грозитъ намъ всѣмъ!“ Игорь послушался дружины, и велѣлъ Печенѣгамъ воевать болгарскую землю; а самъ, взявши у Грековъ золото и ткани на всѣхъ воиновъ, возвратился назадъ и пришелъ къ Кіеву домой.

Послѣ этого, пришли назадъ и послы Игоревы, и привели съ собой пословъ отъ греческаго царя Романа. Игорь призвалъ къ себѣ пословъ греческихъ и спросилъ ихъ: „скажите, что же вамъ говорилъ царь?“ Царскіе послы отвѣчали: „вотъ царь насъ послалъ къ тебѣ; онъ очень радъ миру, хочетъ миръ имѣть и любовь съ русскимъ княземъ: твои послы водили нашихъ царей къ присягѣ, и насъ послали привести тебя и мужей твоихъ также къ присягѣ.“ Игорь обѣщался исполнить это. На другой день, призвалъ Игорь пословъ, и пошелъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ 7). Поклали передъ идоломъ оружіе, щиты и золото, и клялись Игорь и всѣ люди его, сколько было язычниковъ между Русскими. А

7) Богъ языческихъ Славянъ.

Христіанъ-Русскихъ водили къ присягѣ въ церкви Св. Иліи, что надъ ручьемъ; то была соборная церковь, потому что многіе Варяги были уже Христіане. Игорь, утвердивъ миръ съ Греками, отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ звѣриными шкурами, рабами и воскомъ. Послѣ этого, Игорь началъ княжить мирно въ Кіевѣ; когда же пришла осень, началъ задумывать походъ на Древлянъ, желая взять съ нихъ еще большую дань. Дружина Игорева сказала ему: „наши товарищи, которые съ Свѣнельдомъ 8), богаты оружіемъ и платьемъ, „мы наги; пойдемъ, князь, съ нами за данью: и ты добудешь, и мы." Игорь послушался ихъ: пошелъ къ Древлянамъ за данью, и началъ обижать ихъ; побравши дань, пошелъ въ свой городъ. На дорогѣ Игорь раздумалъ и сказалъ дружинѣ своей: „ступайте вы съ данью домой, а я возвращусь назадъ, похожу еще." Какъ сказалъ такъ и сдѣлалъ: отпустилъ дружину домой, а самъ съ немногими возвратился назадъ, желая большаго имѣнья. Древляне, услыхавъ, что Игорь опять идетъ, начали совѣтоваться съ княземъ Маломъ; они говорили: „повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, если не убьютъ его; такъ теперь и съ нами: если не убьемъ Игоря, то всѣхъ насъ погубитъ." Послѣ совѣщанія, они послали сказать Игорю: „зачѣмъ идешь опять; вѣдь ты уже взялъ всю дань." Но Игорь не послушался ихъ; тогда Древляне вышли изъ города и убили Игоря и дружину его, потому что ея было очень мало.

Услыхавъ объ этомъ, Игорева жена Ольга, вмѣстѣ съ сыномъ Святославомъ, собрала большое и храброе войско, и пошла на Древлянскую землю. Древляне вышли противъ нея; когда оба полка сошлись, Святославъ бросилъ копьемъ въ Древлянъ; копье, пролетѣвъ между ушей его лошади, ударило ей въ ноги, потому что Святославъ былъ еще дитя и не умѣлъ владѣть копьемъ. Тогда Свѣнельдъ и Асмудъ, дядька Святослава, сказали: „князь уже началъ; пойдемъ, дружина, за княземъ." Древляне были побѣждены, побѣжали и затворились въ своемъ городѣ. Ольга взяла городъ и сожгла его; старшинъ городскихъ взяла въ плѣнъ, а прочихъ людей—иныхъ убила, другихъ отдала въ рабство своимъ приближеннымъ, остальныхъ обложила тяжелою данью. Кончивъ войну, пошла Ольга съ сыномъ своимъ и дружиною по древлянской землѣ; установила вездѣ дани и оброки. Потомъ пришла въ городъ свой Кіевъ, и, пробывъ здѣсь годъ, отправилась къ Новгороду, и по дорогѣ уставила вездѣ также оброки и дани.

Въ 955 году, пошла Ольга въ Грецію, и пришла въ Царь-городъ. Тамъ приняла христіанство, и, возвратясь въ Кіевъ, уговаривала и Святослава креститься, но онъ и слышать не хотѣлъ о томъ; если же кто другой хотѣлъ креститься, то ему не мѣшали, но только смѣялись надъ нимъ. Часто Ольга говаривала сыну: „Я рада, что узнала истиннаго Бога, и ты будешь радоваться, когда

8) Полководецъ Игоря.

узнаешь Его.“ Святославъ обыкновенно отвѣчалъ на это: „какъ мнѣ одному принять новую вѣру? дружина станетъ смѣяться надо мною!“ Тогда Ольга говорила ему: „если ты крестишься, то и всѣ станутъ дѣлать то-же.“ Но Святославъ не слушался матери, и жилъ по языческимъ обычаямъ.

Когда Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ собирать около себя много храбрыхъ воиновъ; ходилъ легко, какъ барсъ, и только и дѣлалъ, что воевалъ. Въ походахъ не возилъ за собою ни возовъ, ни котловъ, и не варилъ мяса; но, изрѣзавъ тонкими ломтиками конское мясо, или другаго какого-нибудь звѣря, или говядину, пекъ самъ на угляхъ, и такъ ѣлъ. Шатра у него также не было, но спалъ на войлокѣ, положивъ сѣдло въ головы; точно также жили и всѣ остальные воины. Онъ посылалъ къ разнымъ народамъ сказать имъ: „хочу на васъ идти.“ Ходилъ воевать на Оку и на Волгу; на Окѣ нашелъ Вятичей, и спросилъ ихъ: „кому дань даете?“ Вятичи отвѣчали: „Козарамъ“. Тогда пошелъ Святославъ на Козаровъ, побѣдилъ ихъ и взялъ ихъ городъ; потомъ побѣдилъ Ясовъ и Касоговъ 9); наконецъ пошелъ на Дунай, на Болгаровъ, одолѣлъ ихъ, побралъ города по Дунаю, и сѣлъ княжить здѣсь въ Переяславцѣ.

Между-тѣмъ пришли въ первый разъ Печенѣги на Русскую землю, а Святославъ былъ въ Переяславцѣ. Ольга затворилась въ Кіевѣ со внуками своими: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. Печенѣги обступили городъ со всѣхъ сторонъ, такъ что не льзя было ни выйти изъ города, ни вѣсти послать; народъ изнемогъ отъ голода и жажды. Жители другой стороны Днѣпра собрались въ лодкахъ, но ни одному изъ нихъ нельзя было пробраться въ городъ, ни изъ города къ нимъ. Встужили тогда жители города и говорили: „нѣтъ ли кого, кто бы могъ дойти на ту сторону и сказать имъ: „если завтра никто насъ не выручитъ, то сдадимся Печенѣгамъ?“ Вызвался одинъ мальчикъ и сказалъ: „я перейду“,— и точно пошелъ съ уздою изъ города, и ходилъ между Печенѣгами, спрашивая: „не видалъ ли кто его лошади?“ (Онъ умѣлъ говорить по печенѣжски, такъ что всѣ Печенѣги приняли его за своего). Когда же онъ дошелъ до рѣки, то скинулъ платье, бросился въ Днѣпръ и поплылъ; увидавъ это, Печенѣги кинулись за нимъ и начали стрѣлять, но не могли уже ему ничего сдѣлать, потому-что жители другой стороны Днѣпра подъѣхали къ нему и взяли его въ лодку. Мальчикъ сказалъ имъ: „если не подступите завтра къ городу, то жители его хотятъ сдаться Печенѣгамъ“. Тогда воевода, именемъ Прѣтичь, сказалъ: „подступимъ завтра въ лодкахъ къ городу, схватимъ княгиню и молодыхъ князей, и умчимъ ихъ на эту сторону; если же такъ не сдѣлаемъ, то Святославъ погубитъ насъ“. На другой день, сѣвши въ лодки на разсвѣтѣ, начали они громко трубить; а люди въ городѣ отвѣчали имъ радостными кликами. Печенѣги подума-

9) Народы при-кавказскіе.

ли, что князь пришелъ, и побѣжали въ разныя стороны отъ города, а Ольга со внуками вышла къ лодкамъ. Увидавъ это, князь печенѣжскій возвратился одинъ къ воеводѣ Прѣтичу и спросилъ: „кто это пришелъ?“ Ему отвѣчали: „лодки съ той стороны“. Князь печенѣжскій спросилъ опять у Прѣтича: „а ты князь ли?“ Прѣтичь отвѣчалъ: „я его воевода, и пришелъ съ передовымъ отрядомъ; за мною идетъ полкъ съ княземъ, — безчисленное множество народа“. Все это онъ сказалъ, чтобъ испугать Печенѣговъ. Тогда печенѣжскій князь сказалъ Претичу: „будь мнѣ другомъ“; Прѣтичь отвѣчалъ: „пожалуй.“ Печенѣжскій князь подарилъ Прѣтичу коня, саблю и стрѣлы; а этотъ подарилъ ему броню, щитъ и мечъ. Печенѣги отступили отъ города. Тогда Кіевляне послали сказать Святославу: „Ты, князь, ищешь чужой земли и бережешь ее, а до своей тебѣ и дѣла нѣтъ; насъ едва-было не взяли Печенѣги, вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми; если ты не придешь и не оборонишь насъ, то насъ опять возьмутъ Печенѣги: видно тебѣ не жаль ни родины своей, ни матери-старухи, ни дѣтей.“ Услыхавъ такія вѣсти, Святославъ тотчасъ сѣлъ на коней съ дружиною и пріѣхалъ въ Кіевъ. Радъ онъ былъ, что нашелъ мать и дѣтей своихъ въ безопасности; но очень жалѣлъ, что случилось съ ними такая бѣда отъ Печенѣговъ, и, собравъ войско, прогналъ варваровъ въ степи; послѣ чего, настало мирное время.

Скоро наскучило Святославу въ Кіевѣ; онъ сталъ говорить матери своей: „не нравится мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ; тамъ середина земли моей; туда привозится все доброе: изъ Греціи туда идетъ золото, ткани, вина, плоды разные; изъ Богеміи и Венгріи — серебро и кони; изъ Руси — звѣриныя шкуры, воскъ, медъ и рабы.“ Тогда Ольга отвѣчала ему: „Развѣ не видишь, что я уже больна; куда же ты хочешь отъ меня уйдти? Похорони меня по-крайней-мѣрѣ, а тамъ уже ступай, куда хочешь.“ Черезъ три дня, Ольга умерла; сынъ, внуки и всѣ люди много плакали по ней; потомъ вынесли тѣло и погребли. Ольга передъ смертію не велѣла дѣлать надъ собою тризны 10), потому что при ней былъ священникъ, который и похоронилъ ее.

По смерти матери, Святославъ посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, а Олега у Древлянъ. Въ то-же время, пришли Новгородцы просить также себѣ князя; они говорили: „если не пойдете къ намъ, то найдемъ себѣ другаго князя.“ Святославъ сказалъ: „Да кто-же пойдетъ къ вамъ? Ярополкъ и Олегъ отказались идти въ Новгородъ.“ Тогда Добрыня сказалъ Новгородцамъ: „просите Владиміра.“ (Добрыня былъ дядя Владиміру). Новгородцы такъ и сдѣлали. Тогда Святославъ сказалъ имъ: „вотъ вамъ онъ, возьмите.“ Такимъ образомъ, Владиміръ пошелъ въ Новгородъ съ дядею своимъ Добрынею, а Святославъ въ Переяславецъ.

---

10) Тризна — языческій обрядъ, наблюдавшійся при погребеніи.

Когда пришелъ Святославъ въ Переяславецъ, то Болгары затворились въ городѣ и не пустили его. Потомъ Болгары вышли изъ города на сѣчу противъ Святослава; сѣча была велика, и Болгары начали одолѣвать. Тогда Святославъ сказалъ своимъ воинамъ: „видно уже намъ здѣсь умереть; такъ станемъ же биться мужественно, братья и дружина!“ Къ вечеру одолѣлъ Святославъ; взялъ городъ приступомъ, и послалъ сказать Грекамъ: „Хочу на васъ идти, взять и вашъ городъ, какъ взялъ этотъ.“ Греки отвѣчали: „Мы не въ состояніи стать противъ васъ; но возьми съ насъ дань, и на дружину свою; для чего скажите, сколько васъ, чтобъ намъ расчесться по числу людей.“ Греки сказали это, желая обмануть Русскихъ. Святославъ сказалъ имъ: „насъ двадцать тысячъ;“ десять тысячъ онъ прибавилъ, потому что Русскихъ всего было десять тысячъ. Тогда Греки собрали девяносто тысячъ войска на Святослава, и не дали ему дани; Святославъ пошелъ на Грековъ. Когда же Русскіе увидали противъ себя такое множество войска, то испугались; Святославъ сказалъ имъ: „Уже намъ теперь некуда дѣться; волею и неволею должны биться; не посрамимъ Русской земли, но ляжемъ здѣсь костями; мертвымъ не стыдно, а если побѣжимъ, то ляжетъ на насъ стыдъ, отъ котораго некуда уйдти; станемъ же лучше крѣпко; я пойду передъ вами; когда же голова моя ляжетъ, тогда думайте сами о себѣ.“ Воины отвѣчали ему: „гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ.“ Русь приготовилась къ битвѣ, и была сѣча велика. Святославъ одолѣлъ; Греки побѣжали; тогда Святославъ пошелъ къ Византіи, воюя и разбивая по дорогѣ города. Царь созвалъ бояръ своихъ въ палату и спросилъ: „что намъ дѣлать? Не можемъ никакъ одолѣть Русскихъ?“ Бояре отвѣчали: „пошли къ Святославу дары, поизвѣдать, на что онъ больше падокъ, на золото или на дорогія ткани.“ Такъ и сдѣлали: послали съ умнымъ человѣкомъ къ Святославу золото и ткани, наказавши послу: „смотри, гляди ему въ лицо, какое на немъ будетъ выраженіе.“ Посолъ, взявъ дары, отправился. Святославу доложили, что пришли Греки съ поклономъ; тогда онъ сказалъ: „введите ихъ сюда.“ Греки вошли, поклонились и разложили передъ Святославомъ золото и ткани; Святославъ, смотря равнодушно по сторонамъ, сказалъ слугамъ: „спрячьте это.“ Послы возвратились. Царь созвалъ опять бояръ; послы сказали имъ: „какъ пришли мы къ Святославу и подали дары, то онъ и не посмотрѣлъ на нихъ, велѣлъ только ихъ спрятать.“ Тогда одинъ бояринъ сказалъ царю: „попытайся еще; пошли къ нему оружіе.“ Совѣтъ былъ принятъ; послали къ Святославу мечъ и разное другое оружіе; когда же принесли къ нему, то онъ взялъ, началъ хвалить и любоваться, и велѣлъ благодарить царя. Узнавъ объ этомъ пріемѣ, бояре сказали царю: „долженъ же быть храбръ этотъ человѣкъ, когда пренебрегаетъ имѣніемъ, а беретъ только одно оружіе; дѣлать нечего, пришлось дать ему дань.“ Тогда царь послалъ сказать

Святославу: „не ходи къ городу; но возьми дань, сколько хочешь." Святославъ взялъ богатые дары и возвратился въ Переяславецъ; но увидавъ, что дружины осталось мало, началъ думать: „что если какою-нибудь хитростію перебьютъ дружину мою и меня? Пойти лучше въ Русь, привести побольше дружины." Съ этою цѣлію посалъ сказать царю: хочу имѣть съ тобою твердый миръ." Царь, услыхавъ это, обрадовался и послалъ къ нему дары, еще больше, чѣмъ прежде. Святославъ принялъ дары, и началъ совѣтоваться съ дружиною, говоря такъ: „если не заключимъ мира съ царемъ, и онъ узнаетъ, что насъ мало, то, пришедши, обступятъ насъ въ городѣ; а Русская земля далеко. Печенѣги съ нами въ войнѣ; кто намъ тогда поможетъ? Заключимъ лучше миръ съ царемъ; Греки уже взялись давать намъ дань; будетъ съ насъ; если же перестанутъ исправно платить, то пойдемъ опять къ Царю-городу; тогда уже съ большимъ войскомъ." Эта рѣчь понравилась дружинѣ.

Заключивъ миръ съ Греками, Святославъ пошелъ въ лодкахъ къ порогамъ. Отцовскій воевода Аскольдъ говорилъ ему: „пойди лучше, князь, на коняхъ, потому что Печенѣги стоятъ около пороговъ." Святославъ не послушался его и пошелъ въ лодкахъ. Тогда Переяславцы послали сказать Печенѣгамъ: „идетъ Святославъ въ Русь, съ большимъ имѣніемъ и пѣшкомъ, но съ малою дружиною." Услыхавъ объ этомъ, Печенѣги заступили пороги, и когда Святославъ пришелъ, то негдѣ уже было пройти. Русскіе стали зимовать въ Бѣлобережьи; съѣстные припасы у нихъ повышли, и сдѣлался большой голодъ. Такъ провелъ Святославъ всю зиму. Весною двинулся онъ впередъ; но печенѣжскій князь Куръ напалъ на него и убилъ, а Свѣнельдъ пришелъ въ Кіевъ къ Ярополку. Всего на-все княжилъ Святославъ двадцать восемь лѣтъ.

Въ 975 году, сынъ Свѣнельда, именемъ Лютъ, вышелъ изъ Кіева въ лѣсъ на охоту; тутъ увидалъ его Олегъ, князь древлянскій, и спросилъ у своихъ: „кто это такой?" Ему отвѣчали: „сынъ Свѣнельда;" тогда Олегъ напалъ и убилъ Свѣнельдича, за то, что тотъ охотился вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ лѣсу. Отсюда пошла ненависть между Ярополкомъ и Олегомъ; Свѣнельдъ, желая отомстить за сына, не переставалъ подговаривать Ярополка; „пойди на брата и отними у него владѣніе." На третій годъ, Ярополкъ пошелъ на брата своего Олега, въ древлянскую землю; Олегъ вышелъ къ нему на встрѣчу, и стали сражаться; князь кіевскій побѣдилъ древлянскаго. Когда Олегъ съ воинами своими бѣжалъ въ городъ, именемъ Овручь, то на мосту, перекинутомъ черезъ ровъ къ городскимъ воротамъ, столпилось множество бѣглецовъ, и въ тѣснотѣ воины спихивали другъ друга въ ровъ, въ томъ числѣ спихнули и самого Олега; за нимъ попадали еще много воиновъ, даже на лошадяхъ, и лошади передавили людей. Между тѣмъ Ярополкъ вошелъ въ городъ Ольговъ, захватилъ тамъ всю власть, и послалъ искать своего брата; искали, искали, и не нашли; тогда одинъ Древлянинъ

сказалъ: „я видѣлъ, какъ вчера спихнули его съ моста.“ Услыхавъ объ этомъ, Ярополкъ послалъ искать брата во рву: съ утра до полудня вытаскивали трупы изо рва; наконецъ нашли Олега на самомъ исподу, внесли во дворецъ княжескій и положили на коврѣ. Пришелъ Ярополкъ, и началъ надъ нимъ плакать; онъ говорилъ Свѣнельду: „полюбуйся-ка, вотъ чего тебѣ хотѣлось!“ Олега погребли у города Овруча; могила и теперь тамъ. Тогда Владиміръ, услыхавъ въ Новгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, испугался и бѣжалъ за море, а Ярополкъ посадилъ въ Новгородѣ своихъ посадниковъ, и владѣлъ одинъ на Руси.

Въ 980 году, пришелъ Владиміръ съ Варягами въ Новгородъ, и сказалъ Ярополковымъ посадникамъ: „ступайте къ брату моему и скажите ему: Владиміръ идетъ на тебя; пристроивайся противъ него биться.“ Послѣ этого, онъ сѣлъ въ Новгородѣ, и послалъ въ Полоцкъ, къ тамошнему князю Рогвольду, свататься на его дочери Рогнѣдѣ. Рогвольдъ спросилъ у дочери: „хочешь ли выйти за Владиміра?“ Она отвѣчала: „нѣтъ, не пойду за сына рабыни, а пойду лучше за Ярополка, великаго князя кіевскаго.“ Послы Владиміра, возвратясь, пересказали ему всю рѣчь Рогнѣдину; тогда Владиміръ, собравъ большое войско, Варяговъ и Славянъ, Чудь и Кривичей, пошелъ на Рогвольда. Въ то самое время, какъ хотѣли уже вести Рогнѣду за Ярополка, пришелъ Владиміръ на Полоцкъ, убилъ Рогвольда, двоихъ сыновей его, а дочь взялъ за себя, и пошелъ на Ярополка.

Когда Владиміръ пришелъ къ Кіеву со множествомъ войска, то Ярополкъ не могъ противостать ему, и затворился въ городѣ съ людьми своими и съ воеводою Блудомъ. Къ этому Блуду Владиміръ прислалъ съ такими рѣчами: „склонись на мою сторону; если мнѣ удастся убить брата, то ты будешь мнѣ вмѣсто отца, и получишь отъ меня большую честь; вѣдь не я началъ убивать братьевъ, а онъ; я-же пришелъ на него изъ страха, чтобъ онъ и меня не убилъ.“ Блудъ отвѣчалъ посламъ Владиміровымъ, что будетъ помогать ихъ князю; и точно, безпрестанно ссылался съ нимъ, убѣждая приступать къ городу, а Ярополка обманывалъ, мысля убить его; но, по причинѣ гражданъ, нельзя было совершить убійства. Тогда Блудъ замыслилъ погубить Ярополка коварствомъ, и началъ отсовѣтовать ему выходить изъ города на битву, говоря: „бѣги скорѣе изъ Кіева: Кіевляне пересылаются съ Владиміромъ, убѣждаютъ его приступать къ городу, обѣщаясь предать тебя ему.“ Ярополкъ послушался, выбѣжалъ изъ Кіева, и затворился въ городѣ Роднѣ, а Владиміръ вошелъ въ Кіевъ и осадилъ Ярополка въ Роднѣ, гдѣ скоро сдѣлался страшный голодъ; есть пословица и теперь: „бѣда точно въ Роднѣ.“ Въ такихъ обстоятельствахъ, Блудъ началъ говорить Ярополку: „видишь, сколько войска у твоего брата; намъ его не пересилить; заключай скорѣе миръ;“ все это онъ говорилъ, обманывая князя. Ярополкъ отвѣчалъ: „хорошо.“ Тогда

Блудъ послалъ къ Владиміру съ такими рѣчами: „мысль твоя сбылась; я приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядись, какъ бы убить его.“ Получивъ это извѣстіе, Владиміръ пошелъ па отцовскій теремный дворъ, и сѣлъ тамъ съ дружиною, а Блудъ между-тѣмъ говорилъ Ярополку: „ступай къ брату и скажи ему: что мнѣ дашь, тѣмъ и буду доволенъ.“ Ярополкъ пошелъ, хотя вѣрный слуга его, Варяжко, говорилъ ему: „не ходи, князь, убьютъ тебя; бѣги лучше къ Печенѣгамъ и приведи оттуда войско“; но князь не послушался. Когда Ярополкъ пришелъ ко Владиміру, и сталъ входить въ двери, то два Варяга пронзили его мечами подъ пазуху, а Блудъ между-тѣмъ захлопнулъ за нимъ двери, и не далъ Ярополковой дружинѣ войти за своимъ княземъ; такъ былъ убитъ Ярополкъ.

Послѣ этого, Варяги сказали Владиміру: „городъ-то нашъ; вѣдь мы его взяли, и потому хотимъ брать окупъ па гражданахъ, по двѣ гривны съ человѣка“. Владиміръ отвѣчалъ имъ: „подождите не много, пока сберутъ деньги за мѣсяцъ“. Варяги ждали, ждали, и ничего имъ не дали; тогда они сказали Владиміру: „обманулъ ты насъ; позволь намъ по крайней-мѣрѣ идти въ Грецію,“ Владиміръ отвѣчалъ имъ: „ступайте“. Потомъ выбралъ изъ нихъ мужей добрыхъ, смышленыхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города въ управленіе; другіе же пошли въ Царь-городъ, къ Грекамъ. Но Владиміръ прежде нихъ еще отправилъ пословъ къ императору съ такими словами: „вотъ идутъ къ тебѣ Варяги; не держи ихъ въ городѣ, а не то надѣлаютъ они тебѣ бѣдъ, какъ и у насъ здѣсь; лучше размечи ихъ по разнымъ мѣстамъ, а сюда къ намъ не пускай ни одного“. Послѣ этого, началъ княжить Владиміръ въ Кіевѣ одинъ, и поставилъ разные кумиры на холму за дворомъ теремнымъ: Перуна деревяннаго, а голова у него серебряная, усъ золотой; кромѣ него — Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша. Приносили имъ жертвы, называя богами своими; приводили сыновей своихъ и дочерей, и закалали ихъ въ жертву богамъ, оскверняли землю своими жертвами; и осквернилась кровью земля русская и холмъ тотъ. Но преблагій Богъ не хотѣлъ смерти грѣшникамъ; на томъ холмѣ теперь церковь стоитъ Св. Василья; но объ этомъ послѣ скажемъ, а теперь къ прежнему возвратимся.

Ходилъ Владиміръ на Ляховъ и занялъ города ихъ, Перемышль, Червенъ и другіе, которые и теперь подъ Русью; побѣдилъ и Вятичей, и наложилъ на нихъ дань отъ плуга, какъ и отецъ его бралъ. Когда Князь пришелъ къ Кіеву, и приносилъ жертву кумирамъ съ людьми своими, то старцы и бояре сказали ему: „бросимъ жребій на мальчиковъ и дѣвицъ: на кого падетъ, того и зарѣжемъ богамъ.“ Въ это время, жилъ въ Кіевѣ одинъ Варягъ; дворъ его стоялъ тамъ, гдѣ теперь церковь Св. Богородицы, построенная Владиміромъ; Варягъ тотъ пришелъ изъ Греціи, держалъ вѣру христіанскую, и былъ у него сынъ, прекрасный лицемъ и душею; на него-то и палъ жребій. Посланные отъ народа пришли къ старому

Варягу и сказали: „на твоего сына палъ жребій; боги выбрали его себѣ, чтобъ мы принесли его имъ въ жертву“. Варягъ отвѣчалъ: „то не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніетъ; ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ; сдѣланы руками изъ дерева; Богъ же одинъ, которому служатъ Греки и кланяются; Онъ сотворилъ небо и землю, звѣзды, и луну, и солнце, и человѣка, и далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сотворили? они сами сдѣланы руками человѣческими; не дамъ сына своего бѣсамъ“. Посланные пересказали слова Варяга гражданамъ; тогда народъ, взявъ оружіе, пошелъ на Варяга и разломалъ заборъ около его дома. Варягъ стоялъ на сѣняхъ съ сыномъ. Ему кричали: „отдай сына; намъ нужно его принести въ жертву богамъ“. Онъ отвѣчалъ: „если то въ самомъ дѣлѣ боги, то пусть пошлютъ одного бога взять моего сына; а вы изъ-чего такъ хлопочете?“ Въ народѣ раздался яростный крикъ; толпа бросилась, подрубили сѣни подъ обоими Варягами, и такимъ-образомъ убили ихъ, и никто не знаетъ, гдѣ ихъ похоронили.

Въ 988 году, пошелъ Владиміръ съ войскомъ на Корсунь, городъ греческій; Корсунцы заперлись въ городѣ и крѣпко оборонялись. Владиміръ послалъ сказать имъ: „если не сдадитесь, то три года простою здѣсь“; но они не послушались. Тогда Владиміръ, устроивъ свое войско, велѣлъ дѣлать насыпи около города; но Корсунцы, подкопавши городскую стѣну, уносили насыпаемую землю къ себѣ въ городъ. Въ это время, одинъ житель корсунскій, именемъ Настасъ, пустилъ стрѣлу въ станъ русскій, а на стрѣлѣ было написано: „на востокъ отъ тебя колодезь; изъ него вода идетъ по трубѣ въ городъ; откопай колодезь и перейми воду“. Владиміръ тотчасъ велѣлъ копать, и точно воду переняли у гражданъ; тогда послѣдніе, изнемогши отъ жажды, сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною, и послалъ къ императорамъ Василію и Константину съ такими словами: „вотъ я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ есть сестра дѣвица: если вы не отдадите ее за меня, то и столицѣ вашей будетъ отъ меня тоже, что и Корсуню“. Оба царя, услыхавъ это, сильно огорчились, и отвѣчали: „не прилично христіанамъ выдавать своихъ сестеръ за невѣрныхъ; если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ съ нею царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать за тебя сестры“. Владиміръ отвѣчалъ посламъ: „скажите царямъ, что я готовъ креститься, потому-что прежде испыталъ вашъ законъ, и мнѣ нравится ваша вѣра и богослуженіе“. Цари, услыша это, обрадовались, и послали сестру свою, именемъ Анну, которую насилу уговорили идти: она сѣла въ корабль, простилась съ родными и съ плачемъ поплыла черезъ море. Когда царевна пріѣхала въ Корсунь, Владиміръ крестился, а послѣ крещенья, обвѣнчался на Аннѣ, и пошелъ съ нею въ Кіевъ. Пришедши туда, онъ велѣлъ повѣстить народу: „кто не придетъ къ рѣкѣ креститься, богатый ли, или бѣдный, тотъ будетъ

мнѣ противенъ". Услыхавъ это, люди шли съ радостью, говоря: „еслибъ эта вѣра была не хороша, то князь и бояре не приняли бы ее". На другой день, Владиміръ вышелъ съ духовенствомъ на Днѣпръ, куда собралось множество людей: всѣ вошли въ воду и стояли въ ней одни по шею, другіе по грудь, малолѣтные у берега, возрастные же дальше, и держали на рукахъ младенцевъ, а священники читали молитвы.

С. Соловьевъ.

IV.

Повѣсти и разсказы.

15. СИРОТЫ.

Какъ вы счастливы, любезныя дѣти! У васъ есть маменьки, которыя о васъ заботятся: чего бы вы ни захотѣли, чтобы ни задумали — все готово для васъ! Нѣсколько глазъ смотрятъ за каждымъ вашимъ шагомъ; подойдете близко къ столу—нѣсколько голосовъ вамъ кричатъ: „берегись!···· не ушибися!.....“ Вы занемогли— маменька въ безпокойствѣ, весь домъ въ хлопотахъ! являются и родные, и докторъ, и лекарство: маменька не спитъ ночью надъ вами, заслоняетъ васъ отъ вѣтра. А когда вы заснете въ своей мягкой постелькѣ, тогда никто въ домѣ не смѣй пошевелиться; едва вы проснетесь— и маменька улыбается вамъ, и приноситъ вамъ игрушки, и разсказываетъ сказочки, и показываетъ книжки съ картинками. Какъ вы счастливы, милыя дѣти! Вамъ и въ голову не приходитъ, что есть на свѣтѣ другія дѣти, у которыхъ нѣтъ ни маменьки, ни папеньки, ни мягкой постельки, ни игрушекъ, ни книжекъ съ картинками. Я разскажу вамъ повѣсть объ одномъ изъ такихъ дѣтей.

Ваня, сынъ бѣднаго органнаго музыканта (одного изъ тѣхъ, которыхъ вы часто встрѣчаете на улицѣ съ органами, или которые входятъ во дворъ, останавливаются на морозѣ и забавляютъ васъ своею музыкою), Ваня шелъ рано по утру съ Васильевскаго острова въ Петропавловскую школу. Не бездѣлица была ему бѣдному поспѣвать каждый день къ назначенному времени. Отецъ его жилъ далеко, очень далеко, въ Чекушахъ. Ваня въ этотъ день вышелъ особенно рано; ночью слегка морозило, льдинки хрустѣли подъ ногами бѣднаго Вани, который въ одной курточкѣ перепрыгивалъ съ камешка на камешекъ, чтобы лучше согрѣться; не смотря на то, онъ былъ веселъ, прикусывалъ хлѣбъ, который мать положила ему въ сумку; повторялъ урокъ, который надобно ему было сказать въ классѣ, и радовался, что знаетъ его хорошо, радовался, что въ это воскресенье не оставятъ его въ школѣ за наказанье, какъ то случилось на прошедшей недѣлѣ; больше у него ничего не было въ

мыслях. Ужъ онъ перешелъ черезъ Синій мостъ, прошелъ Красный и быстро бѣжалъ по гранитному тротуару Мойки, какъ вдругъ Ваня за что-то запнулся, смотритъ—передъ нимъ лежитъ маленькій ребенокъ, закутанный въ лохмотья. Ребенокъ ужъ не кричалъ: губки его были сини; ручки, высунувшіяся изъ лохмотьевъ, окостенѣли. Ваня очень былъ удивленъ такой находкой; онъ посмотрѣлъ вокругъ себя, думая, что мать ребенка оставила его тутъ только на время, но на улицѣ никого не было. Ваня бросился къ ребенку, поднялъ его, и, не зная что дѣлать, сталъ было цѣловать его, но испугался, — ему показалось, что онъ цѣлуетъ мертваго: наконецъ ребенокъ вскрикнулъ. Ваня очень тому обрадовался и первая мысль его была отнести его къ себѣ домой; но, прошедши нѣсколько шаговъ, онъ почувствовалъ, что эта ноша была для него слишкомъ тяжела, и сверхъ того онъ замѣтилъ, что его найденышъ дрожалъ и едва дышалъ отъ холода. Ваня былъ въ отчаяніи; онъ скинулъ съ себя курточку, накинулъ ее на младенца, теръ у него руки, но все было напрасно: ребенокъ кричалъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Посмотрѣвъ снова вокругъ себя съ безпокойствомъ, онъ увидѣлъ стоявшаго близь дома сторожа, который хладнокровно смотрѣлъ на эту сцену. Ваня тотчасъ подошелъ къ нему съ своею ношею. „Дядюшка, сказалъ онъ, пригрѣй ребенка!" Но сторожъ, чухонецъ, не понималъ словъ его и только качалъ головою. Ваня сказалъ ему тоже по-нѣмецки; Маймистъ опять его не понялъ. Ваня не зналъ что дѣлать; онъ видѣлъ, что минуты были дороги, что одна скорая помощь могла спасти оледенѣлаго ребенка. Въ это время изъ дома вышелъ какой-то господинъ и, увидѣвъ Ваню, спросилъ его: „Чего ты хочешь, мальчикъ?"—Я прошу, отвѣчалъ Ваня, чтобъ взяли и согрѣли этого ребенка, пока я сбѣгаю за батюшкой.—„Да гдѣ ты взялъ этого ребенка?" спросилъ незнакомецъ.—Здѣсь на тротуарѣ, отвѣчалъ Ваня.—Господинъ взялъ ребенка на руки и далъ знакъ Ванѣ, чтобъ онъ за нимъ слѣдовалъ. Они вошли въ домъ. Незнакомецъ спросилъ у Вани: „Для чего ты хочешь идти за своимъ отцемъ?"—Для того, отвѣчалъ Ваня, что мнѣ одному не донести до дому этого ребенка.—„Да кто ты?"—Я сынъ органнаго музыканта. — „Такъ твой отецъ долженъ быть очень бѣденъ?" — Да, отвѣчалъ Ваня, мы очень бѣдны. Батюшка ходитъ по городу съ органомъ, матушка учитъ собачекъ плясать — тѣмъ мы и кормимся. — „Ну такъ гдѣ же ему содержать еще ребенка! — оставь его здѣсь". Ваня былъ въ недоумѣніи. Незнакомецъ, замѣтивъ это, сказалъ: „Говорю тебѣ, оставь его здѣсь, — ему здѣсь будетъ хорошо".

Между тѣмъ какъ они говорили, вошедшая въ комнату женщина раздѣла ребенка, вытерла его сукномъ и начала кормить грудью. Ваня видѣлъ, какъ заботились о его найденышѣ; онъ понималъ, что незнакомецъ говорилъ ему правду и что отцу его невозможно будетъ содержать новаго питомца; но все ему было жаль съ нимъ разстаться. „Позвольте мнѣ," сказалъ онъ сквозь слезы,

„хоть иногда навѣщать его?“ — Съ радостію, отвѣчалъ ему незнакомецъ, и я тебѣ дамъ средство узнавать его между другими. — „Какъ между другими?“ спросилъ Ваня. — Да, отвѣчалъ незнакомецъ, такихъ дѣтей здѣсь много; пойдемъ, я тебѣ ихъ покажу. — Незнакомецъ отворилъ дверь, и Ваня съ чрезвычайнымъ удивленіемъ увидѣлъ предъ собою рядъ большихъ комнатъ, гдѣ множество кормилицъ носились съ младенцами: иныя кормили ихъ грудью, другія завертывали въ пеленки, третьи укладывали въ постельку. Это былъ Воспитательный Домъ, благодѣтельное заведеніе, основанное императрицею Екатериною II. Я называю ее, любезныя дѣти, чтобъ это имя врѣзалось въ сердцѣ вашемъ. Въ послѣдствіи, учась исторіи, вы узнаете много славныхъ дѣлъ въ ея жизни, но ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться съ тѣмъ высокимъ христіанскимъ чувствомъ, которое внушило ей быть *Матерью сиротъ безпомощныхъ*. До нея, несчастныя дѣти, брошенныя бѣдными или жестокосердыми родителями, погибали безъ призрѣнія. Она призрѣла ихъ и назвала себя ихъ матерью. Привыкайте же благоговѣть предъ именемъ Екатерины и призывать его въ вашихъ молитвахъ.

Когда Ваня съ незнакомцемъ возвратился снова въ прежнюю комнату, онъ увидѣлъ, что его найденышъ былъ уже и обмытъ, и обвитъ чистыми пеленками.

„Что? Найдено ли что въ лохмотьяхъ?“ сказалъ незнакомецъ кормилицѣ.

Ничего, отвѣчала кормилица. — Тогда незнакомецъ велѣлъ принести крестъ съ нумеромъ и написалъ на особомъ листкѣ: „NO 2332 младенца, принесеннаго 7 ноября 18.. года, сыномъ органнаго музыканта Карла Лихтенштейна Иваномъ въ С.-Петербургскій Воспитательный Домъ, и проч.“

И долго еще послѣ того Ваня навѣщалъ своего найденыша, которому дали имя Алексѣя. Алексѣй скоро привыкъ узнавать Ваню, и, когда Ваня входилъ, протягивалъ къ нему свои рученки.

Много лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ. Надобно вамъ сказать, что отецъ Вани въ молодости былъ музыкальнымъ учителемъ; онъ давалъ уроки на фортепіано и на скрипкѣ, и тѣмъ добывалъ для себя и для семейства безнужное содержаніе. Продолжительная болѣзнь лишила его учениковъ; когда онъ нѣсколько выздоровѣлъ, мѣсто его во всѣхъ домахъ было уже занято другими учителями: новыхъ учениковъ онъ не находилъ, а если и находилъ, то не надолго, ибо возобновлявшіеся припадки принуждали его опаздывать, а часто и совсѣмъ не приходить къ урокамъ. Мало-по-малу Лихтенштейнъ впадалъ въ нищету, мало-по-малу все его небольшое имущество распродано было для того, чтобъ достать денегъ на хлѣбъ, и наконецъ онъ принужденъ былъ приняться за ремесло уличныхъ музыкантовъ. Года четыре спустя послѣ разсказаннаго нами происшествія съ Ваней, отецъ его, думая больше выручить денегъ по разнымъ городамъ, нежели въ Петербургѣ, отправился въ путь вмѣстѣ съ своею женою и Ванею. Они ѣздили по ярмар-

камъ: отецъ съ сыномъ показывали маріонетки, мать вертѣла органъ. Иногда же на долю Вани доставалось вертѣть органъ, тогда мать играла на арфѣ, а отецъ игралъ на скрипкѣ. Переходъ отъ безнужнаго состоянія къ крайней нищетѣ въ конецъ разстроилъ здоровье стариковъ.

Въ послѣдствіи, отъ трудовъ ли, отъ того ли, что часто принужденъ былъ отказывать себѣ во всемъ нужномъ, отъ недостатка ли въ пищѣ, въ одеждѣ, отецъ Вани такъ занемогъ, что не былъ болѣе въ состояніи даже вертѣть органа. Ваня съ матерью на послѣдпія деньги купили лошадь съ телѣгою и на ней перевозили изъ города въ городъ больнаго Лихтенштейна: ибо когда они долго оставались въ одномъ городѣ, то скоро сборъ ихъ прекращался и они принуждены были выѣзжать въ другое мѣсто; что они получали, то употребляли себѣ на пищу. Какъ часто Ваня, оставляя отца своего безъ куска хлѣба, самъ голодный, дрожа отъ стужи, промоченный до костей, сквозь слезы, заставлялъ куколъ своихъ хохотать или, показывая китайскія тѣни, разсказывалъ забавныя исторіи и тѣшилъ ими своихъ маленькихъ зрителей; а часто случалось, что зрители были не довольны имъ, находили картинки стертыми, стекло не довольно свѣтлымъ: смерть была на душѣ у Вани, а онъ принужденъ былъ выдумывать остроумные отвѣты, смѣшные анекдоты, чтобы какъ нибудь укротить гнѣвъ маленькихъ настойчивыхъ судей своихъ, отъ которыхъ зависѣла жизнь его отца, его матери, его самого.

Любезныя дѣти! вы не знаете, что такое смѣяться сквозь слезы и вы, можетъ быть, не поймете, какъ у Вани было тяжело на сердцѣ.

Бѣдное семейство наконецъ рѣшилось возвратиться въ Петербургъ, гдѣ по старой привычкѣ оно снова надѣялось получить больше пособія. Отецъ Вани не доѣхалъ до Петербурга; онъ умеръ на дорогѣ. Похоронивъ его какъ могли, поплакавъ, погрустивъ, Ваня съ матерью продолжали свой путь и наконецъ дотащились до Петербурга. По счастію, нашли они на старой своей квартирѣ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ своихъ товарищей, которые съ радостію приняли ихъ въ свою артель. Ваня отъ природы былъ слабъ здоровьемъ; ему было ужъ лѣтъ двадцать восемь, но, смотря на него, можно было его принять за старика, — такъ безпрестанная нужда и горесть изнурили его; часто и самъ онъ не могъ выходить, часто не могъ и оставить мать свою. Товарищи на нихъ роптали, упрекая Ваню въ лѣности, и, когда онъ съ матерью садился за скудный обѣдъ, почти каждый кусокъ хлѣба дорого имъ доставался.

Однажды, послѣ долговременной ея болѣзни, которая требовала безпрестаннаго присутствія Вани, сотоварищи его объявили ему, что ежели онъ въ этотъ день не заработаетъ сколько нибудь денегъ, то они не дадутъ ни крохи хлѣба ни ему, ни его матери, а на другой день сгонятъ ихъ съ квартиры. Скрѣпя сердце, полубольной, Ваня съ трудомъ взвалилъ на плеча тяжелый органъ и

вышелъ изъ дому на шумныя петербургскія улицы. Кто бы изъ проходящихъ подумалъ, слушая веселую пѣсню, которую онъ наигрывалъ на органѣ, что въ этомъ человѣкѣ жизнь боролась со смертію и что самыя черныя мысли проходили по его головѣ и сердцу. Въ этотъ день Ваня былъ особенно несчастливъ; тщетно проходилъ онъ мимо домовъ, показывая сидѣвшимъ у окна дѣтямъ свои прыгающія куколки, тщетно входилъ во дворы и до изнеможенія силъ вертѣлъ рукоятку своего осиплаго инструмента: никуда его не позвали, ни гроша денегъ ему не было брошено! Ужъ поздно къ вечеру Ваня съ отчаяніемъ въ сердцѣ возвращался домой; ужасная участь его ожидала, — оставалось ему заложить свой органъ, — единственное средство къ пропитанію, потомъ проѣсть вырученныя имъ за то деньги, — потомъ умереть съ голоду. Когда Иванъ проходилъ чрезъ перекрестокъ многолюдной улицы сквозь толпы народа, проскакали сани и зашибли женщину, шедшую подлѣ Вани. Женщина упала безъ памяти. Ваня, движимый чувствомъ состраданія, бросился къ ней на помощь. Столпился народъ, явились полицейскіе служители; сани были уже далеко. Одни въ толпѣ кричали, что сани задѣли женщину, другіе толковали, что органщикъ, попятившись, зашибъ ее своимъ органомъ; сама женщина была безъ языка. Ваня найденъ наклонившимся надъ нею; къ тому же онъ, какъ ближайшій свидѣтель, могъ точнѣе разсказать какъ было дѣло и полицейскіе служители разсудили взять вмѣстѣ съ зашибенною женщиною и органщика. Ваня зналъ свою невинность и былъ увѣренъ, что его продержатъ не долго, но это *не долго* могло быть дни два или три, а въ продолженіе этого времени что могло случиться съ его матерью? Въ этотъ день и такъ уже у нея не было ни куска хлѣба, а на-завтра жестокосердые товарищи могли вытолкнуть на морозъ больную, едва дышащую мать его. Тщетно онъ увѣрялъ въ своей невинности, тщетно упрашивалъ, — полицейскій служитель готовъ уже былъ связать ему руки назадъ, когда его остановилъ человѣкъ хорошо одѣтый, который давно уже наблюдалъ всю эту сцену и приблизился въ ту минуту, когда для органщика, не было уже спасенія. Онъ остановилъ полицейскаго служителя, сказалъ ему свое имя и квартиру, прибавилъ, что онъ былъ свидѣтелемъ не только невинности, но даже великодушнаго поступка органщика и послѣ долгихъ переговоровъ убѣдилъ блюстителя благочинія отдать ему Лихтенштейна на поруки. Убѣжденный ли его словами или потому что зналъ въ лицо незнакомца, полицейскій служитель согласился на его предложеніе. Когда бѣдный Ваня избавился отъ рукъ своего страшнаго непріятеля, тогда незнакомецъ сказалъ ему: „Ну, теперь ступай своей дорогой, да скорѣе“. Ваня, поблагодаривъ незнакомца за его участіе, сказалъ ему: „Милостивый государь! вы мнѣ сдѣлали благодѣяніе большее, нежели какъ вы думаете, но оно для меня будетъ ничѣмъ, если вы мнѣ еще не поможете“. — Что тебѣ надобно? спросилъ незнакомецъ. — „Вы, я вижу, человѣкъ добрый, продолжалъ

Ваня, дайте мнѣ денегъ". — Не стыдно-ли тебѣ, молодому человѣку, просить милостыню? ты можешь работать. — „Если-бъ могъ, то не просилъ бы у васъ; сегодня уже поздно работать; а мнѣ деньги нужны сегодня!" отвѣчалъ Ваня отчаяннымъ голосомъ. Этотъ голосъ поразилъ незнакомца. — Гдѣ ты живешь? спросилъ онъ. — „Въ Чекушахъ, въ домѣ мѣщанки Р***." — Какъ спросить тебя? — „Спросите органщика Лихтенштейна". — Лихтенштейна? вскричалъ незнакомецъ, положилъ руку на голову и задумался. Пристально посмотрѣлъ онъ на Ваню и сказалъ — Вотъ тебѣ пять рублей, постарайся завтра поутру быть дома, я приду къ тебѣ. — „Ко мнѣ? вскричалъ въ изумленіи Ваня. — Такъ удивило его столь небывалое участіе въ судьбѣ его. Они разстались.

На другой день Ваня печально сидѣлъ у постели своей больной матери. Вчерашняя его ходьба, случившееся съ нимъ происшествіе, все это такъ разстроило его, что онъ едва держался на полу-развалившейся скамьѣ. Пять рублей были отданы въ общую артель: они едва уплачивали то, что слѣдовало за прожитое матерью и сыномъ. Не надѣялся онъ на посѣщеніе незнакомца, не разъ уже съ нимъ бывали подобные случаи: часто люди, тронутые его выразительною физіогноміею, также распрашивали о его житьѣ-бытьѣ, о его квартирѣ — и забывали, ибо много людей на свѣтѣ, которые и способны пожалѣть о судьбѣ несчастнаго, но много ли такихъ, которые будутъ помнить о ней и возьмутъ на себѣ трудъ докончить доброе дѣло?

Но на этотъ разъ Ваня обманулся. Еще не благовѣстили къ обѣднѣ, когда вчерашній незнакомецъ вошелъ въ темную каморку Вани. Ваня какъ будто оторопѣлъ: ему стыдно было своей бѣдности; онъ хотѣлъ и не смѣлъ предложить гостю единственный изломанный стулъ, стоявшій въ комнатѣ, но гость скоро прекратилъ его недоумѣніе. „Скажи мнѣ, сказалъ онъ трепещущимъ голосомъ, сколько тебѣ лѣтъ? — Тридцать, отвѣчалъ Ваня. — „О, такъ это не то", сказалъ съ горестію незнакомецъ. Скажи мнѣ, продолжалъ онъ, не было ли у тебя отца или какого родственника, который когда нибудь жилъ на этой квартирѣ?" — Отецъ мой жилъ здѣсь, отвѣчалъ Ваня, но онъ уже умеръ. — „Не его-ли звали Иваномъ Лихтенштейномъ?" спросилъ незнакомецъ" — Нѣтъ, отвѣчалъ Иванъ, но такъ меня зовутъ. — „Знаешь-ли ты, продолжалъ незнакомецъ съ ежеминутно возраставшимъ волненіемъ, N0 2332 Воспитательнаго Дома?" Дрожа самъ не зная отъ чего, Ваня въ истертомъ книжникѣ отыскалъ записку, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ полученную имъ изъ Воспитательнаго Дома и показалъ незнакомцу. Едва молодой человѣкъ взглянулъ на нее, какъ бросился въ объятія Вани. „Спаситель мой!... Отецъ!" — Какъ! неужели? говорилъ Ваня прерывающимся голосомъ... Вы!.... ты!.... Алеша!.... — и оба они плакали, и оба долго не могли выговорить ни слова.

Для объясненія сей исторіи нужно прибавить, что Алеша, найденный Ванею и воспитанный въ Воспитательномъ Домѣ, показалъ

необыкновенныя дарованія въ живописи. Изъ Воспитательнаго Дома онъ поступилъ въ Академію и скоро сдѣлался извѣстнымъ живописцемъ. Наживъ достаточное состояніе своимъ искуствомъ, онъ вспомнилъ о томъ, кому одолженъ былъ жизнію. По журналу Воспитательнаго Дома, въ которомъ записываются всѣ обстоятельства, случившіяся при поступленіи въ оный младенцевъ, ему легко было узнать и имя Лихтенштейна и его квартиру; но когда онъ навѣдывался о немъ, тогда Лихтенштейновъ не было уже въ Петербургѣ, и никто не могъ дать ему ни малѣйшаго о нихъ извѣстія, пока случай не свелъ его съ его избавителемъ.

Ваня вмѣстѣ съ матерью переселился къ своему Алешѣ. Спокойная жизнь и довольство возвратили здоровье несчастнымъ и они до сихъ поръ живутъ вмѣстѣ. Иванъ, вспомнивъ нѣкоторые уроки въ музыкѣ, переданные ему отцомъ, посвятилъ себя сему искуству и достигъ до того, что теперь самъ можетъ давать въ ней уроки и тѣмъ увеличивать общіе доходы.

(*Дѣтская книжка для воскресныхъ дней. 1833*).

---

16. ИЗЪ РОБИНЗОНА КРУЗЕ.

(Ро[illegible]на для дѣтей, сочиненіе Кампе).

Жило нѣкогда большое семейство, состоявшее изъ людей пожилыхъ, взрослыхъ и изъ маленькихъ дѣтей, и все это семейство, отъ мала до велика, связано было или узами родства, или взаимною любовію. Отецъ и мать, какъ называли ихъ всѣ, свои и несвои, всѣхъ любили, какъ родныхъ дѣтей; но особенною, общею любимицею всего семейства и даже обоихъ домашнихъ друзей Р. и Б., была Олинька, самая меньшая изъ всѣхъ. Семейство это жило въ небольшомъ селеніи, недалеко отъ Гамбурга.

Главнымъ правиломъ въ этомъ семейномъ кругу было — молиться и трудиться, и всѣ, отъ мала до велика, не знали другаго удовольствія, другой радости, кромѣ точнаго выполненія этого правила. Но во время работы, и вечеромъ, въ часы отдохновенія, каждый изъ нихъ любилъ послушать что нибудь такое, отъ чего можно сдѣлаться умнѣе и добрѣе. Въ такомъ случаѣ, отецъ семейства разсказывалъ разныя поучительныя исторіи, и дѣти охотно и внимательно слушали его.

Въ эти-то вечернія бесѣды разсказалъ онъ имъ слѣдующую исторію о молодомъ Робинзонѣ Крузе, и дѣти, полагая, что есть еще много имъ подобныхъ малютокъ, которые охотно желали бы послушать или прочесть такую удивительную исторію, упросили отца написать ее и отдать въ типографію напечатать нѣсколько тысячъ экземпляровъ.

Книжка, которая теперь находится въ рукахъ у васъ, милыя дѣти, есть именно одна изъ этихъ отпечатанныхъ книжекъ, и если хотите, вы можете начать сейчасъ же, съ слѣдующей страницы, читать эту удивительную исторію.

Но я чуть-было не позабылъ пересказать вамъ, какимъ образомъ началась эта исторія о Робинзонѣ.

— Не разскажешь ли ты намъ чего нибудь сегодня, папаша? спросилъ Ѳедя, въ одинъ изъ прекрасныхъ лѣтнихъ вечеровъ.

— Съ радостію! отвѣчалъ отецъ; но, право, жалко было бы такой чудесный вечеръ просидѣть въ комнатѣ. Пойдемте въ садъ!

— Славно! славно! закричали дѣти, и шумною толпою всѣ побѣжали въ садъ.

ВЕЧЕРЪ ПЕРВЫЙ.

Въ нашемъ Гамбургѣ жилъ-былъ нѣкто Робинзонъ. У этого Робинзона было три сына. Старшій изъ нихъ пошелъ въ полкъ, и былъ убитъ въ одномъ сраженіи противъ Французовъ.

Другой сынъ хотѣлъ сдѣлаться ученымъ, но простудился, получилъ чахотку и умеръ.

Остался одинъ сынъ, самый меньшой, котораго, не знаю почему, называли Крузе. На него папенька съ маменькой полагали всю свою надежду, берегли его пуще глаза и любили до безумія.

И такъ молодой Робинзонъ росъ да росъ, а родители не знали, что изъ него будетъ. Отцу хотѣлось, чтобы онъ былъ купцомъ, но у Робинзона не было къ тому ни малѣйшей охоты. Онъ объявилъ что лучше желаетъ путешествовать, чтобы каждый день видѣть и слышать новое.

Безумный мальчикъ! Конечно, если бы онъ чему нибудь хорошо научился: — но что думалъ дѣлать въ свѣтѣ такой невѣжда, какъ этотъ Крузе? Кто хочетъ искать счастія въ чужихъ странахъ, тотъ долженъ прежде многому научиться; а объ этомъ-то онъ и не подумалъ.

Ему было уже семнадцать лѣтъ; лучшее время жизни провелъ онъ въ праздности и въ шалостяхъ. Каждый день приставалъ Робинзонъ къ отцу, чтобы онъ отпустилъ его путешествовать; но отецъ отвѣчалъ ему просто: „Ты глупъ,“ и не хотѣлъ ничего слышать о путешествіи. „Милый мой сынъ!“ говорила ему мать: „сиди ты лучше дома, и старайся честнымъ трудомъ доставать себѣ кусокъ хлѣба.“

Разъ, когда онъ, по обыкновенію, бѣгалъ въ гавани, встрѣтилъ онъ тамъ своего товарища, сына одного корабельнаго капитана, который отправлялся съ отцомъ въ Лондонъ.

Товарищъ спросилъ его, не хочетъ ли и онъ ѣхать? — Я бы и радъ, отвѣчалъ Крузе: да батюшка съ матушкою не пускаютъ меня!

— И, сказалъ ему прiятель: поѣдемъ такъ, для шутки. Черезъ три недѣли мы воротимся, и ты разскажешь отцу съ матерью, гдѣ ты былъ.

— Но у меня нѣтъ денегъ, сказалъ Крузе.

— Ничего, отвѣчалъ прiятель: я дамъ тебѣ на дорогу.

Молодой Робинзонъ подумалъ нѣсколько минутъ и вскричалъ: — Кончено! я, братецъ, ѣду съ тобою! Скорѣе на корабль! — Они распорядились такъ, чтобы, спустя нѣсколько часовъ по отъѣздѣ ихъ, кто нибудь изъ слугъ его товарища пошелъ къ его родителямъ и сказалъ имъ, что сынъ ихъ поѣхалъ на нѣсколько времени погулять въ Лондонъ и скоро воротится. Послѣ этого Робинзонъ съ своимъ товарищемъ тотчасъ же отправились на корабль.

Матросы, т. е. тѣ люди, которые исправляютъ всѣ нужныя работы на кораблѣ, подняли якорь и распустили паруса; подулъ вѣтеръ, корабль пошелъ, и капитанъ распрощался съ городомъ шестью выстрѣлами изъ пушки. Молодой Робинзонъ стоялъ съ своимъ прiятелемъ на палубѣ и не помнилъ себя отъ радости, что наконецъ и ему удалось путешествовать.

День былъ чудесный; вѣтеръ дулъ попутный, и скоро Гамбургъ изчезъ изъ глазъ нашихъ путешественниковъ. На слѣдующiй день они приплыли къ Ритценбителю, гдѣ Эльба впадаетъ въ море. И вотъ наконецъ они въ открытомъ морѣ!...

Какъ удивился Робинзонъ, когда увидѣлъ вокругъ себя только воду да воздухъ. Земля мало-по-малу уходила изъ глазъ его. Вотъ, ему виднѣется только одинъ маякъ, который Гамбургцы содержатъ на островѣ Хелголандѣ. Вотъ и маякъ изчезъ: Робинзонъ видитъ надъ собою только одно небо, кругомъ себя только одну воду!

Два дня къ-ряду у нашихъ путешественниковъ была чудесная погода и довольно попутный вѣтеръ; но на третiй небо покрылось тучами, постепенно становилось темнѣе и темнѣе, и начался сильный вѣтеръ.... То вдругъ сверкала такая молнiя, какъ будто бы все небо было въ огнѣ, то становилось темно, какъ въ самую глухую полночь, а громъ гремѣлъ безпрерывно, дождь лилъ рѣкою, и сильный вѣтеръ такъ волновалъ море, что по немъ ходили валы огромные, словно домъ какой или цѣлая гора....

Посмотрѣли бы вы тогда, какъ перебрасывало корабль съ одной волны на другую! Однимъ валомъ вскинетъ его подъ небеса, а другимъ опять какъ будто броситъ на дно моря, — то опрокинетъ его на сторону, то на другую.

Снасти трещали! Матросы принуждены были держаться за что-нибудь, чтобъ не упасть. У непривыкшаго къ морю Робинзона закружилась голова: ему сдѣлалось тошно и такъ дурно, что онъ думалъ уже, что умираетъ. Это у моряковъ называется морскою болѣзнiю.

„Ахъ, любезные родители! бѣдные мои родители!“ вскричалъ онъ: „вы не увидите болѣе своего сына! О, я, неразумный! я рѣшился такъ ихъ опечалить“.

Кракъ! кракъ! раздалось вдругъ на палубѣ.—Господи, спаси насъ! вскричали, поблѣднѣвъ и ломая руки, матросы.—Что такое? спросилъ Робинзонъ, полумертвый отъ страха.

— Увы! отвѣчали ему: мы погибли!.... вѣтромъ сломило фокъ-мачту (такъ называется первая изъ трехъ прямыхъ мачтъ на корабле), и до того раскачало большую среднюю, что и она скоро свалится въ море.

— Мы погибли! вскричалъ другой голосъ изъ трюма (подводной части корабля): въ кораблѣ течь; воды уже на четыре фута...

Робинзонъ, сидѣвшій въ нижней каютѣ, услыхавъ эти слова, упалъ безъ чувствъ на полъ. Всѣ прочіе кинулись къ насосамъ, чтобы, сколько возможно, выкачать воду и не дать кораблю потонуть. Наконецъ пришелъ боцманъ, растолкалъ нашего Робинзона и сказалъ ему: „Развѣ ты одинъ хочешь сидѣть, сложа ручки, тогда какъ всѣ до-смерти измучились работою?"

Бѣдняжка собрался кое-какъ съ силами и принялся, вмѣстѣ съ прочими, выкачивать воду. Между тѣмъ капитанъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ, чтобы дать знать о своемъ несчастіи другимъ кораблямъ, если есть какіе нибудь по-близости. Робинзонъ, не зная, что значитъ этотъ трескъ, подумалъ, что корабль разваливается, и опять упалъ безъ чувствъ. Боцманъ, ставъ на его мѣсто, столкнулъ его съ дороги и оставилъ лежащимъ за-мертво.

Сколько ни качали, но вода въ трюмѣ безпрестанно прибывала, и матросы съ минуты на минуту ожидали, что корабль пойдетъ ко дну. Чтобы облегчить корабль, побросали въ море все, что только было можно, какъ то: пушки, ядра, бочки, и т. под., но ничто не помогало.

Между тѣмъ другой корабль, услыхавъ сигнальные выстрѣлы, послалъ ботъ, чтобы спасти, если можно, экипажъ. Но ботъ этотъ никакъ не могъ подойти къ кораблю: огромныя волны не допускали его. Онѣ такъ сильно бросали его то вверхъ, то внизъ, что онъ едва-едва не опрокинулся. И не смотря на то, эти человѣколюбивые люди лучше рѣшались погибнуть сами, чѣмъ оставить безъ помощи себѣ подобныхъ.

Долго боролись эти храбрые моряки съ волнами, которыя, казалось, каждую минуту готовы были поглотить ботикъ ихъ. Наконецъ имъ удалось подойти такъ близко къ задней части корабля, что оттуда можно было бросить имъ канатъ. Съ помощію каната они притянули ботъ къ самому кораблю и тогда всѣ кто только былъ въ состояніи двигаться, бросились спасаться. Робинзона, который не могъ стоять на ногахъ, нѣсколько сострадательныхъ матросовъ сбросили также въ ботъ, вмѣстѣ съ другими.

Едва успѣли они отплыть на нѣкоторое разстояніе отъ покинутаго корабля, какъ онъ мгновенно пошелъ ко дну. По счастію, буря начала утихать, а то, вѣроятно, волны поглотили бы и ботикъ, въ которомъ было набито столько народа. Съ величайшею опасно-

стію удалось наконецъ этому ботику подойти къ своему кораблю и всѣ, находившіеся въ немъ, были приняты на палубу.

Корабль, на который приняли его и другихъ пассажировъ, плылъ въ Лондонъ. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ уже въ устьѣ Темзы, и, немного спустя, бросилъ якорь передъ городомъ Лондономъ.

Всѣ отправились на берегъ, и каждый сердечно радовался тому, что избѣжалъ такой большой опасности.

Робинзонъ побѣжалъ осматривать городъ, и позабылъ все прошедшее и будущее. Наконецъ желудокъ напомнилъ ему, что въ Лондонѣ также надобно ѣсть. Онъ отправился къ корабельщику, съ которымъ выѣхалъ изъ Гамбурга, и сталъ просить у него, чтобъ онъ далъ ему чего нибудь поѣсть.

Корабельщикъ очень ласково пригласилъ его обѣдать съ собою, и во время стола спросилъ, за чѣмъ онъ именно пріѣхалъ въ Лондонъ, и что думаетъ теперь дѣлать.

Робинзонъ разсказалъ ему чистосердечно, что онъ ѣхалъ просто погулять и притомъ безъ позволенія родителей, и теперь не знаетъ, что ему дѣлать.

— Безъ позволенія родителей! вскричалъ испуганный корабельщикъ, выронивъ изъ рукъ вилку и ножикъ. Господи, Боже мой! зачѣмъ не зналъ я этого прежде! Повѣрь мнѣ, безразсудный молодой человѣкъ, продолжалъ онъ, если бы я зналъ это въ Гамбургѣ, ни за-что на свѣтѣ не взялъ бы тебя съ собою, хоть бы ты предлагалъ мнѣ за это цѣлую бочку золота!

Робинзонъ покраснѣлъ со стыда и опустилъ глаза въ землю.

Честный корабельщикъ сталъ представлять ему, какъ дуренъ его поступокъ, и сказалъ, что онъ до тѣхъ поръ ни въ чемъ не будетъ имѣть счастія, пока не исправится и не выпроситъ прощенія у своихъ родителей. Робинзонъ горько плакалъ.

— Но что мнѣ теперь дѣлать? спросилъ онъ со слезами.

— Что тебѣ дѣлать? отвѣчалъ корабельщикъ: ѣхать назадъ къ родителямъ, упасть къ ногамъ ихъ и со слезами просить прощенія за свое безразсудство!

— Возьмете ли вы меня опять, назадъ съ собою, въ Гамбургъ? спросилъ Робинзонъ.

— Я? отвѣчалъ корабельщикъ: развѣ ты позабылъ, что мой корабль потонулъ? Я не ворочусь назадъ, покуда не куплю другаго корабля, а тебѣ нельзя до тѣхъ поръ дожидаться. Ты долженъ плыть на первомъ кораблѣ, который отходитъ въ Гамбургъ, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

— Но у меня нѣтъ денегъ! сказалъ Робинзонъ.

— Вотъ тебѣ нѣсколько гиней, отвѣчалъ добрый корабельщикъ: я дамъ тебѣ ихъ въ займы, хотя мнѣ теперь и самому нужны деньги. Ступай въ гавань и возьми себѣ мѣсто на кораблѣ. Если твое раскаяніе чистосердечно, то, при помощи Божіей, обратное путешествіе твое навѣрно будетъ гораздо благополучнѣе. Сказавъ

это, онъ распрощался съ Робинзономъ, и пожелалъ ему счастливаго пути.

Когда Робинзонъ шелъ въ гавань, у него въ головѣ мелькнула мысль: Что скажутъ батюшка съ матушкой, когда я пріѣду домой? Безъ сомнѣнія, они накажутъ меня! А какъ осмѣютъ меня товарищи, что я такъ скоро воротился и не видалъ почти ничего, кромѣ двухъ или трехъ улицъ въ Лондонѣ!..." Онъ остановился въ раздумьи, то рѣшаясь не ѣхать, то снова вспоминая слова корабельщика, что ему будетъ худо, если онъ не воротится къ родителямъ. Долго думалъ онъ, на что рѣшится,—наконецъ отправился въ гавань.

Но какъ нарочно, къ его удовольствію, въ тотъ день ни одинъ корабль не отходилъ въ Гамбургъ. Человѣкъ, который сообщилъ ему это извѣстіе, былъ корабельщикъ, отправлявшійся въ Гвинею.

Гвинейскій корабельщикъ, услыхавъ отъ него, что онъ такой большой охотникъ до путешествій, и что ему уже не хочется ѣхать назадъ въ Гамбургъ, предложилъ Робинзону ѣхать съ нимъ въ Гвинею. Сначала это предложеніе испугало Робинзона; но такъ-какъ корабельщикъ увѣрялъ его, что путешествіе очень пріятно, что онъ возьметъ его безъ всякой платы какъ своего товарища, и что Робинзонъ можетъ еще дорогою пріобрѣсти себѣ кое-что, то голова нашего юноши опять пошла кругомъ: опять загорѣлась въ немъ страсть къ путешествіямъ, и онъ позабылъ все, что говорилъ ему честный гамбургскій корабельщикъ, и на что-было онъ твердо рѣшился.

— Но у меня только три гинеи, сказалъ онъ, подумавъ немного: что я могу купить на три гинеи, чтобы начать торговлю въ тѣхъ странахъ, куда мы поѣдемъ?

— Я дамъ тебѣ еще шесть въ займы, отвѣчалъ корабельщикъ, и на эти деньги ты можешь купить довольно товару, чтобы обогатиться въ Гвинеѣ, если намъ хоть немножко повезетъ счастіе.

— Что же мнѣ купить? спросилъ Робинзонъ.

— Накупи всякой мелочи, сказалъ корабельщикъ: разныхъ игрушекъ, стеклянныхъ бусъ, ножей, ножницъ, топориковъ, лентъ, и т. п.—Африканцы такъ любятъ эти мелочи, что платятъ за нихъ золотомъ, слоновою костью и другими товарами, во-сто разъ дороже того, чего эти бездѣлушки стоятъ.

Робинзонъ не могъ долѣе выдержать. Онъ забылъ родителей, друзей, отечество и, въ пылу восторга, закричалъ:

— Я ѣду съ вами, капитанъ! — Кончено! отвѣчалъ корабельщикъ, и дѣло было рѣшено.

И такъ Робинзонъ поспѣшилъ съ своими девятью гинеями въ городъ, закупилъ все, что совѣтовалъ ему корабельщикъ, и отправилъ на корабль.

Спустя нѣсколько дней, при первомъ попутномъ вѣтрѣ, корабль снялся съ якоря, и они пустились въ путь.

ВЕЧЕРЪ ВТОРОЙ.

Новое путешествіе нашего Робинзона было сначала довольно счастливо. Безъ малѣйшаго препятствія проплыли они проливъ Кале, а потомъ каналъ Ла-Маншъ и вышли наконецъ въ Атлантическій Океанъ.

Вотъ, дѣти, я принесъ съ собою большую карту, на которой вы, гораздо лучше, нежели на маленькой, можете видѣть путь Робинзонова корабля. Я повѣшу ее вотъ здѣсь на деревѣ, чтобы, въ случаѣ нужды, она завсегда была у насъ передъ глазами.

Безъ малѣйшаго препятствія достигли они острова Мадеры или, какъ называютъ Португальцы, Мадейры, который—смотрите сюда, — лежитъ недалеко отъ Африки, за Канарскими островами.

Митя. Ахъ, да, и принадлежитъ Португальцамъ....

Ваня. Откуда привозится вино мадера....

Ѳедя. И сахарный тросникъ....

Олинька. И гдѣ много канареекъ!

Отецъ. Точно. У этого-то острова корабль бросилъ якорь; Робинзонъ сошелъ на твердую землю.

Онъ не могъ налюбоваться чудесными видами этого плодоноснаго острова. Куда ни взглянетъ—вездѣ горы, покрытыя прелестными виноградниками. У него текли слюнки, когда онъ глядѣлъ на эти прекрасныя, спѣлыя кисти винограда, и потому можете вообразить, какъ обрадовался онъ, когда корабельщикъ доставилъ ему позволеніе кушать виноградъ, сколько душѣ угодно.

Отъ работавшихъ въ виноградникахъ людей узналъ онъ, что здѣсь вино, не такъ какъ въ другихъ земляхъ, выдавливается не прессомъ.

Ѳедя. А какъ же?

Отецъ. Они бросаютъ виноградъ въ большіе деревянные чаны и выдавливаютъ изъ него сокъ ногами, или раздѣвшись до-нага и лежа на спинѣ, давятъ его локтями.

Олинька. Фи, я не стану пить мадеры!...

Ваня. Я не сталъ бы пить ее, если бы они выдѣлывали ее и обыкновеннымъ образомъ.

Петруша. По-чему же?

Ваня. О, тебя не было здѣсь, когда папаша разсказывалъ намъ, какъ дурно молодымъ людямъ пить вино. Послушалъ бы ты, какъ оно вредно!

Петруша. Фи, такъ я никогда впередъ не стану пить вина.

Отецъ. И хорошо сдѣлаешь, дитя мое.

Такъ-какъ корабельщику надобно было пробыть здѣсь довольно долго для починки корабля, который во время пути немного попортился, то Робинзонъ нашъ наконецъ и соскучился. Безпокойная голова его требовала уже опятъ перемѣны, и ему хотѣлось бы имѣть крылья, чтобы, какъ можно скорѣе, облетѣть цѣлый свѣтъ. Въ

это время пришелъ туда португальскій корабль, отправлявшійся изъ Лиссабона въ Бразилію.

Митя. (*Показывая на карту*). Не правда ли, папаша, вотъ въ эту землю, которая принадлежитъ Португальцамъ, и гдѣ находятъ такъ много золотаго песку и драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Отецъ. Именно, въ эту самую.—Робинзонъ познакомился съ португальскимъ корабельщикомъ и, услыхавъ отъ него о золотомъ пескѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, рѣшился, во чтобы то ни стало, отправиться съ нимъ въ Бразилію, и тамошнимъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями набить свои карманы.

Николинька. Онъ, вѣрно, не слыхалъ, что тамъ никто не смѣетъ брать золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, потому что они принадлежатъ португальскому королю?

Отецъ. И это все отъ того, что онъ ни чему не учился въ юности.—Узнавъ, что португальскій корабельщикъ охотно соглашается взять его съ собою безденежно и что англійскій корабль пробудетъ на островѣ Мадерѣ по крайней мѣрѣ еще двѣ недѣли, онъ не могъ болѣе противиться желанію поскорѣе ѣхать далѣе. И такъ онъ объявилъ своему доброму англійскому корабельщику, что оставляетъ его и ѣдетъ въ Бразилію. Англичанинъ, при этомъ случаѣ только узнавшій отъ него, что онъ поѣхалъ безъ позволенія родителей, былъ радехонекъ сбыть его съ рукъ, подарилъ ему деньги, которыя далъ-было въ займы, и въ добавокъ снабдилъ его на дорогу хорошими совѣтами.

И такъ Робинзонъ сѣлъ на португальскій корабль и отправился въ Бразилію. Онъ проплылъ мимо острова Тенерифа и видѣлъ находящуюся на немъ остроконечную высокую гору.

Ѳедя. Ту, что называется Тенерифскимъ Пикомъ.

Ваня. И, это все равно! Пикомъ называется всякая остроконечная гора.—Ну, что же далѣе?

Отецъ. Чудная была картина вечеромъ, по совершенномъ захожденіи солнца, когда на морѣ сдѣлалось совсѣмъ темно, а вершина этой горы, одной изъ высочайшихъ горъ въ мірѣ, освѣщалась лучами солнца и какъ будто бы горѣла въ огнѣ.

Спустя нѣсколько дней, они видѣли другое, не менѣе любопытное явленіе на морѣ: множество летучихъ рыбъ поднялись на воздухъ и блестѣли словно золото.

Петруша. Развѣ есть такія рыбы, которыя могутъ летать?

Отецъ. Есть; да помнится мнѣ, и мы видѣли какъ-то одну такую рыбку.

Ваня. Да, да, какъ мы въ послѣдній разъ были въ городѣ; но у той рыбки не было ни перьевъ, ни крыльевъ.

Отецъ. Но за то у нея есть длинныя плавательныя перья и на нихъ-то, какъ будто на крыльяхъ, она летаетъ надъ водою.

И такъ путешественники наши довольно долго плыли благополучно. Вдругъ поднялась страшная буря отъ юговостока. Море пѣнилось, волны росли, какъ огромныя горы, и бросали корабль, слов-

но мячикъ. Шесть дней къ ряду бушевала эта ужасная буря и занесла корабль въ такое мѣсто, что ни штурманъ, ни капитанъ не знали, гдѣ они находятся. Полагали только, что должно быть не далеко отъ Караибскихъ острововъ.

Вдругъ на разсвѣтѣ седьмаго дня, къ величайшей радости всего экипажа, матросы закричали: земля! земля!

Всѣ выскочили на палубу, чтобы посмотрѣть, что это за земля; но въ одно мгновеніе радость ихъ превратилась въ величайшій ужасъ.

Пуфъ! раздалось на кораблѣ, и всѣ, бывшіе на палубѣ, получили такой толчокъ, что невольно попадали на землю.

Ваня. Что-жъ это было такое?

Отецъ. Корабль ударился о подводный камень и такъ крѣпко насѣлъ на немъ, что какъ будто его прибили гвоздями. Вскорѣ за тѣмъ пѣнящіяся волны начали заливать палубу, и принудили всѣхъ бѣжать въ каюты.

Поднялись стоны и рыданія: одни молились, другіе кричали, иные въ отчаяніи ломали руки, другіе стояли какъ окаменѣлые; въ числѣ ихъ, ни живъ, ни мертвъ, былъ и нашъ Робинзонъ.

Вдругъ матросы начали кричать, что корабль получилъ течь. Это извѣстіе заставило снова всѣхъ опомниться. Бросились на палубу, спустили ботъ, и каждый спѣшилъ спасаться на немъ. Народу набилось столько, что ботъ едва-едва держался на водѣ. Земля была далеко, а вѣтеръ все еще бушевалъ съ такою силою, что несчастные никакъ не надѣялись добраться до берега; однакожъ они изъ всѣхъ силъ гребли веслами, а къ тому же, по счастію, вѣтромъ несло ихъ къ землѣ.

Но вотъ, видятъ они, на нихъ прямо летитъ огромный валъ, будто цѣлая гора. Всѣ окаменѣли отъ ужаса и выронили изъ рукъ весла. Ужасная минута наступила! Волна настигла ботъ, опрокинула его и несчастные, всѣ до одного, потонули въ разъяренномъ морѣ.

Отецъ замолчалъ. Все семейство сидѣло тихо, не говоря ни слова; нѣкоторые глубоко вздохнули.... Наконецъ явилась мать съ ужиномъ и прекратила это печальное молчаніе.

ВЕЧЕРЪ ТРЕТІЙ.

Ѳедя. Такъ Робинзонъ въ самомъ дѣлѣ утонулъ, папаша?

Отецъ. Мы оставили его вчера въ большой опасности. И онъ также, вмѣстѣ съ другими, упалъ въ море; но та-же самая волна, которая опрокинула ботъ, подхватила Робинзона и, выбросивъ его на отмель, такъ ударила объ утесистый берегъ, что онъ по неволѣ снова пришелъ въ чувства, которыхъ лишился-было при паденіи въ море. Открывъ глаза и, сверхъ чаянія, видя себя на сушѣ, онъ собралъ свои силы, чтобы отползти подальше на берегъ. Послѣ такого напряженія, онъ снова упалъ въ обморокъ, и долго лежалъ какъ мертвый.

Наконецъ, снова пришедши въ чувства, онъ приподнялся и сталъ осматриваться кругомъ. Боже мой, какое зрѣлище: корабль, ботъ, товарищи—все, все изчезло! Лишь нѣсколько корабельныхъ досокъ валялись на берегу, выброшенныя волнами.... И такъ одинъ только онъ остался въ живыхъ,—прочіе всѣ погибли....

Внѣ себя отъ страха и отъ радости, онъ упалъ на колѣна и со слезами благодарилъ Творца неба и земли за свое чудесное спасеніе.

Ваня. Но почему же Богъ спасъ одного только Робинзона, тогда какъ всѣ прочіе потонули?

Отецъ. Любезный Ваничка! можешь ли ты каждый разъ знать причины, почему иногда мы, взрослые, которые, какъ тебѣ извѣстно, столько любимъ васъ, почему именно мы такъ поступаемъ съ вами, а не иначе.

Ваня. Нѣтъ.

Отецъ. Напримѣръ, помнишь ли ты, какъ-то недавно, когда мы собрались-было всѣ идти гулять въ Фирланденъ, что я тогда сдѣлалъ?

Ваня. Да, помню! бѣдный Николинька долженъ былъ остаться дома, а мы всѣ отправились въ Вандсбекъ, а не въ Фирланденъ.

Отецъ. А знаешь ли ты, почему я поступилъ такъ жестоко и не взялъ съ собою бѣднаго Николая?

Николинка. Ахъ, я очень помню: когда вы ушли, то вслѣдъ за вами пришелъ нашъ Бромлей и отвелъ меня къ папенькѣ съ маменькой, которыхъ я такъ давно не видалъ.

Отецъ. И не больше ли это тебя обрадовало, чѣмъ прогулка въ Фирланденъ?

Николинька. О, во сто разъ больше!

Отецъ. Я зналъ напередъ, что Бромлей придетъ за тобою и потому-то велѣлъ тебѣ остаться дома.—А ты, Ваня, помнишь, кого ты встрѣтилъ въ Вандсбекѣ?

Ваня. Милыхъ моихъ папашу и мамашу, которые также были тамъ.

Отецъ. И объ этомъ тоже я зналъ впередъ, и потому-то повелъ васъ въ Вандсбекъ, а не въ Фирланденъ. Тогда всѣмъ вамъ это не нравилось, потому-что вы не знали, для чего я такъ дѣлаю. Но почему я не сказалъ вамъ этого?

Ваня. Чтобы доставить намъ нечаянную радость свиданія съ родными.

Отецъ. Конечно. И такъ, любезныя дѣти, не ужели вы думаете, что милосердый Богъ любитъ дѣтей своихъ—человѣковъ—меньше, чѣмъ мы любимъ васъ?

Ѳедя. О, ужъ вѣрно еще болѣе.

Отецъ. И развѣ вы не знаете, что Богу все извѣстно гораздо лучше чѣмъ намъ, слѣпымъ смертнымъ, которые часто не умѣемъ отличить и того, что для насъ хорошо и что худо?

Ваня. Конечно! Богъ всевѣдущъ и знаетъ все, что будетъ впереди, а этого-то мы и не знаемъ.

Отецъ. Слѣдовательно, если Богъ любитъ дѣтей своихъ и такъ мудръ, что знаетъ самъ, что для нихъ хорошо и что худо, то не уже-ли Онъ не будетъ дѣлать для всѣхъ одно только хорошее?

Ѳедя. О, конечно!

Отецъ. Но можемъ ли мы всегда видѣть причины, почему Господь поступаетъ съ нами такъ, а не иначе?

Ваня. Тогда мы были бы также всевѣдущи, какъ и онъ.

Отецъ. И такъ теперь, любезный Ваня, повторишь ли ты свой вопросъ?

Ваня. Какой вопросъ?

Отецъ. Почему Робинзонъ одинъ только спасся, когда всѣ прочіе потонули.

Ваня. Нѣтъ!

Отецъ. Почему же?

Ваня. Я вижу, что это было съ моей стороны глупо.

Отецъ. Почему же глупо?

Ваня. Потому что Богъ лучше знаетъ, что Онъ дѣлаетъ, а мы этого знать не можемъ.

Отецъ. Стало быть, милосердый Богъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ свои мудрыя причины спасти отъ потопленія одного только Робинзона; но мы не можемъ постигать этихъ причинъ. Догадываться нѣсколько мы можемъ, но никогда не должны воображать, что вполнѣ постигаемъ ихъ.

Господь могъ, напримѣръ, предвидѣть, что оставить потонувшихъ въ живыхъ матросовъ было бы гораздо для нихъ хуже, а не лучше, что они впали бы въ большія несчастія или, что еще хуже, сдѣлались бы развратными и порочными, а потому Онъ взялъ отъ земли ихъ безсмертныя души и отвелъ туда, гдѣ имъ гораздо лучше, чѣмъ здѣсь на землѣ. Робинзона же, вѣроятно, оставилъ Онъ въ живыхъ для того, чтобы онъ, испытавъ ниспосланныя на него бѣдствія, исправился отъ своихъ грѣховъ и пороковъ. Богъ, какъ милосердый Отецъ, старается, хотя наказаніями, исправить тѣхъ заблудшихъ дѣтей, которыя не хотятъ исправиться кротостію и милосердіемъ.

Замѣтьте это, любезныя дѣти, и вспомните слова мои; если вамъ когда нибудь въ жизни вашей встрѣтится что-нибудь непріятное и вы не въ состояніи будете постигнуть, почему такъ наказуетъ васъ милосердый Отецъ небесный, тогда скажите сами себѣ: Богъ лучше меня знаетъ, что мнѣ хорошо и что худо, и потому я долженъ безъ ропота переносить все, что Его святой волѣ угодно ниспослать на меня! Конечно Онъ наказуетъ меня этимъ несчастіемъ для того, чтобы я исправился, и я постараюсь исполнить Его волю; тогда, безъ сомнѣнія, и Онъ опять умилосердится надо мною.

Митя. Такъ ли же думалъ тогда Робинзонъ?

Отецъ. Да; когда Господь спасъ его отъ такой страшной опасности, и когда онъ увидѣлъ себя одинокаго, покинутаго всѣми, тогда только почувствовалъ онъ всѣ свои проступки, тогда только, на

колѣняхъ, просилъ у Бога прощенія согрѣшеніямъ своимъ; тогда только рѣшился отъ всего сердца исправиться и не дѣлать впередъ ничего дурнаго.

Николинька. Но что-то онъ станетъ дѣлать?

Отецъ. Парадовавшись своему спасенію и поблагодаривъ Бога, сталъ онъ размышлять о своемъ положеніи. Осмотрѣвшись кругомъ себя, онъ не нашелъ ничего, кромѣ дикаго кустарника и неплодовитыхъ деревьевъ; нигдѣ не было видно ни малѣйшаго слѣда, по которому можно было бы предполагать, чтобы на этой землѣ жили люди.

Ужасно было подумать уже и о томъ только, что онъ долженъ жить совершенно одинъ въ этой неизвѣстной странѣ; но какъ же содрогнулся онъ, когда ему пришло на мысль: „Что, если есть здѣсь дикіе звѣри или дикіе люди!"

Петруша. Развѣ есть также и дикіе люди, папаша?

Ваня. Конечно, есть, Петруша: развѣ ты не слыхивалъ этого? — далеко, далеко отсюда есть люди такіе же дикіе, какъ звѣри.

Ѳедя. Вообрази себѣ, Петруша: они ходятъ почти совсѣмъ нагіе.

Митя. И ничего не понимаютъ: у нихъ нѣтъ ни домовъ, ни садовъ, они не сѣютъ хлѣба....

Оля. И ѣдятъ сырое мясо и сырую рыбу. Я слыхала это: да кажется, ты же, папаша, разсказывалъ намъ?

Ваня. Да, и какъ ужасно, что эти бѣдные люди не имѣютъ понятія даже и о Томъ, Кто сотворилъ ихъ! У нихъ, несчастныхъ, никого нѣтъ, кто бы могъ научить ихъ этому.

Митя. И потому-то они такіе варвары. Представь себѣ ужъ одно то, что нѣкоторые изъ нихъ ѣдятъ человѣческое мясо!

Петруша. Фи, гадкіе люди!

Отецъ. Несчастные люди, хотѣлъ ты сказать. Да, они бѣдные довольно уже несчастны и тѣмъ, что должны жить и умереть такими глупыми и необразованными.

Петруша. Они приходятъ къ намъ или нѣтъ?

Отецъ. Нѣтъ: страны, гдѣ есть такіе жалкіе люди, отсюда очень далеко, и ни одинъ изъ нихъ никогда не заходилъ къ намъ. При томъ же число такихъ людей безпрестанно уменьшается, потому что другіе, люди образованные, которые заходятъ къ этимъ несчастнымъ, стараются просвѣтить ихъ и сдѣлать умнѣе.

Митя. Ну, а тамъ, гдѣ теперь Робинзонъ, были такіе люди?

Отецъ. Онъ не зналъ еще этого; но такъ какъ ему случалось слышать, что на островахъ, лежащихъ въ этой части свѣта, есть много дикихъ, то очень естественно, онъ думалъ, что они легко могли быть и тамъ, гдѣ онъ теперь находится; одна эта мысль приводила его въ ужасъ.

Ѳедя. Я думаю, вѣдь это не шутка!

Отецъ. Сначала отъ страха онъ не смѣлъ двинуться съ мѣста; малѣйшій шумъ пугалъ его и заставлялъ трепетать всѣмъ тѣломъ.

Наконецъ ему ужасно захотѣлось пить, и онъ принужденъ былъ идти искать какого-нибудь ручейка или рѣчки. По счастію онъ нашелъ чистый, свѣтлый ручеекъ, и могъ напиться сколько душѣ угодно. О! какое благодѣтельное питье свѣжая-вода, для того, кого мучитъ жажда.

Робинзонъ поблагодарилъ за это Бога, оставаясь въ полномъ упованіи, что Онъ пошлетъ ему и пищу. Тотъ, Кто питаетъ птицъ небесныхъ, думалъ онъ, не допуститъ и меня умереть съ голода.

Хотя ѣсть ему и не хотѣлось, потому что страхъ отнялъ у него весь аппетитъ, но за то чрезвычайно захотѣлось уснуть. Онъ такъ измучился въ эти дни, что едва-едва могъ стоять на ногахъ.

Но гдѣ провести ночь? На голой землѣ и подъ открытымъ небомъ? Ну, а если придутъ дикіе звѣри или дикіе люди и съѣдятъ его? Кругомъ нигдѣ не видать ни избушки, ни пещерки какой-нибудь. Долго стоялъ онъ въ раздумьи, не зная, что дѣлать.

Наконецъ пришло ему на мысль помѣститься, подобно птицѣ, на деревѣ. Онъ отыскалъ дерево съ такими толстыми сучьями, что ему довольно удобно было на одномъ изъ нихъ усѣсться и прислониться спиною къ другому. Онъ взлѣзъ на это дерево, усердно помолился Богу, усѣлся, какъ только могъ лучше, и заснулъ.

Во снѣ приснилось ему все, что было съ нимъ въ тотъ день; потомъ приснились родители; онъ видѣлъ, что будто бы они чрезвычайно похудѣли съ тоски и печали, плакали, вздыхали, ломали руки и не могли утѣшиться. Ему сдѣлалось чрезвычайно грустно и онъ вскричалъ громко: „Я здѣсь, батюшка, матушка, я здѣсь!“ Но бросившись, во снѣ, будто бы въ объятія отца и матери, онъ какъ-то неловко повернулся на своемъ суку и полетѣлъ съ дерева.

Оля. Бѣдняжка!

Ѳедя. И вѣрно онъ убился до смерти?

Отецъ. По счастію, онъ сидѣлъ не слишкомъ высоко, да и подъ деревомъ росла такая густая трава, что онъ почти вовсе не ушибся и чувствовалъ только небольшую боль въ боку, на который упалъ; но такъ какъ Робинзонъ страдалъ во снѣ гораздо болѣе, то и не обратилъ на эту боль вниманія. Онъ взлѣзъ опять на дерево, и просидѣлъ тамъ до самаго солнечнаго восхода.

Тутъ началъ онъ придумывать, какъ бы достать себѣ чего-нибудь поѣсть. У него ничего не было: ни хлѣба, ни мяса, ни овощей, ни молока; да если бы и было что-нибудь, гдѣ могъ онъ взять огня и въ чемъ сварить или изжарить? Всѣ видѣнныя имъ до тѣхъ поръ деревья были изъ породы такъ называемаго краснаго дерева, на которомъ не бываетъ никакихъ плодовъ, а только одни листья.

Ваня. Что это за дерево?

Отецъ. Дерево это употребляется на мебель; оно растетъ въ нѣкоторыхъ странахъ Америки, и его много вывозятъ въ Европу.

Но возвратимся къ нашему Робинзону.

Не зная, что ему дѣлать, онъ слѣзъ съ дерева. Такъ какъ наканунѣ онъ цѣлый день ничего не ѣлъ, то его сильно началъ мучить голодъ. Походивъ немного кругомъ этого мѣста, онъ не нашелъ ничего, кромѣ травы и безплодныхъ деревьевъ.

Тутъ испугался онъ еще болѣе и со слезами вскричалъ: „Боже мой! неужели придется мнѣ умереть съ голода!" Однако нужда и голодъ придали ему силы, и онъ пустился искать по берегу, не найдетъ ли чего-нибудь съѣстнаго.

Увы, все напрасно! На берегу не было ничего, кромѣ краснаго дерева и индѣйскихъ ивъ, ничего, кромѣ травы и песку!

Почти безъ чувствъ упалъ бѣдняжка на землю, залился горькими слезами, и лучше желалъ бы утонуть, чѣмъ умереть мучительною голодною смертью.

Онъ уже рѣшился было ожидать въ этомъ положеніи медлительной смерти, какъ вдругъ, обернувшись случайно, увидалъ морскаго ястреба, летѣвшаго съ рыбою во рту. Ему тотчасъ пришли въ голову читанныя имъ гдѣ-то слова: „Господь питаетъ птицъ небесныхъ: человѣка ли допуститъ Онъ умереть съ голоду?"

Побранивъ себя за то, что такъ мало имѣлъ вѣры въ Божественное Провидѣніе, онъ вскочилъ съ земли, рѣшился, пока позволятъ силы, идти искать пищи, и отправился, вдоль по берегу, смотря прилежно во всѣ стороны, не увидитъ ли чего-нибудь, чѣмъ бы можно было утолить голодъ.

Наконецъ онъ увидалъ на пескѣ нѣсколько раковинъ, съ жадностію бросился къ нимъ, чтобъ посмотрѣть, нѣтъ ли въ нихъ устрицъ, и — о счастіе! въ нихъ точно были устрицы. Нельзя себѣ представить, какъ Робинзонъ обрадовался этому.

Ваня. Такъ устрицы всегда лежатъ на берегу?

Отецъ. Нѣтъ, онѣ большею частію живутъ въ морѣ, и кучами налипаютъ одна на другую около какого-нибудь утеса, такъ что изъ нихъ составляется какъ-будто маленькая гора. Но нѣкоторыя изъ раковинъ отрываются волнами и приливомъ приноситъ ихъ на берегъ: когда приливъ кончится и наступитъ время отлива, онѣ и остаются на берегу.

Петруша. Что такое значитъ приливъ и отливъ?

Оля. Развѣ ты не знаешь этого? Приливомъ называется то, когда вода прибываетъ, а отливомъ, когда убываетъ.

Петруша. Какая вода?

Оля. Какая?.... Вода въ морѣ!

Другъ Р. Попроси Ваню, Петруша, онъ объяснитъ тебѣ это.

Ваня. Я? Пожалуй, съ удовольствіемъ. Не замѣчалъ ли ты, Петя, когда-нибудь, что вода въ Эльбѣ, хоть бы здѣсь у Гамбурга, выливается иногда далеко на берегъ, а потомъ, по прошествіи нѣкотораго времени, опять уходитъ, такъ что на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была вода, можно потомъ бываетъ ходить?

Петруша. О, да, я это замѣчалъ!

Ваня. Ну, такъ видишь: когда вода прибываетъ такъ, что выступаетъ изъ береговъ, это называется приливомъ, а когда опа опять убываетъ и берега сдѣлаются сухи, это называется отливомъ.

Отецъ. Надобно еще сказать тебѣ, любезный Петруша, что въ морѣ вода прибываетъ и убываетъ такимъ образомъ каждыя сутки по два раза. Каждый разъ съ небольшимъ шесть часовъ она прибываетъ, и потомъ также съ небольшимъ шесть часовъ убываетъ. Это-то и называется приливомъ и отливомъ. Понимаешь ли теперь?

Петруша. Понимаю! Но отчего жъ это происходитъ?

Өедя. Я знаю отчего; это все происходитъ отъ дѣйствія луны, которая притягиваетъ воду къ себѣ, такъ что она по неволѣ должна подниматься.

Николинька. Мы ужъ это слышали: дайте папенькѣ разсказывать!

Отецъ. Въ другой разъ, Петруша, я поговорю объ этомъ съ тобой поболѣе.

Робинзонъ сердечно обрадовался, что могъ наконецъ сколько нибудь утолить голодъ. Хотя, конечно, устрицами не наѣшься досыта, но онъ и этому былъ радешенекъ.

Теперь онъ началъ заботиться о томъ, гдѣ ему жить и какъ обезопасить себя отъ дикихъ звѣрей и дикихъ людей. Первый ночлегъ его былъ такъ неудобенъ, что онъ не могъ безъ содроганія подумать, что, можетъ быть, ему опять придется провести ночь такимъ же образомъ.

Өедя. Я знаю, чтобы я сдѣлалъ на мѣстѣ Робинзона.

Отецъ. А что такое? Скажи намъ!

Өедя. Я построилъ бы себѣ домъ съ толстыми стѣнами и съ толстыми желѣзными дверями; потомъ выкопалъ бы кругомъ дома глубокій ровъ съ подъемнымъ мостомъ, и каждый вечеръ поднималъ бы этотъ мостъ: тогда дикіе не могли бы придти ко мнѣ.

Отецъ. Превосходно! Жаль, что тебя не было тамъ: ты далъ бы добрый совѣтъ бѣдному Робинзону! Но мнѣ пришло на мысль спросить тебя: видалъ ли ты когда-нибудь, какъ плотники и каменьщики начинаютъ строить домъ?

Өедя. Видалъ и очень часто! Каменьщикъ сперва заготовляетъ известку и сыплетъ въ нее песокъ; потомъ онъ укладываетъ камни одинъ на другой и лопаткою своею кладетъ промежду нихъ известку, чтобы они крѣпко приставали другъ къ другу. Потомъ приходятъ плотники и топорами обтесываютъ балки такъ, чтобы онѣ приходились одна въ другую. Послѣ того поднимаютъ эти балки на стѣны и укладываютъ ихъ рядами; потомъ напилятъ тонкихъ планокъ, сдѣлаютъ стропилы и покроютъ ихъ желѣзомъ. А потомъ....

Отецъ. Вижу, вижу, что ты хорошо замѣтилъ, какъ строятъ дома. Но вѣдь каменьщику нужны известка, лопатка и кирпичи или камни, которые прежде надобно еще обдѣлать; плотнику же нужны топоръ, пила, буравецъ, гвозди, отвѣсъ и молотокъ. А гдѣ бы ты взялъ все это на мѣстѣ Робинзона?

Ѳедя. Ахъ, да, объ этомъ-то я и не подумалъ.

Отецъ. Вотъ такъ-то было и съ нашимъ Робинзономъ: и онъ поневолѣ долженъ былъ отказаться отъ постройки себѣ дома. У него не было никакихъ инструментовъ, кромѣ своихъ двухъ рукъ, а голыми руками дома не выстроишь.

Николинька. Ну, такъ построилъ бы онъ себѣ шалашъ изъ древесныхъ вѣтвей.

Отецъ. То-то чудесная была бы защита отъ змѣй, волковъ, львовъ, тигровъ и подобныхъ звѣрей.

Ваня. Бѣдняжка, бѣдняжка, Робинзонъ! Что-то съ нимъ будетъ?

Николинька. Развѣ онъ не умѣлъ стрѣлять?

Отецъ. Хорошо, стрѣлять,—но для этого нужны ружье, порохъ и пули. Къ несчастію, у бѣднаго Робинзона, какъ вамъ извѣстно, не было ничего, рѣшительно ничего, кромѣ двухъ своихъ рукъ!

Раздумавшись о своемъ положеніи, онъ снова впалъ-было въ прежнее отчаяніе. „Что мнѣ въ томъ," говорилъ онъ самъ себѣ, „что я не умеръ съ голоду, когда, можетъ быть, сегодня же ночью съѣдятъ меня дикіе звѣри!"

И вотъ ему представилось, будто бы передъ нимъ стоитъ уже огромный тигръ, съ разинутою пастью и страшными зубами. Вотъ этотъ тигръ бросается на него, хватаетъ его за горло. „Бѣдные мои родители!" громко вскричалъ Робинзонъ, и въ ужасѣ повалился на землю.

Долго лежалъ онъ такимъ образомъ, дрожа отъ страха, какъ вдругъ пришла ему на память пѣсенка, которую пѣвала его добрая мать, когда ей было грустно или когда случалось съ нею какое-нибудь несчастіе. Пѣсенка эта начиналась такъ:

„Кто вѣритъ въ милосердье Бога,
Чья мысль Ему посвящена,
Тому житейская дорога
Не будетъ никогда страшна.
Кто съ упованьемъ Бога проситъ,
Легко тотъ крестъ житейскій носитъ."

Мысль эта какъ будто оживила его, и онъ, припоминая понемногу эту пѣсенку, началъ громко напѣвать ее. Потомъ собрался съ силами, всталъ и пустился искать, нѣтъ ли гдѣ какой-нибудь пещеры, которая могла бы служить ему жилищемъ.

Гдѣ онъ именно былъ — на твердомъ ли материкѣ или на какомъ нибудь островѣ?—этого не зналъ онъ и самъ. Но, осматриваясь кругомъ, онъ увидалъ вдали высокую гору и отправился къ ней.

Дорогою съ горестію замѣтилъ онъ, что во всей этой сторонѣ не растетъ ничего, кромѣ травы и неплодоносныхъ деревьевъ. Можете представить, какъ было ему весело!

Съ большимъ трудомъ взобрался онъ на гору, съ которой могъ видѣть на нѣсколько миль кругомъ.... И съ ужасомъ увидѣлъ онъ,

что точно находился на островѣ, и что нигдѣ, сколько можно было видѣть простымъ глазомъ, нѣтъ ни клочка земли, кромѣ двухъ недалеко оттуда лежащихъ маленькихъ островковъ.

„Бѣдный, несчастный я человѣкъ!“ вскричалъ онъ со слезами. „И такъ, нѣтъ сомнѣнія, я разлученъ на-вѣки со всѣми людьми и не имѣю болѣе надежды когда-нибудь выдти изъ этой пустыни! О бѣдные мои родители! Я никогда болѣе не увижу васъ, никогда не могу испросить у васъ прощенія за вину свою, никогда болѣе не услышу отраднаго человѣческаго голоса! Но я заслужилъ это“, продолжалъ онъ, „Господь справедливъ! Какъ я смѣю роптать! Я самъ захотѣлъ этого...

Долго стоялъ онъ задумавшись и опустивъ глаза въ землю.

Оставленъ Богомъ и людьми! вотъ все, что думалъ онъ въ эти минуты. По счастію пришли ему опять на память слѣдующія слова изъ его прекрасной пѣсенки:

Блаженъ стократъ, кто въ дни страданья
Былъ твердъ и духомъ не упалъ,
Не думалъ, чтобъ Свое созданье
Творецъ когда позабывалъ.....
Молись ему: молитвы сладость
И горе превращаетъ въ радость!“

Онъ съ умиленіемъ бросился на колѣни и началъ молиться Богу, давая обѣщаніе переносить съ покорностію и терпѣніемъ всѣ страданія, и прося у Господа помощи и силъ для этого.

Оля. Какъ хорошо, что Робинзонъ зналъ такую хорошенькую пѣсенку, которая утѣшала его въ несчастіи.

Отецъ. Конечно, хорошо! что было бы съ нимъ, если бы онъ не зналъ, что Богъ есть милосердый, всемогущій и вездѣсущій Отецъ всѣхъ человѣковъ? Конечно, онъ умеръ бы со страха и отчаянія, если бы его не научили всему этому; а теперь эта мысль объ Отцѣ Небесномъ утѣшала и поддерживала его въ несчастіи.

Оля. Папаша, разскажи мнѣ побольше о Богѣ, какъ ты училъ другихъ.

Отецъ. Хорошо, дитя мое! Ты каждый день будешь становиться умнѣе, и я много стану разсказывать о милосердомъ Богѣ. Ты знаешь, что я ни очемъ не люблю такъ говорить, какъ о Немъ, который столько всемогущъ и милосердъ къ намъ, слабымъ смертнымъ.

Оля. О, какъ это хорошо! И я очень люблю, когда ты говоришь о Богѣ. Ахъ, какъ я рада!

Отецъ. И хорошо, моя душечка! Чѣмъ чаще ты будешь думать о Богѣ, тѣмъ больше будешь заботиться о томъ, чтобы сдѣлаться лучше и добрѣе, и тѣмъ веселѣе тебѣ будетъ.

Робинзонъ почувствовалъ въ себѣ новыя силы, и рѣшился обойти кругомъ горы. Долго понапрасну искалъ онъ удобнаго для житья

мѣстечка, но наконецъ увидалъ большую гору, которая была спереди такъ крута, словно прямая гладкая стѣна. Подойдя къ ней поближе, онъ усмотрѣлъ въ ней небольшое углубленьице, съ довольно узкимъ входомъ.

Если бы у него были заступъ, ломъ или другіе инструменты, ему легко было бы сдѣлать эту пещеру просторнѣе и удобнѣе для жилища. Но такъ какъ у него ничего этого не было, то и надобно было подумать, чѣмъ замѣнить все это.

Долго ломая голову, придумалъ онъ наконецъ слѣдующее средство: всѣ эти деревья, сказалъ онъ самъ себѣ, очень похожи на наши ивы, которыя такъ легко можно пересаживать съ одного мѣста на другое. Пойду, выкопаю руками побольше молоденькихъ кусточковъ и насажаю ихъ поплотнѣе одинъ къ другому передъ этою пещеркою, такъ, чтобы они могли служить вмѣсто забора. Они подростутъ и я могу спокойно спать въ этой порѣ, какъ будто дома. Сзади будетъ защищать меня стѣна, а спереди и съ боковъ этотъ кустарникъ.

Обрадовавшись такой мысли, онъ тотчасъ принялся за работу. Еще больше обрадовался онъ, увидавъ недалеко оттуда свѣтленькій чистенькій ручеекъ. Онъ тотчасъ же бросился освѣжить себя немного благодѣтельною струею холодной воды; отъ жестокой жары, ему чрезвычайно захотѣлось пить.

Ѳедя. Стало быть на этомъ островѣ было очень жарко.

Отецъ. Чрезвычайно! Смотри (показывая на картѣ): вотъ Караибскіе острова; Робинзонъ, конечно, былъ на одномъ изъ этихъ островов. Теперь видишь ли? эти острова лежатъ не далеко отъ того мѣста, которое называется экваторомъ, и гдѣ солнце находится почти всегда прямо надъ головами жителей. Слѣдовательно, тамъ должно быть очень жарко.

И такъ Робинзонъ съ величайшимъ трудомъ выкопалъ руками нѣсколько молоденькихъ деревьевъ и отнесъ ихъ къ своему новому жилищу. Тамъ онъ опять долженъ былъ выкопать ямки и посадить деревья, и потому работа его шла довольно медленно, такъ что наступилъ уже вечеръ, а онъ едва успѣлъ посадить деревцовъ пять или шесть.

Голодъ заставилъ его идти опять искать по берегу устрицъ; къ несчастію его, въ это время былъ приливъ, и онъ долженъ былъ лечь спать ничего не ѣвши.

Спать, но гдѣ?! — Подумавъ немного, онъ рѣшился, до тѣхъ поръ, пока не устроитъ себѣ безопаснаго жилища, спать по прежнему на деревѣ.

Но чтобы и въ эту ночь опять не свалиться съ дерева, онъ помочами своими крѣпко-накрѣпко привязалъ себя къ дереву, потомъ усердно помолился Богу, и уснулъ спокойно.

Ваня. Вотъ это умно!

Отецъ. Нужда научитъ многому. И поэтому-то самому милосердый Творецъ устроилъ такъ землю и людей, чтобы разнаго род-

нужды и потребности заставляли насъ думать и изобрѣтать полезныя вещи. Эти-то нужды и дѣлаютъ насъ умнѣе и разсудительнѣе; а не то, если бы, какъ говорится, жареные воробьи валились намъ въ ротъ, если бы домы, постели, платье, пища, питье и все, что намъ нужно, выростало само собою и совсѣмъ готовое изъ земли, то намъ бы нечего было другаго дѣлать, какъ ѣсть, пить и спать; и тогда мы во всю жизнь оставались бы дураками и невѣждами.

Николинька. Такъ, стало быть, Богъ хорошо устроилъ, что не все, что для насъ нужно, растетъ прямо изъ земли.

Отецъ. Такъ же мудро и хорошо, какъ и все прочее, устроенное Имъ на нашей землѣ! Но взгляните на эту вечернюю звѣздочку: какъ пріятно она глядитъ на насъ! И ее создалъ также нашъ Небесный Отецъ, котораго мы должны еще теперь возблагодарить за нынѣшній, счастливо и благополучно прожитый нами день. Вставайте, дѣти! Возьмите другъ друга за руки и пойдемте вонъ въ ту бесѣдку.

Пер. В. Межевичъ.

17. ЧЕРВЯЧЕКЪ.

„Смотри-ка, Миша, говорила Лизенька, остановившись возлѣ цвѣтущаго кустарника, кто-то наклеилъ на листокъ хлопчатую бумагу; не ты-ли это?“

— Нѣтъ, отвѣчалъ Миша, развѣ Саша или Володя. —

„Гдѣ Володѣ это сдѣлать, продолжала Лизенька; посмотри, какъ искусно растянуты эти тоненькія ниточки, и какъ крѣпко онѣ держатся на зеленомъ листкѣ“.

— Смотри-ка, сказалъ Миша, тамъ что-то круглое! — Съ сими словами проказникъ хотѣлъ было сдернуть наклеенную хлопку.

„Ахъ, нѣтъ! не трогай! вскричала Лизенька, удерживая Мишу и присматриваясь къ листочку: тутъ червячекъ, видишь, шевелится.“

Дѣти не ошиблись; въ самомъ дѣлѣ на листкѣ цвѣтущаго кустарника, подъ легкимъ прозрачнымъ одѣяльцемъ, похожимъ на хлопчатую бумагу, въ тонкой скорлупкѣ, лежалъ червячекъ. Уже давно лёжалъ онъ тамъ, давно уже вѣтерокъ качалъ его колыбелку и онъ сладко дремалъ въ своей воздушной постелькѣ. Разговоръ дѣтей пробудилъ червячка, онъ просверлилъ окошко въ своей скорлупкѣ, выглянулъ на Божій свѣтъ, смотритъ — свѣтло, хорошо и солнышко грѣетъ; задумался нашъ червячекъ. „Что это, говоритъ онъ, никогда мнѣ еще такъ тепло не бывало; видно не дурно на Божіемъ свѣтѣ; дай подвинусь подальше“.

Еще разъ онъ стукнулъ въ скорлупку и окошечко сдѣлалось дверцей; червячекъ просунулъ головку, еще, еще — и наконецъ совсѣмъ вылѣзъ изъ скорлупки; смотритъ сквозь свой прозрачный за-

навѣсъ, а возлѣ него на листкѣ капля сладкой росы, и солнышко въ ней играетъ, и какъ будто радужное сіяніе ложится отъ нее на зелень.

„Дай-ка напьюся сладкой водицы", сказалъ червячекъ; потянулся, анъ не тутъ-то было; кто это? вѣрно маменька червячка такъ крѣпко прикрѣпила запавѣску, нельзя и приподнять ее даже! что-же дѣлать? Вотъ нашъ червячекъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ да и принялся подтачивать то ту ниточку, то другую; работалъ, работалъ,—и наконецъ поднялась запавѣска; червячекъ подлѣзъ подъ нее и напился сладкой водицы. Весело ему на свѣжемъ воздухѣ: теплый вѣтерокъ пашетъ на червячка, колышетъ струйку росы и съ цвѣтковъ сыплетъ на него душистую пыль.

„Нѣтъ, говоритъ червячекъ, ужъ впередъ меня не обманутъ. Зачѣмъ мнѣ опять идти подъ душное одѣяло и сосать сухую скорлупку? останусь-ка я лучше па просторѣ; здѣсь много душистыхъ цвѣтовъ, много и крючечковъ разсыпано по листьямъ, есть за что уцѣпиться...."

Не успѣлъ червячекъ выговорить, какъ вдругъ смотритъ, листья между собою зашумѣли, и мошки въ тревогѣ зажужжали, пебо потемпѣло; само солнышко со страха спряталось за тучку, вороны каркаютъ, утки гогочутъ, и вотъ дождикъ полился ливнемъ; подъ бѣднымъ червячкомъ цѣлое море; волною захлеспуло малютку; дрожь пробѣжала по его тонкой кожицѣ; и холодно и страшно ему стало, едва онъ опомнился и наконецъ собралъ силы. и спова, поматывая головкой, побрелъ подъ хлопчатую запавѣску, въ родимую постельку.

Вотъ согрѣлся малютка; между тѣмъ дождикъ пересталъ, солнышко опять показалось и разсыпалось мелкими искрами по дождевымъ каплямъ.

„Нѣтъ, сказалъ опять червячекъ, теперь меня не обманутъ; зачѣмъ мнѣ выходить изъ родимаго гнѣздышка на холодъ и сырость? видишь, солнышко какое хитрое: приманитъ, пригрѣетъ — а нѣтъ чтобы отъ дождя защитить".

Вотъ прошелъ день, прошелъ и другой, прошелъ и третій; червячекъ все лежитъ въ хлопчатомъ одѣяльцѣ, съ боку на бокъ переваливается, иногда выставитъ головку, пощиплетъ листокъ и опять въ колыбелку; вотъ онъ смотритъ: у него на тѣлѣ волоски стали пробиваться; не прошло недѣли, какъ у червячка явилась теплая, узорчатая шубка. Еслибъ вы видѣли, какіе цвѣты разсыпала по ней природа! она опоясала ее красными лентами, вдоль посадила желтыя, мохнатыя пуговки, къ шейкѣ пустила черпыя и зеленыя жилки.

Ге! ге! сказалъ червякъ самъ въ себѣ, не ужели-ли въ самомъ дѣлѣ мнѣ цѣлый вѣкъ лежать на моей постелькѣ, да смотрѣть на занавѣску! Не уже-ли только и дѣла на семъ свѣтѣ? —Мнѣ ужъ, признаться, надоѣла постелька,—тѣсно въ ней, скучно—еслибъ на свѣтъ посмотрѣть, себя показать—можетъ быть я на что и другое гожусь. Ну что, въ самомъ дѣлѣ, не уже-ли дождя бояться?

да мнѣ, въ моей шубкѣ, и дождикъ не страшенъ; дай попробую пощеголяю въ моемъ новомъ нарядѣ".

Вотъ червячекъ снова приподнялъ занавѣску: смотритъ, надъ нимъ цвѣточикъ только что распустился, каплетъ изъ него сахарный медъ и манитъ къ себѣ малютку; не утерпѣлъ червячекъ, приподнялся, крѣпко обвился вокругъ шейки цвѣтка и жадно поцѣловалъ своего новаго друга; смотритъ, надъ нимъ другой цвѣтокъ еще лучше того; онъ къ нему,—потомъ еще третій, еще лучше: всѣ они шепчутся между собою, играютъ съ малюткой и брызжутъ въ него липчатымъ медомъ; зарѣзвился нашъ червячекъ, забылся,—нежданно повѣялъ вѣтеръ и стряхнулъ червячка на землю.

Что-то будетъ съ нашимъ щеголемъ? какъ найти ему родимое гнѣздышко? Однакожъ онъ приподнялъ головку, осмотрѣлся. „Ну что-жъ, думалъ, бѣда еще не велика — оплошалъ, такъ оплошалъ!— въ другой разъ наука; — не за чѣмъ же мнѣ опять въ колыбелку. Нѣтъ, нечего колыбелки держаться, пора жить и своимъ умомъ". Сказалъ и поползъ куда глаза глядятъ; вотъ доползъ онъ до вѣтки; расщипалъ ее — жестко! онъ дальше, еще, еще — и доползъ до листка; попробовалъ—вкусно.

„Нѣтъ, сказалъ червячекъ, теперь буду умнѣе, не стряхнетъ меня вѣтерокъ!" и закинулъ на листокъ паутинку.

Сглодалъ онъ листокъ, на другой потащился, а потомъ и на третій. Весело червячку! вѣтеръ ли пахнетъ, — онъ прикорнетъ къ паутинѣ; тучка ли набѣжитъ, — его шубка дождя не боится; солнышко ли сильно печетъ, — онъ подъ листокъ, да и смѣется надъ солнцемъ насмѣшникъ.

Но были для червячка и горькія минуты. То, смотритъ, птичка летитъ, глазки въ него уставляетъ, а иногда подлетитъ, да и носикомъ толкъ его подъ бокъ; но червячекъ не простакъ, онъ притворится, притаится будто мертвый, а птичка и прочь отъ него. Было и горше этого; онъ потащился на новый листокъ, а смотритъ — на немъ сидитъ большой, мохнатый паукъ съ крючьями на ногахъ, шевелитъ кровавою пастью и растягиваетъ сѣтку надъ червячкомъ.

Иногда проходили мимо червячка злые люди и говорили между собою: „Ахъ, проклятые червяки! побросать бы ихъ всѣхъ на землю, да растоптать хорошенько."

Червячекъ, слыша такія рѣчи, уходилъ въ глубокую чащу и по цѣлымъ днямъ не смѣлъ показываться.

А иногда и Лизенька съ Мишей брали его въ руки, что-бы полюбоваться его разноцвѣтной шубкой, и хотя они были добрыя дѣти, не хотѣли сдѣлать зла червячку, но такъ неосторожно мяли его въ рукахъ, что потомъ бѣдный червячекъ ужъ едва дыша вползалъ на родимую вѣтку.

Вотъ между тѣмъ лѣто прошло, уже много цвѣтковъ поблекло и на ихъ мѣстѣ шумѣли головки съ сочными зернами; раньше солнце стало уходить за горку, и чаще прежняго повѣвалъ вѣте-

рокъ, и чаще накрапывалъ крупный дождикъ. Лизенька и Миша уже вспоминали о своей шубкѣ и спорили, чья лучше: у нихъ или у червячка. Червячекъ замѣтилъ, что листки уже стали не такъ душисты и сочны, солнце не такъ тепло, да и самъ ужъ онъ сдѣлался не такъ живъ и все ему на свѣтѣ сдѣлалось уже не такъ утѣшно, какъ прежде.

„Что-жъ, думаетъ онъ, довольно я на свѣтѣ пожилъ, поработалъ, испыталъ и горе и радость, пилъ и горькую и сладкую росу, пощеголялъ и шубкой, дружился съ цвѣтками; не вѣкъ-же ползать попустому на землѣ, пора быть чѣмъ нибудь лучше.“

Онъ спустился съ листка, протянулся мимо блестящей капли росы, вспомнилъ, какъ ея струйки веселили его, малютку, и поползъ далѣе въ чащу зелени; онъ сталъ искать тѣнистаго, скромнаго мѣста, удаленнаго отъ шума и свѣта, нашелъ его, пріютился и началъ важную работу въ своей жизни. Когда Лизенька съ Мишей отыскали своего червячка — они очень удивились, что ихъ старый знакомый ничего не ѣлъ и не пилъ, а цѣлые часы безпрестанно трудился надъ своимъ дѣломъ. Въ чемъ-же была работа червячка? Эта работа была важная, любезныя дѣти: червячекъ готовился умереть и строилъ себѣ могилку!

Долго трудился надъ ней; наконецъ скинулъ съ себя свою узорчатую шубку, примолвивъ: „Тамъ въ ней не будетъ нужды,“ и заснулъ сномъ покойнымъ. Не стало червячка, лишь на листкѣ качался его безжизненный гробъ и свернутая въ комокъ шубка.

Но не долго спалъ червячекъ! Вдругъ онъ чувствуетъ — забилось въ немъ новое сердце, маленькія ножки пробились изъ-подъ брюшка и на спинкѣ что-то зашевелилось; еще минута-и распалась его могилка; червячекъ смотритъ — онъ не червякъ, ему не надобно ползать по землѣ и цѣпляться за листки; развились у него большія, радужныя крылья; онъ живъ, онъ свободенъ, онъ гордо поднимается на воздухъ.

Такъ бываетъ и не съ однимъ червячкомъ, любезныя дѣти. Не рѣдко видите вы, что тотъ, съ которымъ вы вмѣстѣ рѣзвились и играли на мягкомъ лугу, завтра лежитъ блѣдный, бездыханный; надъ нимъ плачутъ родные, друзья, и онъ не можетъ имъ улыбнуться; его кладутъ въ сырую могилку,—и нашего друга какъ не бывало! Но не вѣрьте! вашъ другъ не умеръ, раскрывается его могила—и онъ, невидимо для насъ, въ образѣ свѣтлаго ангела возлетаетъ на небо.

Древніе замѣтили это сходство между превращеніемъ бабочки и безсмертіемъ человѣка, и отъ того на своихъ картинахъ и статуяхъ изображали человѣка съ бабочкиными крыльями для того, чтобы люди не забывали, что они, проживя свой вѣкъ, испытавъ горе и радость, снова, какъ бабочка, возвратятся въ новую жизнь, и что смерть есть только перемѣна одежды. Такъ, можетъ быть, встрѣтите

изображеніе Платона, мудреца древности, съ бабочкиными крыльями: его изображали такъ потому, что онъ краснорѣчивѣе другихъ говорилъ о безсмертіи души и о жизни послѣ смерти.

Дѣдушка Ириней (К. В. О.)

(*Дѣтская книжка для воскресныхъ дней. 1834*).

18. ГАДКІЙ УТЕНОКЪ.

(Сказка Андерсена).

Хорошо было за городомъ, въ деревнѣ! Было лѣто. Рожь желтѣла, овесъ зеленѣлъ еще. По лугу, уставленному стогами сѣна, важно прохаживался длинный, красноногій аистъ и болталъ по-египетски, па языкѣ, которому научился отъ своей матери. Вокругъ возвышались большіе лѣса, а посреди лѣсовъ сверкали глубокія озера. Да, нечего сказать, хорошо было за городомъ, въ деревнѣ! Между лугомъ и нивами стоялъ, облитый яркимъ солнечнымъ сіяніемъ, старый господскій домъ, обведенный глубокими каналами; отъ забора его, внизъ до самой воды, тянулся репейникъ, такой высокій, что во многихъ мѣстахъ маленькія дѣти могли стоять подъ нимъ, выпрямившись. Въ репейникѣ, въ которомъ было дико, какъ въ самомъ дикомъ лѣсу, сидѣла утка на яицахъ и высиживала утятокъ. Сидѣть ей было не совсѣмъ весело и оттого, что она и долго не вылупливались, и оттого, что ее рѣдко навѣщали другія утки, которымъ было пріятнѣе плавать по каналамъ, чѣмъ калякать съ ней, сидя подъ листьями репейника.

Но вотъ, наконецъ, яицо за яицомъ начали лопаться; раздалось: „пикъ, пикъ!" и каждый желточекъ, оживившись, высунулъ головку.

— Крякъ, крякъ!—сказала она, и всѣ утята, какъ могли, выбрались подъ зеленые листья и начали посматривать во всѣ стороны; и матка позволила имъ смотрѣть, сколько хотѣлось, потому что зеленый цвѣтъ для глазъ нисколько не вреденъ.

— Ахъ, какъ же великъ міръ!—воскликнули всѣ утята, потому-что теперь имъ было не такъ уже тѣсно, какъ внутри яица.

— А вы думаете, что это и весь міръ? сказала матка.—Куда! онъ простирается дальше, и за садъ, прямо въ поле пастора; но тамъ я и сама никогда не бывала. Теперь, кажется, всѣ ужъ выбрались,—продолжала она, и было встала, но тотчасъ же сѣла опять, воскликнувъ: „Ахъ нѣтъ, не всѣ; самое большое яицо цѣлехонько еще. Да когда же это кончится! скоро я ужъ и совсѣмъ выбьюсь изъ терпѣнія!"

— Ну, что, какъ дѣла?—спросила тутъ старая утка, пришедшая навѣстить ее.

— Да вотъ, одно яицо никакъ не лопается, сказала молодая.— Но посмотри на другихъ; не правдали, вѣдь ты никогда и не видывала такихъ миленькихъ утяточекъ? Всѣ въ отца, а онъ, злодѣй, и навѣстить меня не хочетъ.

— Знаешь ли что — сказала старая: — то яицо, что не лопается, вѣрно индѣичье. Разъ и самое меня надули такимъ образомъ, и сколько было мнѣ тогда и хлопотъ и горя. Вѣдь индѣята смертельно боятся воды. Ужъ я и крякала и щелкала — нейдутъ себѣ, да и только. Дай-ка мнѣ взглянуть на это яицо. Ну да, это индѣичье; оставь его; учи лучше другихъ дѣтенышей плавать.

— Нѣтъ — сказала молодая, — посижу еще. Вѣдь я сидѣла ужъ столько, что можно посидѣть и еще немного.

— Это какъ тебѣ угодно, проворчала старая и ушла.

Накопецъ яицо лопнуло и изъ него выползъ дѣтенышъ, да такой большой, такой гаденькій.

— Вотъ какой страшно-большой утенокъ, бормотала про себя матка, посматривая на него.—И нисколько не похожъ на другихъ. Ужь не индѣенокъ ли это? Ну, да мы скоро узнаемъ: онъ у меня будетъ въ водѣ, хоть бы самой пришлось столкнуть его.

На другой день погода была также прекрасна; солнце ярко свѣтило на весь репейникъ, и утка отправилась со всѣмъ своимъ семействомъ къ каналу. Тутъ она, соскочивъ въ воду, сказала: „крякъ, крякъ," и утята, одинъ за другимъ, бухъ, бухъ, туда-же. Вода заплескивала ихъ и съ головками, но они тотчасъ же выскакивали на поверхность; ножки ихъ работали сами собою и всѣ они плыли какъ нельзя лучше; плылъ даже и гаденькій, сѣрый утенокъ.

— Нѣтъ, это не индѣенокъ—разсуждала матка сама съ собою. — Вишь, какъ онъ славно дѣйствуетъ ножками, какъ прямо держится; нѣтъ, это мой собственный дѣтенышъ! Если въ него хорошенько всмотришься, онъ даже очень не дуренъ. Крякъ, крякъ!— продолжала она—за мной дѣтки! Я введу васъ въ большой свѣтъ, представлю васъ на птичьемъ дворѣ; не отбивайтесь только отъ меня, чтобы кто-нибудь не наступилъ на васъ, а пуще всего берегитесь кошекъ.

И вотъ они пришли на птичій дворъ. На немъ былъ страшный шумъ, потому что два утиныя семейства дрались изъ-за рыбьей головки, которая, подъ-конецъ, все-таки досталась кошкѣ.

— Вотъ такъ-то все идетъ на свѣтѣ! — молвила матка, очищая носикъ, потому-что и ей хотѣлось рыбьей головки. — Ну, дѣтки, переваливайтесь хорошенько, да склоните головки, вотъ передъ той старой уткой. Она здѣсь знатнѣе всѣхъ; она шпанскаго происхожденія, потому-то она такъ и толста. Видите у ней на ножкѣ обшивочку; эта обшивочка — чудесная вещь, величайшее отличіе, какого утка можетъ достигнуть. Она означаетъ, что

ее не хотятъ потерять, что ее должны отличать и люди и животныя. Ну, переваливайтесь же; да не заворачивайте лапокъ внутрь: благовоспитанный утенокъ выворачиваетъ ихъ наружу, какъ отецъ и мать его — вотъ такъ! Теперь склоните же головки и скажите: „крякъ!"

Утята исполнили все, что имъ было сказано; но другія утки, посматривая на нихъ искоса, говорили громко: „Очень намъ нужны новички эти; насъ и безъ того довольно; а одинъ-то изъ нихъ, что это за гадость — нѣтъ, мы не потерпимъ его!" — И тотчасъ же одна изъ утокъ налетѣла на бѣдненькаго и давай щипать его.

— Оставь его — сказала матка, — вѣдь онъ никого не трогаетъ.

— Пусть не трогаетъ — возразила щипунья, — да онъ слишкомъ великъ и необыкновененъ, а потому и должно щипать его.

— Твои утята очень хороши — сказала тутъ старая утка съ красной обшивочкой, — всѣ очень хороши; только одинъ не удался.

— Онъ конечно не красивъ — сказала матка, — но за то такой добренькій, и плаваетъ ничуть не хуже, смѣю сказать, даже лучше другихъ. Впрочемъ, я думаю, что современемъ, выросши, онъ нѣсколько поуменьшится; онъ слишкомъ долго лежалъ въ яицѣ и оттого вышелъ не совсѣмъ такимъ, какимъ бы слѣдовало. Къ томужъ — прибавила она, расправляя перушки ему носикомъ, — вѣдь онъ селезень, такъ оно, знаете ли, недостатокъ красоты и не составляетъ большой важности.

— А прочіе очень милы — молвила старая. — Будьте же какъ дома; найдете рыбью головку — можете принести ее ко мнѣ.

И они сдѣлались, какъ бы домашними.

Но бѣднаго некрасиваго, послѣ всѣхъ вылупившагося утенка щипали, толкали, гоняли не только утки, даже и куры. „Онъ слишкомъ великъ" — говорили всѣ; а индѣйскій пѣтухъ, родившійся со шпорами и потому думавшій, что онъ великій господинъ, раздувался, какъ корабль, распустившій всѣ паруса, подходилъ прямо къ нему и клохталъ такъ страшно, что голова его дѣлалась совершенно красна. Бѣдный утенокъ не зналъ что ему начать, куда дѣваться: ему было очень грустно, что онъ такъ дуренъ, что долженъ быть посмѣшищемъ для всего птичьяго двора.

Такъ прошелъ первый день; но и въ слѣдующіе — нападки не уменьшались, а увеличивались. Бѣдняка гоняли всѣ; даже братья и сестры были такъ злы, что безпрестанно твердили: „Какъ бы хорошо было, если бы тебя съѣла кошка!" И мать восклицала не рѣдко: „Какъ была бъ я рада, если бы ты куда-нибудь запропастился!" — Утки щипали его, куры били, а дѣвочка, кормившая птицъ, то и дѣло толкала его ногою.

Спасаясь отъ гоненій, онъ перелетѣлъ, наконецъ, черезъ заборъ; маленькія, порхавшія въ кустахъ птички разлетѣлись съ испуга въ стороны. „Это оттого, что я такъ дуренъ" — подумалъ онъ, и, закрывъ глаза, бѣжалъ все далѣе, и, наконецъ, прибѣжалъ къ

большому болоту, въ которомъ жили дикія утки. Онъ такъ усталъ, ему было такъ грустно — онъ пролежалъ тутъ цѣлую ночь.

Поутру дикія утки проснулись и съ удивленіемъ смотрѣли на новаго товарища. „Откуда и что ты за птица?“ — спрашивали онѣ его, а онъ только-что поворачивался на всѣ стороны, да кланялся, какъ могъ.

— Ты ужасно дуренъ — сказали, наконецъ, дикія утки, — но намъ до этого нѣтъ никакого дѣла; только не втирайся въ нашу семью.“ Бѣдняжка совсѣмъ и не думалъ втѣсняться въ ихъ семью; его желанія ограничивались только тѣмъ, чтобъ ему позволили остаться въ камышахъ.

Онъ пролежалъ тутъ цѣлые два дня; на третій прилетѣли два дикіе гусака. Они недавно выползли изъ яицъ, и потому были очень смѣлы.

— Слушай, товарищъ! — сказали они ему-ты такъ гадокъ, что для насъ нисколько не будешь опасенъ. Хочешь жить съ нами, хочешь быть перелетной птицей? Недалеко отсюда, въ другомъ болотѣ есть нѣсколько прекрасныхъ гусынь, и всѣ благовоспитанныя дѣвицы; какъ ты не дуренъ — можетъ быть, тебѣ и посчастливится.

Пафъ, пафъ!—раздалось въ это самое мгновеніе,—и оба гусака пали мертвые, и вода покраснѣла отъ ихъ крови.—Пафъ, пафъ!—раздалось опять—и цѣлыя стада дикихъ гусей поднялись изъ камышей. Охотники залегли вокругъ всего болота; нѣкоторые сидѣли даже на вѣтвяхъ деревьевъ. Выстрѣлъ раздавался за выстрѣломъ; синеватый дымъ, поднимавшійся изъ густой зелени, тянулся облаками далеко по водѣ. Камышъ и тростникъ раздвигались въ стороны отъ приближавшихся охотничьихъ собакъ. Бѣдный утенокъ въ ужасѣ повернулъ головку, чтобы спрятать ее подъ крылышко—передъ нимъ стояла большая собака. Глаза ея сверкали страшно, языкъ висѣлъ далеко изъ пасти; она протянула къ нему морду, ощерила зубы и—прошла мимо, не тронувъ его.

— О, Боже, благодарю тебя! — прошепталъ онъ — я такъ гадокъ, что и собакѣ противно укусить меня.

И онъ лежалъ, притаившись, не шевелясь все время, пока продолжалась охота. И за тѣмъ, какъ все уже замолкло, не скоро осмѣлился поднять головку. Наконецъ, ободрившись, онъ осмотрѣлся и стремглавъ побѣжалъ изъ болотъ, куда глаза глядятъ. Поднявшаяся вскорѣ буря сильно затрудняла бѣгъ его, но онъ не останавливался.

Къ вечеру онъ добрался кое-какъ до небольшой крестьянской избушки. Избушка была такъ ветха, что не знала, на которую сторону упасть ей и только потому стояла. А между-тѣмъ буря усилилась до того, что утеночку надобно было присѣсть, чтобъ она не унесла его. Тутъ онъ замѣтилъ, что дверь, соскочившая съ одного крюка, висѣла такъ косо, что оставляла отверстіе, сквозь которое можно было протѣсниться внутрь, и онъ воспользовался этимъ и протѣснился.

Въ избушкѣ жила старушка съ котомъ и съ курочкой. Котъ, котораго она называла сынкомъ, умѣлъ выгибать спинку горбикомъ и мурлыкать; онъ издавалъ даже искры, но для этого его надобно было гладить противъ шерстки. У курочки же были очень маленькія, коротенькія ножки, и потому ее называли коротконожкой; она несла превкусныя яица и старушка любила ее, какъ бы собственное свое дѣтище.

Утромъ они тотчасъ же замѣтили забѣглаго утенка, и котъ началъ мурлыкать, а курочка клохтать.

— Что тамъ такое?—сказала старушка, осматриваясь; но глаза ея видѣли уже плохо и она приняла утенка за жирную утку.

— Вотъ какая славная добыча! — воскликнула она. — Теперь у меня будутъ и утиныя яица, если это только не селезень; но мы увидимъ.

И вотъ, чтобъ увидать это, она оставила утенка у себя на трехнедѣльное испытаніе. Три недѣли прошли, а яицъ все-таки нѣтъ. А котъ былъ господиномъ, курочка—госпожей въ домѣ, и у нихъ что ни слово, все „мы и цѣлый міръ“, потому-что они почитали себя по-крайней-мѣрѣ половиной его, да еще и самой лучшей. Утенокъ же думалъ, что можно имѣть и свое собственное мнѣніе; но курочка никакъ не терпѣла этого.

— А ты умѣешь нести яица?—спрашивала она его.

— Нѣтъ.

— Такъ и не разѣвай же рта.

— А ты умѣешь выгибать спинку горбикомъ, мурлыкать, издавать искры? — спрашивалъ котъ.

— Нѣтъ.

— Такъ и не суйся съ своимъ мнѣніемъ, когда говорятъ умные люди.

И утеночекъ сидѣлъ въ уголку, пригорюнившись. Вдругъ ему вспали на умъ свѣжій, открытый воздухъ, солнечное сіяніе, и въ немъ пробудилось такое сильное желаніе поплавать по водѣ, что онъ никакъ не могъ удержаться, чтобы не сказать объ этомъ курочкѣ.

— Вотъ новости! — воскликнула она. — Ты ничего не дѣлаешь; оттого тебѣ и лѣзутъ въ голову всякіе вздоры. Неси яица, или мурлыкай, такъ тебѣ ничего такого и не вспадетъ на умъ.

— Но вѣдь плавать по водѣ такъ пріятно — говорилъ утенокъ. — И что за наслажденіе, когда нырнешь и вода сомкнется надъ головой твоей!

— Удивительное наслажденіе! Ты съ ума сошелъ! Спроси у кота — онъ умнѣйшій изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ, — онъ скажетъ тебѣ, какъ ему нравится плаванье или ныряпье. О себѣ самой я и говорить не хочу. Спроси у старушки, нашей госпожи — умнѣе ея нѣтъ никого въ мірѣ. Вѣрно и она не скажетъ тебѣ, чтобъ ей хотѣлось плавать, чтобы вода сомкнулась надъ головой ея.

— Вы не понимаете меня! — сказалъ утенокъ.

— Мы не понимаемъ тебя? Ну да, конечно, кому же и понимать тебя! Неужели ты воображаешь, что ты умнѣе и кота и нашей госпожи — о себѣ я не хочу и упоминать? — Полно, выкинь вздоръ изъ головы и благодари создателя за все доброе, что тебѣ оказали. Тебя приняли въ теплую комнату, въ общество, въ которомъ можешь кой-чему научиться; но ты пустой болтунъ, съ тобой даже и разговаривать противно. Повѣрь мнѣ, я желаю тебѣ добра; я говорю тебѣ непріятности—но именно поэтому истинные друзья и познаются. Учись нести яица, или мурлыкать, или издавать искры.

— Я думаю, лучше будетъ, если я оставлю васъ, пойду странствовать по міру — сказалъ утенокъ.

— И хорошо сдѣлаешь — молвила курочка.

И утенокъ оставилъ ихъ. Онъ плавалъ по водѣ, онъ нырялъ въ глубь; но всѣ птицы чуждались его, и все потому, что онъ былъ очень некрасивъ.

А между-тѣмъ наступила и осень. Листья въ лѣсахъ пожелтѣли, вѣтеръ срывалъ ихъ и они, кружась, сыпались на землю; въ воздухѣ было очень холодно, по небу ходили тучи, готовыя разразиться градомъ и снѣгомъ; на заборѣ сидѣлъ воронъ и кричалъ: „корръ, корръ!“ потому-что и ему было холодно. Каково же было бѣдному утенку! Разъ вечеромъ, когда солнце величественно закатывалось уже за небосклонъ, изъ лѣса вылетѣло цѣлое стадо чудныхъ, большихъ птицъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, съ длинными стройными шеями. Такихъ утенокъ никогда не видывалъ еще. Это были лебеди; испустивъ совершенно особенный крикъ, они расширили прекрасныя, длинныя крылья, взвились высоко, высоко, и полетѣли изъ страны холодной, далеко въ страны теплѣйшія, на моря широкія. Появленіе ихъ пробудило въ гаденькомъ утенкѣ престранное чувство; онъ кружился въ водѣ, какъ колесо, около своей оси, сильно топорщилъ шейку свою къ нимъ вверхъ, и, наконецъ, закричалъ такъ громко и чудно, что и самъ испугался. Когда они скрылись, онъ нырнулъ на дно, самъ не зная для чего, и за-тѣмъ, вынырнувъ, все еще не могъ придти въ себя. Онъ не зналъ ни какъ зовутъ этихъ прекрасныхъ птицъ, ни куда онѣ летятъ; но онъ видѣлъ, что имъ было такъ хорошо, какъ никому. Онъ не завидовалъ имъ: куда ему желать быть также красивымъ! для него уже и расположеніе утокъ было бы величайшимъ счастіемъ.

А холода все увеличивались. Вотъ и вода начала покрываться льдомъ; свободнымъ отъ него оставалось уже только небольшое пространство, гдѣ плавалъ утенокъ; но и оно становилось все меньше и меньше, потому-что къ ночи морозило такъ, что трещалъ и самый ледъ. Чтобъ и это отверстіе не закрылось совершенно, бѣдный утенокъ долженъ былъ работать ножками безпрестанно; наконецъ, онъ совсѣмъ выбился изъ силъ, и ледъ крѣпко охватилъ его со всѣхъ сторонъ.

Рано утромъ увидалъ его въ этомъ положеніи проходившій мимо мужичекъ, разбилъ ледъ деревянными башмаками своими, взялъ утеночка и отнесъ его къ женѣ. Тутъ онъ ожилъ.

Дѣти захотѣли поиграть съ нимъ, но утенокъ подумалъ, что они замышляютъ недоброе, и потому, вспорхнувъ, отъ страха попалъ прямо въ кринку съ молокомъ и расплескалъ его по всей комнатѣ. Жена мужичка всплеснула руками и вскрикнула; утенокъ, испугавшійся еще болѣе, попалъ изъ кринки въ горшокъ съ масломъ, а оттуда въ кадку съ мукой, изъ которой вылетѣлъ ни на что непохожимъ. Хозяйка кричала и старалась ударить его ухватомъ; дѣти, желая поймать его, бѣгали, съ страшнымъ хохотомъ, толкая другъ друга. По счастью, дверь была отворена — утенокъ бросился въ нее, пробрался сквозь наваленный по близости хворостъ и упалъ, совершенно обезсилѣвъ, на снѣгъ, только-что напавшій.

Но пересказывать все, что вытерпѣлъ бѣдный утенокъ въ эту зиму, слишкомъ грустно. Онъ лежалъ въ камышахъ болота, когда солнце снова начало нагрѣвать всю природу. Жаворонки заливались громкими пѣснями; зима смѣнилась чудеснѣйшею весною.

Тутъ утенокъ почувствовалъ вдругъ, что онъ снова можетъ махать крылышками; онѣ двигались гораздо уже сильнѣе, уносили его гораздо далѣе, и, прежде чѣмъ онъ замѣтилъ это, онъ очутился въ прекраснѣйшемъ саду, въ которомъ яблоки стояли въ полномъ цвѣтѣ, бузина благоухала и длинныя зеленыя вѣтви ея склонялись къ самой водѣ большаго, извилистаго пруда. Здѣсь все было такъ прекрасно, такъ весенне-радостно. Но вотъ изъ-за рощи показались три бѣлыхъ лебедя; они весело помахивали крыльями, плавали такъ легко. Глядя на нихъ, какъ-то грустно стало бѣдному утенку.

— Полечу къ нимъ, къ этимъ царственнымъ птицамъ — шепталъ онъ про себя. — Онѣ убьютъ меня за то, что я, такой гадкій, осмѣлился приблизиться къ нимъ; но ужъ такъ и быть: лучше умереть отъ нихъ, чѣмъ переносить щипанье утокъ, побои куръ, толчки птичницы и страшную нужду зимою.

И онъ слетѣлъ на воду и поплылъ прямо къ лебедямъ, которые, увидавъ его, замахали крыльями и бросились прямо къ нему.

— Убейте меня! — простоналъ бѣдняжка и, въ ожиданіи смерти, склонилъ головку, но — о чудо! что увидалъ онъ въ свѣтломъ зеркалѣ воды? Самого себя, но уже не гаденькой, уродливой, темносѣрой птицей, а лебедемъ.

И ему стало такъ легко и весело. Большіе лебеди плавали вокругъ и, лаская, гладили его своими носиками.

Въ это самое время, къ берегу пруда прибѣжали дѣти и начали бросать въ воду кусочки хлѣба

— Ахъ, еще новый! — закричалъ вдругъ самый маленькій изъ нихъ.

— Новый, новый прилетѣлъ! подхватили другія, и всѣ запрыгали и захлопали въ ладоши и, наконецъ, побѣжали за отцомъ и

за матерью. Они тотчасъ же возвратились съ ними и снова принялись бросать въ воду хлѣбъ и пироги, и всѣ говорили: „Новый-то лучше всѣхъ, такой молоденькій, такой славный!“ и старые лебеди склонялись передъ нимъ.

И отъ всего этого ему стало такъ стыдно, что онъ спряталъ головку подъ крылышко. Онъ не зналъ, что ему и дѣлать; онъ былъ такъ счастливъ, но нисколько не возгордился тѣмъ, потому что доброе сердце не знаетъ гордости. Онъ думалъ о томъ, какъ его гнали, какъ всѣ насмѣхались надъ нимъ, и теперь слышалъ, какъ его называли прекраснѣйшей изъ всѣхъ прекрасныхъ птицъ. Даже бузина склоняла къ нему свои зеленыя вѣточки, и солнышко пригрѣвало его яркими лучами своими такъ радушно. И вотъ перышки его зашумѣли, стройная шейка поднялась, и онъ воскликнулъ въ восторгѣ: „Могъ ли я ожидать такого счастія, когда былъ еще гаденькимъ утенкомъ!“

Перевелъ Н. К. . .ръ.

19. ИЗЪ ПОВѢСТИ:

СѢРЫЙ АРМЯКЪ ИЛИ ИСПОЛНЕННОЕ ОБѢЩАНІЕ.

Въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ частей Москвы, въ Нѣмецкой слободѣ, стоялъ еще въ концѣ августа 1812 года небольшой деревянный домикъ съ зелеными ставнями и съ мезониномъ; онъ принадлежалъ Г.... С.... П.... Въ этомъ мезонинѣ жилъ Петруша, единственное утѣшеніе отца, слабаго не отъ лѣтъ, но отъ ранъ, которыми была украшена грудь и голова его: ими запечатлѣна была любовь его къ царю и отечеству; въ нихъ читалась исторія прошедшихъ походовъ, прошедшихъ славныхъ битвъ.

Мать Петруши обожала сына своего: она жила въ немъ! Боясь потерять одно мгновеніе насладиться зрѣлищемъ любезнаго сына, она не оставляла его ни на минуту—онъ только ночевалъ въ своей комнатѣ, подъ надзоромъ вѣрнаго слуги Потапыча, который давно дѣлилъ съ Г.... С.... и радости и печали. Что описывать наружность Петруши! Скажу только, по долгу и совѣсти разскащика, что онъ былъ мальчикъ добренькій и платилъ родителямъ горячею любовію за попеченіе ихъ о воспитаніи его.

Какъ было не любить Петрушѣ отца и матери: и звѣри любятъ родителей своихъ; но Петруша не могъ не обожать ихъ — они неусыпно наблюдали за нимъ: ни одинъ шагъ, ни одна мысль его не проходили безъ того, чтобъ не обратить на себя вниманіе бдительныхъ родителей. Въ сердцѣ Петруши не было ничего тайнаго —

отецъ и мать были совѣстью его. Г.... С.... самъ училъ его всему, что долженъ и можетъ знать тринадцати-лѣтній мальчикъ. Но назидательнѣе всѣхъ уроковъ была бесѣда ихъ, когда вечеромъ собирались всѣ трое въ кабинетѣ стараго воина: Потапычъ стоялъ тутъ же, прислонившись къ притолкѣ. Въ этихъ-то бесѣдахъ объяснялъ Г. С. главнѣйшіе догматы вѣры, объяснялъ таинства христіанской религіи; тутъ читали почередно то отецъ, то мать, то сынъ Священное Писаніе. Показывая на дѣлѣ, какъ долженъ вести себя и жить настоящій христіанинъ, приучалъ отецъ Петрушу возлагать все упованіе на Господа, какъ на единственный источникъ всѣхъ благъ, и стараться, сколько силъ есть, исполнять святую волю Его. Эти-то правила, эта-то преданность судьбамъ Всевышняго, поддерживали во всѣ труднѣйшія времена жизни его, какъ увидимъ далѣе. Семейство П...., казалось, и было совершенно счастливо. Но Господь ниспосылаетъ иногда, для испытанія преданности, минуты горькія, и минуты эти никогда не забываются! Тяжелыя стопы несчастія долѣе оставляютъ по себѣ память въ сердцѣ, нежели легкія прикосновенія радости: они пролетаютъ — и вѣтеръ времени задуваетъ слѣдъ ихъ! Настала пора и туча разразилась—мать Петруши занемогла, и занемогла опасно. Однажды вечеромъ, когда добрый мальчикъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и, облокотясь на столъ, думалъ о больной, вошелъ Потапычъ; Петруша вздрогнулъ. „Что, Потапычъ, что матушка?" Пожалуйте,—отвѣчалъ старикъ. Холодный потъ выступилъ на лицѣ Петруши: что-то недоброе вѣщало сердце.

Онъ отправился и сошелъ внизъ; Г. С., печальный, сидѣлъ возлѣ спальни жены. Домашній врачъ, съ озабоченнымъ лицемъ, то входилъ, то выходилъ изъ комнаты больной и наконецъ сказалъ что-то на ухо П....; онъ всталъ, взялъ за руку сына и ввелъ къ умирающей. Теперь только, въ первый разъ, поразило ребенка блѣдное, похудѣлое лице матери — онъ невольно сталъ на колѣни возлѣ кровати, больная положила обѣ руки на голову сына и сказала слабымъ, едва внятнымъ голосомъ: „Да благословитъ тебя Господь, Петруша, живи...." болѣе ничего не слыхалъ бѣдный мальчикъ: его вывели почти безъ чувствъ изъ комнаты. Скоро унылое пѣніе: „Со святыми упокой!" отозвалось въ ушахъ его и все казалось ему сномъ, пока не началъ онъ опомниваться, возвратившись уже изъ Данилова монастыря, гдѣ предали землѣ — земное. Пусто стало въ домѣ. Бодрствуя духомъ, изнемогалъ старикъ тѣломъ; онъ не отпускалъ отъ себя сына и даже спалъ съ нимъ вмѣстѣ. Когда, бывало, очень сгрустнется имъ, то П...., какъ будто опомнившись, вдругъ поднималъ наполненные слезами глаза вверхъ и со вздохомъ говорилъ: „Да будетъ воля Твоя!" и тогда становилось имъ обоимъ легче. Въ это время горѣла уже война со всѣми ужасами. Вѣсти о приближеніи Французовъ къ Москвѣ тревожили иногда посѣдѣлаго солдата. Петруша не понималъ причины; нечаянно подслушалъ онъ однажды разговоръ Г. С. съ Потапычемъ: „Послу-

шай, старикъ, я плохъ! Чувствую, что не переживу тягостнаго времени; но умру спокойно, потому что вввряю сына промыслу Всевышняго, на котораго привыкъ полагать всю надежду мою. Не знаю, отъ чего кажется мнѣ, что Господь избралъ тебя быть благодѣтелемъ Петруши; не умѣю отдать себѣ отчета, но мнѣ говоритъ сердце, что ты будешь виновникомъ счастія его!“

Нельзя передать чувствъ, которыя произвели эти слова на Петрушу — трудно понять ихъ!

1812 года 4-го сентября Г. С. былъ необыкновенно смущенъ, но въ глазахъ его замѣтна была какая-то живость; онъ подозвалъ сына и сказалъ ему: „Петруша! непріятели въ Москвѣ. Ты великъ не по лѣтамъ, здоровъ, знаешь французскій и нѣмецкій языки: можетъ быть нуженъ ты будешь врагамъ Россіи; можетъ быть оторвутъ тебя отъ груди моей — противиться нельзя: но умоляю тебя, останься вѣренъ закону своему, отечеству и Государю. Пусть никакія угрозы и мученія не заставятъ тебя совратиться съ пути истины. Господь дастъ тебѣ силу, молись и уповай на него. Надѣнь это“ сказалъ П...., доставая изъ комода сѣрый армякъ: „кафтанъ этотъ не прельститъ алчныхъ враговъ, да и тебѣ будетъ теплѣе въ немъ; умоляю, если Господь сохранитъ тебя въ живыхъ, береги его какъ глазъ свой!“

Петруша молча взялъ армякъ и пошелъ вверхъ переодѣться; кафтанъ уже былъ на немъ, и онъ не сходилъ внизъ: ему не хотѣлось умножать грусти отца слезами своими — онъ прикладывалъ платокъ къ краснымъ глазамъ и посматривалъ въ зеркало. Что-то зашумѣло внизу, — онъ прислушивался нѣсколько минутъ, наконецъ сбѣжалъ по задней лѣстницѣ, чтобы узнать причину. Въ это время выходили изъ дому четыре французскихъ гренадера. — Connais-tu les rues de Moscou? — спросилъ одинъ изъ нихъ Петрушу. Oui, monsieur“ отвѣчалъ онъ, забывъ, что отвѣтъ на иностранномъ языкѣ нейдетъ къ сѣрому кафтану его. Eh bien! marche en avant au Kremlin! — сказалъ тотъ-же Французъ, обрадовавшись такой находкѣ. — Петруша вышелъ машинально. — Подойдя уже къ Покровскимъ воротамъ, онъ опомнился. Вдругъ какъ будто покрывало упало съ глазъ его и онъ увидѣлъ весь ужасъ своего положенія: онъ вспомнилъ, что оставилъ больнаго отца, что не успѣлъ даже проститься съ нимъ; ему казалось, что если бы онъ не потерялся такъ, то могъ бы еще попросить позволеніе прижать въ послѣдній разъ къ сердцу родителя, съ которымъ, казалось, никогда болѣе не увидится, и успѣлъ бы получить благословеніе его.

Онъ остановился, и обратясь къ тѣмъ, которымъ служилъ провожатымъ, съ глазами, наполненными слезъ, сказалъ: „именемъ Бога заклинаю васъ, отпустите меня проститься съ батюшкой: онъ боленъ, онъ умретъ безъ меня!“

— Далеко ли до Кремля? — спросили Французы.

„Два шага!“ отвѣчалъ онъ, едва дыша отъ страха и надежды. — Ну, такъ доведи и воротись! — Напрасно рыдалъ Петруша

умолялъ своихъ мучителей: они были непреклонны; онъ сталъ на колѣни—двое изъ нихъ подняли его и толкнули впередъ. Нечего было дѣлать, должно было покориться необходимости. Одна мысль утѣшала его: онъ думалъ, что, доведя ихъ до Кремля, воротится быстрѣе молніи въ объятія отца, и Петруша давалъ себѣ слово не оставлять его ни на минуту. Тщетная надежда! Изъ Кремля принужденъ онъ былъ провожать ихъ на Арбатъ, потомъ еще куда-то, и наконецъ усталаго, измученнаго, растерзаннаго горестію, заперли его на ночь въ какомъ-то домѣ, въ какой-то чуланъ. На другой день утромъ опять заставили его провожать и въ награду давали хлѣбъ и печеный картофель. Такъ прошло два дни; на третій еще вечеромъ сидѣлъ онъ съ мучителями своими въ какомъ-то погребѣ. — Обрадовавшись винамъ, которыя можетъ быть были назначены украшать пышный столъ русскаго барина, измученные Французы пили его столько, что наконецъ заснули крѣпкимъ сномъ.

Вдругъ блеснула у Петруши мысль воспользоваться этимъ случаемъ: онъ съ сильнымъ біеніемъ сердца всталъ, перекрестился, поручилъ себя святой волѣ Господа и поспѣшно вышелъ изъ погреба. Какъ стрѣла пустился онъ бѣжать: безпрестанно казалось ему, что его преслѣдуютъ. Это было недалеко отъ дому отца его. Никакое перо, никакія слова не въ состояніи описать чувствъ его, когда приближался онъ къ жилищу своему; вотъ уже повернулъ онъ въ переулокъ, уже онъ подходилъ къ воротамъ—они отворены;—онъ вбѣгаетъ въ сѣни, въ переднюю, въ столовую — все пусто: только столы и стулья въ безпорядкѣ стояли въ комнатахъ. Онъ, какъ безумный, бросался то туда, то сюда и жалобнымъ голосомъ вскрикивалъ: „батюшка, батюшка!“ и стонъ его раздавался изъ комнаты въ комнату необитаемаго дома. Безъ памяти бросился онъ опять на улицу—въ сосѣдствѣ нигдѣ и никого нѣтъ; безъ памяти добѣжалъ онъ до церкви Богоявленія и безъ чувствъ упалъ на холодныхъ ступеняхъ храма.

Свѣтало. Петруша открылъ глаза, какъ будто послѣ долгаго, утомительнаго сна. Ему казалось, что на всемъ тѣлѣ его нѣтъ живаго мѣста: все болѣло. Поднявъ отяжелѣвшую голову съ камня, который служилъ ему изголовьемъ, взглянулъ онъ невольно въ ту сторону, гдѣ еще недавно жили родители, которыхъ любилъ онъ болѣе всего на свѣтѣ, гдѣ провелъ кроткіе, счастливые дни дѣтства, дѣтства, изъ котораго, чувствовалъ онъ, что не вышелъ еще по лѣтамъ....въ самое это время густое облако дыма взвилось въ той сторонѣ, какъ будто для того, чтобы изобразить, какъ улетѣло для него все прошедшее. Воображенію его представился слабый отецъ, терзаемый непріятелями; онъ видѣлъ мученическую кончину его.... волосы поднялись на головѣ его, грудь стѣснило, но слезы не облегчали страданій; онъ взглянулъ въ другую сторону: вездѣ смрадъ, тлѣющія строенія, груды кирпичей. Нетвердымъ шагомъ пошелъ онъ опять въ тотъ переулокъ, гдѣ былъ домъ ихъ,—пламя перебѣ-

гало еще по тлѣвшимъ бревнамъ, дымъ подымался столбомъ, трубы означали только гдѣ были комнаты. Здѣсь въ первый разъ слезы брызнули изъ глазъ бѣднаго мальчика — ему стало легче.

„Что мнѣ дѣлать? куда идти? гдѣ приклонить голову?" думалъ онъ.

Возвратясь опять къ тому мѣсту, гдѣ провелъ ночь, Петруша сталъ на колѣни и усердно помолился Богу, такъ усердно, какъ, можетъ быть, никогда еще не молился. Потомъ, успокоившись нѣсколько, сѣлъ опять на каменныя ступени. Прошедшее, настоящее, будущее мелькали въ воображенiи его какъ пестрая картина: прошедшее свѣтло, живо, настоящее — подернутое туманомъ и мглой, а будущее — что могъ онъ видѣть въ немъ?.... Нищету, безпрiютное сиротство, голодъ! — но оно скрашивалось свѣтлою пеленой надежды на Небеснаго Отца.

„Еслибъ Господь услышалъ молитву нашу и далъ силы перенесть „грозу, сходилъ бы въ Кiевъ помолиться Печерскимъ чудотворцамъ!" говорилъ какой-то старикъ товарищу своему, проходя мимо церкви Богоявленiя. При томъ хаосѣ мыслей, который наполнялъ тогда голову Петруши, онъ готовъ былъ пристать къ первому встрѣтившемуся предмету и заняться имъ.

„Возможно ли дѣлать условiе съ Божествомъ?" подумалъ онъ. „Не „уже-ли не знаетъ старикъ условiй, по которымъ милуетъ насъ Го„сподь: молиться, уповать на благость Его, исполнять святую волю, „и только! — Нѣтъ, не послѣ, а въ дни скорба пойду я въ Кiевъ, „поклонюсь Угодникамъ, которые у Престола Всевышняго, какъ „говорилъ батюшка, немолчно молятъ Его за насъ!" Вотъ первое предположенiе на будущность! и это предположенiе было цѣлью всѣхъ дѣйствiй бѣднаго сироты.

Долго сидѣлъ онъ на одномъ мѣстѣ; наконецъ голодъ заставилъ его встать и идти куда нибудь — куда нибудь, чтобъ достать кусокъ хлѣба! Бродя по пустымъ, обгорѣлымъ улицамъ московскимъ, увидѣлъ онъ наконецъ къ вечеру огонекъ въ подвалѣ. Страха не зналъ Петруша — чего могъ онъ бояться? Перекрестясь, подошелъ онъ къ желѣзной двери, которая заперта была изнутри, постучался и тотчасъ раздались тамъ скорые шаги нѣсколькихъ человѣкъ, въ одно мгновенiе все утихло и послышался женскiй голосъ: „кто тутъ?"

— Я! — отвѣчалъ Петруша — Русской; отворите ради Христа: я одинъ, сирота! — Дверь отворилась и онъ увидѣлъ человѣкъ пять мущинъ и двухъ или трехъ женщинъ. Несчастiе сближаетъ — никому не пришло въ голову спросить, кто онъ: всякiй смотрѣлъ съ сожалѣнiемъ на бѣднаго мальчика. — Ты усталъ — сказала одна изъ женщинъ — озябъ! Сядь, согрѣйся у огонька; а мы было испугались: сбирались поужинать, да какъ ты постучался, такъ и попрятали все, чтобъ Французъ не съѣлъ! — „Я не усталъ, голубушка, а мнѣ хочется ѣсть, очень хочется!" отвѣчалъ Петруша. Мущины начали доставать изъ-подъ лавокъ, изъ-

подъ шубъ, отвсюду печеный картофель, сухари и еще кое-что. Утоливши голодъ, разсказалъ Петруша несчастіе свое и просилъ позволить ему остаться съ ними.

Въ 1812 году, за нѣсколько дней, даже наканунѣ, въ самый день вступленія непріятеля, выѣхали почти всѣ изъ Москвы: оставались только тѣ, которые или лишены были способовъ подняться, или кого удерживали старость и болѣзнь. Въ опустѣлыхъ домахъ жили только дворники и дворовые люди, которымъ ввѣрено было охраненіе домовъ. Пожаръ и тѣхъ выгналъ изъ жилищъ: они скитались по Москвѣ безъ пріюта и, сбираясь въ кучи, помѣщались въ какомъ нибудь подвалѣ, пока алчные, голодные гости не перегоняли ихъ въ другое мѣсто. Въ такую-то семью, связанную не узами родства, а преслѣдованіями, попалъ Петруша. Протекло почти три недѣли съ тѣхъ поръ, какъ присталъ онъ къ новому обществу—эти три недѣли показались ему вѣкомъ: но Господь хранилъ его невидимо: не взирая на всѣ труды, на усталость, на опасности — здоровье не измѣняло ему. Утромъ до свѣту еще выходилъ онъ обыкновенно на промыслъ: въ огородахъ, за заставами московскими, копалъ картофель — потомъ и того не стало: онъ выпрашивалъ у непріятеля кусокъ хлѣба, пользуясь знаніемъ французскаго языка, и дѣлился съ товарищами своими; безпрестанно переходили они изъ мѣста въ мѣсто. Наконецъ 1-го октября, въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, всталъ онъ по обыкновенію очень рано — товарищи его спали еще; онъ надѣлъ армякъ свой, взялъ старую сумку, которую всегда бралъ съ собою и, съ Богомъ, вышелъ на дневную работу. Долго искалъ онъ тщетно, гдѣ бы поживиться. Вдругъ услышалъ пѣніе, шумъ, крикъ, которые раздавались изъ одного уцѣлѣвшаго дома; не задумавшись ни на минуту, вошелъ онъ въ сѣни. Обломки фарфоровыхъ чашекъ, черепки разбитыхъ тарелокъ валялись по полу—вездѣ видны были остатки богатаго убранства; въ гостиной съ разбитыми зеркалами, на богатыхъ креслахъ краснаго дерева, украшенныхъ лоскутками штофа, сидѣло нѣсколько человѣкъ Французовъ, Поляковъ, Венгерцевъ и пр. Каждый пѣлъ по-своему, расправляясь съ сыромъ, ветчиной и другими припасами, запивая виномъ изъ бутылокъ, у которыхъ, для скорости, отбивали горлышко, не давая себѣ труда раскупоривать.—Русскій! закричали всѣ. „Русскій" отвѣчалъ Петруша по французски: „да! я Русскій и умоляю господъ Французовъ подѣлиться со мною обѣдомъ." Человѣка три бросилились къ Петрушѣ: онъ описалъ имъ откровенно все положеніе свое. Сытые гости, не имѣя надобности брать что нибудь съ собою, такъ набили сумку его всѣмъ съѣстнымъ, что онъ съ трудомъ могъ тащить ее. Съ какимъ восторгомъ приближался Петруша къ жилищу своему; какъ билось сердце его при мысли, что онъ отдастъ весь запасъ товарищамъ своимъ; какъ будутъ благодарить его; какъ уснутъ потомъ спокойно послѣ такого сытнаго обѣда!

„Отвори-ка!" закричалъ онъ, подойдя къ двери, голосомъ, замиравшимъ отъ нетерпѣнія и радости.—Нѣтъ отвѣта.

„Отворите!"—ни слова!—онъ сложилъ свою ношу, толкнулъ дверь, она отворилась; вошелъ—ни слѣда, чтобъ жилъ кто нибудь. Петруша обошелъ всѣ углы—все было вынесено. Онъ заплакалъ. Опять, второй разъ остаться одному въ цѣломъ мірѣ....тяжело, очень тяжело! Отыскать товарищей не было и тѣни возможности. Оставивъ запасъ свой у дверей, пошелъ онъ куда глаза глядятъ; шелъ, шелъ все прямо, вышелъ изъ заставы, прошелъ верстъ десять не встрѣтивъ ни души—по крайней мѣрѣ не замѣтивъ никого. Солнце величаво катилось къ западу; остатки зарева надъ Москвою оживали по мѣрѣ того, какъ небо становилось темнѣе; зажглись звѣзды, и скоро мѣсяцъ, какъ огромный огненный шаръ, выкатился на горизонтѣ. Усталый, прилегъ Петруша подъ дерево, которое стояло недалеко отъ дороги, и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ. Во снѣ видѣлъ онъ отца, мать, Потапыча, подвалъ, въ которомъ нашелъ новое семейство, комнату въ мезонинѣ, гдѣ онъ жилъ прежде.... да! прежде, въ счастливые годы свои—все смѣшалось, все представлялось ему въ одной огромной рамѣ. — Солнце опять освѣтило наше полушаріе, пробѣжало уже четверть неба, когда проснулся нашъ путникъ.

Онъ продрогъ и, чтобы согрѣться, бѣгомъ побѣжалъ далѣе по дорогѣ. Какъ сильно забилось сердце его, когда услышалъ онъ звукъ колокола, призывавшій православныхъ къ вечерней молитвѣ: давно уже не раздавался этотъ отрадный гулъ въ ушахъ его — теперь былъ онъ настоящимъ *благовѣстомъ* для бѣднаго мальчика. „Недалекъ я отъ того мѣста, гдѣ живутъ люди въ семьяхъ своихъ!" подумалъ онъ; „гдѣ всѣ вмѣстѣ въ храмѣ Божіемъ молятся Господу силъ!" Онъ шелъ довольно долго и наконецъ вошелъ въ село П.... Не останавливаясь, слѣдовалъ онъ за крестьянами въ церковь, гдѣ священникъ въ облаченіи съ благоговѣніемъ служилъ вечерню. Могла ли быть неусердна молитва его? онъ молился объ избавленіи отъ врага и супостата; онъ молился о долгоденствіи возлюбленнаго Царя, о сохраненіи семействъ, паствы его, о всемъ, что близко сердцу Русскаго и христіанина. Молитва кончилась; православные начали выходить изъ церкви, съ ними и Петруша; каждый шелъ въ домъ свой; одинъ Петруша не зналъ куда идти и остановился у дверей храма. — Откуда родимый? — спросилъ его какой-то крестьянинъ пріятной наружности. „Изъ Москвы;" отвѣчалъ Петруша.

— А куда держишь путь?

„Не знаю!" отвѣчалъ онъ сквозь слезъ.

— Какъ не знаешь, родимый; да гдѣ домъ-то твой?

„У меня нѣтъ дома!"

— Да гдѣ родные?

„У меня нѣтъ родныхъ!" сказалъ бѣдняжка съ глубокимъ вздохомъ.

— Какъ нѣтъ? — продолжалъ добрый крестьянинъ. — Пойдемъ, сердечный, повечерять съ нами; поразскажи намъ кое-что о матушкѣ-бѣлокаменной; коли придетъ тебѣ по мысли, поживи у меня: насъ всего только двое съ женою.

Петрушѣ показалось, что онъ нашелъ все, что потерялъ: такъ сладокъ былъ его сердцу привѣтъ мужика. Онъ радостно вошелъ съ нимъ въ чистую, довольно большую избу. Старуха, стоя на колѣняхъ молилась передъ образомъ, у котораго теплилась свѣчка. „Ѳедосья" сказалъ входя крестьянинъ: „вотъ тебѣ гость московскій, бездомный сирота; надо согрѣть, обмыть, накормить его!"

— Милости просимъ, милости просимъ! — отвѣчала старуха, вставая на ноги — добро пожаловать; ахъ, да какой молоденькой, Господи Боже мой!

Тутъ полились на Петрушу вопросы: — кто онъ? откуда? какъ? когда? — Онъ отвѣчалъ что могъ, и въ первый разъ въ жизни не сказалъ истинной правды: ему не хотѣлось признаться, что онъ *баринъ;* онъ боялся, чтобы названіе это не лишило его возможности быть трудами своими полезнымъ новому благодѣтелю. Вечеръ прошелъ въ разговорахъ.

Стыдясь ѣсть даромъ хлѣбъ, выработанный другими, взялъ Петруша обѣщаніе и съ Ивана и съ Ѳедосьи — заставлять его дѣлать все, на что могутъ только стать силы его.

Кн. Львовъ.

20. ВСЯКОЙ ДОЛЖЕНЪ РАБОТАТЬ.

Былъ одинъ маленькой мальчикъ; папенька и маменька послали его въ училище. Утро было прекрасно; солнце свѣтило ярко; голосистыя птички весело распѣвали; мальчику не хотѣлось учиться; ему лучше хотѣлось бы поиграть. Онъ былъ еще глупенькій малютка. Оглядываясь вокругъ, онъ увидѣлъ пчелку, которая летала съ цвѣтка на цвѣтокъ. — „Пчелка!" сказалъ онъ, „поиграй немножко со мною!" — „Нѣтъ!" отвѣчала пчела: „мнѣ играть некогда; мнѣ надобно собирать медъ!"

Пройдя нѣсколько шаговъ, мальчикъ встрѣтилъ собаку, и сказалъ ей: — „Собачка, поиграй немножко со мною." — „Нѣтъ!" отвѣчала собака: „мнѣ играть некогда; мнѣ надобно идти стеречь дворъ моего хозяина, чтобы туда не зашелъ воръ."

Далѣе мальчикъ увидѣлъ птичку, которая таскала носикомъ своимъ клочки сѣна изъ копны. — „Птичка!" сказалъ онъ ей: „поиграй немножко со мною!" — „Нѣтъ!" отвѣчала птичка: „мнѣ играть некогда; мнѣ надобно собрать нѣсколько сѣна, моху, шерсти, чтобы изъ этого свить себѣ гнѣздышко". —

Потомъ мальчикъ увидѣлъ лошадь и сказалъ ей: — „Лошадка! поиграй немножко со мною!" — „Нѣтъ!" отвѣчала лошадь: „мнѣ

играть некогда; мнѣ надобно пахать землю, на которой будутъ сѣять хлѣбъ. Если я не стану пахать, то негдѣ будетъ сѣять хлѣба; а если хлѣбъ не будетъ посѣянъ, то нечего будетъ ѣсть!"—„Никто не хочетъ играть!" подумалъ мальчикъ. „Видно и мнѣ лѣниться не должно!"

Онъ пошелъ въ училище, учился прилежно, учитель похвалилъ его, и ему было весело.

21. ТРИ ДРУГА.

Три Аравитянина спорили однажды между собою о томъ, кто изъ соотечественниковъ ихъ самый великодушный человѣкъ. Одинъ называлъ Абдаллу, Магометова родственника; другой Каиса, сына Саадова, а третій Арабаха. Но какъ ни одинъ изъ спорящихъ не хотѣлъ уступить, то и рѣшено было разрѣшить споръ испытаніемъ. Каждый изъ нихъ долженъ былъ идти къ своему другу просить помощи, чтобы видѣть, какъ они поступятъ.

Первый пошелъ къ Абдаллѣ, который въ это время готовился отправляться въ путь; ему былъ подведенъ верблюдъ, и онъ занесъ уже ногу въ стремя.—„Дядя Пророка!" сказалъ пришедшій: „я собираюсь въ дорогу, но не имѣю съ чѣмъ отправиться!"—Абдалла вынулъ ногу изъ стремени, отдалъ другу своему верблюда со всѣмъ, что было на немъ навьючено, и просилъ только беречь висящій при седлѣ мечъ, потому что онъ достался ему въ наслѣдство отъ Али, Магометова зятя. Другъ нашелъ на верблюдѣ множество шелковаго платья и четыре тысячи червонцевъ; но драгоцѣннѣе всего былъ Аліевъ мечъ.

Второй пошелъ къ другу своему Каису, и нашелъ его спящимъ. Невольникъ спрашивалъ, какую надобность имѣетъ онъ до его господина. — „Я собираюсь въ дорогу", отвѣчалъ другъ: „и не имѣю денегъ". — Невольникъ сказалъ, что не смѣетъ разбудить своего господина; но далъ ему семь тысячъ червонцевъ, увѣряя притомъ, что въ домѣ болѣе не остается денегъ. — „Но", прибавилъ онъ: „поди къ надзирателю стадъ нашихъ и требуй отъ него верблюда и невольника".—Когда, проснувшись, Каисъ узналъ о томъ, какъ поступилъ невольникъ; то, въ знакъ удовольствія своего, даровалъ ему свободу, и сказалъ:—„Для чего не разбудилъ ты меня? я далъ бы другу моему еще болѣе"—

Третій нашелъ друга своего Арабаха готовящагося идти на молитву. Два невольника вели его подъ руки, ибо онъ былъ старъ и лишился зрѣнія. Услыша о нуждѣ друга своего, онъ всплеснулъ руками и воскликнулъ:—„Какое несчастіе, я не имѣю денегъ! По крайней мѣрѣ, другъ мой, возьми обоихъ невольниковъ и продай ихъ!"

—Другъ на это не соглашался; но Арабахъ увѣрялъ, что не приметъ ихъ обратно, и дастъ имъ свободу. Сказавъ это, онъ оттолкнулъ невольниковъ своихъ и, пробираясь ощупью около стѣны, пошелъ далѣе.

— „Изъ трехъ друзей нашихъ Арабахъ самый великодушный“, воскликнули спорившіе Аравитяне, возвратясь съ полученными подарками.

22. УЗЫ ЛЮБВИ.

Хозрой Парвисъ, царь персидскій, имѣлъ полководца, по имени Рустема, одареннаго необыкновенными качествами и храбростію отличною, но притомъ весьма самолюбиваго и вспыльчиваго. Воины называли его правою рукою царя, ибо онъ служилъ ему давно, и великими дѣлами своими пріобрѣлъ совершенную довѣренность и безпредѣльную любовь своего войска. Однажды, чувствуя себя оскорбленнымъ государемъ своимъ, онъ чрезвычайно огорчился и втайнѣ затѣвалъ мятежъ.

Хозрой былъ увѣдомленъ о преступномъ намѣреніи своего полководца, и разсуждалъ слѣдующимъ образомъ: „Если этотъ честолюбецъ, боготворимый войскомъ, подниметъ знамя мятежа, кого пошлю я противу него? Пусть мои визири объявятъ мнѣ свое мнѣніе“ — И царь созвалъ совѣтъ. Всѣ визири единогласно присудили заключить въ оковы сего могучаго предателя.

Хозрой выслушалъ благосклонно совѣтъ визирей своихъ, и немедленно повелѣлъ представить предъ себя недовольнаго Рустема; но, вмѣсто того, чтобы наложить на него оковы, онъ осыпалъ его новыми благодѣяніями и почестями; извинялся въ причиненномъ ему оскорбленіи; выхвалялъ его заслуги и увѣрялъ въ своей непремѣнной благосклонности. Такая довѣренность, такое великодушіе царя тронули до глубины сердца честолюбиваго полководца: онъ не только отказался отъ преступныхъ намѣреній, но поклялся снова въ непоколебимой вѣрности своему государю, которую и сохранилъ до конца жизни.—„Я послѣдовалъ совѣту вашему“, говорилъ Хозрой визирямъ своимъ: „я наложилъ на Рустема самыя крѣпкія оковы. Для окованія членовъ человѣка нужны желѣза тяжкія, безпокойныя. Но узы, налагаемыя на сердца благородно мыслящихъ людей, суть узы любви: онѣ вѣчны“.—

Анна Зонтагъ.

(*Повѣсти и сказки для дѣтей*).

23. ДЕРВИШЪ ВЪ ГЛУБОКОМЫСЛІИ.

Мостацемъ Билла, послѣдній калифъ Мусульмановъ, гордостію превосходилъ всѣхъ другихъ калифовъ, и въ безуміи своемъ почиталъ людей ничтожными рабами, сотворенными для его удовольствія. Въ одинъ день, лежа съ видомъ надменности на великолѣпной колесницѣ, и провождаемый многочисленными тѣлохранителями, объѣзжалъ онъ окрестности столицы своей, и на развалинахъ древняго храма примѣтилъ сѣдовласаго старца, который съ великимъ вниманіемъ смотрѣлъ на что-то круглое, лежавшее у него на колѣняхъ. Солнце было еще на востокѣ. Мостацемъ проѣхалъ мимо, и возвратился къ развалинамъ въ тотъ часъ, когда дневное свѣтило послѣдними вечерними лучами озаряло западъ. Старецъ сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, въ прежнемъ положеніи и съ такимъ-же глубокомысліемъ разматривалъ шаръ. Удивленный сею неподвижностію и желая знать причину ея, калифъ сошелъ съ колесницы, приблизился къ нему и сказалъ: „что ты дѣлаешь? что у тебя въ рукахъ?.... Боже мой! что вижу!.... черепъ!" — Старецъ узналъ государя и отвѣчалъ ему: „Величественный правитель! на восходѣ зари пришелъ я въ сіе тихое, безмолвію посвященное мѣсто — пришелъ молиться Всевышнему. Нога моя въ пыли, въ прахѣ разрушенія наступила на этотъ черепъ; я смотрю, и не могу узнать, чей онъ былъ: преславнаго калифа или подобнаго мнѣ бѣднаго дервиша!"

---

24. ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Визирь Муссаферъ спросилъ однажды великаго Гаруна аль Рашида, съ какимъ намѣреніемъ заводитъ онъ академіи, школы и распространяетъ науки? „Не думаешь-ли, о калифъ! что просвѣщенный народъ будетъ лучше повиноваться тебѣ?" — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Гарунъ аль Рашидъ: потому что онъ лучше будетъ судить о справедливости моихъ законовъ. — „Но охотнѣе-ли станетъ платить подати?" — Конечно! онъ увидитъ, что я не требую ничего излишняго. — „Воины твои лучше-ли будутъ сражаться?" — Гораздо лучше, подъ начальствомъ знающихъ предводителей. — „Но твои умники, твои мудрецы не вздумаютъ-ли вмѣшиваться въ правленіе? О царь царей! не дерзнутъ-ли они искать ошибокъ въ дѣлахъ твоихъ?" — Пусть ищутъ и находятъ; пусть скажутъ ихъ мнѣ, чтобы я впредь остерегался и поступалъ лучше! — „Какъ! ты позволишь, о свѣтильникъ міра! философамъ своимъ говорить смѣло обо всемъ, что имъ придетъ на мысль?" — Иначе они не могли-бы просвѣщать людей. — „Но развѣ самые мудрецы не могутъ иногда принять вред-

наго заблужденія за полезную истину!“ — Одинъ ошибется, а другой замѣтитъ и поправитъ ошибку.—„Государь! я долженъ наконецъ открыть тебѣ. Съ того времени, какъ народъ твой просвѣщается, нѣкоторые смѣлые люди дерзаютъ во многомъ осуждать любимцевъ твоихъ; и даже меня, государь, меня самого“.... Понимаю, сказалъ калифъ—и вышелъ изъ комнаты.

Карамзинъ.

(*Переводы Карамзина*).

25. БѢГСТВО ЛОМОНОСОВА.

Зима 1728 года на Руси была жестокая. Путешественники отмораживали себѣ лица, а волки безбоязненно приходили въ деревни распѣвать свои жалобы на голодъ. Замѣтливые люди увѣряли даже, что въ эту зиму птицы на лету падали мертвыя, и что ласточки густыми клубками скрывались на самомъ днѣ рѣкъ, гдѣ, видно, искали онѣ пріюта отъ холода. А рѣки? О, рѣки задымились рано, и скоро толстая кора льду покрыла ихъ. Русскіе люди однакожъ не боялись этого: они какъ будто рады были своей обычной гостьѣ, которая на полгода превращаетъ въ камень все окружающее ихъ. Русскій человѣкъ безъ зимы, точно какъ Итальянецъ безъ огненнаго лѣта. Русскіе сѣверяне особенно любовались бѣлыми равнинами и проложили по нимъ свои любимыя зимнія дороги. По этому естественному шоссе они дѣятельно летали въ легкихъ кибиткахъ, и терпѣливо двигались длинными обозами.

Въ одну лунную ночь, когда утренняя заря уже боролась со свѣтомъ потухавшаго спутника нашей старой земли, обозъ съ рыбою тянулся верстахъ въ семидесяти отъ Холмогоръ къ Москвѣ. Подлѣ одного изъ возовъ шелъ, припрыгивая и постукивая руками, закутанный въ овчинный тулупъ и въ поярковый армякъ, обозный прикащикъ. Сдѣлавъ еще одно выразительное антраша, онъ повернулъ къ шедшему подлѣ него извощику и примолвилъ:

„Ну, братъ Тереха, жарко!“

— Да, Пименъ Никитичъ, благодаренье Богу, морозецъ!

„Кажись ужъ и деревня на виду?“

— Версты три осталось еще, родимый.

„Видно, много нашего брата ѣдетъ этою зимой; смотри, сколько полозьевъ проѣхало послѣ вчерашняго снѣгу: разъ, два, три.... Да, что это? Аль кто изъ вашихъ отсталъ?“

— А что? кажись, кому быть!

„Да, вишь, позади насъ: такъ кто-то рысью и улепетываетъ?“

— Нѣтъ, родимый, наши всѣ тутъ: не вѣдаю кто, а только не нашъ. Ванькя! а что, яго-таго, кгойтъ?

„Ай-та?“ закричалъ вопросительно другой мужикъ, шедшій подлѣ задняго воза. „А что-йтъ?“

— А вишь яго: кто-йта догоняйтъ?

„А Христосъ его зная!“

Въ это время, то бѣгомъ, то шагомъ, приблизился къ самому обозу парень, лѣтъ семнадцати, пріятный наружностью, высокій, стройный и полукоченѣвшій отъ холода, потому что онъ былъ одѣтъ въ одинъ нагольный тулупъ, совсѣмъ не по дорожному. На головѣ его была ветхая шапка; на ногахъ, сверхъ онучь, надѣты коты; онъ былъ даже не опоясанъ. Поровнявшись съ заднимъ возомъ, онъ пошелъ обыкновеннымъ шагомъ, и какъ гусь въ чужомъ стадѣ, казалось, не смѣлъ ни къ кому обратиться. Пименъ Никитичъ оглянулся раза два, но видя, что отъ этого любопытству его не легче, и что молодой человѣкъ не говоритъ ничего, ни съ кѣмъ, остановился, и, дождавшись того воза, подлѣ котораго шелъ новый сопутникъ, пошелъ съ нимъ рядомъ.

„А что, братъ, тебѣ надобно?“ спросилъ онъ у молодаго человѣка.

— Мнѣ? ничего.

„Какъ ничего! Да куда ты идешь?“

— Коли ваша милость позволитъ, такъ иду въ Москву....

„Въ Москву? Да кто ты таковъ? откуда?“

— Я Денисовскій крестьянинъ. Вы чай и батюшку моего знаете.

„Денисовскій крестьянинъ? Мы третьяго дни изъ Денисовскаго. А какъ зовутъ отца твоего?“

— Василій Ломоносовъ. Я видѣлъ, какъ вы нагружали рыбу въ нашей деревнѣ, и съ батюшкой моимъ говорили.

„Ну, Василья Ломоносова я знаю. Да зачѣмъ-же ты идешь въ Москву? и какъ дойдешь туда?“

— Ваша милость! позвольте мнѣ идти подлѣ вашего обоза! Я вамъ буду служить дорогой, и въ Москвѣ готовъ работать: только позвольте идти съ вами!

„Да ты, братъ, не рехнулся-ли. Что тебѣ за надобность въ Москву? Отецъ что-ли послалъ? Только этому быть не льзя. Говори правду: зачѣмъ ты идешь въ Москву?“

— Да.... такъ.... мнѣ хочется посмотрѣть Москву....

„Э, э, братъ? такъ ты, видно, безъ отцовскаго позволенія махнулъ! ты убѣжалъ отъ отца?“

— Сказать правду, такъ убѣжалъ.... Но, право, я не за худымъ дѣломъ иду въ Москву.

„А кто тебя знаетъ! Безъ отцовскаго позволенія на добрыя дѣла не ходятъ. Вижу, братъ, я, что ты малый шалунъ, забулдыга. Дѣлать тебѣ въ Москвѣ нечего — есть тамъ много вашей братьи! Воротись-ка добромъ къ отцу, а не то, я тебя турну инымъ порядкомъ.“

— Ваша милость!.... не гоните меня! право, я заслужу вамъ!

„Пошелъ ты, негодяй, съ своими услугами! Да что я за сумасшедшій, что возьму съ собой въ Москву бѣглаго мальчишку! Пошелъ!“

— Ахъ, г. купецъ! право я не какой нибудь негодникъ!

Тутъ грозный прикащикъ хотѣлъ поворотить бѣднаго мальчика назадъ толчками, но, замѣтивъ у него подъ мышкой узелокъ, спросилъ:

„А это что у тебя подъ мышкой?“

— Это.... да это я взялъ съ собой....

„Вижу, что ты это взялъ съ собой, а по просту сказать укралъ! Да.... а говори: что у тебя въ узелкѣ?“

— Господинъ купецъ! Я не укралъ этого, потому что это столько-же мое, какъ моя голова. Только голову даетъ человѣку Богъ, а это мнѣ отдали добрые люди.

„Ахъ, ты, краснобай деревенскій! Видно, у тебя голова-то начинена такъ же, какъ этотъ узелъ? Да что въ немъ? чья казна? или изъ отцовскаго сундучка мошня?“

У незнакомаго парня сверкнули въ глазахъ слезы. Видно было, что ихъ не морозъ выжалъ; горе стѣснило его дыханіе. Онъ остановился и былъ такъ изумленъ словами прикащика, что въ недоумѣніи глядѣлъ на него и не говорилъ ни слова.

Казалось, это сдѣлало впечатлѣніе на допросчика, но, какъ человѣкъ опытный, Пименъ Никитичъ скрылъ свою тайную мысль, и, также остановившись, вскричалъ на парня:

„Ну? не правду-ли я говорилъ, что ты воришка? Что-же ты оторопѣлъ?“

— Не оторопѣлъ, а одурѣлъ отъ твоихъ словъ, г. купецъ! Я воръ? я укралъ деньги, казну?.... Господи Боже мой! — Съ этими словами онъ зарыдалъ, и, бросивъ свой узелокъ къ ногамъ прикащика, сказалъ сквозь слезы:

„На, посмотри что я несу, и, Богъ съ тобой! Не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ: дойду и безъ тебя до Москвы.

Желая вполнѣ выдержать роль человѣка осторожнаго, Пименъ Никитичъ поднялъ узелокъ, и, развернувъ его, пробормоталъ съ удивленіемъ:

„Что это? книги? Да на какой прахъ ты несешь въ Москву такую дрянь? Тамъ, братъ, не дадутъ гроша за это.“

— Да я и не возьму за нихъ тысячи рублей! Эти книги мнѣ дороже всего твоего обоза.... Тебѣ чудно это, г. купецъ? Видно, что милы онѣ мнѣ, когда я для нихъ-то оставилъ отца и родимую сторону!....

„Чудно!“ сказалъ Пименъ Никитичъ. „Ну, пойдемъ до первой упряжки, а тамъ увидимъ.“

Хотя вся эта схватка прикащика съ незнакомымъ юношею кончилась въ немного минутъ, однакожъ возы, передразнивая своимъ движеньемъ время, ушли довольно далеко впередъ. Прикащикъ пошелъ за ними скорымъ шагомъ въ догонку, а молодой человѣкъ

сталъ завертывать въ узелокъ свои книги, и невольно отсталъ отъ него. Вскорѣ однакожъ они опять поровнялись. Нѣсколько минутъ длилось молчанье; наконецъ прикащикъ заговорилъ снова:

„Теперь вижу я, что ты не таковъ, какъ думалъ я сначала; но я все-таки не догадаюсь: зачѣмъ ты идешь въ Москву?"

Въ глазахъ юноши стало свѣтло, хоть и не весело.

— Не знаю и самъ—отвѣчалъ онъ—что со мной станется въ Москвѣ, но мнѣ тошно стало жить въ нашей нелюдной сторонѣ, гдѣ не съ кѣмъ поговорить, какъ-бы мнѣ хотѣлось, и не у кого спросить, о чемъ-бы подумалось. По этимъ книгамъ, которыя видѣла ваша милость, выучился я грамотѣ, да Ариѳметикѣ; хочется знать еще больше, а отъ кого и какъ узнаешь? Вотъ я и рѣшился идти въ Москву: тамъ, говорятъ, много людей ученыхъ, и есть училища, для всякаго кто вздумаетъ учиться. Заговорилъ я объ этомъ отцу своему, да онъ никакъ не могъ смекнуть чего я хочу, и еще началъ поносить книги и книгочіевъ. Я рѣшился убѣжать, когда увидѣлъ, что съ нимъ не сговорить. Хочу въ Москвѣ учиться.

„Я, дружокъ, самъ человѣкъ, не хвастовски сказать, грамотный," отвѣчалъ Пименъ Нититичъ. „Спросилъ-бы ты у меня, такъ я-бы тебѣ далъ толкъ. Ну, да ужъ теперь поздно; видно, такова твоя часть. Все Богъ!"

— Богъ меня и не оставитъ! — примолвилъ юноша съ робкою довѣренностью. — Позвольте же спросить вашу милость: гдѣ вы обучались?

„Какъ гдѣ?.... у людей.... у духовныхъ. Гдѣ же еще нашему брату учиться? Да вѣдь и въ вашемъ селѣ есть дьячекъ: что же ты не учился у него?"

— Я у него учился, да онъ кромѣ церковной грамоты ничего не знаетъ.

„А что же еще тебѣ надобно? Развѣ ты въ попы хочешь? или хочешь читать на нѣмецкихъ языкахъ?"

— Да, мнѣ бы хотѣлось этого.

„О, о, дружнще! такъ вотъ какой ты гусь!... Взялъ бы тебя, да отвалялъ хорошенько лозами, такъ дурь-то изъ головы и вышла бы. Въ нѣмецкіе языки пускаться!...."

Послѣ такого объясненія, у молодаго человѣка отпала охота разговаривать съ ученымъ его спутникомъ. Мальчикъ зналъ по опыту, до чего доводятъ съ подобными грамотѣями разговоры объ ученьѣ. Однакожъ спутникъ вызвалъ его на отвѣтъ, воскликнувъ:

„Вѣдь заберется же въ голову такая блажь, прости меня Господи! Мужикъ, охреянъ, задумалъ въ ученые!..."

— Я думаю, г. купецъ — отвѣчалъ юноша — что ученымъ никто не родится; а кто учится, да хорошо, такъ тотъ и будетъ ученый.

„Да тебѣ-то что до ученья? На то есть дворянскія дѣтки, да поповичи. Однимъ надо быть грамотнымъ, чтобы читать приказныя бумаги, да толковать государскіе законы, а другимъ, чтобы гово-

рить проповѣди, да знать что поютъ и читаютъ. А тебѣ на что такая ученость?“

— Да я не такой учености хочу.... Молодой человѣкъ не зналъ какъ выразить свою мысль, хотя очень понималъ о чемъ говоритъ. Онъ по неволѣ остановился на неконченной рѣчи.

„Ну, что? то-то, братъ! зналъ бы ты отцовскій неводъ, да счетъ въ рыбѣ! А деньгу-то сосчитать можно и безъ московскаго ученья.

Прикащикъ думалъ, что онъ своимъ сужденіемъ какъ громомъ поразилъ бѣднаго парня. Тотъ молчалъ и тѣмъ больше заставлялъ своего спутника вѣрить, что въ словахъ его заключалась вся премудрость опытности.

Въ это время одинъ изъ возовъ закатился въ глубокій ухабъ: лошадь затаращилась съ нимъ, и вся эта пестройная громада съ трескомъ остановилась.

— Та-та, ай-та! — закричало нѣсколько голосовъ мужицкихъ со всѣхъ сторонъ. — Э-а-та, Терехъ, Ванькъ!

Всѣ бросились подымать лошадь и вытаскивать возъ.

Пименъ Никитичъ, какъ человѣкъ, который хочетъ доказать свою философію на дѣлѣ, бросился, впрочемъ безъ всякой нужды, помогать другимъ, и тутъ же, крехтя и крича, терся около воза. Онъ думалъ найти въ этомъ доказательство, какъ должно сохранять возы и заботиться о рыбѣ, и практически пояснить молодому безумцу, въ чемъ заключается мудрость жизни. Когда порядокъ былъ возстановленъ и возы пошли впередъ, онъ обернулся къ юношѣ, также помогавшему другимъ во время суматохи, и, отряхивая снѣгъ съ своего армяка, сказалъ:

— Вотъ, братъ! не пойдетъ на умъ ученость. А?

„Да, правда!“ отвѣчалъ тотъ.

Безъ дальнѣйшихъ событій пріѣхали на мѣсто роздыха. Сѣверное нарѣчіе зашумѣло, когда извощики, а съ ними и обозный прикащикъ, сѣли за столъ и начали работать за горячими щами. Новый спутникъ ихъ, удалившись въ уголъ и вынувъ изъ кармана кусокъ самаго нероскошнаго хлѣба, хотѣлъ имъ пообѣдать. Добрая Русь не вытерпѣла этого.

Одинъ изъ мужиковъ, котораго лицо уже горѣло, какъ на огнѣ, отъ множества проглоченныхъ имъ щей, возвысилъ голосъ:

„А что-жъ ты, родимой, не поѣшь съ нами? Садись-ка благословясь!“

Молодой человѣкъ раздумывалъ.

„Садись, голубчикъ, садись! Отъ хлѣба-соли не отнѣкиваются,“ примолвилъ Пименъ Никитичъ.

Дѣло сладилось. Робкій юноша присоединился къ другимъ и не отсталъ отъ нихъ.

„Ну, вотъ, оно-тко и повеселѣе!“ сказалъ одинъ изъ извощиковъ, помолясь Богу и раскланиваясь со всѣми стѣнами.

— Да вотъ, ребята! — началъ Пименъ Никитичъ. — Малый идетъ въ Москву, Христосъ его знаетъ зачѣмъ, а ѣсть у него нечего. Возьмемъ, что-ли, его!"

„Почто нѣтъ!" отвѣчалъ одинъ извощикъ.

— Вѣстимо! пускай себѣ идетъ! — примолвилъ другой.

„Да я одинъ платить за него не буду!" поспѣшилъ сказать Пименъ Никитичъ.

— Ну, съ-обча заплатимъ! — проговорилъ еще одинъ извощикъ.

„Съ ортели заплатимъ!" примолвилъ другой. „Пожалуй, ты хоть и не плати".

— Нѣтъ и я съ вами! — сказалъ прикащикъ.

— Ну, вотъ.... какъ тебя зовутъ, пріятель?.... — продолжалъ онъ.

„Михайломъ!" отвѣчалъ юноша.

— Ну, вотъ, Михайло, теперь пожалуй иди съ нами. Только уговоръ лучше денегъ: въ Москвѣ, братъ, все дорого; ищи себѣ хлѣбъ гдѣ хочешь. Мы тамъ за тебя не плательщики.

К. Полевой.

М. В. Ломоносовъ).

26. ВЫГОДНАЯ ПОТЕРЯ.

Филандръ занималъ значительную должность на службѣ отечества своего, почему и принужденъ былъ жить открыто и дѣлать многія издержки. Онъ принималъ гостей, давалъ праздники и воспитывалъ дочерей своихъ блистательнымъ образомъ, какого требовало званіе его. Жена Филандрова давала балы и посѣщала всѣ модныя собранія. Проведя такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, отъ внезапной перемѣны судьбы Филандръ низвергся съ той высокой степени, которую онъ занималъ, и всѣ планы его о будущемъ разстроились. Хотя, по занимаемому имъ мѣсту, онъ и получалъ большое жалованье, но его было недостаточно для всѣхъ расходовъ, такъ, что онъ не только не увеличилъ имѣнія во время службы, но еще и вошелъ въ большіе долги. Заимодавцы, узнавъ о случившейся съ нимъ перемѣнѣ, неотступно требовали скорѣйшей уплаты, и, чтобы удовлетворить ихъ, онъ принужденъ былъ продать за безцѣнокъ большую часть своего имѣнія, не оставя для себя ничего, кромѣ одной маленькой деревеньки. Филандръ имѣлъ довольно твердости, чтобы, не теряя времени, избрать родъ жизни приличный теперешнимъ его обстоятельствамъ. Онъ не докучалъ друзьямъ своимъ, чтобы заставить ихъ хлопотать о возвращеніи ему прежней должности; но продалъ немедленно всѣ богатыя домашнія убранства и перевезъ семейство въ маленькую свою деревню, гдѣ началась для него жизнь совершенно новая. Онъ самъ

работалъ неусыпно, и всѣ они должны были жить чрезвычайно бережливо, не позволяя себѣ никакой прихоти. Жена и дѣти не скоро могли привыкнуть къ такой перемѣнѣ и отказаться отъ всего того, что прежде казалось имъ необходимостію. Напослѣдокъ, взаимная привязанность и благоразуміе, а болѣе всего необходимость заставили ихъ не только покориться своей участи, но даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ исправлять новыя, совершенно неизвѣстныя имъ должности. Однако невольно обращались онѣ мыслями къ прошедшему счастію и подъ часъ тяжелый подавляемый вздохъ обличалъ ихъ сожалѣніе.

Филандръ замѣтилъ все, но молчалъ, боясь безвременными представленіями или упреками еще болѣе раздражить огорченныя сердца. Наконецъ прошелъ цѣлый годъ съ тѣхъ поръ, какъ они переселились въ деревню. Филандръ собралъ всѣхъ домашнихъ своихъ подъ тѣнь развѣсистаго дуба, растущаго въ саду его. Лѣтнее солнце позлащало всю окрестность, и Филандръ говорилъ слѣдующимъ образомъ семейству, его окружающему:

„Милые участники судьбы моей! если въ теченіе этого года и въ вашихъ умахъ произошла такая же перемѣна, какъ въ моемъ, то я поздравляю васъ отъ всего сердца. Теперь я съ твердостію могу спросить у самого себя, потерялъ ли я что нибудь? И вмѣсто горести, которую въ другое время возбудилъ бы во мнѣ такой вопросъ, я чувствую сладостное спокойствіе. Взгляните на это величественное свѣтило, разливающее жизнь и свѣтъ на все твореніе: не лучше ли оно, не тысячу ли разъ блестящѣе освѣщенной для праздника залы? Воздухъ, растворенный благовоніемъ цвѣтовъ и травъ, не пріятнѣе ли, не здоровѣе ли того, которымъ мы дышали въ душныхъ гостиныхъ, посреди толпы, насъ окружающей, и дыма благовонныхъ куреній? Такъ ли вкусенъ казался намъ обѣдъ нашъ, приготовленный французскимъ поваромъ, когда множество дорогихъ приправъ едва могли возбудить аппетитъ нашъ, — какъ теперь, когда онъ возбужденъ дѣятельностію и трудомъ, когда пища наша проста, но здорова? Такъ ли сладокъ былъ сонъ нашъ, когда, проведя день въ пустыхъ забавахъ или за карточнымъ столомъ, мы долго спустя послѣ полуночи ложились спать? Теперь же, проведя день въ занятіяхъ полезныхъ, мы идемъ отдыхать, какъ скоро ночь покроетъ землю. Можемъ ли мы жаловаться на простоту одежды нашей, которая совершенно соотвѣтствуетъ своей цѣли? Она грѣетъ насъ во время холода, и защищаетъ отъ лучей палящаго солнца. Если кто изъ насъ вздумаетъ сожалѣть о прежнихъ блестящихъ нарядахъ, то пускай вспомнитъ о всѣхъ непріятностяхъ, сопровождавшихъ этотъ пустой, суетный блескъ. Сколько разъ каждый изъ насъ жаловался то на неисправность портныхъ, то на неловкость, дерзость и невѣрность слугъ! Теперь мы все приготовляемъ для себя сами; никто не критикуетъ нашихъ нарядовъ. Мы могли бы сожалѣть о недостаткѣ пріятнаго общества, но можно ли назвать обществомъ толпу посѣтителей, которые пріѣзжали къ намъ

за тѣмъ только, чтобы убивать время, къ которымъ и мы ѣздили точно съ такою же цѣлью, не принимая другъ въ другѣ ни малѣйшаго участія? Живши въ свѣтѣ, мы заботились о пріобрѣтеніи талантовъ блестящихъ, но пустыхъ, которые помогали намъ проводить кое-какъ наши праздные часы. Теперь, не лучше ли мы проводимъ время въ занятіяхъ полезныхъ для себя и для другихъ? Нравственныя наши способности совершенствуются, умъ образуется, и мы теперь только можемъ постигать истинныя наслажденія душевныя. Что же мы потеряли? развѣ мы не здоровѣе прежняго? Если мы не имѣемъ никакихъ излишествъ, то не терпимъ также и недостатка. Мы любимъ другъ друга; мы полезны другъ другу; развѣ это не есть счастіе? Правда, мы лишились нашего званія въ свѣтѣ; но развѣ мы не занимаемъ другой степени гораздо почтеннѣйшей? Мы лишились блестящихъ надеждъ въ будущемъ; но если мы довольны теперешнимъ нашимъ состояніемъ, то на что желать перемѣны? Надѣюсь, что когда пройдетъ еще одинъ годъ, мы всѣ болѣе привыкнемъ къ настоящему нашему положенію и будемъ еще довольнѣе. Друзья мои! смотрите весело впередъ: буря миновалась, мы претерпѣли кораблекрушеніе, и не погибли, — мы только перемѣнили большой корабль на легкій челнъ, который принесъ насъ въ тихую пристань! Большая часть нашего груза пропала, но у насъ осталось все нужное!"

Сказавъ это, Филандръ обнялъ жену и дочерей. Въ глазахъ ихъ блистали слезы, но утѣшеніе исполнило сердца ихъ.

Анна Зонтагъ.

27. КРАСНОЕ ЯИЧКО.

(Разсказъ Машеньки).

Когда я была еще ребенкомъ, у насъ жила въ селѣ маленькая безродная сирота, ужасно дурная собой, но предобрая дѣвочка. Ее звали Аѳонасьей, а чаще Аѳонькой или дурочкой. И точно Аѳонасья была дурочка, и смѣшила всѣхъ людей своими глупыми проказами. Папенька строго запретилъ дразнить ее, а маменька, зная, что за ней некому присмотрѣть, сама заботилась, чтобъ Аѳонасья всегда чисто была одѣта. Но Аѳонасья, не смотря на то, часто была посмѣшищемъ дворни, и безпрестанно пачкалась въ грязи. Ключница, которой отдана она была на руки, только и знала перемѣнять ей бѣлье и платье. Маменька бранила дурочку за дурацкія шалости и за неопрятность; но дурочка не помнила брани и продолжала быть шутихой и замарашкой. Папеньку и маменьку она очень любила, обыкновенно цѣловала имъ руки и ноги, когда они проходили по селу, или когда ей позволяли войти въ комнаты. Но

меня она особенно любила. Мы были ровесницы, зимой каталась она со мной на горкѣ, лѣтомъ нянюшка позволяла ей ходить со мной въ рощу за грибами, а это было счастьемъ для дурочки. Можетъ быть она была привязана ко мнѣ и потому, что я нерѣдко дѣлилась съ ней пирожками и конфектами. Она была большая лакомка и обыкновенно у всѣхъ просила орѣшковъ. И такъ я съ дурочкой жила въ большомъ ладу, и она меня слушалась, хоть мнѣ и было тогда только десять лѣтъ.

Разъ зимой я шла домой съ гулянья. Солнце ярко играло на небѣ, мнѣ было такъ весело, такъ тепло въ моей лисьей шубкѣ! Аѳонька бѣжала за мной въ тепломъ панковомъ капотѣ и по обыкновенію кричала во все горло: „барышня Марья Алексѣевна! мое-то платье лучше твоего: обмѣняемся!“ Вдругъ къ заднему крыльцу нашего дома подходитъ женщина, кое-какъ завернутая въ изодранный армякъ. Съ ней были два мальчика, поменьше меня, оба въ лохмотьяхъ и совсѣмъ посинѣлые отъ стужи. Женщина волочила за собой маленькіе санки. Подойдя къ крыльцу, она увидѣла меня съ няней и въ ту минуту упала намъ въ ноги, воскликнувъ жалобно: „помогите, родимые, отогрѣйте, накормите насъ!“—Няня начала распрашивать ее, а я пока заглянула въ санки. Въ нихъ лежало маленькое дитя, такое желтое, худенькое! Сердце мое сжалось и слезы покатились изъ глазъ. Смотрю, а Аѳонька сдернула съ себя нанковый капотъ и начала имъ окутывать бѣднаго ребенка, да и говоритъ мнѣ: „сбѣгай-ка, барышня, въ застольную, да спроси тамъ у Михѣевны краюшку хлѣба; надо накормить ребеночка!“

Мнѣ стало досадно, что няня все еще стояла и распрашивала бѣдняжку, вмѣсто того, чтобъ вести ее поскорѣе въ теплую избу. Я побѣжала къ маменькѣ и упросила ее выдти на крыльцо. Потомъ просила я папеньку оставить несчастныхъ у насъ въ селѣ, и добрый папенька съ радостью согласился на мою просьбу.

Это было погорѣлое крестьянское семейство какой-то недостаточной помѣщицы. Мужъ бѣдной женщины умеръ на пожарѣ и оставилъ ее въ нищетѣ съ тремя маленькими дѣтьми. Помѣщица не въ состояніи была выстроить вдовѣ новую избу и обзавести ее новымъ хозяйствомъ, и бѣдняжка съ дѣтьми своими пошла просить милостыни.

Имъ отвели у насъ теплый уголъ и дали пропитаніе. Аѳонька, по собственной своей волѣ, сдѣлалась нянькой больнаго ребенка, а бѣдная женщина работала съ утра до вечера съ такимъ усердіемъ, что не только папенька, но и вся дворня ее любили. У меня были деньги, которыя дарены мнѣ были въ день моего рожденья или именинъ, и въ большіе праздники; эти деньги папенька позволилъ мнѣ отдать бѣдной вдовѣ. Она купила на нихъ нужное платье для дѣтей и разной посуды для хозяйства. Съ тѣхъ поръ Аѳонька и мнѣ начала цѣловать ноги и называть своей матушкой, какъ называла она маменьку.

На страстной недѣлѣ пріѣхала къ намъ тетенька съ сестрицами и хотѣла остаться на всю святую недѣлю. Такъ какъ я росла одна, то пріѣздъ сестрицъ, моихъ ровесницъ, былъ для меня настоящимъ свѣтлымъ праздникомъ. Мы тогда были еще малы и не понимали, какъ должно проводить дни страстной недѣли, и потому наши забавы начались раньше праздника. Маменька съ тетенькой, бывало, уѣдутъ въ церковь, а мы прячемся или играемъ въ жмурки. Помню, что тогда было очень весело. Подлѣ дѣвичьей была у насъ маленькая горница, въ которой стояли шкапы съ маменькиными платьями. Въ страстную пятницу, маменька хлопотала гдѣ-то; а мы опять принялись за игры и стали прятаться. Я знала, что одинъ шкапъ почти пустъ, влѣзла въ него, оставивъ маленькую щелочку въ дверяхъ, и была увѣрена, что никому и въ голову не придетъ искать меня въ шкапу. Такъ и случилось: другихъ нашли, а меня нѣтъ, и побѣжали искать меня по другимъ мѣстамъ. Когда въ комнатѣ сдѣлалось тихо, я услышала въ дѣвичьей смѣхъ горничныхъ и умоляющій голосъ дурочки. Дурочка, поочередно у всѣхъ комнатныхъ дѣвушекъ, выпрашивала себѣ краснаго яичка къ свѣтлому воскресенью. Дѣвушки, думая, что никто ихъ не слышитъ, дразнили дурочку ужаснымъ образомъ. Онѣ заставляли ее кувыркаться, прыгать, и дѣлать разныя штуки, обѣщая за то каждая ей по яичку. Когда онѣ надурачились вдоволь и бѣдная дурочка была почти безъ силъ, тогда отказали ей всѣ, говоря, что дурамъ не надо яицъ. Тутъ Аѳонька разсердилась, заревѣла во все горло и начала ихъ ругать. Нянюшка была подлѣ, въ своей каморкѣ; она вошла въ дѣвичью и выгнала Аѳоньку за дверь, выбранивъ дѣвушекъ, что онѣ нашумѣли съ Аѳонькой въ такой великій день. Когда все утихло, я вылѣзла изъ шкапа и вошла въ дѣвичью спросить, для чего дурочка такъ настойчиво просила яичка. Но дѣвушки сами этого не знали.

На другое утро маменька дала каждой изъ насъ по двадцати яицъ, разноцвѣтнаго шелку и краски. Съ помощію нянюшки мы чудесно выкрасили свои яица, и сестрицы говорили уже о томъ, какъ весело будетъ катать ихъ на другой день. Но я помнила, что дурочка наканунѣ съ слезами просила одного яичка и вздумала подарить ей пятокъ. Аѳонька сдѣлалась еще глупѣе отъ радости, прыгала какъ бѣшеная по комнатѣ, но не хотѣла отвѣчать намъ, съ кѣмъ она хочетъ христосоваться.

Въ свѣтлое воскресенье насъ нарядили и взяли къ обѣднѣ. У каждой изъ насъ было приготовлено пестренькое яичко для священника. Кромѣ того няня взяла съ собой въ церковь огромный мѣшокъ съ крашеными яицами для дьякона и для всего церковнаго причета. Это насъ очень занимало. Когда обѣдня кончилась, и мы приложились ко кресту и похристосовались съ добрымъ старикомъ, нашимъ священникомъ, то первая изо всей дворни подбѣжала ко мнѣ Аѳонька. Она поцѣловала меня три раза, и подала мнѣ красное яичко, самое красивое изъ тѣхъ пяти, которыя я подари-

ла ей. Радость блистала въ ея глупыхъ глазахъ. „Для тебя, барышня, просила я яичка; мнѣ больно хотѣлось съ тобой похристосоваться! Ну, спасибо, что ты одолжила мнѣ пяточекъ!“

Отъ меня пошла она въ толпу крестьянъ, и мы увидѣли, что остальные четыре яйца роздала она бѣдной женщинѣ и ея ребятишкамъ, и протолкала ихъ христосоваться со священникомъ. Сестрицы смѣялись надъ проказами дурочки, а мнѣ хотѣлось плакать, но не съ горя, а отъ удовольствія. Я чувствовала, что дурочка любитъ меня, и мнѣ казалось, что она совсѣмъ не такъ глупа, какъ другіе думаютъ объ ней. Красное яичко Аѳонькино я спрятала въ комодъ.

Праздники прошли для насъ слишкомъ скоро: такъ весело было намъ. Къ концу святой недѣли пріѣхалъ къ намъ погостить папенькинъ другъ и сосѣдъ, съ сыномъ своимъ Николей и гувернеромъ. Николя былъ серьезный и чувствительный мальчикъ; я съ нимъ была очень дружна, и какъ-то разъ вечеромъ, оставшись съ нимъ вдвоемъ, когда другія дѣти улеглись спать, я вздумала показать ему мое красное яичко и разсказать про Аѳонькину любовь ко мнѣ и про бѣдное семейство, принятое у насъ въ домѣ. Николя былъ старше меня нѣсколькими годами; отецъ часто дарилъ ему деньги: я это знала и попросила его, чтобъ онъ что-нибудь подарилъ бѣднымъ сироткамъ. Я помню, что на глазахъ Николи были слезы, когда я разсказывала ему свою исторію. Онъ обнялъ меня очень крѣпко и увѣрялъ, что исполнитъ мое желаніе, притомъ повторялъ нѣсколько разъ, что я *ангелъ* что я *очень добра*. Эти слова мнѣ были очень пріятны, и я долго не могла заснуть, все думая — какъ Николя обрадуетъ завтра бѣдныхъ дѣтей своимъ подаркомъ, а болѣе еще о томъ, какъ хорошо я поступила, упросивъ папеньку взять ихъ въ свой домъ, и какъ добра была къ Аѳонькѣ, подаривъ ей пятокъ яицъ. Мнѣ кажется, что съ этого вечера я начала гордиться своей добротой.

Николя все разсказалъ своему гувернеру, и на другое утро гувернеръ съ особенной лаской попросилъ меня показать ему Аѳоньку и бѣдныхъ сиротъ. Мы пошли всѣ трое въ людскую, и такъ какъ былъ часъ завтрака, то застали тамъ всю дворню. Николя далъ вдовѣ и каждому изъ мальчиковъ по пяти рублей, столько же и Аѳонькѣ. Бѣдная вдова, не видавшая давно такого богатства, обезумѣла отъ радости. Ея слезы и благодарность тронули всѣхъ. Она называла меня своей благодѣтельницей, вся дворня хвалила меня вслухъ, и я вышла изъ людской съ такой гордостью въ сердцѣ, что если бы кто замѣтилъ это, то навѣрное счелъ бы меня самой глупой и негодной дѣвочкой. Но я умѣла скрыть это худое чувство и смиренно выслушала похвалы гувернера и наставленія его намъ о нашихъ обязанностяхъ къ ближнимъ, которые несчастнѣе насъ, и о счастіи нашихъ родителей, если они видятъ въ насъ добрыхъ дѣтей. Пришедши домой, Николя, который прекрасно рисовалъ, выскоблилъ мнѣ на Аѳонькиномъ яичкѣ Воскресеніе Христо-

во, а съ другой стороны дурочку, подающую мнѣ яичко. Мы были такъ похожи, что всѣ съ удовольствіемъ разсматривали Николину работу. Яйцо переходило изъ рукъ въ руки, а между тѣмъ Николя пересказалъ своему отцу, а тотъ и другимъ гостямъ, исторію бѣднаго семейства. Я опять сдѣлалась предметомъ самыхъ нѣжныхъ ласкъ и самой неосторожной похвалы. Слушая это, я трепетала отъ удовольствія и думала, что нѣтъ лучше меня ребенка на свѣтѣ. Но никто не замѣтилъ моей сердечной гордости и меня назвали еще скромницей. Я попросила позволенія положить яичко въ зеркальную коробочку и поставила его къ себѣ на комодъ.

Маменька сказала мнѣ тогда: „Николина работа такъ мила, что ее непремѣнно надо сохранить. Кромѣ того, пусть яйцо напоминаетъ тебѣ почаще, что ты должна заботиться не только о себѣ, но и о всѣхъ ближнихъ своихъ, особенно о томъ, кто нуждается въ твоей помощи“.

Я очень хорошо поняла слова маменьки и теперь еще помню ихъ, но Богъ знаетъ, что тогда со мной сдѣлалось! Безпрестанно думала я о томъ, что я добра, что люблю ближнихъ, что помогаю бѣднымъ, и все же перестала быть доброй!

Настала прекрасная весна; гулянье, забавы и гости заняли меня такъ, что я все другое забыла. Прошло уже нѣсколько недѣль съ того дня какъ меня неосторожно назвали доброй, благодѣтельной дѣвочкой, а мнѣ не случилось сдѣлать ни одного благодѣтельнаго дѣла. У меня опять со святой недѣли накопилось денегъ, но я и не думала употребить ихъ на какую либо обнову для бѣдныхъ дворовыхъ дѣтей, что сперва часто дѣлала.

У насъ во дворѣ жила больная старушка, папенькина бывшая мамка, которая уже нѣсколько лѣтъ лежала безъ ногъ. Я часто навѣщала ее, и всегда маменька посылала ей какой нибудь гостинецъ. Но тутъ нѣсколько недѣль я не вспомнила о старушкѣ. Наконецъ няня напомнила мнѣ о ней, и когда я собралась навѣстить ее, то маменька сказала мнѣ, что сама недавно ходила къ старушкѣ и снесла ей чаю и сахару, въ которыхъ бѣдняжка давно нуждалась. Я вздумала жаловаться, зачѣмъ маменька не взяла меня съ собой.

„Я дожидалась, пока ты сама вспомнишь объ этомъ,“ сказала маменька коротко и занялась своимъ дѣломъ.

Видно было, что маменька сердилась на меня. Она всегда говорила мало, когда была недовольна мной; я это знала. Мнѣ сдѣлалось стыдно и я въ огорченіи отошла отъ доброй маменьки.

Нѣсколько мѣсяцевъ жила я такимъ образомъ дурной дѣвочкой, довольная собой за то, что случилось мнѣ сдѣлать разъ малое добро, и забывая, что добро мы должны дѣлать каждый день и искать сами случая быть полезными другимъ. А я жила только для себя; я была сыта, хорошо одѣта, здорова; меня любили, позволяли играть и гулять вдоволь, и за ученье не бранили, потому что память у меня прекрасная и уроки были мнѣ забавой. Чегожъ

мнѣ было надобно больше? Дурочка часто бывала со мной; мы всегда вмѣстѣ ходили гулять; но мнѣ ни разу не пришлось замѣтить, что платье на ней совсѣмъ изодранное, и я давно могла бы попросить маменьку отдать ей свои старыя платья. Но я на это не обращала вниманія, пока маменька сама не приказала мнѣ это сдѣлать. Теперь еще стыдно вспомнить, какъ могла я тогда перемѣниться.

Разъ я прихожу домой съ гулянья, смотрю, а зеркальная коробочка пуста, яичка нѣтъ! Я пошла искать по всему дому, распрашивала всѣхъ дѣвушекъ, няню, но никто не зналъ куда яйцо дѣвалось. Полагая, что кто нибудь разбилъ яйцо, стирая пыль съ комода, и не хочетъ признаться, я даже побранилась въ дѣвичьей и въ слезахъ побѣжала жаловаться маменькѣ.

Маменька выслушала меня, и, взглянувъ на меня пристально, сказала:

„Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь разбилъ яйцо; да къ чему тутъ доискиваться виноватаго? Яйцо, какъ игрушка, вещь недорогая, и при томъ совершенно ненужная и безполезная для тебя. Оно современемъ напомнило бы тебѣ только, какова ты была прежде и чѣмъ сдѣлалась нынѣ, а такъ какъ ты перемѣнилась не къ лучшему, то тебѣ было бы это навѣрно нелюбо!"

Когда маменька говорила это, я стояла какъ громомъ пораженная и не имѣла силъ взглянуть на нее. Я дожидалась, что маменька скажетъ мнѣ еще что нибудь, будетъ бранить меня, но маменька молчала и я, не поднимая глазъ, видѣла, что она спокойно вяжетъ свой чулокъ. Мнѣ дѣлалось жарко и холодно, сердце у меня замирало, и мнѣ казалось, что лучше было бы умереть въ ту минуту. Я хотѣла говорить, хотѣла просить прощенья, но не могла выговорить ни одного слова и простояла передъ маменькой минутъ десять какъ истуканъ.

Маменька вѣрно видѣла мое мученье и сжалилась надо мной.

„Маша," сказала она тихо, „поди въ свою горницу!"

Ея снисходительный голосъ оживилъ меня. Я взглянула на маменьку и мнѣ показалось, что у нея на глазахъ слезы. Я зарыдала и бросилась къ ней на шею. „Маменька, маменька, вскричала я, я виновата, очень виновата!" Но маменька тихонько оттолкнула меня отъ себя, и, глядя съ сожалѣніемъ на меня, сказала: „Бѣдная Маша! теперь только почувствовала ты, что ты виновата. Если такъ, то поди и подумай объ этомъ хорошенько. Попроси Бога, чтобъ Онъ простилъ тебя, и далъ тебѣ разумъ и волю поправить свою ошибку. Когда ты сдѣлаешься прежней Машей, тогда я прижму тебя опять къ своему сердцу, которое давно скучаетъ, глядя на тебя!"

Я должна была уйти въ свою комнату, не получивъ маменькинаго поцѣлуя. Настали для меня горестные дни, а еще болѣе скучные вечера. Не къ кому было мнѣ приласкаться послѣ игръ своихъ, кромѣ няни. Маменька все одинаково была добра, но никог-

да не глядѣла на меня ласково, никогда не прижимала меня къ сердцу своему, никогда не говорила мнѣ: ты милое дитя мое! Няня утѣшала меня, какъ могла. Кажется и Аѳонька понимала мою горесть; она часто приходила ко мнѣ и проказами своими иногда осушала мои слезы. Никогда въ жизни не была я такъ несчастна, какъ въ этотъ мѣсяцъ, и никогда я не была такъ прилежна, такъ послушна, такъ тиха, какъ тогда.

Наконецъ мнѣ удалось утѣшить мою добрую маменьку однимъ поступкомъ, за который я отчасти благодарна моей дурочкѣ. Она пришла какъ-то ко мнѣ и съ обыкновенными своими ужимками разсказала, что напротивъ, за оврагомъ, въ сосѣдней деревнѣ, молодой Иванъ сломилъ себѣ руку. Время было рабочее, а онъ одинъ работникъ въ цѣлой большой семьѣ. Семья была бѣдная и нанимать работника было не на что. Иванъ просилъ сосѣдей, но тѣ такъ были злы, что отказались идти къ нему на помощь, зная, что Ивану не на что послѣ угостить ихъ. Работа остановилась и Иванъ былъ въ большомъ горѣ.

Я обрадовалась, что Богъ послалъ мнѣ опять случай сдѣлать доброе дѣло, и въ поспѣшности своей сдѣлала большую глупость. Завернувъ всѣ деньги свои въ бумажку, я послала ихъ съ дурочкой Ивану, чтобъ онъ нанялъ на нихъ работника. Потомъ я сама поняла, что поступила очень неблагоразумно, отдавъ деньги дурочкѣ, потому что онѣ легко могли бы пропасть. Но, къ счастію, мои деньги попались въ тѣ руки, куда слѣдовало, и Аѳонька валялась у меня въ ногахъ, представляя крестьянина Ивана. Послѣ долгаго времени мнѣ сдѣлалось опять весело на душѣ и я начала играть какъ бывало. Но сказать маменькѣ объ этомъ мнѣ не хотѣлось; я даже боялась этого, и Аѳонькѣ запретила болтать о молодомъ Иванѣ. „Понимаю, понимаю, барышня, говорила дурочка, знаетъ Богъ да знаетъ бѣдный Иванъ; а тебѣ да другимъ знать про то не нужно.

Но недѣлю спустя, Иванъ пришелъ благодарить маменьку за оказанную помощь, и маменька такимъ образомъ узнала, что я сдѣлала. Въ этотъ день она опять нѣжно обняла меня и назвала своей доброй дочерью. Этого было довольно, чтобъ возвратить мнѣ прошлое счастіе и прежнее веселье.

Съ тѣхъ поръ со мной не случалось ничего подобнаго. Богъ избавилъ меня отъ глупой гордости. Маменька всегда ласково на меня смотрѣла, а я не забывала спрашивать почаще у самой себя, поступаю ли я такъ, какъ учили меня родители и какъ они сами поступаютъ, и чувствуетъ ли всегда мое сердце ту живую любовь къ ближнему, о которой говорилъ намъ Іисусъ Христосъ. Я думаю, что всѣ дѣти знаютъ эту заповѣдь нашего Спасителя.

Нѣсколько лѣтъ послѣ того, я рылась въ кладовой, въ своихъ старыхъ игрушкахъ, которыя хотѣла раздарить дворовымъ дѣтямъ,

и нашла тамъ свое красное яйцо, причину моихъ бывшихъ несчастій, куда маменька вѣроятно велѣла спрятать его. Я взяла его опять къ себѣ, какъ стараго друга, который можетъ быть мнѣ полезенъ и впредь.

А. Воронова.

(Бабушка-Разскащица).

28. МАЛЬЧИКЪ СЪ ПАЛЬЧИКЪ.

Въ одномъ лѣсу (а въ какомъ именно, теперь не припомню) жилъ былъ дровосѣкъ съ женою, доброю матерью семерыхъ дѣтей. Всѣ семеро были мальчики: старшему минуло уже двѣнадцать лѣтъ, младшему не было еще и семи. Дровосѣкъ былъ очень бѣденъ, и такое большое семейство было для него тягостно: онъ не зналъ, что ему дѣлать съ дѣтьми, которыя еще не могли доставать себѣ пропитаніе. Особенно безпокоилъ ихъ самый младшій сынъ, который былъ такъ тихъ и такъ скроменъ, что отецъ и мать считали его дурачкомъ. Когда онъ родился, едва можно было его видѣть, потому что онъ былъ величиною съ пальчикъ, отчего всѣ и прозвали его мальчикомъ съ пальчикъ. Его никто не любилъ въ домѣ: бѣдняжку во всемъ находили виноватымъ, за все бранили его, и не разъ доставалось ему понапрасну вытерпѣть нѣсколько ударовъ плеткой или вѣникомъ. Однако же онъ былъ гораздо умнѣе своихъ братьевъ, и если говорилъ мало, за то слушалъ много.

Въ одну зиму наступилъ такой голодъ, что бѣдный дровосѣкъ не имѣлъ никакой возможности содержать свое семейство: онъ рѣшился во что бы то ни стало сбыть съ рукъ дѣтей своихъ. Сидя у печки и грѣясь у огня вмѣстѣ съ женою своей, онъ сталъ говорить ей со слезами на глазахъ: „Ты видишь, жена, что теперь намъ нѣтъ болѣе возможности кормить дѣтей нашихъ; я не въ состояніи буду перенести ихъ смерти и рѣшаюсь, завтра же утромъ, завести ихъ въ лѣсъ, въ самую глушь, и бросить на произволъ судьбы.“ — „Какъ! сказала жена его, всплеснувъ руками, намъ самимъ погубить дѣтей нашихъ? Нѣтъ, это невозможно!“ Сначала какъ ни старался дровосѣкъ уговорить ее, она и слушать не хотѣла; но потомъ согласилась, увѣрившись, что еще ужаснѣе видѣть дѣтей своихъ, умирающихъ съ голоду. Долго плакала она, и съ горя легла спать раньше обыкновеннаго. Мальчикъ съ пальчикъ слышалъ весь разговоръ родителей своихъ, изъ-подъ скамейки, подъ которую спрятался потихоньку, такъ, что никто не видалъ его. Онъ легъ въ постелю, и во всю ночь не спалъ, придумывая,

какъ бы спасти себя и братьевъ своихъ отъ смерти. На другой день онъ всталъ, чѣмъ свѣтъ, пошелъ къ рѣкѣ и наклалъ камешками полные карманы. Возвратившись домой, онъ засталъ отца своего, который собирался уже въ путь. Черезъ четверть часа дровосѣкъ повелъ дѣтей своихъ въ лѣсъ. Мальчикъ съ пальчикъ шелъ молча, и ни слова не говорилъ братьямъ своимъ о томъ, куда ихъ ведутъ. Дровосѣкъ шелъ, шелъ, наконецъ привелъ дѣтей своихъ въ такую глушь, гдѣ въ десяти шагахъ нельзя было разглядѣть другъ друга. Онъ началъ рубить дрова, а дѣти подбирать сучья и щепки. Когда отецъ замѣтилъ, что дѣти его заняты работою, тотчасъ мигнулъ своей женѣ, и вмѣстѣ съ нею, потихоньку, сталъ выбираться изъ лѣсу. Дѣти остались одни, и, замѣтивъ это, горько заплакали и начали кричать изо всей силы. Одинъ мальчикъ съ пальчикъ молчалъ: онъ зналъ, какъ воротиться домой; идя по лѣсу, онъ бросалъ на дорогѣ камешки, которые лежали у него въ карманѣ. „Не плачьте и не бойтесь, братцы мои, сказалъ онъ имъ, я доведу васъ до дому, только идите смирно за мной.“ Всѣ шесть мальчиковъ пошли за своимъ младшимъ братомъ, который, подбирая на дорогѣ разбросанные имъ камешки, довелъ ихъ до самой избушки; они не смѣли войти въ нее, и стали слушать у двери, что говорятъ ихъ родители.

Между тѣмъ, возвратившись домой, дровосѣкъ нашелъ у себя пятьдесятъ рублей, присланныхъ ему бариномъ сосѣдней деревни, который былъ такъ добръ, что помогалъ бѣднымъ всего околотка. Онъ обрадовался этимъ деньгамъ, какъ какому нибудь сокровищу, и тотчасъ послалъ жену свою на рынокъ купить говядины, крупъ и капусты. Черезъ часъ все было принесено съ рынка и хозяйка принялась варить щи. Когда онѣ были готовы, дровосѣкъ сѣлъ ужинать: три дни сряду ничего не ѣлъ онъ, и за то съ какимъ аппетитомъ принялся за вкусныя щи! Жена помогала своему мужу и не отставала отъ него. „Гдѣ-то наши дѣти?“ вздыхая сказалъ дровосѣкъ, окончивъ ужинъ. — „Вѣрно ихъ нѣтъ уже на свѣтѣ! отвѣчала жена его со слезами на глазахъ; волки съѣли дѣтей нашихъ, а вѣтеръ разнесъ косточки ихъ по лѣсу. — „Мы здѣсь, маменька!“ сказали дѣти, входя въ избушку. Она бросилась обнимать ихъ. Какъ вы измокли! говорила она, садитесь у печки; вотъ вамъ щей, каши, говядины, кушайте сколько хотите. А ты, Петруша, продолжала она, обращаясь къ старшему сыну, котораго любила больше всѣхъ, какъ ты весь испачкался! всѣ ноги въ грязи! снимай-ка скорѣй лапти свои. Между тѣмъ дѣти принялись за ужинъ: на холодѣ они проголодались и скоро всѣ щи были съѣдены, потомъ принялись за кашу и за говядину. Поужинавъ хорошенько, они разсказали о страхѣ своемъ, когда остались одни въ лѣсу, и о хитрости мальчика съ пальчикъ, и легли спать всѣ вмѣстѣ на широкой лавкѣ, стоявшей у печки.

Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой, и пятьдесятъ рублей, присланные бариномъ, были истрачены. Опять наступилъ голодъ, опять

дровосѣкъ сталъ думать, какъ бы сбыть съ рукъ дѣтей. Въ этотъ разъ, онъ рѣшился завести ихъ въ лѣсъ еще дальше, въ такую глушь, изъ которой никакъ нельзя было имъ выбраться. Мальчикъ съ пальчикъ опять услышалъ разговоръ своихъ родителей, на другой день всталъ, чѣмъ свѣтъ, и собрался итти на рѣку за камешками; но въ этотъ разъ дверь избушки была заперта и бѣдный мальчикъ не зналъ, что ему дѣлать. При выходѣ изъ дому, дровосѣкъ роздалъ дѣтямъ по куску ржанаго хлѣба и повелъ ихъ за собою. Мальчикъ съ пальчикъ придумалъ разбросать по дорогѣ, вмѣсто камешковъ, куски хлѣба. Когда дѣти были въ самой глуши лѣса, куда еще никто не заходилъ, дровосѣкъ бросилъ дѣтей своихъ и возвратился домой. Мальчикъ съ пальчикъ сталъ уговаривать братьевъ своихъ и обѣщался опять привести ихъ домой безъ всякихъ хлопотъ; но въ этотъ разъ онъ очень обманулся, потому что птицы съѣли весь хлѣбъ, разбросанный имъ по дорогѣ. Что дѣлать? Чѣмъ дальше шли они, тѣмъ было хуже. Наконецъ наступила ночь и поднялся такой вѣтеръ, что бѣдные малютки дрожали отъ страха. Они слышали, какъ страшно вылъ вѣтеръ, и думали, что это голодные волки, которые сбираются съѣсть ихъ. Они не смѣли пошевелиться и боялись говорить между собою. Вдругъ пошелъ дождь такой сильный, что бѣдные малютки промокли до костей; въ лѣсу сдѣлалось такъ скользко, что они безпрестанно падали въ грязь. Наконецъ мальчикъ съ пальчикъ вздумалъ взлѣсть на дерево, сталъ смотрѣть во всѣ стороны, и въ самой дали, за лѣсомъ, увидѣлъ огонекъ. Онъ слѣзъ съ дерева и повелъ своихъ братьевъ въ ту сторону, гдѣ виденъ былъ огонекъ. Долго шли они по лѣсу, наконецъ очутились на равнинѣ, передъ самой избушкой, гдѣ горѣла свѣча. Они постучались у дверей; старушка вышла къ нимъ на встрѣчу и спросила, кого имъ надобно. Мальчикъ съ пальчикъ отвѣчалъ, что они заблудились въ лѣсу и просятъ пустить ихъ на ночь въ избу. Добрая старушка, смотря на хорошенькихъ дѣтей, принялась плакать и сказала имъ: „Бѣдныя дѣти! куда пришли вы? Развѣ вы не знаете, что здѣсь живетъ Великанъ-людоѣдъ: онъ съѣстъ васъ.“ — Чтожъ намъ дѣлать? сказалъ мальчикъ съ пальчикъ въ одинъ голосъ съ своими братьями, дрожа отъ страха. Если мы пойдемъ назадъ въ лѣсъ, то нѣтъ сомнѣнія, что голодные волки съѣдятъ насъ; пустите насъ, сударыня, переночевать въ вашей избушкѣ: можетъ быть Великанъ-людоѣдъ сжалится надъ нами и отпуститъ насъ завтра; если же нѣтъ, то лучше пусть онъ съѣстъ, чѣмъ какой-нибудь скверный волкъ. Жена Великана-людоѣда, надѣясь скрыть ихъ до утра отъ своего мужа, впустила въ избу, посадила у печки и подала имъ ужинать. Только что успѣли они немножко отогрѣться и утолить голодъ, какъ вдругъ кто-то постучался у дверей: это былъ Великанъ-людоѣдъ. Жена спрятала дѣтей подъ кровать и пошла отворять дверь. Страшный Великанъ-людоѣдъ вошелъ и спросилъ ужинать: ему подали цѣлаго барана,

почти совсѣмъ сыраго; онъ сталъ съ жадностію ѣсть еще не совсѣмъ изжаренное мясо. „Жена! закричалъ онъ страшнымъ голосомъ; здѣсь кто-то есть! Я чую человѣческое мясо!“ Жена старалась разувѣрить его, но онъ закричалъ на нее громче прежняго, всталъ изъ-за стола и пошелъ прямо къ кровати. „Такъ ты еще смѣешь обманывать меня! закричалъ онъ женѣ своей, приподнявъ одѣяло и увидѣвъ дѣтей; если бы ты была помоложе, я бы съѣлъ тебя за это! Вотъ какъ кстати пришли вы сюда, дѣтки мои; на дняхъ я жду трехъ людоѣдовъ: теперь мнѣ есть чѣмъ угостить ихъ.“ Сказавъ это, онъ вытащилъ дѣтей изъ-подъ кровати одного за другимъ. Они стали на колѣна передъ Великаномъ-людоѣдомъ, который сталъ точить ножъ, говоря своей женѣ, что если она приготовитъ хорошій соусъ къ этой дичинѣ (такъ называлъ онъ дѣтей), то друзьямъ его будетъ чѣмъ полакомиться. Онъ уже схватилъ одного изъ семерыхъ братьевъ и хотѣлъ заколоть его, какъ вдругъ жена остановила его. „Подождите лучше до завтра; теперь ужъ поздно; къ тому же у насъ безъ того много мяса: вотъ цѣлый теленокъ, сей-часъ только заколотый, два барана и половина борова. Подождите лучше, пока придутъ ваши друзья.“ — И то правда, отвѣчалъ Великанъ-людоѣдъ; дай имъ поужинать, я хочу чтобы они были какъ можно толще; я люблю толстыхъ дѣтей: они вкуснѣе; потомъ уложи ихъ спать. — Добрая старушка принесла имъ ужинать; но отъ страха они ничего не могли ѣсть. Между тѣмъ, Великанъ-людоѣдъ, на радости отъ такой находки, пилъ изъ большой кружки самое крѣпкое вино, и, выкушавъ двѣ-три кружки лишнихъ, легъ спать и заснулъ богатырскимъ сномъ.

У Великана-людоѣда было семь дочерей: всѣ онѣ были еще маленькія дѣвочки, съ сѣренькими глазками, съ длинными загнутыми носами, широкими ртами и вострыми большими зубами. Ихъ кормили однимъ только человѣческимъ мясомъ, и онѣ были уже такъ злы, что, встрѣчая маленькихъ дѣтей, кусали ихъ и сосали кровь. Въ этотъ вечеръ ихъ положили спать очень рано, всѣхъ на одну кровать: на каждой изъ нихъ было по золотому вѣнцу одинаковой величины. Противъ ихъ кровати, стояла другая, точно такая же: на нее уложила добрая старушка семерыхъ мальчиковъ, и ушла въ комнату своего мужа. Когда всѣ заснули и въ избушкѣ стало тихо, мальчикъ съ пальчикъ всталъ потихоньку, снялъ съ братьевъ своихъ ночные колпаки и подошелъ ощупью къ кровати, на которой спали дѣвочки; онъ снялъ съ нихъ золотые вѣнцы, надѣлъ вмѣсто нихъ колпаки и возвратился опять къ братьямъ своимъ, на которыхъ надѣлъ вѣнцы, снятые съ дѣвочекъ. Если вздумается людоѣду прійти сюда ночью заколоть насъ, думалъ онъ про себя, то вмѣсто насъ онъ заколетъ дочерей своихъ. Только что мальчикъ съ пальчикъ успѣлъ подумать это, какъ Великанъ-людоѣдъ вошелъ въ комнату и сталъ ощупью искать мальчиковъ; почувствовавъ на головахъ ихъ вѣнцы, онъ отошелъ отъ кровати въ полной увѣренности, что тутъ лежатъ его дочери. Подойдя къ дочерямъ, онъ ощу-

палъ на нихъ колпаки, и однимъ ударомъ меча отрубилъ головы всѣмъ семерымъ. Когда онъ вышелъ изъ комнаты и крѣпко заснулъ, мальчикъ съ пальчикъ разбудилъ своихъ братьевъ, велѣлъ имъ одѣваться и повелъ ихъ въ садъ, гдѣ вскарабкались они на стѣну, перелѣзли черезъ нее и очутились въ полѣ.

На другой день, Великанъ-людоѣдъ разбудилъ жену свою рано утромъ. „Ступай, сказалъ онъ ей, одѣнь мальчишекъ, да приди разсказать мнѣ, что они дѣлаютъ.“ Добрая старушка не замѣтила, что мужъ ея смѣется и пошла въ комнату, гдѣ спали мальчики. Каково же было ея удивленіе, когда она увидѣла дочерей своихъ, въ крови и обезглавленныхъ! Она зарыдала такъ громко, что мужъ ея прибѣжалъ въ комнату. Удивленіе его было также велико, когда онъ увидѣлъ несчастныхъ дочерей своихъ. Что я сдѣлалъ? закричалъ онъ; достанется же этимъ мальчикамъ за ихъ хитрость! Онъ надѣлъ свои сапоги-скороходы и пустился въ погоню за ними. Часъ, два, три бѣгалъ онъ изъ стороны въ сторону; наконецъ напалъ на ту тропинку, по которой шли братья. Замѣтивъ издали, какъ онъ шагалъ черезъ рѣки и черезъ горы, они спрятались, по приказанію мальчика съ пальчикъ, въ пещеру, въ которой никто не могъ видѣть ихъ. Великанъ-людоѣдъ до того усталъ въ сапогахъ своихъ (которые были очень тяжелы), что не могъ удержаться и легъ у пещеры, въ которой спрятались дѣти. Скоро заснулъ онъ отъ усталости и началъ храпѣть такъ громко, что дѣти чуть не убѣжали отъ страха. Одинъ мальчикъ съ пальчикъ не боялся храпѣнья страшнаго Великана-людоѣда, къ которому потихоньку подошелъ и снялъ съ него сапоги-скороходы. Сапоги эти имѣли то свойство, что они всегда были въ пору тому, кто надѣвалъ ихъ, хотя бы это былъ высочайшій великанъ въ свѣтѣ или самое маленькое дитя. По-этому самому, мальчикъ съ пальчикъ надѣлъ ихъ, какъ будто свои собственные лапти. Отославъ братьевъ своихъ домой, онъ побѣжалъ въ избушку Великана-людоѣда. Вашъ мужъ пропалъ, сказалъ онъ женѣ его, если вы сей часъ же не пришлете ему со мною всего золота, которое лежитъ въ желѣзномъ сундукѣ подъ кроватью. На него напали разбойники и хотятъ убить его, если онъ не выкупится. Мужъ вашъ далъ мнѣ свои сапоги и послалъ къ вамъ, какъ можно скорѣе за золотомъ. Старуха повѣрила мальчику съ пальчикъ, и отдала ему всѣ сокровища своего мужа: золото, серебро, драгоцѣнные камни. Мальчикъ, схвативъ все это, побѣжалъ къ отцу своему и матери, которые встрѣтили его съ распростертыми объятіями.

Впрочемъ есть люди, которые говорятъ, что будто бы это неправда; что мальчикъ съ пальчикъ унесъ у Великана-людоѣда одни только сапоги-скороходы, потому что Великанъ-людоѣдъ бѣгалъ въ нихъ за маленькими дѣтьми. Эти люди утверждаютъ, что мальчикъ съ пальчикъ обогатилъ свое семейство совершенно другимъ образомъ. Они разсказываютъ, что, снявъ сапоги съ Великана-людоѣда, онъ отправился къ царю и предложилъ ему быть цар-

скимъ гонцемъ. Въ это время царь очень безпокоился о своемъ войскѣ, которое находилось за тысячу верстъ и о которомъ онъ не имѣлъ никакого извѣстія. Онъ послалъ мальчика съ пальчикъ и обѣщался дать ему тысячу рублей, если онъ возвратится въ тотъ же день съ извѣстіемъ о войскѣ. Мальчикъ съ пальчикъ надѣлъ свои сапоги скороходы и рано утромъ пустился въ путь. Къ вечеру онъ возвратился и принесъ царю самое радостное извѣстіе о его войскѣ. Царь исполнилъ свое обѣщаніе и далъ ему тысячу рублей. Такимъ образомъ мальчикъ съ пальчикъ за кажое извѣстіе получалъ по тысячѣ рублей, и въ скоромъ времени такъ разбогатѣлъ, что пристроилъ всѣхъ своихъ братьевъ, а отцу и матери выстроилъ такой домъ, какого не было во всемъ царствѣ, исключая царскаго дворца.

П. Корсаковъ.

(Волшебныя сказки для дѣтей).

29. ПОХОЖДЕНІЯ МАЛЕНЬКАГО МУКА.

(Разсказъ Мулея, изъ Сказки въ видѣ альманаха).

Въ отечествѣ моемъ, городѣ Никеѣ, жилъ одинъ человѣкъ, котораго всѣ называли Маленькимъ Мукомъ. Хотя я былъ еще и малъ, но очень его помню, особливо потому, что однажды батюшка высѣкъ меня за него, почти до полусмерти. Маленькій Мукъ былъ уже пожилой человѣкъ, когда я зналъ его; но ростомъ онъ былъ немного выше трехъ пяденей, и къ тому же еще имѣлъ очень странную наружность. На стройномъ, маленькомъ его туловищѣ присажена была голова совершенно взрослаго человѣка. Онъ жилъ одинъ одинехонекъ, въ домѣ преогромномъ, самъ стряпалъ свое кушанье и въ городѣ никто не зналъ бы, живъ ли онъ или умеръ, если бы не видали, около полудня, густаго дыма, выходящаго изъ трубы его дома. Онъ выходилъ со двора только однажды въ мѣсяцъ. Правда, иногда можно было видѣть, какъ вечеромъ онъ прохаживался по кровлѣ своего дома; тогда снизу казалось, что одна голова бѣгаетъ взадъ и впередъ по крышѣ. Я и товарищи мои, всѣ большіе шалуны, готовые на всякаго рода проказы, не пропускавшіе случая раздразнить и осмѣять кого можно, считали за праздникъ тѣ дни, когда выходилъ изъ дома Маленькій Мукъ. Въ этотъ знаменитый день мы собирались къ его дому и ожидали его появленія. Когда отворялась дверь дома и изъ нея выставлялась прежде всего большая голова въ огромной чалмѣ, когда, вслѣдъ за головою, появлялось крошечное туловище, закутанное въ изно-

шенную, старую епанчу, въ широкихъ шароварахъ и преширокомъ кушакѣ, за которымъ былъ заткнутъ кинжалъ такой длинный, что трудно было догадаться, кто кого носитъ — Мукъ ли кинжалъ или кинжалъ Мука: тогда раздавался нашъ радостный крикъ, — мы бросали къ верху наши фесики и прыгали около него какъ сумасшедшіе. Маленькій Мукъ раскланивался съ нами очень важно, и тихими шагами продолжалъ свое шествіе вдоль по улицѣ. Шедши, онъ пресмѣшно шмыгалъ ногами по землѣ и хлопалъ своими туфлями, которыя, по росту его, были непомѣрно велики и широки. Мы, мальчишки, бѣжавъ за нимъ, кричали ему вслѣдъ: „Маленькій Мукъ! Маленькій Мукъ!“ У насъ была также сложена про него пѣсенка, которую мы распѣвали, провожая карлика. Я и теперь еще помню ее.

Маленькій Мукъ! Маленькій Мукъ!
Ходишь улицей туфлями стукъ!
Голова твоя съ гору,
Вовсе тебѣ ужъ не впору!
Было-бъ лучше намъ, крошка,
Если-бъ ты крался какъ кошка!
Видно ты любишь стучать,
Стукомъ насъ ребятъ забавлять.
Маленькій Мукъ, маленькій Мукъ!
Ходишь улицей туфлями стукъ!

Такъ тѣшились мы надъ карликомъ, и, къ стыду моему, я долженъ признаться, что я надоѣдалъ ему больше всѣхъ; я щипалъ его, дергалъ за епанчу, и однажды, зашедъ сзади, наступилъ на его длинныя туфли, отъ чего бѣдняжка упалъ. Мнѣ было это очень смѣшно, но смѣхъ мой не прошелъ даромъ. Маленькій Мукъ пошелъ къ отцу моему; прямо вошелъ въ его горницу и долго сидѣлъ съ нимъ. Я спрятался за дверь и видѣлъ, какъ почтительно отецъ провожалъ маленькаго Мука до самыхъ воротъ, какъ онъ съ нимъ вѣжливо раскланивался. Мнѣ что-то страшно стало, и я не показывался никому на глаза до тѣхъ поръ, какъ голодъ выгналъ меня изъ моего убѣжища. Голодъ былъ для меня страшнѣе побоевъ! Я вошелъ къ отцу съ поникшею головою и смиреннымъ видомъ. „Ты вздумалъ досаждать доброму Муку и насмѣхаться надъ нимъ!“ сказалъ отецъ строгимъ голосомъ. „Я разскажу тебѣ его приключенія, тогда вѣрно у тебя пройдетъ охота надъ нимъ шутить; но прежде ты получишь обыкновенную награду за дѣла твои!“ — Эта обыкновенная награда была двадцать пять ударовъ розгами, плетью, или чѣмъ попало. На этотъ разъ батюшка взялъ свой длинный чубукъ, снялъ съ него янтарный мундштукъ и глиняную трубку и обработалъ меня препорядочно.

Отсчитавъ мнѣ полновѣсныхъ двадцать пять ударовъ, отецъ приказалъ мнѣ слушать внимательно исторію маленькаго Мука, и на-

чалъ слѣдующимъ образомъ: „Настоящее имя его есть Мукрахъ; отецъ его былъ здѣшній никейскій урожденецъ; онъ былъ человѣкъ рода знатнаго, но бѣденъ, и жилъ почти также уединенно какъ теперь живетъ сынъ его, котораго онъ не терпѣлъ за маленькій ростъ. Онъ стыдился его и ничему не училъ. На шестнадцатомъ году маленькій Мукъ былъ веселый мальчикъ, а отецъ его человѣкъ угрюмый, который ворчалъ на него безпрестанно, говоря, что онъ уже не ребенокъ, и что пора уже ему бросить дѣтскія забавы.

Старикъ, однажды, упалъ и такъ разшибся, что отъ того и умеръ, оставя маленькаго Мука въ бѣдности и невѣжествѣ. Родные, которымъ отецъ Муковъ былъ долженъ болѣе, нежели чего стоило все имѣніе, оставшееся послѣ него, безжалостно выгнали бѣднаго мальчика изъ дома и совѣтовали ему искать счастія въ свѣтѣ. Маленькій Мукъ отвѣчалъ, что онъ готовъ отправиться въ путь, только просилъ родныхъ, чтобъ они отдали ему отцовское платье, на что они и согласились. Отецъ его былъ высокъ и толстъ; платье его не годилось малюткѣ, но онъ придумалъ какъ все уладить. Онъ урѣзалъ то, что было слишкомъ длинно, и, не дѣлая другой перемѣны, надѣлъ на себя отцовскую одежду; о ширинѣ онъ и не заботился. Точно также онъ и теперь одѣвается, и вотъ почему онъ кажется такъ страненъ. До сихъ поръ онъ носитъ еще отцовскую чалму, его широкій кушакъ, его шаровары и его синюю епанчу; все это принадлежало Мукову отцу, равно какъ и длинный кинжалъ, заткнутый за его поясомъ. Нарядясь такимъ образомъ, Мукъ взялъ тросточку и пошелъ вонъ изъ дома.

Онъ шелъ весело цѣлый день, ожидая, что наткнется гдѣ нибудь на счастье. Блеснетъ ли гдѣ на дорогѣ обломокъ стекла или камушекъ — онъ пряталъ его въ карманъ, думая, что нашелъ алмазъ. Возвышался ли гдѣ куполъ или минаретъ — онъ радостно спѣшилъ туда, полагая, что видитъ храмъ счастія. Замѣтя вдали озеро, тихое, гладкое какъ зеркало, онъ побѣжалъ къ нему опрометью, полагая, что достигъ до края очарованій. Но при его приближеніи всѣ эти очарованія исчезали! Усталость и голодъ убѣдили его, что онъ еще находится на землѣ, населенной смертными существами, а не безплотными духами. Такимъ образомъ провелъ онъ двое сутокъ, мучимый голодомъ и горестью; онъ уже отчаявался найти счастіе! Дикіе плоды и коренья были единственною его пищею, земля постелею, а кровомъ сводъ небесный. На утро третьяго дня увидѣлъ онъ большой городокъ. Полумѣсяцъ на минаретахъ блисталъ отъ солнечныхъ лучей, пестрые флаги развѣвались надъ кровлями домовъ; казалось, они манили къ себѣ маленькаго Мука. Онъ остановился на возвышеніи и съ удивленіемъ смотрѣлъ на городъ и его окрестности. „Конечно тамъ найду я свое счастіе!“ подумалъ маленькій Мукъ, превозмогъ свою усталость и, вспрыгнувъ, сказалъ: „тамъ или нигдѣ!“ Собравъ послѣднія силы, онъ пошелъ въ городъ. Идти было не далеко, и до города легко бы можно было достигнуть прежде полудня, но Муковы маленькія

ножки отказывались служить ему, и онъ принужденъ былъ сѣсть еще разъ въ тѣни пальмоваго дерева, чтобы отдохнуть. Наконецъ, около вечера, пришелъ онъ къ городскимъ воротамъ; тутъ оправилъ онъ свою епанчу, хорошенько повязалъ кисею на чалмѣ, еще шире растянулъ на себѣ кушакъ, а длинный свой кинжалъ заткнулъ еще кривѣе, потомъ вытряхнулъ изъ туфлей пыль, обтеръ ихъ, взялъ свою тросточку и бодро вошелъ въ городскія ворота.

Онъ прошелъ уже нѣсколько улицъ, но нигдѣ не отворялась передъ нимъ гостепріимная дверь, никто не сказалъ ему привѣтливо: „войди, маленькій Мукъ! Утоли голодъ и жажду и отдохни здѣсь!“

Бѣдняжка озирался во всѣ стороны; вдругъ увидѣлъ онъ, что въ одномъ большомъ домѣ отворилось окно, изъ него выглянула старая женщина и на-распѣвъ, протяжно и громко, кричала слѣдующія слова:

„Сюда, сюда бѣгите!
„Ко мнѣ, друзья, спѣшите!
„Ужъ столъ для васъ накрытъ,
„Здѣсь кушанье стоитъ!
„Сюда, сюда бѣгите!
„Ко мнѣ, друзья, спѣшите!“

Послѣ этого приглашенія, дверь въ домъ отворилась, и Мукъ увидѣлъ множество кошекъ и собакъ, бѣгущихъ въ домъ. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ въ недоумѣніи, принять-ли ему это радушное приглашеніе, или нѣтъ! Однако, онъ осмѣлился вступить въ домъ. Передъ нимъ шла пара котятъ, и онъ послѣдовалъ за ними, полагая, что имъ извѣстна дорога.

Мукъ взошелъ на лѣстницу и встрѣтилъ ту самую старуху, которая, глядя въ окно, распѣвала. Она сердито на него посмотрѣла, и спросила, что ему надобно? — „Ты сзывала гостей, говоря, что для нихъ готово кушанье!“ отвѣчалъ маленькій Мукъ: „я голоденъ и пришелъ на твой зовъ!“ Старуха захохотала и сказала: „откуда пришелъ ты, странный гость? Весь городъ знаетъ, что кромѣ собственныхъ моихъ любезныхъ кошекъ, иногда ихъ сосѣдокъ и нѣскольких собакъ, я никого не угощаю!“ Маленькій Мукъ разсказалъ старухѣ о всѣхъ случившихся съ нимъ бѣдахъ, послѣ смерти отца его, и просилъ у нея позволенія поужинать вмѣстѣ съ ея кошками. Старуха была тронута простосердечіемъ малютки, позволила ему остаться у себя въ домѣ, напоила и накормила его. Потомъ, посмотрѣвъ пристально на Мука, сказала: „останься служить у меня; дѣла тебѣ будетъ мало, а содержаніе хорошее!“ Маленькому Муку понравилось старушкино кушанье, и онъ охотно остался ея слугою. Должность его была легка, но очень странна: у старухи Ахавци было два кота и четыре кошки: всякое утро онъ долженъ былъ расчесывать ихъ шерсть и намазывать разными драгоцѣн-

ными, благовонными, мазями. Когда хозяйка отлучалась, маленькій Мукъ былъ обязанъ, въ ея отсутствіе, имѣть надзоръ надъ котами и кошками; долженъ былъ кормить ихъ, раскладывать для нихъ кушанье на особыя тарелочки; а ночью ихъ надобно было укладывать на шелковыя подушки и накрывать бархатными одѣялами. У старушки было также нѣсколько маленькихъ собачекъ, и имъ онъ долженъ былъ служить; но съ этими было меньше хлопотъ, нежели съ кошками, которыхъ старуха Ахавци любила, какъ дѣтей своихъ. Мукъ жилъ очень уединенно и не видалъ никого, кромѣ хозяйки, ея кошекъ и собакъ. Нѣсколько времени все шло хорошо и хозяйка была имъ довольна; но мало-по-малу кошки начали баловаться. Когда хозяйка отлучалась, онѣ бѣгали и прыгали какъ угорѣлыя, все въ горницѣ опрокидывали и перебили нѣсколько хорошей посуды. Но лишь только слышали, что хозяйка входитъ на лѣстницу, всѣ укладывались на свои подушки, какъ ни въ чемъ не бывали, и, увидя ее, мурлыкали и помахивали хвостиками. Старая Ахавци сердилась, находя такой безпорядокъ въ своихъ комнатахъ; она во всемъ обвиняла маленькаго Мука, сколько онъ ни клялся въ своей невинности. Старуха не хотѣла вѣрить, чтобъ милыя ея кошки, лежащія такъ смирно на своихъ подушкахъ, могли болѣе проказничать, нежели слуга ея.

Маленькій Мукъ грустилъ, думая, что и здѣсь ему не удалось найти своего счастія; онъ вознамѣрился оставить домъ старушкинъ; но, узнавъ на опытѣ, что путешествовать безъ денегъ непріятно, онъ положилъ непремѣнно достать, какимъ-бы то ни было средствомъ, заслуженныя имъ у старой Ахавци деньги, которыя она всегда обѣщала отдать ему, и въ которыхъ, однако, всегда отказывала. Въ старушкиномъ домѣ была одна горница, которую она всегда держала на замкѣ; маленькій Мукъ часто слыхалъ, что хозяйка тамъ возится, и ему чрезвычайно хотѣлось знать, что у нея тамъ спрятано. Думая, какъ-бы достать на дорогу денегъ, ему приходило въ голову, что, вѣроятно, въ этой горницѣ хранится старушкина казна; но дверь всегда была заперта, и добраться до сокровища не было возможности.

Однажды, поутру, старая Ахавци вышла со двора. У нея была одна собачка, которую она любила меньше прочихъ и часто бивала; за то маленькій Мукъ ласкалъ ее больше другихъ и пріобрѣлъ особенную любовь благодарнаго этого животнаго. Эта собаченка, прибѣжавъ къ нему, дергала его за широкіе шаровары, и разными прыжками и тѣлодвиженіями звала его за собою. Мукъ пошелъ за нею, и собачка привела его въ спальню хозяйки, гдѣ нашелъ онъ маленькую потайную дверь, которой прежде никогда не замѣчалъ; эта дверь была даже не совсѣмъ притворена, и онъ съ величайшимъ удивленіемъ и радостію увидѣлъ, что она ведетъ въ ту самую горницу, которая такъ давно была цѣлью всѣхъ его мечтаній. Онъ осматривалъ все, но нигдѣ не находилъ денегъ! Тутъ валялись только старыя платья, и стояли какіе-то старинные сосуды необык-

новенной формы. Одинъ изъ этихъ сосудовъ въ особенности привлекъ его вниманіе. Онъ былъ хрустальный, съ прекрасными вырѣзанными изображеніями. Онъ взялъ этотъ сосудъ, разматривалъ его со всѣхъ сторонъ, но, къ несчастію, не замѣтилъ, что на немъ была крышечка, ничѣмъ не прикрѣпленная. Поворачивая этотъ сосудъ, Мукъ уронилъ крышечку, и она разбилась въ дребезги.

Долго стоялъ онъ неподвижно отъ ужаса; участь его была рѣшена; ему непремѣнно было надобно бѣжать изъ дома, иначе старуха прибила-бы его до смерти. Онъ вознамѣрился отправиться въ путь немедленно, и, озираясь вокругъ себя, чтобы увидѣть, не попадется-ли ему на глаза что нужное для дороги, онъ увидѣлъ въ углу пару огромныхъ туфлей. Онѣ были не красивы; но какъ собственныя его туфли, совершенно изношенныя, были уже ни на что не годны, то онъ и рѣшился взять эти, не взирая на ихъ огромность. Въ слѣдствіе этого благоразумнаго намѣренія, онъ поспѣшилъ сбросить свои маленькія туфельки и надѣть найденныя имъ огромныя туфлищи; онъ взялъ также хорошенькую тросточку, съ прекрасно-вырѣзанною головкою, и поспѣшилъ выдти изъ горницы. Зашедъ къ себѣ, онъ надѣлъ на голову отцовскую чалму, на плеча епанчу, заткнулъ за поясъ кинжалъ и побѣжалъ, не оглядываясь, сперва изъ дома, а наконецъ и вонъ изъ города. Страшась погони отъ своей хозяйки, онъ бѣжалъ все далѣе и далѣе, до тѣхъ поръ, пока отъ усталости едва могъ переводить дыханіе. Никогда еще не случалось ему бѣжать такъ скоро, ему невозможно было остановиться; какая-то невидимая сила влекла его впередъ. Наконецъ онъ догадался, что туфли его были какого-то особеннаго свойства, и что онѣ-то и тащили его. Онъ всячески старался остановить ихъ, но все безуспѣшно; напослѣдокъ, выбившись изъ силъ и не зная что дѣлать, онъ закричалъ на нихъ какъ на лошадей: тпрррру! тпрррy! стой! — Туфли остановились, и Мукъ въ изнеможеніи упалъ на землю.

Пріобрѣтеніе туфлей восхищало его! И такъ ему удалось найти вещь, которая можетъ доставить ему счастіе! — Не взирая на такую радость, онъ заснулъ отъ усталости, ибо маленькое его туловище, на которомъ была присажена такая огромная голова, не могло выносить большихъ трудовъ. Во снѣ увидѣлъ онъ любимую свою собачку, оставшуюся въ домѣ старой Ахавци, ту самую, которая привела его къ туфлямъ; она сказала: „любезный Мукъ! Ты еще не знаешь настоящаго употребленія своихъ туфлей; знай, что если ты повернешься три раза на коблукѣ, то можешь полетѣть куда тебѣ угодно; а посредствомъ тросточки ты можешь находить клады. Гдѣ зарыто золото, тамъ твоя тросточка ударитъ трижды по землѣ, а гдѣ зарыто серебро, тамъ ударитъ она два раза.“ — Проснувшись, маленькій Мукъ размышлялъ о своемъ чудесномъ снѣ; ему захотѣлось испытать, обманъ ли это воображенія или нѣтъ. Онъ надѣлъ на себя туфли, приподнялъ одну ногу и старался повернуться на коблукѣ. Туфли были такъ велики, осо-

бенно для Муковой ножки; что повернуться три раза на коблукѣ было очень трудно; не удивительно покажется, что это ему никакъ не удавалось, особенно при необычайной огромности его головы, которая перетягивала его то на ту, то на другую сторону.

Бѣдняжка падалъ нѣсколько разъ на носъ, но все не бросалъ своего испытанія, и наконецъ такъ хорошо принаровился, что ему удалось повернуться три раза на коблукѣ. Онъ закружился какъ колесо, и пожелалъ перенестись въ ближайшій большой городъ. Туфли подняли его на воздухъ и принялись шагать по облакамъ. Мукъ не успѣлъ еще опомниться, какъ очутился на площади большаго города. Эта площадь была кругомъ обстроена лавками, и множество народа ходило туда и сюда всякой былъ занятъ своимъ дѣломъ. Онъ также началъ было толкаться между народа, но скоро замѣтилъ, что для него гораздо лучше отойти подальше отъ толпы, потому что ему безпрестанно наступали на туфли, отъ чего онъ едва не падалъ; да и самъ онъ безпрестанно задѣвалъ своимъ кинжаломъ то того, то другаго, и отъ того былъ всякой разъ въ опасности, чтобы его кто не прибилъ.

Маленькій Мукъ долго размышлялъ, какимъ бы образомъ ему выработать нѣсколько денегъ. — У него была тросточка, которая могла обозначать ему, гдѣ зарытъ кладъ. — Но какъ найти такое мѣсто? Ему бы можно было показывать себя за деньги, но Мукъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы рѣшиться добывать деньги такимъ унизительнымъ образомъ. Наконецъ, ему пришло въ голову прибѣгнуть къ скорости ногъ своихъ. „Можетъ статься," думалъ онъ, „туфли мои доставятъ мнѣ средство содержать себя!" — И положилъ предложить свои услуги кому-нибудь въ качествѣ скорохода. Ему казалось, что такого рода служба нужнѣе всѣхъ султану того города, гдѣ онъ находился, и потому онъ пошелъ прямо во дворецъ. У воротъ стоялъ часовой, который спросилъ, что ему надобно. — Мукъ отвѣчалъ, что хочетъ вступить въ султанскую службу, и часовой указалъ ему, гдѣ найти надзирателя невольниковъ. Пришедъ къ нему, Мукъ объявилъ, что желаетъ быть принятъ въ число султанскихъ скороходовъ, для разноса повелѣній его свѣтлости, куда надобно, въ самомъ скорѣйшемъ времени. Надзиратель невольниковъ, осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, сказалъ: „ну, возможно ли принять тебя, съ твоими маленькими ножками, въ султанскіе скороходы? Убирайся отсюда! Со всякимъ дуракомъ мнѣ болтать некогда!" — Маленькій Мукъ увѣрялъ, однако, что никто скорѣе его не бѣгаетъ, и предложилъ сдѣлать опытъ. Надзирателю это показалось забавно; онъ приказалъ ему готовиться въ тотъ же вечеръ бѣгать взапуски съ другими скороходами; отвелъ его на поварню и велѣлъ хорошенько накормить и напоить, а самъ пошелъ къ султану и разсказалъ ему о предложеніи карлика. Султанъ былъ человѣкъ веселый, и ему понравилось, что надзиратель невольниковъ выдумалъ для него новое увеселеніе; онъ приказалъ все устроить для бѣга, на лугу, находящемся позади дворца, при-

гласилъ на это зрѣлище всѣхъ придворныхъ и требовалъ, чтобы карлика хорошенько угостили. Султанъ разсказалъ также принцамъ и принцессамъ своего дома о зрѣлищѣ, которое приготовляется къ вечеру; тѣ сообщили своимъ служителямъ, служители увѣдомили о томъ родню и пріятелей, такъ что передъ вечеромъ весь городъ собрался на лугъ смотрѣть, какъ будетъ бѣжать карликъ.

Когда султанъ со всѣми дѣтьми своими расположился на устроенномъ нарочно для того возвышенномъ мѣстѣ, то маленькій Мукъ, выступя изъ толпы народа, очень ловко и почтительно ему поклонился. При видѣ малютки раздалось всеобщее радостное восклицаніе: никто еще не видывалъ такой фигуры. Маленькое туловище съ огромною головою; необъятной ширины и епанча и шаровары; длинный кинжалъ, заткнутый за широкій поясъ; крошечныя ножки обутыя въ огромныя туфли, — все это казалось такъ смѣшно, что все многочисленное собраніе хохотало безъ памяти. Но маленькій Мукъ, встрѣченный такимъ громкимъ смѣхомъ, нисколько отъ того не смутился. Съ гордостью опершись на свою тросточку, онъ ожидалъ противника. По собственному желанію маленькаго Мука, надзиратель невольниковъ избралъ лучшаго скорохода, который сталъ рядомъ съ карликомъ и ожидалъ сигнала. Принцесса Амариза подала условный знакъ, махнувъ своимъ покрываломъ — и бѣгуны пустились по лугу, какъ изъ лука стрѣла.

Сначала Мукъ позволилъ своему противнику опередить себя на значительное пространство; но потомъ, погнавъ свои туфли, поровнялся съ нимъ, опередилъ его и бодро сталъ у цѣли, до которой противникъ его добѣжалъ гораздо послѣ и едва переводя дыханіе. Всѣ зрители были поражены удивленіемъ. Султанъ первый сталъ рукоплескать, а вслѣдъ за нимъ и вся толпа, восклицая: „да здравствуетъ маленькій Мукъ, побѣдитель въ бѣгѣ!“

Между тѣмъ маленькій Мукъ былъ приведенъ предъ султана; онъ палъ ницъ и сказалъ: „Великій государь! Я показалъ только небольшой опытъ моего искуства, но могу сдѣлать несравненно болѣе! Угодно-ли тебѣ будетъ принять меня въ число твоихъ скороходовъ?“ — Султанъ отвѣчалъ: „ты будешь служить при моемъ лицѣ, любезный Мукъ, и никогда не долженъ отъ меня отлучаться. Я назначаю тебѣ жалованья по сту золотыхъ въ годъ, и ты будешь имѣть столъ съ первѣйшими моими чиновниками.

„Наконецъ нашелъ я счастіе, котораго такъ долго искалъ!“ думалъ маленькій Мукъ. Онъ радовался, что понравился султану, который употреблялъ его на всѣ тайныя посольства, требовавшія поспѣшности; Мукъ исполнялъ приказанія своего государя съ величайшею исправностію.

Придворные не могли терпѣть карлика, сдѣлавшагося любимцемъ султана, только за то, что скорѣе всѣхъ бѣгалъ. Они составляли

противъ него разные заговоры, но ни одинъ не удавался, потому что султанъ имѣлъ величайшую довѣренность къ первому своему скороходу.

Козни, затѣваемыя противъ Мука, не могли отъ него скрыться; но, имѣя доброе сердце, онъ не только не думалъ мстить своимъ недоброжелателямъ, но старался изобрѣтать средства какъ бы снискать ихъ дружбу. Онъ вспомнилъ о забытой своей тросточкѣ, и думалъ, что она поможетъ ему найти благосклонность враговъ его. Давно уже дошелъ до него слухъ, что отецъ теперешняго султана зарылъ гдѣ-то свое сокровище, скрывая его отъ вторгнувшагося въ его землю непріятеля; скоро послѣ того онъ умеръ, не объявивъ сыну о своей тайнѣ. Мукъ вознамѣрился носить всегда при себѣ тросточку, въ той надеждѣ, что если случится ему нечаянно набрести на то мѣсто, гдѣ зарыто сокровище, то конечно тросточка укажетъ его. Однажды, вечеромъ, ему случилось быть въ отдаленной части дворцоваго сада, которую рѣдко посѣщалъ; вдругъ тросточка вырвалась изъ руки его и стукнула три раза по землѣ. Онъ зналъ уже, что это значило! Вынувъ свой кинжалъ, онъ перемѣтилъ имъ вокругъ растущія дерева и пошелъ во дворецъ; тамъ досталъ онъ себѣ заступъ и лопатку, и ожидалъ ночи.

Отрывать сокровище было очень труднымъ дѣломъ для маленькаго Мука. Руки его были и малы, и слабы, а заступъ и великъ, и тяжелъ. Онъ проработалъ часа два, не вырывъ земли и на двѣ пядени въ глубину. Наконецъ, однако, заступъ его стукнулъ о что-то твердое, зазвенѣвшее какъ металлъ. Онъ сталъ трудиться съ новымъ прилежаніемъ и скоро дорылся до желѣзной крыши. Мукъ влѣзъ въ вырытую имъ яму, чтобы хорошенько разсмотрѣть крышу, и нашелъ, что она покрывала большой котелъ, наполненный золотыми деньгами. Но Мукъ не имѣлъ довольно силы, чтобы вытащить котелъ; и такъ онъ наклалъ денегъ куда только могъ, въ широкіе шаровары, за поясъ, насыпалъ ихъ въ епанчу, сколько подъ силу было поднять, а остальныя прикрылъ землею и сухими листьями, и пошелъ во дворецъ. Если бы не было на ногахъ его чудесныхъ туфлей, то онъ, конечно, не въ силахъ былъ бы сдвинуться съ мѣста, будучи такъ навьюченъ золотомъ. Однако кое-какъ онъ добрался до своей горницы и спряталъ золото подъ подушки своей софы.

Маленькій Мукъ, видя себя обладателемъ такого богатства, вообразилъ, что купитъ на него пріязнь своихъ враговъ. Ужъ изъ этого одного можно заключить, что добрый Мукъ не имѣлъ ни малѣйшей опытности. Деньгами пріобрѣсть друзей! О! если бы онъ догадался тогда же повернуться трижды на коблукѣ своей туфли и летѣть подальше съ своимъ сокровищемъ!

Маленькій Мукъ началъ сыпать золото пригоршнями, и тѣмъ возбудилъ зависть въ придворныхъ служителяхъ. Главный поваръ, Ахули, говорилъ: „онъ дѣлаетъ фальшивую монету.“ Надзиратель невольниковъ, Ахметъ, говорилъ: „онъ выманилъ эти деньги у султа-

на!“ Казнохранитель, Абдулъ, злѣйшій изъ его враговъ, и часто самъ себя надѣлявшій деньгами изъ султанской казны, говорилъ: „онъ обокралъ казну!“ Всѣ они, включивъ въ ихъ общество и главнаго мундшенка, Корхуза, сдѣлали заговоръ противъ маленькаго Мука. Корхузъ притворился очень печальнымъ и такъ выказывалъ свое уныніе передъ султаномъ, что тотъ спросилъ наконецъ, что съ нимъ сдѣлалось. „Ахъ!“ отвѣчалъ Корхузъ: „я печаленъ потому, что лишился твоихъ милостей, о государь!“ — „Что это за вздоръ!“ воскликнулъ султанъ: „съ которыхъ поръ солнце моего благоволенія перестало освѣщать тебя своими лучами?“ — Корхузъ отвѣчалъ, что султанъ осыпаетъ золотомъ своего главнаго скорохода, а прочимъ вѣрнымъ слугамъ своимъ не жалуетъ ничего.

Это извѣстіе очень удивило султана: онъ приказалъ разсказать себѣ о щедрости маленькаго Мука, и заговорщикамъ не трудно было навлечь подозрѣніе на бѣдняжку; они дали чувствовать, что вѣроятно онъ обокралъ казну. Больше всѣхъ радовался казнохранитель оборотомъ, какой приняло это дѣло; онъ зналъ, что казны не достаетъ, и боялся, чтобы не потребовали у него отчета. Султанъ приказалъ надзирать за каждымъ шагомъ маленькаго Мука, желая поймать его на дѣлѣ. Въ слѣдующую ночь маленькій Мукъ взялъ свой заступъ и пошелъ тайкомъ въ садъ; принесенное имъ золото было уже все истрачено; онъ щедро одѣлялъ имъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, и ему понадобился новый запасъ. Главный поваръ Ахули и казнохранитель Абдулъ послѣдовали за нимъ, и въ то самое время, какъ онъ хотѣлъ насыпать золота изъ котла въ свою епанчу, они бросились на него, связали ему руки и привели передъ султана. Его высочество, разсердясь, что прервали сонъ его, принялъ очень немилостиво своего главнаго скорохода, и тотчасъ приказалъ допросить его. Котелъ былъ вырытъ изъ земли и принесенъ передъ султана, вмѣстѣ съ заступомъ и епанчею, наполненною золотомъ. Казнохранитель сказалъ, ччо онъ поймалъ Мука въ то время, когда онъ зарывалъ въ землю котелъ съ золотомъ.

Султанъ спросилъ у обвиненнаго, правда ли это, и гдѣ онъ взялъ такое множество золота.

Маленькій Мукъ, съ полнымъ чувствомъ невинности, не запинаясь, отвѣчалъ, что нашелъ этотъ котелъ въ саду, и не зарывать его хотѣлъ, а старался вырыть изъ земли.

Всѣ присутствующіе смѣялись этому извиненію; а султанъ, раздраженный мнимою дерзостію карлика, воскликнулъ: „Какъ, мерзавецъ! мало того, что ты обокралъ своего государя: ты хочешь еще его обманывать! смѣешь передъ нимъ лгать! Казнохранитель Абдулъ! говори: такой ли суммы не достаетъ въ моей казнѣ, какъ та, которую ты здѣсь видишь?“

Казнохранитель отвѣчалъ, что онъ готовъ присягнуть, что это казенныя деньги, ибо съ нѣкотораго времени онъ замѣтилъ большой недостатокъ въ султанскомъ сокровищѣ.

Тогда султанъ приказалъ сковать маленькаго Мука и посадить его въ тюрьму, а золото отдать казнохранителю, чтобы отнесть его въ сокровищницу султанскую. Абдулъ, обрадованный такимъ счастливымъ для него окончанiемъ этого дѣла, отнесъ домой котелъ и сталъ пересчитывать блестящiя золотыя монеты. Но злодѣй не зналъ того, что на днѣ котла лежала записка слѣдующаго содержанiя: „Непрiятель вторгнулся въ предѣлы моего государства, и „потому я зарываю часть моей казны. Кто найдетъ ее и не отдастъ „тотчасъ моему сыну, того постигнетъ проклятiе небесное, призы-„ваемое на него султаномъ Сади.“

Маленькiй Мукъ, сидя въ тюрьмѣ, предался горестнымъ размышленiямъ: онъ зналъ, что за покражу казны, по законамъ, долженъ быть наказанъ смертью, но, не смотря на то, не могъ рѣшиться открыть султану тайну своей тросточки, боясь, чтобы не лишиться также и туфлей. Къ несчастiю, во время заточенiя, туфли были для него вовсе безполезны: сколько онъ ни старался повернуться на коблукѣ, но тяжесть оковъ ему препятствовала! На другой день ему объявили смертный приговоръ, и Мукъ размыслилъ, что лучше жить безъ тросточки, нежели умереть позорною смертью, и потому просилъ, чтобы доложили султану, что онъ хочетъ открыть ему важную тайну. Султанъ допустилъ его къ себѣ, и Мукъ объявилъ ему о свойствѣ тросточки. Сначала султанъ не хотѣлъ вѣрить, но Мукъ предложилъ сдѣлать надъ тросточкою опытъ, прежде нежели окончать надъ нимъ казнь. Султанъ согласился, и приказалъ тайно отъ Мука зарыть въ землю нѣсколько золота; потомъ повелъ съ собою карлика, приказавъ ему взять свою тросточку. Черезъ нѣсколько минутъ зарытое золото было отыскано; тросточка, вырвавшись изъ рукъ, три раза ударила по землѣ. Тогда султанъ убѣдился, что казнохранитель его обманулъ и послалъ ему, какъ водится на востокѣ, шелковый снурокъ, чтобы онъ имъ удавился; а маленькому Муку сказалъ слѣдующiя слова: „я даровалъ жизнь тебѣ; но ты, какъ я замѣчаю, открывъ мнѣ свойство тросточки, не совершенно обнаружилъ свою тайну, и потому осуждаю тебя быть заключену въ темницѣ, до тѣхъ поръ, пока ты не объявишь мнѣ, отъ чего ты бѣгаешь такъ скоро“— Единственная ночь, проведенная въ тюрьмѣ, внушила Муку такое отвращенiе отъ дальнѣйшаго тамъ пребыванiя, что онъ тотчасъ признался, что все искуство его заключается въ туфляхъ; однако онъ утаилъ отъ султана, что, повернувшись три раза на коблукѣ, можно летать. Султанъ надѣлъ на себя туфли, для пробы, и какъ бѣшеный принялся бѣгать по саду; ему хотѣлось остановиться, но не зналъ, что дѣлать, чтобы удержать туфли; а маленькiй Мукъ, желая отмстить султану, не говорилъ ни слова, и султанъ бѣгалъ до тѣхъ поръ, что наконецъ упалъ, отъ усталости, безъ чувствъ.

Опомнившись, султанъ ужасно разсердился на маленькаго Мука, который допустилъ его бѣгать до такого изнуренiя. „Я обѣщалъ тебѣ свободу и жизнь“, сказалъ онъ, „но если черезъ двѣнадцать

часовъ ты не выберешься вонъ изъ моихъ владѣній, то я прикажу тебя повѣсить". Туфли и тросточка были отнесены въ султанскую сокровищницу.

Маленькій Мукъ оставилъ владѣнія султана въ прежней бѣдности; онъ оплакивалъ свою безразсудную расточительность, вовлекшую его въ напасть, тогда какъ онъ могъ бы остаться очень значительнымъ человѣкомъ при дворѣ султана. Къ счастію, владѣнія, изъ которыхъ онъ былъ изгнанъ, были не обширны, и черезъ восемь или десять часовъ, онъ успѣлъ перебраться за границу, хотя уже и отвыкъ ходить безъ своихъ большихъ туфлей.

Переступя за границу, онъ свернулъ съ большой дороги и вышелъ въ самую чащу густаго лѣса, гдѣ хотѣлъ остаться жить, далеко отъ людей, которыхъ ненавидѣлъ. Онъ нашелъ въ этомъ лѣсу мѣсто, совершенно отвѣтствующее его желаніямъ. Прозрачный ручей, осѣненный фиговыми деревьями, мягкій дернъ, казалось, приглашали его къ отдохновенію; тутъ бросился онъ на землю, съ твердымъ намѣреніемъ уморить себя съ голода. Въ ожиданіи смерти, онъ заснулъ, а выспавшись, ему захотѣлось ѣсть. Маленькій Мукъ разсудилъ, что умирать съ голода очень мучительно, и сталъ оглядываться, чтобы увидѣть, не найдется ли вблизи чего нибудь съѣстнаго.

Онъ увидѣлъ на томъ деревѣ, подъ которымъ лежалъ, прекраснѣйшія, спѣлыя фиги. Взобравшись на вѣтку, онъ нарвалъ ихъ и съѣлъ съ величайшимъ удовольствіемъ; потомъ пошелъ къ ручью напиться. Но какъ описать его ужасъ, когда въ зеркалѣ прозрачнаго ручья онъ увидѣлъ, что лице его украсилось огромнымъ носомъ, а голова предлинными ушами! Онъ въ отчаяніи схватилъ себя за уши и убѣдился, что они были длиною въ локоть.

„О! я заслуживаю ослиныя уши!" вскричалъ онъ; „какъ оселъ, растопталъ я ногами свое счастіе!" — Печально прохаживался онъ въ тѣни деревъ, и, снова проголодавшись, долженъ былъ опять прибѣгнуть къ фигамъ, потому что не было никакого другаго плода, годнаго къ употребленію въ пищу. Съѣвши вторую порцію фигъ, ему вздумалось надѣть на голову свою огромную чалму, чтобы видѣть, спрячутся ли подъ нее его длинныя уши; но, дотронувшись до ушей, ему показалось, что они исчезли. Мукъ побѣжалъ къ ручью, чтобы посмотрѣть на себя и удостовѣриться, и увидѣлъ, что въ самомъ дѣлѣ и носъ и уши приняли прежній видъ. Тогда замѣтилъ онъ хорошенько первое фиговое дерево, отъ плодовъ котораго вырастаютъ носъ и уши необычайной величины, и то, отъ котораго они принимаютъ прежній видъ; съ восхищеніемъ узналъ онъ, что благодѣтельная судьба еще разъ посылаетъ случай пріобрѣсть счастіе. Съ каждаго изъ этихъ деревъ нарвалъ онъ плодовъ, сколько возможно было нести, и пошелъ обратно въ то государство, изъ котораго былъ изгнанъ. Въ первомъ городѣ онъ такъ переодѣлся, что его невозможно было узнать, и поспѣшилъ идти въ столицу султана.

Все это происходило въ такое время года, когда плоды были еще очень рѣдки. Зная, что главный поваръ охотно покупаетъ для султанскаго стола всякія рѣдкости, маленькій Мукъ сѣлъ съ товаромъ своимъ у воротъ дворца. Онъ недолго тамъ сидѣлъ; скоро вышелъ и главный поваръ. Онъ пересмотрѣлъ всю провизію, снесенную разными торговцами къ воротамъ дворца, и замѣтилъ наконецъ Мукову корзину съ фигами. „Вотъ рѣдкость!“ воскликнулъ онъ: „Его свѣтлость очень обрадуется! Эй, мальчикъ! что просишь ты за всю корзинку?“ Маленькій Мукъ потребовалъ очень умѣренную цѣну и тотчасъ получилъ ее безъ торга. Главный поваръ отдалъ корзину невольнику, чтобы отнести на поварню, и пошелъ далѣе, а маленькій Мукъ поспѣшилъ скрыться, чтобы не быть вблизи дворца въ то время, когда султанскій носъ и уши отростутъ, боясь, что его станутъ отыскивать, какъ виновника бѣды.

Султанъ былъ очень веселъ во время обѣда, и нѣсколько разъ изъявлялъ свое благоволеніе главному повару за то, что онъ всегда умѣетъ находить рѣдкости для его стола; а главный поваръ, зная, какой лакомый кусокъ приготовленъ для закуски, сказалъ съ видомъ самодовольнымъ: „это еще не все, ваша свѣтлость! конецъ дѣло вѣнчаетъ!“ Всѣмъ принцамъ и принцессамъ любопытно было знать, что такое еще было приготовлено, и когда подали на столъ полное блюдо прекрасныхъ спѣлыхъ фигъ, раздалось всеобщее, громкое восклицаніе: „Ахъ! какія спѣлыя, какія прекрасныя фиги!“— Султанъ, подозвавъ къ себѣ главнаго повара, увѣрилъ его въ особенной своей милости; послѣ чего началъ одѣлять изъ собственныхъ своихъ рукъ всѣхъ присутствующихъ. Каждому принцу и каждой принцессѣ онъ далъ по двѣ фиги, придворнымъ же только по одной, а все остальное сберегъ для себя и сталъ кушать съ величайшею жадностію.

„Батюшка!“ воскликнула принцесса Амариза: „что съ тобою сдѣлалось?“ Всѣ глаза устремились на султана и съ неописаннымъ удивленіемъ увидѣли пару длинныхъ ушей, приподнявшихъ его чалму, и длинный носъ, нависшій черезъ губы на бороду. Всѣ собесѣдники съ изумленіемъ и ужасомъ глядѣли другъ на друга; всѣ имѣли такое же украшеніе, хотя не столь огромное, потому что они меньше съѣли фигъ.

Можно себѣ представить, въ какомъ смятеніи былъ весь дворъ! Тотчасъ разослали собирать всѣхъ врачей; они пришли толпами, прописывали пилюли пудами, микстуры ведрами, порошки четвериками, — ничто не помогало! Ни носы, ни уши не уменьшались! Одному изъ принцевъ отрѣзали носъ и уши; но его уши и носъ опять выросли!

Мукъ оставался спрятанный въ городѣ и слышалъ обо всемъ случившемся. „Теперь наступило мое время!“ подумалъ онъ. На деньги, вырученныя за фиги, онъ купилъ одежду ученаго и подвязалъ длинную козлиную бороду; въ такомъ нарядѣ онъ былъ вовсе не похожъ на себя. Съ мѣшкомъ, наполненнымъ фигъ, пришелъ

онъ въ султанскій дворецъ и предложилъ свои услуги, называя себя заѣзжимъ врачемъ. Сначала ему не хотѣли вѣрить, но маленькій Мукъ уговорилъ одного изъ принцевъ съѣсть только одну фигу; принцъ послушался, и его носъ и уши пришли въ обыкновенное положеніе. Всѣ прибѣгали къ чужестранному врачу и просили его помощи. Султанъ же взялъ его за руку молча, и повелъ въ свой кабинетъ. Пришедъ туда, онъ отперъ дверь, ведущую въ его казнохранилище; ввелъ туда маленькаго Мука и сказалъ ему: „вотъ всѣ мои сокровища передъ тобой. Бери что хочешь и сколько хочешь; все отдаю тебѣ, только избавь меня отъ такого постыднаго уродства!" Эти слова были пріятнѣе всякой музыки для маленькаго Мука! Входя въ казнохранилище, онъ тотчасъ увидѣлъ свои туфли, стоящія на полу, а возлѣ нихъ свою тросточку. Онъ кругомъ обошелъ обширную палату, какъ бы выбирая достойное для себя награжденіе и разсматривая султанскія сокровища; но, подошедъ къ туфлямъ, онъ поспѣшно сунулъ въ нихъ свои ножки, схватилъ тросточку, оторвалъ свою длинную бороду и показалъ султану коротко знакомое ему лицо изгнаннаго Мука. „Вѣроломный государь!" сказалъ онъ, „ты заслуживаешь свое безобразіе, ибо вѣрнѣйшіе твои слуги, вмѣсто награды, получаютъ обиды и наказаніе. Я оставляю тебѣ твои длинныя уши и носъ! Пускай они ежедневно напоминаютъ тебѣ о маленькомъ Мукѣ!" — Сказавъ это, онъ повернулся три раза на коблукѣ, пожелавъ возвратиться на родину, и улетѣлъ прежде нежели султанъ успѣлъ позвать кого нибудь къ себѣ на помощь. Съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ изобиліи, но очень уединенно, потому что презираетъ людей. Опытность сдѣлала его мудрымъ, и, не взирая на странную свою наружность, онъ заслуживаетъ твое почтеніе, а не насмѣшки."

Такъ разсказывалъ отецъ мой; я изъявилъ раскаяніе въ неприличныхъ моихъ поступкахъ противъ маленькаго Мука, и батюшка простилъ меня. Я сообщилъ товарищамъ слышанное мною о чудесной судьбѣ маленькаго Мука, и мы всѣ такъ полюбили его, что не только никогда надъ нимъ не насмѣхались, но всегда оказывали ему еще больше почтенія, нежели кадію или муфти.

Анна Зонтагъ.

(*Библіотека для воспитанія*).

30. СВѢТЯЩІЙСЯ ЖУЧОКЪ.

Однажды вечеромъ, послѣ душнаго лѣтняго дня, Марія, бѣдная вдова, сидѣла у открытаго окна и смотрѣла на садикъ, окружающій ея хижину. Трава была подкошена, и она, не взирая на сильный жаръ, цѣлый день сгребала ее и сложила въ копны. Легкій вѣтерокъ вносилъ въ маленькую комнату освѣжительный, благовонный запахъ сѣна. Вечерняя заря потухала на безоблачномъ небѣ, и полумѣсяцъ свѣтилъ въ открытое окно, рисовалъ на чистомъ полу раму и стекла другаго закрытаго окна и виноградную бесѣдку, находящуюся подлѣ него. Маленькій ея Фердинандъ, шестилѣтній мальчикъ, стоялъ облокотившись на окно; его цвѣтущее личико, свѣтлорусые кудри, бѣлый воротъ рубашки и красный камзольчикъ также были освѣщены луною.

Бѣдная женщина сѣла отдохнуть; но она забыла и о трудѣ дневномъ, и объ усталости, и о палящемъ зноѣ прошедшаго дня: печальная мысль тяготила ее. Для ужина была приготовлена большая чашка молока съ накрошеннымъ хлѣбомъ: но она до него не дотрогивалась. Маленькій Фердинандъ, видя горесть матери, стоялъ передъ нею неподвижно; и онъ положилъ свою ложку и пересталъ ѣсть, замѣтя, что мать его вмѣсто того, чтобы ужинать, горько плакала. Глиняная чашка стояла почти полною, мѣсяцъ свѣтилъ на нее и ясный кругъ отражался на потолкѣ.

Марія овдовѣла въ исходѣ прошедшей весны. Покойный мужъ ея былъ честнѣйшій молодой человѣкъ изъ всей деревни; бережливостію своею и трудолюбіемъ онъ собралъ столько денегъ, что могъ купить маленькую хижину съ огородомъ; конечно, онъ не могъ этого сдѣлать, не войдя въ долгъ. Онъ насадилъ деревьевъ въ своемъ огородѣ, и они приносили уже прекраснѣйшіе плоды. Марія была бѣдная сирота; родители не оставили ей ничего, кромѣ хорошаго воспитанія; но онъ выбралъ ее предпочтительно передъ другими потому, что во всей деревнѣ она слыла самою набожною, скромною и трудолюбивою дѣвушкой. Они жили очень счастливо; но въ деревнѣ сдѣлалась заразительная горячка, отъ которой добрый этотъ человѣкъ умеръ. Она ходила за больнымъ мужемъ своимъ съ нѣжнѣйшею попечительностію, и сама заразилась тою же болѣзнію, отъ которой съ величайшимъ трудомъ была избавлена.

Болѣзнь мужа и ея собственная привели Марію въ крайнюю бѣдность; но теперь она предвидѣла, что должна будетъ лишиться даже и домика своего. Покойный мужъ ея долго служилъ у богатѣйшаго крестьянина, арендатора ихъ деревни, который, будучи доволенъ его вѣрностію и честностію, далъ ему въ займы триста гульденовъ на покупку домика съ садомъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ ежегодно уплачивалъ ему по двадцати пяти гульденовъ чистыми деньгами, и еще другіе двадцать пять гульденовъ у него заработывалъ. Іоганъ Блумъ (такъ назывался Маріинъ

мужъ) до сего года со всею исправностію исполнялъ таковое условіе, и передъ смертію своею оставался должнымъ всего только пятьдесятъ гульденовъ. Марія знала обо всемъ этомъ.

Въ это время и арендаторъ, заразившись тою же самою болѣзнію, умеръ. Наслѣдниками его были дочь и зять; они нашли между бумагами покойнаго росписку отъ Іогана Блума въ триста гульденовъ, но ничего не знали объ уплатѣ, сдѣланной по сей росписке, потому что покойникъ никогда не говорилъ съ ними объ этомъ дѣлѣ. Они требовали отъ бѣдной вдовы полной уплаты по роспискѣ. Марія, приведенная въ ужасъ, брала въ свидѣтели самого Бога, что мужъ ея уплатилъ все, кромѣ пятидесяти гульденовъ; но ей не вѣрили. Молодой крестьянинъ называлъ ее безстыдною лгуньею и просилъ на нее въ судѣ; а какъ она не имѣла никакихъ доказательствъ, что долгъ былъ уплаченъ, то и рѣшено было, чтобы она по роспискѣ заплатила все сполна. Наслѣдники требовали скорѣйшей уплаты, и бѣдная Марія, не имѣя ничего, кромѣ хижины и сада, видѣла необходимость продать ихъ. Она бросилась къ ногамъ наслѣдниковъ, умоляла ихъ не лишать ее убѣжища; маленькій Фердинандъ стоялъ на колѣняхъ возлѣ своей матери — но все было тщетно! Въ слѣдующій день назначена была продажа домика. Она узнала объ этомъ уже по окончаніи своей дневной работы, отъ сосѣда, который черезъ заборъ прокричалъ ей эту новость.

Вотъ почему она сидѣла подъ окномъ въ такой горести, смотрѣла то на небо, то на своего маленькаго Фердинанда и проливала горячія слезы.

И такъ, думала она, я въ послѣдній разъ убрала сѣно въ моемъ садикѣ! Первыя бѣлыя сливы, которыя я собрала съ этого дерева для моего Фердинанда, будутъ послѣдними плодами, которыми будетъ онъ лакомиться съ деревьевъ, посаженныхъ для него отцемъ. Такъ, можетъ статься, мы проводимъ здѣсь послѣднюю ночь. Завтра объ эту пору домикъ мой будетъ принадлежать другому и, можетъ быть, насъ тотчасъ изъ него выгонятъ. Богъ знаетъ, гдѣ найдемъ мы пристанище для будущей ночи! Быть можетъ, мы проведемъ ее подъ открытымъ небомъ!

Въ это время Фердинандъ, стоявшій неподвижно, подошелъ къ матери и сказалъ ей, рыдая: „Матушка! не плачь, пожалуйста! Право, я не смѣю даже и говорить съ тобою! Развѣ ты забыла о томъ, что говорилъ намъ батюшка, умирая? Не плачьте! — говорилъ онъ: — Богъ есть отецъ бѣдныхъ вдовъ и сиротъ. Призывайте Его въ печали, и Онъ поможетъ. — Вотъ что онъ говорилъ; развѣ ты этого не помнишь?"

— „Точно такъ, сынъ мой! я это очень помню!" отвѣчала мать. — „Ну, какъ же ты можешь такъ долго плакать!" воскликнулъ малютка. „Лучше помолись Богу, Онъ тебѣ поможетъ! О, когда, бывало, батюшка пойдетъ въ лѣсъ рубить дрова и меня возьметъ съ собою, и со мною случится какая нибудь бѣда: или

проголодаюсь, или заножу себѣ руку, бывало я никогда не плачу долго! Пойду къ батюшкѣ — онъ тотчасъ положитъ топоръ, дастъ мнѣ хлѣба, или вынетъ занозу! И Богъ также помогаетъ Своимъ дѣтямъ! Онъ благъ и совсѣмъ не таковъ, какъ тотъ богатый человѣкъ, котораго, стоя на колѣняхъ, мы просили сжалиться надъ нами, и который насъ оттолкнулъ ногою и прогналъ отъ себя. Или, можетъ статься, ты думаешь, что Богъ недовольно богатъ! О, Онъ гораздо богатѣе арендатора! Посмотри въ окно: Ему принадлежатъ и мѣсяцъ, и звѣзды! Батюшка часто говаривалъ, что весь свѣтъ принадлежитъ Богу. Зачѣмъ же намъ горевать и плакать? Пойдемъ! Лучше станемъ молиться: Богъ, конечно, поможетъ намъ! Начинай ты, матушка! Я пособлю тебѣ молиться! Богъ лучше приметъ нашу просьбу, нежели богатый арендаторъ!"

— „Ты правъ, милое, доброе дитя мое!" сказала мать, и слезы ея были уже не столь горестны; сладостное утѣшеніе тѣснилось въ ея душу. Она сложила руки, возвела глаза на небо, также и малютка, и свѣтлый мѣсяцъ, отражаясь, блисталъ въ слезахъ ихъ. Мать читала вслухъ молитву, а сынъ повторялъ за нею каждое слово.

„Отецъ небесный!" говорила она: „призри на бѣдную вдову и на безпомощнаго сироту, молящихся Тебѣ! Насъ постигло величайшее несчастіе, и мы кромѣ Тебя одного не имѣемъ ни защиты, ни прибѣжища! Ты милосердъ, помилуй насъ! Ты самъ, Господи, сказалъ устами святаго Своего: *воззоветъ ко Мнѣ и услышу его!* О, я взываю къ Тебѣ, не отвергни меня, не допусти изгнать насъ изъ бѣдной нашей хижины, не попусти отнять у несчастнаго сироты наслѣдства, оставленнаго ему отцемъ! Но если Ты положилъ въ премудромъ непостижимомъ совѣтѣ Своемъ лишить насъ бѣднаго нашего убѣжища; то дай намъ въ пространной вселенной Твоей одинъ спокойный уголокъ, и пошли утѣшеніе сердцамъ нашимъ; не дай намъ придти въ отчаяніе, когда, взошедъ на холмъ, мы бросимъ послѣдній прощальный взглядъ на нашу хижину!"

Голосъ Маріинъ былъ прерванъ рыданіями; она не могла продолжать молитвы, и въ молчаніи смотрѣла на небо. Малютка, стоявшій еще съ подъятыми рученками, вскрикнулъ и, указывая пальцемъ, сказалъ: „Матушка! посмотри, посмотри, что это такое, что это блеститъ? къ намъ летитъ звѣздочка! Вотъ она подлѣ окна! вотъ влетѣла! О, посмотри, какая свѣтленькая! какой зеленоватый огонекъ! почти прекраснѣе вечерней звѣзды! Теперь она летаетъ подъ самымъ потолкомъ! Какое чудо!"

— „Это свѣтящійся жучокъ, милый мой Фердинандъ," отвѣчала мать. „Днемъ онъ кажется ничего незначащею козявкою, а ночью отъ него свѣтится прекрасно."

— „Можно ли мнѣ поймать его?" спросилъ мальчикъ: „не обожгусь ли я этимъ огонькомъ?"

— „Этотъ огонекъ не жжется," отвѣчала мать съ улыбкою, хотя слезы катились по щекамъ ея. „Поймай этого жучка и посмотри на него вблизи. И это маленькое твореніе есть также одно изъ чудесъ всемогущества Божія."

Малютка, забывъ печаль свою, бѣгалъ за жучкомъ, который, летая по комнатѣ, спустился и садился то подъ столъ, то подъ стулъ. Фердинандъ старался поймать его.

„Ахъ, онъ пропалъ!" вскричалъ малютка. Въ ту самую минуту, когда онъ хотѣлъ уже схватить блестящее насѣкомое, оно залетѣло за сундукъ, стоявшій возлѣ стѣны. Фердинандъ посмотрѣлъ за сундукъ и сказалъ: „теперь я его опять вижу! Онъ подлѣ самой стѣны, и такъ свѣтится, что около него и бѣлая стѣна и полъ освѣщены. Можно разглядѣть каждую пылинку! Но мнѣ никакъ нельзя достать его: рука моя слишкомъ коротка!"

— „Подожди," отвѣчала мать: „онъ вылетитъ изъ-за сундука."

Мальчикъ ждалъ нѣсколько времени, потомъ подошелъ къ матери и сказалъ ласковымъ, просительнымъ голосомъ: „Матушка! достань мнѣ его, или отодвинь немножко отъ стѣны сундукъ, чтобы мнѣ самому можно было поймать жучка!"

Мать встала и отодвинула сундукъ; малютка поймалъ спокойно отдыхающаго жучка, и разсматривалъ его съ такимъ удовольствіемъ, какое врядъ ли чувствуютъ принцы и принцессы, любуясь своими драгоцѣнными каменьями.

Между тѣмъ, мать занята была совсѣмъ другимъ предметомъ. Отдвигая сундукъ, она слышала, что какая-то вещь, завязнувшая между сундукомъ и стѣною, упала на полъ. Поднимая ее, она громко воскликнула: „Великій Боже! какъ скоро Ты ниспослалъ мнѣ помощь Свою! Это прошлогодній календарь! я искала его такъ долго и все напрасно! Я думала, что во время моей болѣзни, когда я лежала въ безпамятствѣ, кто нибудь изъ постороннихъ людей, приходившихъ смотрѣть за мною, бросилъ его какъ вещь ненужную. Теперь я могу доказать, что мужъ мой заплатилъ большую часть тѣхъ денегъ, которыхъ съ меня требуютъ! Кто бы могъ догадаться, что этотъ календарь завязъ за сундукомъ, который мы купили вмѣстѣ съ домомъ, и котораго никогда не сдвигали съ мѣста!"

Она зажгла свѣчу и пересматривала календарь съ радостными слезами. Въ началѣ года было записано, сколько покойный мужъ ея оставался должнымъ арендатору изъ числа трехъ сотъ гульденовъ; въ теченіе года было внесено, по скольку онъ заработывалъ и уплачивалъ; въ концѣ же года было написано, собственною рукою покойнаго арендатора, слѣдующее: „Въ день святаго Мартына „я расчитался съ Іоганомъ Блумомъ, который остается мнѣ должнымъ не болѣе какъ пятьдесятъ гульденовъ, изъ числа тѣхъ денегъ, которыя онъ у меня занималъ. *Пятьдесятъ гульденовъ.*"

Марія отъ радости не знала, что дѣлать. Она обнимала своего сына, и съ восхищеніемъ восклицала: „О Фердинандъ, благодари Бога! теперь мы не будемъ принуждены покидать нашего жилища. Теперь насъ отсюда не выгонятъ!"

„Право?" сказалъ мальчикъ: „а все это отъ меня! Если бы я не попросилъ тебя отодвинуть сундукъ, то ты никогда бы не нашла этой книги!"

Мать стояла нѣсколько времени, погруженная въ размышленія; потомъ сказала: „О сынъ мой! все это устроено самимъ Богомъ! Я чувствую благоговѣйный ужасъ, помышляя объ этомъ! Въ самое то время, когда мы со слезами молились, влетѣла эта блестящая птичка, и освѣтила мѣсто, гдѣ надобно было искать книгу. О! конечно промыслъ Божій ведетъ насъ ко благу и малѣйшія вещи обращаетъ въ нашу пользу. Безъ власти Божіей не упадетъ и власъ главы нашей. Не забывай никогда этого случая и уповай на Бога всегда, а особливо во время скорби. Ему не всегда нужно ниспосылать къ намъ свѣтлыхъ ангеловъ; и маленькое насѣкомое равно возвѣстить намъ волю Его.

Марія не могла спать отъ радости. Какъ скоро разсвѣло, она пошла къ судьѣ, который послалъ за наслѣдниками арендатора. Сіи послѣдніе признали справедливость росписки покойнаго отца, и стыдились того, что обидѣли бѣдную вдову и обвиняли ее въ судѣ какъ безчестную женщину. Судья сказалъ, что за причиненную ей обиду и горесть они должны сдѣлать бѣдной вдовѣ какое нибудь вознагражденіе.

Но когда Марія разсказала, какъ она вмѣстѣ съ сыномъ своимъ молилась прошедшею ночью и какъ влетѣлъ къ нимъ свѣтящійся жучокъ, то судья сказалъ: „Здѣсь видѣнъ перстъ Божій! Самъ Богъ ниспослалъ вамъ помощь!"

Молодой арендаторъ былъ очень тронутъ ея повѣствованіемъ и говорилъ со слезами на глазахъ: „Богъ не только помогаетъ сиротамъ и вдовамъ, но и мститъ за нихъ! Простите мнѣ, что я поступилъ съ вами такъ жестокосердо! Это произошло отъ незнанія! Въ вознагражденіе за горесть, которую я причинилъ вамъ, я дарю вамъ тѣ пятьдесятъ гульденовъ, которые еще не уплачены, и если вы будете въ чемъ либо нуждаться, приходите ко мнѣ: я всегда готовъ помогать вамъ, потому что вижу теперь ясно, что Богъ печется о тѣхъ, кто на Него уповаетъ. Упованіе на Бога есть лучшее богатство! Когда я буду въ нуждѣ, или жена моя останется вдовою, а дѣти сиротами, да поможетъ и намъ Отецъ Милосердный, такъ какъ Онъ помогъ вамъ!"

„Уповайте на Него также, какъ эта бѣдная вдова, и будьте столь же благочестивы, какъ она", сказалъ судья: „тогда и вамъ Господь Богъ будетъ прибѣжищемъ и защитою!"

Анна Зонтагъ.

31. ГОРОДОКЪ ВЪ ТАБАКЕРКѢ.

Папенька поставилъ на столѣ табакерку. „Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка", сказалъ онъ. Миша былъ послушный мальчикъ; тотчасъ оставилъ свои игрушки и подошелъ къ папенькѣ. Да ужъ и было чего посмотрѣть. Какая прекрасная табакерка! пестренькая, изъ черепахи. А что на крышкѣ-то! Ворота, башенки, домикъ, другой, третій, четвертый—и счесть нельзя; и все малъ-мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотыя, а листики на нихъ серебряные; а за деревьями встаетъ солнышко и отъ него розовые лучи по всему небу.

„Что это за городокъ?" спросилъ Миша.

— Это городъ *Динь-динь* — отвѣчалъ папенька и тронулъ пружинку.... и чтоже? вдругъ невидимо гдѣ заиграла музыка.—Откуда слышна эта музыка, Миша не могъ понять; онъ ходилъ и къ дверямъ—не изъ другой ли комнаты? и къ часамъ—не въ часахъ ли? и къ бюро, и къ горкѣ; прислушивался то въ томъ, то другомъ мѣстѣ; смотрѣлъ и подъ столъ.... наконецъ Миша увѣрился, что музыка точно играла въ табакеркѣ. Онъ подошелъ къ ней, смотритъ, а изъ-за деревьевъ солнышко выходитъ, крадется тихонько по небу, а небо и городокъ все свѣтлѣе, да свѣтлѣе; окошки горятъ яркимъ огнемъ, и отъ башенокъ будто сіяніе; вотъ солнышко перешло черезъ небо на другую сторону, все ниже, да ниже, и наконецъ за пригоркомъ совсѣмъ скрылося—и городокъ потемнѣлъ, ставни закрылись и башенки померкли, только ненадолго; вотъ затеплилась звѣздочка, вотъ другая, вотъ и мѣсяцъ рогатый выглянулъ изъ-за деревьевъ и въ городкѣ стало опять свѣтлѣе, окошки засеребрились и отъ башенокъ пошли синеватые лучи.

„Папенька! папенька! нельзя ли войти въ этотъ городокъ? куда бы мнѣ хотѣлось!"

— Мудрено, мой другъ,—этотъ городокъ тебѣ не по росту.

„Ничего, папенька, я такой маленькій — только пустите меня туда;—мнѣ такъ бы хотѣлось узнать, что тамъ дѣлается...."

— Право, другъ мой, тамъ и безъ тебя тѣсно.

„Да кто же тамъ живетъ?"

— Кто тамъ живетъ? Тамъ живутъ *колокольчики*.—Съ сими словами папенька поднялъ крышку на табакеркѣ, и что же увидѣлъ Миша? и колокольчики, и молоточки, и валикъ, и колеса.—Миша удивился: „За чѣмъ эти колокольчики? за чѣмъ молоточки? за чѣмъ валикъ съ крючками?" спрашивалъ Миша у папеньки.

А папенька отвѣчалъ: „Не скажу тебѣ, Миша; самъ посмотри попристальнѣе, да подумай; авось-либо отгадаешь. Только вотъ этой пружинки не трогай, а иначе все изломается."

Папенька вышелъ, а Миша остался надъ табакеркой: вотъ онъ сидѣлъ, сидѣлъ надъ нею, смотрѣлъ, думалъ, думалъ: отъ чего звенятъ колокольчики?

Между тѣмъ музыка играетъ, да играетъ; вотъ все тише да тише, какъ будто что-то цѣпляется за каждую ножку, какъ будто что-то отталкиваетъ одинъ звукъ отъ другаго; вотъ Миша смотритъ: въ низу табакерки подъ шалнеромъ отворяется дверца и изъ дверцы выбѣгаетъ мальчикъ съ золотою головкою и въ стальной юбочкѣ, останавливается на порогѣ и манитъ къ себѣ Мишу.

„Да отъ чего же", подумалъ Миша, „папенька сказалъ, что въ этомъ городкѣ и безъ меня тѣсно; нѣтъ, видно въ немъ живутъ добрые люди — видите, зовутъ меня въ гости; извольте, господа, извольте, съ величайшею радостію."

Съ сими словами Миша побѣжалъ къ дверцѣ и съ чрезвычайнымъ удивленіемъ замѣтилъ, что дверца ему пришлась точь въ точь по росту. Какъ хорошо воспитанный мальчикъ, онъ почелъ долгомъ прежде всего обратиться къ своему провожатому:

„Позвольте узнать", сказалъ Миша, „съ кѣмъ я имѣю честь говорить?"

— Динь, динь, динь,—отвѣчалъ незнакомецъ,—я *Мальчикъ колокольчикъ* — житель этого городка. — Мы слышали, что вамъ очень хочется побывать у насъ въ гостяхъ и потому рѣшились просить васъ сдѣлать намъ честь къ намъ пожаловать—динь, динь, динь; динь, динь, динь.

Миша учтиво поклонился; *Мальчикъ-колокольчикъ* взялъ его за руку и они пошли. — Тутъ Миша замѣтилъ, что надъ ними былъ сводъ, сдѣланный изъ пестрой тисненой бумажки съ золотыми краями; передъ ними былъ другой сводъ, только поменьше; потомъ третій еще меньше; четвертый еще меньше, и такъ всѣ другіе своды, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше, такъ что въ послѣдній, казалось, едва могла пройти головка его провожатаго.

„Я вамъ очень благодаренъ за ваше приглашеніе", сказалъ ему Миша, „но не знаю: можно ли будетъ мнѣ имъ воспользоваться;—правда, здѣсь я свободно прохожу, но тамъ дальше, посмотрите, какіе у васъ низенькіе своды; тамъ я, позвольте сказать откровенно, тамъ я и ползкомъ не пройду; я удивляюсь, какъ и вы подъ ними проходите...."

— Динь, динь, динь!—отвѣчалъ мальчикъ—пройдемъ, не безпокойтесь, ступайте только за мною.

Миша послушался. Въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ ихъ шагомъ, казалося, своды подымались и они всюду свободно проходили; когда же они дошли до послѣдняго свода, тогда *Мальчикъ-колокольчикъ* попросилъ Мишу оглянуться назадъ. Миша оглянулся и что же увидѣлъ? Теперь тотъ первый сводъ, подъ который онъ подошелъ, входя въ дверцы, казался ему маленькимъ, какъ будто, пока они шли, онъ опустился.

Миша былъ очень удивленъ. „Отъ чего это?" спросилъ онъ у своего проводника.

Динь, динь, динь!—отвѣчалъ проводникъ со смѣхомъ — издали всегда такъ кажется; видно вы ни на что въ даль со вниманіемъ

не смотрѣли: въ дали все кажется маленькимъ, а подойдешь — большое.

„Да, это правда," отвѣчалъ Миша, „я до сихъ поръ не подумалъ объ этомъ и отъ того вотъ что со мною случилось: третьяго дня я хотѣлъ нарисовать, какъ маменька возлѣ меня играетъ на фортепьяно, а папенька на другомъ концѣ комнаты читаетъ книжку; только этого мнѣ никакъ не удавалось сдѣлать; тружусь, тружусь, рисую какъ можно вѣрнѣе, а все на бумагѣ у меня выдетъ, что папенька возлѣ маменьки сидитъ и кресла его возлѣ фортепьяно стоятъ, — а между тѣмъ я очень хорошо вижу, что фортепьяно стоитъ возлѣ меня у окошка, а папенька сидитъ на другомъ концѣ у камина. Маменька мнѣ говорила, что папеньку надобно нарисовать маленькимъ, — но я думалъ, что маменька шутитъ, потому что папенька гораздо больше ея ростомъ; но теперь вижу, что маменька правду говорила; точно, папеньку надобно было нарисовать маленькимъ, потому что онъ сидѣлъ вдалекѣ. Очень вамъ благодаренъ за объясненіе, очень благодаренъ."

Мальчикъ-колокольчикъ смѣялся изо всѣхъ силъ: „Динь, динь, динь, какъ смѣшно! Динь, динь, динь, какъ смѣшно! Не умѣть нарисовать папеньку съ маменькой. Динь, динь, динь; динь, динь, динь.

Мишѣ показалось досадно, что *Мальчикъ - колокольчикъ* надъ нимъ такъ немилосердно насмѣхается и очень вѣжливо сказалъ ему: „Позвольте мнѣ спросить у васъ, за чѣмъ вы къ каждому слову все говорите: динь, динь, динь?"

— Ужъ у насъ поговорка такая — отвѣчалъ *Мальчикъ - колокольчикъ?*

„Поговорка?" замѣтилъ Миша, „а вотъ папенька говоритъ, что очень не хорошо привыкать къ поговоркамъ."

Мальчикъ - колокольчикъ закусилъ губы и не сказалъ болѣе ни слова.

Вотъ передъ ними еще дверцы; онѣ отворились и Миша очутился на улицѣ — что за улица! что за городокъ! мостовая вымощена перламутромъ; небо пестренькое черепаховое, по небу ходитъ золотое солнышко; поманишь его — оно съ неба сойдетъ, вкругъ руки обойдетъ и опять поднимется; а домики-то стальные, полированные, крытые разноцвѣтными раковинками и подъ каждою крышкою сидитъ *мальчикъ - колокольчикъ*, съ золотою головкою, въ серебряной юбочкѣ, и много ихъ, много, а все малъмала меньше.

„Нѣтъ, теперь ужъ меня не обманутъ," сказалъ Миша: „это такъ только мнѣ кажется изъ дали, а колокольчики-то всѣ одинакіе."

— Анъ вотъ и неправда — отвѣчалъ провожатый — колокольчики не одинакіе. Если бы мы всѣ были одинакіе, то и звенѣли бы мы всѣ въ одинъ голосъ, одинъ какъ другой; а ты слышишь, какія мы пѣсни выводимъ; это отъ того, что кто изъ насъ по-

больше, у того и голосъ потолще; неужъ ли ты и этого не знаешь? Вотъ видишь-ли, Миша, это тебѣ урокъ; впередъ не смѣйся надъ тѣми, у которыхъ поговорка дурная; иной и съ поговоркою, а больше другаго знаетъ, и можно отъ него кое-чему научиться.“

Миша въ свою очередь закусилъ язычекъ.

Между тѣмъ ихъ окружили *мальчики-колокольчики*, теребили Мишу за платье, звенѣли, прыгали, бѣгали....

„Весело вы живете!“ сказалъ имъ Миша.“ Вѣкъ бы съ вами остался; цѣлый день вы ничего не дѣлаете, у васъ ни уроковъ, ни учителей — да еще и музыка цѣлый день.“

— Динь, динь, динь! — закричали колокольчики — ужъ нашелъ у насъ веселье! Нѣтъ, Миша, плохое намъ житье. Правда; уроковъ у насъ нѣтъ — да что же въ томъ толку? мы бы уроковъ не побоялись! Вся наша бѣда именно въ томъ, что у насъ никакого нѣтъ дѣла; нѣтъ у насъ ни книжекъ, ни картинокъ, — нѣтъ ни папеньки, ни маменьки — нечѣмъ заняться; цѣлый день играй, да играй, а вѣдь это, Миша, очень, очень скучно. Повѣришь-ли? Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко и золотыя деревья, — но мы — мы насмотрѣлись на нихъ вдоволь и все это очень намъ надоѣло; изъ городка мы ни пяди, а ты можешь себѣ вообразить, каково цѣлый вѣкъ, ничего не дѣлая, просидѣть въ табакеркѣ, и даже въ табакеркѣ съ музыкою. „Да,“ отвѣчалъ Миша, „вы говорите правду; это и со мною случается. Когда послѣ ученья примешься за игрушки, то такъ весело; а когда въ праздникъ цѣлый день все играешь, да играешь, то къ вечеру сдѣлается скучно; и за ту и за другую игрушку примешься — все не мило. Я долго не понималъ, отъ чего это, а теперь понимаю.“

— Да сверхъ того на насъ есть другая бѣда, Миша — у насъ есть дядьки.

„Какіе же дядьки?“ спросилъ Миша.

— *Дядьки-молоточки* — отвѣчали колокольчики — ужъ какіе злые! то и дѣло что ходятъ по городу, да насъ постукиваютъ; которые побольше, тѣмъ еще рѣже *тукъ-тукъ* бываетъ, а ужъ маленькимъ куда больно достается.

Въ самомъ дѣлѣ Миша увидѣлъ, что по улицѣ ходили какіе-то господа на тоненькихъ ножкахъ, съ предлинными носами и шептали между собою: тукъ, тукъ, тукъ! тукъ, тукъ, тукъ! поднимай! задѣвай! тукъ, тукъ, тукъ! тукъ, тукъ, тукъ!

И въ самомъ дѣлѣ *Дядьки-молоточки* безпрестанно то по тому, то по другому колокольчику *тукъ* да *тукъ*, индо бѣдному Мишѣ жалко стало. Онъ подошелъ къ этимъ господамъ, очень вѣжливо имъ поклонился и съ добродушіемъ спросилъ: за чѣмъ они безъ всякаго сожалѣнія колотятъ бѣдныхъ мальчиковъ? А молоточки ему въ отвѣтъ: „Прочь ступай, не мѣшай. Тамъ въ пала-

тѣ и въ халатѣ надзиратель лежитъ и стучать намъ велитъ. Все ворочается, прицѣпляется. Тукъ, тукъ, тукъ! тукъ, тукъ, тукъ!

„Какой-это у васъ надзиратель?" спросилъ Миша у колокольчиковъ.

— А, это г. *Валикъ* — зазвенѣли они; — предобрый человѣкъ, день и ночь съ дивана не сходитъ — на него мы не можемъ пожаловаться.

Миша къ Надзирателю — смотритъ: онъ съ самомъ дѣлѣ лежитъ на диванѣ въ халатѣ и съ боку на бокъ переворачивается, только все лицемъ къ верху. А по халату то у него шпильки, крючечки видимо-невидимо; только что попадется ему молоточикъ, онъ его крючкомъ сперва зацѣпитъ, потомъ спуститъ, а молоточикъ-то и стукнетъ по колокольчику.

Только что Миша къ нему подошелъ, какъ Надзиратель закричалъ: Шуры муры! кто здѣсь ходитъ? кто здѣсь бродитъ? Шуры муры! кто прочь нейдетъ? кто мнѣ спать не даетъ? шуры муры, шуры муры!

„Это я," храбро отвѣчалъ Миша, я, Миша...."

— А что тебѣ надобно? — спросилъ Надзиратель.

„Да мнѣ жаль бѣдныхъ *мальчиковъ-колокольчиковъ;* они всѣ такіе умные, такіе добрые, такіе музыканты, а по вашему приказанію дядьки ихъ безпрестанно постукиваютъ...."

— А мнѣ какое дѣло — шуры муры — не я здѣсь набольшій — пусть себѣ дядьки стукаютъ мальчиковъ — мнѣ что за дѣло — я Надзиратель добрый, все на диванѣ лежу и ни за кѣмъ не гляжу.... шуры муры — шуры муры....

„Ну, многому же я научился въ этомъ городкѣ!" сказалъ про себя Миша, „вотъ еще иногда мнѣ бываетъ досадно, за чѣмъ надзиратель меня съ глазъ не спускаетъ! Экой злой! думаю я — вѣдь онъ мнѣ не папенька и не маменька: что ему за дѣло, что я шалю — зналъ бы сидѣлъ въ своей комнатѣ. — Нѣтъ, теперь вижу, что бываетъ съ бѣдными мальчиками, когда за ними никто не смотритъ.

Между тѣмъ Миша пошелъ далѣе — и остановился. Смотритъ: золотой шатеръ съ жемчужною бахрамою, на верху золотой флюгеръ вертится будто вѣтреная мельница, а подъ шатромъ лежитъ *Царевна-пружинка,* и какъ змѣйка то свернется, то развернется, и безпрестанно Надзирателя подъ бокъ толкаетъ.

Миша этому очень удивился и сказалъ ей: „Сударыня-Царевна! за чѣмъ ты Надзирателя подъ бокъ толкаешь?"

— Зицъ, зицъ, зицъ — отвѣчала Царевна — глупый ты мальчикъ! неразумный мальчикъ! на все смотришь, ничего не видишь! какъ бы я валикъ не толкала, валикъ бы не вертѣлся; кабы валикъ не вертѣлся, то онъ за молоточки бы не цѣплялся; кабы за молоточки не цѣплялся, молоточки бы не стучали; кабы молоточки не стучали, колокольчики бы не звенѣли; кабы колокольчики не звенѣли, и музыки бы не было! зицъ, зицъ, зицъ.

Мишѣ захотѣлось узнать, правду ли говоритъ Царевна: наклонился и прижалъ ее пальчикомъ — и что же? въ одно мгновеніе пружинка съ силою развилась, валикъ сильно завертѣлся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень — и вдругъ пружинка лопнула, все умолкло, валикъ остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались.... тогда Миша вспомнилъ, что папенька не приказывалъ ему трогать пружинки, испугался и.... проснулся.

„Что во снѣ видѣлъ, Миша?" спросилъ папенька.

Миша долго не могъ опамятоваться — смотритъ: таже папенькина комната, таже передъ нимъ табакерка, возлѣ него сидятъ папенька и маменька и смѣются.

„Гдѣ же *Мальчикъ-колокольчикъ*? гдѣ *Дядька-молоточикъ*? гдѣ *Царевна-пружинка?*" — спрашивалъ Миша: „такъ это былъ сонъ?"

— Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты здѣсь порядочно вздремнулъ; разскажи же намъ по крайней мѣрѣ, что тебѣ приснилось?

„Да видите, папенька" сказалъ Миша, протирая глазки, „мнѣ все хотѣлось узнать, отъ чего музыка въ табакеркѣ играетъ; вотъ я принялся на нее прилежно смотрѣть, и разбирать, что въ ней движется и отъ чего движется; думалъ, думалъ и сталъ уже добираться — какъ вдругъ, смотрю, дверца въ табакеркѣ растворилась...." Тутъ Миша разсказалъ весь свой сонъ по порядку.

— Ну, теперь вижу — сказалъ папенька, — что ты въ самомъ дѣлѣ почти понялъ, отъ чего музыка въ табакеркѣ играетъ, — но ты это еще лучше поймешь, когда будешь учиться *Механикѣ*.

Дѣдушка Ириней.

32. ПАГУБА ОТЪ ИГРЫ.

(Отрывокъ изъ романа г-жи Гизо: L'Ecolier ou Raoul et Victor).

(Вотъ краткое содержаніе сего романа, который удостоенъ отъ Дижонской Академіи награды, какъ литтературное сочиненіе, полезнѣйшее для нравовъ: „Викторъ Дюшанъ, сынъ достаточнаго французскаго купца, сдѣлалъ въ молодости своей проступокъ дѣтскій, но имѣвшій вліяніе на всю его жизнь. Получивъ отъ природы добрую душу, но вмѣстѣ многія начала вредныхъ склонностей, онъ

велъ себя въ школѣ не совсѣмъ хорошо, задолжалъ безъ вѣдома родителей. Строгость отца была ему извѣстна; обстоятельства клонились къ тому, что наконецъ все откроется. Въ такой крайности случай доставилъ ему находку—богатый перстень. Прежде нежели онъ успѣлъ о томъ объявить, торговецъ Колле, человѣкъ дурныхъ правилъ, склонилъ его продать ему перстень за безцѣнокъ, предложивъ ему столько, сколько нужно было, чтобъ заплатить долги, о которыхъ хотѣли вскорѣ сказать отцу его. Едва Викторъ сдѣлалъ, почти невольно, сей, по мнѣнію многихъ, маловажный проступокъ, какъ раскаяніе начало жестоко его мучить. Наконецъ павшее на него подозрѣніе и собственное признаніе привели его въ такой стыдъ, что онъ рѣшился бѣжать изъ своей родины и строжайшими правилами честности загладить свою порочную молодость. Онъ убѣжалъ въ Германію, нашелъ себѣ почтеннаго покровителя и принялъ имя Буркгейма. Вскорѣ оправдалъ онъ свою рѣшимость поступками рѣдкой честности, терпѣніемъ въ службѣ низкаго званія, великодушіемъ изъ любви къ ближнему и неутомимымъ прилежаніемъ въ трудахъ. Случай свелъ его съ отставнымъ маіоромъ, Шпальтбергомъ, котораго характеръ, въ основаніи добрый, зараженъ былъ заблужденіями грубой, заглохшей пороками жизни. Они вмѣстѣ пріѣхали въ Кассель; тутъ хотя Викторъ и удостовѣрился, при случившейся съ нимъ болѣзни, въ приверженности къ себѣ Шпальтберга, однако принужденъ былъ съ нимъ разстаться; принялъ на себя званіе учителя и, посвятивъ все время свое урокамъ, былъ весьма радъ, что они отнимали у него средства видаться съ прежнимъ товарищемъ, къ которому онъ сдѣлался довольно равнодушнымъ. Отсюда начало отрывка. Лице Мильнунга будетъ читателямъ извѣстно изъ самаго разсказа).

Однажды случилось Виктору увидѣть Шпальтберга на улицѣ въ то время, когда онъ подавалъ дружески руку молодому человѣку, Фридриху Мильнунгу, котораго Викторъ нерѣдко встрѣчалъ въ одномъ изъ тѣхъ домовъ, куда ходилъ давать уроки. Мильнунгъ былъ сынъ богатаго нюренбергскаго купца, пріѣхавшій въ Кассель на время по дѣламъ отца своего. Едва ли имѣлъ онъ еще и осьмнадцать лѣтъ; но хорошія качества души, любезность и простодушный, откровенный характеръ отличали его отъ многихъ юношей въ городѣ. Викторъ еще при первомъ знакомствѣ полюбилъ его и тѣмъ болѣе, что въ чертахъ лица его находилъ сходство съ плѣнительною Еленою, о которой не могъ вспомнить безъ удовольствія; но теперь онъ очень огорчился, увидя своего молодаго пріятеля вмѣстѣ съ Шпальтбергомъ. Фридрихъ узналъ Виктора еще издалека, подозвалъ его и былъ весьма доволенъ такою встрѣчею, которая однако не совсѣмъ понравилась Шпальтбергу, какъ замѣтно было по лицу его. Вскорѣ присоединился къ нимъ еще одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ Шпальтбергъ приводилъ къ Виктору во время его выздоровленія. Отъ внимательности Виктора не скрылось, что вновь пришедшій и Шпальтбергъ передали другъ другу нѣсколько

подозрительныхъ знаковъ, но еще болѣе показалось ему страннымъ ихъ обращеніе съ Фридрихомъ. Наблюдаемое ими приличіе въ разговорѣ было совсѣмъ необыкновенно для сихъ господъ, привыкшихъ къ грубому и часто неблагопристойному обращенію между собою. Даже, когда Фридрихъ приводилъ кстати нѣкоторыя изъ нравственныхъ правилъ, внушенныхъ ему хорошимъ воспитаніемъ, слова его не только не были обращены въ смѣхъ, но принимались еще съ большимъ одобреніемъ; а товарищъ Шпальтберга начиналъ нѣсколько разъ говорить съ чрезвычайною важностію, такъ что смѣшно было слушать тому, кто хорошо зналъ его. Шпальтбергъ нѣсколько остерегался; очень замѣтно было, что Викторъ мѣшалъ ему. Фридрихъ же не проникалъ нимало въ тонкость ихъ лукавства: любя хорошую бесѣду, онъ вдавался въ сужденія съ полнымъ чистосердечіемъ молодыхъ лѣтъ. Откровенной душѣ его ничего не нужно было, какъ только излить вполнѣ чувства свои въ кругу людей добрыхъ, а добрыми людьми или такими, каковъ былъ самъ, считалъ онъ почти всѣхъ на свѣтѣ. Ничего не было легче, какъ обмануть его наружностію добрыхъ правилъ и чувствованій, которыя внушаемы были ему съ самаго дѣтства. Шпальтбергъ, познакомясь съ нимъ случайно, вскорѣ замѣтилъ въ немъ сію черту простодушія и вздумалъ, овладѣвъ имъ, довести его постепенно до разврата для пользы своей и своихъ товарищей. Викторъ, въ свою очередь, легко угадалъ замыслы Шпальтберга и весьма тѣмъ огорчился: онъ видѣлъ, что Фридрихъ не въ силахъ будетъ устоять противъ сѣтей, которыми могло опутать его это гибельное сообщество. Нѣсколько времени прогуливались они вмѣстѣ. Викторъ умѣлъ овладѣть разговоромъ, умѣлъ оживлять его, дѣлать занимательнымъ. Шпальтбергъ и его товарищъ, не будучи въ состояніи разсуждать долго о предметахъ, для нихъ совершенно чуждыхъ, не знали, какъ отдѣлаться; Викторъ примѣтилъ ихъ смущеніе и неудовольствіе, но добрый Фридрихъ — онъ былъ внѣ себя отъ восхищенія, что нашелъ такихъ любезныхъ друзей и пригласилъ ихъ всѣхъ троихъ на другой день къ себѣ завтракать. Викторъ принужденъ былъ отказаться, потому что въ это время ему надобно было давать уроки. Онъ угадывалъ, какое удовольствіе доставилъ отказъ его Шпальтбергу, который простился съ нимъ очень холодно.

На другой день Викторъ, по окончаніи уроковъ своихъ, проходя мимо дома, гдѣ жилъ Фридрихъ, вздумалъ полюбопытствовать, какимъ образомъ онъ и его товарищи провели время за завтракомъ. Викторъ засталъ хозяина и гостей уже съ разгоряченными отъ вина головами; два новые собесѣдника, приведенные Шпальтбергомъ, дѣлали разныя дурачества, а Фридрихъ, упоенный веселостью, пособлялъ и подражалъ имъ отъ всей души. Прибытіемъ Виктора былъ онъ чрезвычайно обрадованъ, такъ что веселость его удвоилась; но не съ такимъ удовольствіемъ встрѣтили его другіе, а особливо Шпальтбергъ, который былъ всѣхъ умнѣе и, зная Виктора, чувствовалъ, какъ много можетъ онъ повредить ихъ планамъ. Вѣ-

роятно и самая наружность Виктора, внушающая уваженіе, не понравилась этимъ пирующимъ друзьямъ, такъ что они, по весьма естественному инстинкту, угадали общее къ нему нерасположеніе, и какъ бы условясь между собою, начали осыпать его колкими насмѣшками, обращенными прежде всего на пріятныя занятія, которыя онъ долженъ былъ имѣть поутру. Фридрихъ понялъ неумѣстныя шутки гостей своихъ и вздумалъ было сердиться, но Викторъ не допустилъ его, отразивъ тотчасъ всѣ колкости въ такомъ же шуточномъ тонѣ и давъ почувствовать въ тоже время превосходство ума своего и остроты. Рѣзкіе отвѣты его заставили насмѣшниковъ замолчать. Увидя неравенство боя, они прекратили нападенія, но тогда уже Викторъ взялъ свое: онъ ловилъ ихъ почти на каждомъ словѣ, издѣвался остро и непринужденно надъ всѣми плоскими экивоками, грубыми шутками, которыми хотѣли они забавлять другъ друга. Нечего было дѣлать, какъ только скорѣе отвязаться отъ такого несноснаго товарища: они предложили хозяину идти съ ними играть на бильярдѣ. Викторъ отъ нихъ не отсталъ. Въ его присутствіи пріятели Фридриха не смѣли предложить ему большой игры, почему и условились, чтобы весь проигрышъ, чей бы онъ ни былъ, сложить вмѣстѣ и на эти деньги отправиться обѣдать за городъ. Викторъ не игралъ; поэтому думали, что онъ и не будетъ имѣть права участвовать въ прогулкѣ. Однако случилось, и, можетъ быть, по видамъ симъ господъ такъ должно было случиться, что Фридрихъ остался побѣдителемъ въ игрѣ, а по сдѣланному условію обѣдъ долженъ былъ заказывать тотъ, кто выиграетъ. Шпальтбергъ, полагая, что онъ пригласитъ и Виктора и что сей не откажется, ибо не трудно было замѣтить, какъ онъ старается мѣшать ихъ планамъ, предложилъ нанять верховыхъ лошадей, чтобы ѣхать въ одну, довольно отдаленную деревеньку, которой мѣстоположеніе славится во всемъ округѣ. Это предложеніе такъ понравилось Фридриху, что онъ радовался какъ ребенокъ. Романическія мечты заиграли въ пылкой головѣ его, и онъ спросилъ съ живостію Виктора: „Вѣдь и вы съ нами поѣдете—не правда ли?“— Нѣтъ, я не поѣду! отвѣчалъ, улыбаясь, Викторъ. Фридриху извѣстно было его положеніе, почему Викторъ и хотѣлъ дать ему почувствовать однажды навсегда, какъ смѣшно предлагать ему такого рода издержки. Это ужасно огорчило Фридриха.

„Г. Буркгеймъ любитъ только тѣ удовольствія, которыя достаются даромъ“ — сказалъ одинъ изъ друзей Шпальтберга, по имени Рейхбрунъ, какъ бы радуясь, что нашелъ случай кольнуть Виктора, который его, больше всѣхъ другихъ, заставлялъ молчать своими острыми возраженіями и шутками.

„Это правда—отвѣчалъ Викторъ, взглянувъ на него съ насмѣшливымъ видомъ: — однако тамъ, гдѣ я считаю нужнымъ платить, даю всегда чистыя деньги.“

Тутъ Фридрихъ взялъ его подъ руку и повелъ въ садъ, примыкающій къ бильярдной залѣ. „Любезный Буркгеймъ“, —сказалъ онъ

ему: „смѣю ли я столько ласкать себя вашимъ дружествомъ, чтобъ вы позволили мнѣ достать для васъ лошадь?“

— Нѣтъ!—отвѣчалъ Викторъ съ улыбкою. Такой отвѣтъ показался Фридриху страннымъ и оскорбительнымъ. „И такъ я не заслуживаю вашей дружбы“ — сказалъ онъ — „вы не хотите меня удостоить ею“.

„Напротивъ, любезный Фридрихъ; я самъ отъ всей души желалъ бы снискать вашу; но чтобы взаимно быть увѣрену въ дружбѣ и въ такой, которая бы не позволила ни въ чемъ отказывать, для этого надобны опыты и доказательства съ той и съ другой стороны.

„Какихъ доказательствъ вы отъ меня хотите? спросилъ съ живостью Фридрихъ.

— Предоставимъ ихъ случаю — отвѣчалъ Викторъ.

Тутъ имъ помѣшали: такой разговоръ наединѣ былъ очень непріятенъ ихъ товарищамъ: „Поѣдемъ же! поѣдемъ!“ кричалъ Шпальтбергъ: „нечего терять времени“. Фридриха обступили со всѣхъ сторонъ и старались всячески прельстить его тѣми удовольствіями, какія ихъ ожидаютъ. Но ему было уже не до того; онъ увѣрялъ что ѣхать поздно, что пока достанутъ они лошадей, пройдетъ много времени, и нельзя, прежде ночи, поспѣть къ мѣсту. Все это было правда, почему и остались всѣ въ нерѣшимости; начали скучать, какъ обыкновенно бываетъ, когда какой нибудь случай помѣшаетъ предпріятію, отъ котораго ожидаешь много удовольствія. Шпальтбергъ старался всячески оживить бесѣду, однако успѣвалъ очень мало. Рейхбрунъ хотѣлъ отложить поѣздку до завтра, но товарищи его боялись, что Викторъ найдетъ средство какъ нибудь помѣшать ей или ѣхать вмѣстѣ. Викторъ съ своей стороны опасался за Фридриха, если его увезутъ слишкомъ далеко отъ Касселя, и не хотѣлъ съ нимъ разлучаться; онъ считалъ его ребенкомъ, котораго не надобно спускать съ глазъ. Однако на этотъ разъ нельзя было въ томъ успѣть: онъ видѣлъ, что хотятъ всячески отъ него отдѣлаться. „Думайте же, какъ вамъ лучше“—сказалъ онъ—„а я пойду“.

„Какъ!“ вскричалъ Фридрихъ, удержавъ его: „вы не хотите быть съ нами?“

— Я не могу—отвѣчалъ Викторъ.

„Опять видно за уроками“, сказалъ, издѣваясь, Рейхбрунъ.

— Не худо бы весь вѣкъ проводить за уроками — возразилъ Викторъ весьма равнодушно и едва удостоивъ его взглядомъ. Шпальтбергъ бѣсился отъ глупостей Рейхбруна, но Фридрихъ не обращалъ на нихъ вниманія. Занятый своею мыслію, онъ продолжалъ: „Неужели эти уроки такъ важны, что и однажды нельзя отложить ихъ?“

„Такъ важны, какъ и всякая должность,“ отвѣчалъ Викторъ. Онъ могъ говорить такимъ образомъ, не ожидая упрека въ подантствѣ, потому что говорилъ просто, безъ умничанья и единственно въ такомъ случаѣ, когда былъ вынужденъ, такъ что другіе подшучивать надъ этимъ не смѣли, а Фридрихъ весьма былъ пора-

женъ и тронутъ словами своего друга. „Мнѣ право жаль, что вы уходите“ говорилъ онъ, провожая Виктора, и на лицѣ его въ самомъ дѣлѣ написано было огорченіе. Викторъ, какъ будто не примѣчая того, сказалъ ему: „Когда вы условитесь, гдѣ провести остатокъ дня, то скажите здѣсь хозяину: я отъ него узнаю и приду къ вамъ.“ Онъ ушелъ, но мысли о Фридрихѣ безпрерывно его занимали; ему казалось, что Шпальтбергъ хочетъ воспользоваться этимъ днемъ, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, отдалить молодаго человѣка отъ столь опаснаго общества.

Лишь только онъ вышелъ, какъ веселость опять возстановилась. Фридриха повели въ одну загородную гостинницу, гдѣ позабылъ онъ вовсе о непріятностяхъ утра. Онъ чувствовалъ, что недостаетъ ему Виктора, но старался не думать о томъ. Фридрихъ, при пылкости чувствъ и воображенія, имѣлъ одну изъ тѣхъ душъ кроткихъ, но слабыхъ, которыя, предаваясь удовольствіямъ, не могутъ сносить ничего, что мѣшаетъ ихъ наслажденію, и отдаляютъ отъ себя мысли непріятныя, тогда какъ надлежало бы только отдалять дурныя мысли. Такого рода характеры всего скорѣе могутъ впасть въ заблужденіе, потому что въ то время, когда увлечетъ ихъ какая-нибудь склонность, они охотно позволяютъ ей овладѣть собою, чтобы только заглушить въ себѣ мрачныя напоминанія разсудка, которыя преслѣдуютъ ихъ. Фридрихъ, жившій дотолѣ въ кругу почтеннаго, добронравнаго семейства, зналъ только удовольствія простой кроткой жизни; но теперь онъ въ первый разъ увидѣлъ себя свободнымъ, посреди города, въ которомъ представлялись ему наслажденія разнаго рода. Онъ не могъ противустоять увлекшей его разсѣянности, да и не помышлялъ о томъ, потому что дурная сторона ея не приходила ему и на мысль. Въ сообществѣ Виктора находилъ онъ прелесть тѣхъ благородныхъ чувствъ, которымъ привыкъ давать высокую цѣну; но тамъ, гдѣ ихъ не было, онъ почти не примѣчалъ ихъ отсутствія. Одно минутное впечатлѣніе могло увлечь его, могло отдать его совершенно въ руки того, кто первый захотѣлъ бы овладѣть имъ. Посему то имѣлъ онъ нужду въ подпорѣ своихъ добродѣтелей, не смотря на то, что пороки были чужды ему. Посему-то дружба Виктора была бы для него неоцѣненна. Ему хотѣлось снискать ее не потому однако, чтобъ онъ чувствовалъ, сколь она для него необходима, но только потому, что вообще имѣлъ о ней мечтательное понятіе. Сказанное Викторомъ объ опытахъ дружбы чрезвычайно его занимало; въ жару мечтаній своихъ онъ готовъ былъ на все, тѣмъ болѣе, что тотъ, кого считалъ онъ уже своимъ другомъ, казался ему несчастливымъ; но здѣсь съ нимъ не было Виктора.

Зашла рѣчь о карточной игрѣ; разсказывали, что въ этотъ вечеръ у одного француза, пріятеля Шпальтберга, будетъ большое общество и чрезвычайно интересная игра. Фридриху никогда не случалось видѣть большой игры. Ему предложили идти туда изъ любопытства, и онъ согласился, забывъ о назначенномъ свиданіи съ

Викторомъ. Между тѣмъ сей уже искалъ его и очень огорчался, что не находитъ, какъ вдругъ въ толпѣ людей, которую скрывали отъ него наступившія уже сумерки, распознаетъ онъ голоса Фридриха и Шпальтберга. Онъ удвоилъ шаги, чтобы догнать ихъ; но въ это самое время вошли они въ домъ, гдѣ было большое освѣщеніе и, казалось, очень много людей. Викторъ догадывался, что это долженъ быть домъ игорной и распросы у сосѣдей подтвердили его догадки. „Молодой человѣкъ!" сказалъ ему одинъ добрый мѣщанинъ, который курилъ трубку, сидя у воротъ своихъ: „это такой домъ, въ который не долженъ входить никто, кому дорога своя честь и добрая слава." Викторъ съ прискорбіемъ помыслилъ о Фридрихѣ, котораго завели туда, и, не смотря на свое отвращеніе, послѣдовалъ за нимъ.

Онъ вошелъ: это былъ родъ кофейнаго дома, въ который могъ входить всякой. На разныхъ столахъ играли въ карты. Пройдя нѣсколько комнатъ и разсматривая всѣхъ присутствующихъ, увидѣлъ онъ наконецъ въ одной изъ нихъ Фридриха за столомъ, на которомъ играли въ большую игру. Ему показалось, что она весьма интересуетъ его молодаго пріятеля. Съ нимъ были Шпальтбергъ и Рейхбрунъ, а подлѣ нихъ стоялъ человѣкъ, котораго Викторъ тотчасъ узналъ; сердце его сжалось: это былъ Колле. Этотъ негодяй отправлялъ, казалось, должность хозяина сего развратнаго дома. Въ умѣ Виктора представилось все, что ему угрожаетъ: тайна о его имени, о проступкѣ его долженствовала достаться въ добычу людямъ, которые рады были случаю предать его на поруганіе. Еще нѣсколько шаговъ впередъ и ему надлежало проститься съ душевнымъ спокойствіемъ, честію, а можетъ быть и со всѣми средствами своего существованія. Колле еще не видѣлъ его; онъ могъ удалиться, но онъ чувствовалъ, что ему въ эту минуту невозможно покориться постыдной робости и оставить бѣднаго Фридриха въ сѣтяхъ, съ каждымъ мгновеніемъ ввергающихъ его въ большую опасность. Руководимый чувствомъ великодушія, онъ уже не внималъ никакимъ опасеніямъ. Предаться добровольно посрамленію, обличенію въ винѣ, стыду заслуженному — это конечно величайшее усиліе добродѣтели, какое только можетъ предписать себѣ человѣкъ мужественный! Викторъ чувствовалъ это, и при всемъ томъ, съ твердостію взирая на сію жестокую обязанность, пошелъ къ Фридриху, котораго лишь только предъ тѣмъ подговорили держать пари объ одной ставкѣ, весьма значительной.

„Мильнунгъ!" сказалъ онъ ему съ легкимъ упрекомъ, потрепавъ его дружески по плечу: „не правдали, что я гораздо лучше умѣю находить васъ, нежели вы меня дожидаться."

Фридрихъ покраснѣлъ отъ стыда. Онъ вспомнилъ про свою вѣтренность и въ эту минуту она показалась ему вдвое непростительнѣе.

„Милый Буркгеймъ!" отвѣчалъ онъ, сжимая крѣпко его руку: „я виноватъ, виноватъ какъ нельзя больше!" Но ставка слишкомъ

занимала его: онъ опять устремилъ глаза свои на карты. Между тѣмъ Колле узналъ Виктора. Услышавъ, какъ его называютъ, онъ поклонился ему и сказалъ съ ироническою улыбкою: „Кажется васъ назвали Г. Буркгеймомъ?.... Имѣю честь свидѣтельствовать почтеніе."

— Вы его знаете? спросилъ Рейхбрунъ.

„Да, кажется" — отвѣчалъ Колле, притворяясь, что еще не совсѣмъ въ томъ увѣренъ: „если только глаза мои меня не обманываютъ." Потомъ, приблизясь къ Виктору, какъ бы для того, чтобъ лучше его разсмотрѣть, сказалъ ему въ полголоса: „научите, что мнѣ говорить."

„Что вамъ угодно" — отвѣчалъ Викторъ сухо и не спуская глазъ со ставки Фридриха.

Между тѣмъ приходъ его привелъ въ движеніе все общество Шпальтберга. Отзываютъ Колле въ сторону и онъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ переговора, подходитъ къ Виктору и говоритъ ему тихо: „сдѣлайте одолженіе, не мѣшайтесь въ наши дѣла, если не хотите, чтобъ узнали о вашихъ."

— Я сказалъ уже — возразилъ Викторъ — дѣлайте, что вамъ вздумается.

Послѣднія слова Колле не оставляли уже Виктору никакого сомнѣнія на счетъ того, что хотятъ сдѣлать съ Фридрихомъ. Уже онъ примѣтно разгорячался; первая ставка ничего не значила въ сравненіи съ послѣдующими: онѣ увеличивались каждый разъ вдвое, и Фридрихъ проигралъ нѣсколько самыхъ значительныхъ. Между тѣмъ, какъ онъ готовился ставить еще большую сумму денегъ, Викторъ сказалъ ему на ухо: „Хотите ли, Мильнунгъ, оказать мнѣ опытъ вашей дружбы? Пойдемте со мною".

— Куда это?.... зачѣмъ, милый мой Буркгеймъ?—отвѣчалъ ему второпяхъ Фридрихъ, желавшій быть вдругъ и при игрѣ и съ Викторомъ.

„Пойдемте—я вамъ скажу".

— Пожалуйста—еще одну минуточку, и я пойду съ вами.

„Нѣтъ!" сказалъ Викторъ, удерживая руку его, которую онъ протянулъ уже, чтобы сдѣлать новую ставку: „сію же минуту или никогда!"

Фридрихъ смотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

„Если я многаго отъ васъ требую" — продолжалъ Викторъ голосомъ кроткимъ, но твердымъ — „если я слишкомъ много ожидалъ отъ вашей дружбы, то скажите мнѣ одно слово, Мильнунгъ, и все между нами будетъ кончено".

— Я ничего тутъ не понимаю — отвѣчалъ Фридрихъ въ нетерпѣніи, но все колеблясь.

„Прощайте же, Мильнунгъ" сказалъ ему Викторъ, отходя прочь съ видомъ неудовольствія и съ нѣкоторою суровостію.

— Безъ сомнѣнія—говорилъ Фридрихъ, вставъ и идучи за нимъ съ примѣтною досадою—вы изъясните мнѣ эту странную шутку.

„Извините—я никогда не былъ меньше расположенъ шутить".

— Такъ чего-жъ вы отъ меня хотите?

„Вы узнаете—пойдемте со мною".

— Нѣтъ, Буркгеймъ, теперь скажите: къ чему такая странность?

Хоть весь этотъ разговоръ происходилъ въ полголоса, но онъ привлекъ на себя вниманіе присутствующихъ; особливо Колле, стоявшій невдалекѣ, казалось, прислушивался къ каждому слову. Наконецъ Викторъ наклоняется къ уху Фридриха и говоритъ ему очень тихо: „Если-бъ вы знали, кто меня слушаетъ, то не потребовали бы, чтобъ я объяснился здѣсь".

Фридрихъ, чрезвычайно удивленный, смотритъ на него пристально, смотритъ вокругъ себя, говоритъ Шпальтбергу и другимъ: „Я сей-часъ возвращусь!" и слѣдуетъ за Викторомъ. Едва вышедъ за дверь, восклицаетъ онъ: „Да, Буркгеймъ, вы мнѣ должны объяснить этотъ странный поступокъ".

— Я то и хочу сдѣлать—отвѣчаетъ Викторъ.

„Заставить меня такимъ смѣшнымъ образомъ разстаться съ друзьями—вдругъ, безъ всякой причины".

— Если это ваши друзья — сказалъ Викторъ иронически — я виноватъ.

„Что же вы объ нихъ думаете?" возразилъ Фридрихъ съ большимъ жаромъ, остановясь. „Послушайте, Буркгеймъ, я и прежде подозрѣвалъ, что вся эта сцена выдумана только для того, чтобъ удалить меня отсюда: если такъ"—продолжалъ онъ голосомъ обиженнаго—„я благодаренъ за попечительность вашей дружбы, но я ужъ не ребенокъ и не люблю, чтобъ мною играли, какъ мячемъ—хотя бы и для моего блага".

Викторъ также остановился. „Странно" — сказалъ онъ сурово— „когда, не выслушавъ человѣка, о которомъ отзывались какъ о другѣ, заслуживающемъ всякое уваженіе, хотятъ уже судить поступки его".

— Однако, милый Буркгеймъ,—говоритъ Фридрихъ смутясь— признайтесь, что такая таинственность ужасно какъ странна....

„Потерпите немного, Мильнунгъ, и вы согласитесь, что я не безъ труда могъ бы вамъ объяснить ее".

Они пошли опять въ молчаніи. Въ ближнемъ паркѣ, куда пришли они вскорѣ, Викторъ началъ говорить такъ:

„Чтобы мое объясненіе имѣло полную силу, Мильнунгъ, надобно вамъ сначала узнать меня хорошенько: теперь вы не знаете ни моего настоящаго имени, ни моего настоящаго отечества. Я Французъ; до имени впрочемъ мало нужды. Оно было только незначительно—я обезчестилъ его такимъ проступкомъ, о которомъ не въ силахъ сказать вамъ. Я оставилъ свою родину, свое имя, въ намѣреніи никогда не принимать его снова, если не успѣю своимъ поведеніемъ возвратить ему честь". Послѣ сихъ словъ, произнесенныхъ съ видимымъ напряженіемъ силъ, Викторъ умолкъ, какъ бы желая перевести духъ. „Какъ мнѣ жаль васъ, милый Буркгеймъ!"

сказалъ Фридрихъ, сжимая крѣпко его руку. Сей знакъ дружества принятъ былъ Викторомъ съ благодарностію. Онъ продолжалъ: „Вотъ что я долженъ былъ сказать вамъ, вотъ для чего я долженъ былъ говорить съ вами немедленно". Тутъ разсказалъ онъ Фридриху встрѣчу свою съ Колле и его предложеніе, доказательство неоспоримое дурныхъ замысловъ.

„Вотъ" — началъ Викторъ — „каковы люди, отъ которыхъ я хотѣлъ удалить васъ. Минутой позже—и они могли бы, обезчестивъ меня предъ вашими глазами, лишить всей довѣренности къ словамъ моимъ. Тогда что бы ни сказалъ я противу нихъ, все это почли бы вы только гнуснымъ отстороненіемъ вины моей. Я воспользовался единственною минутою, въ которую могъ еще доказать вамъ всю силу своего пожертвованія. Оно велико, Мильнунгъ, очень велико, потому что мнѣ ничего не стоило избѣжать его. Но я не требую, чтобъ дружба ваша была ему наградою".

— Ахъ!—вскричалъ съ живостію Фридрихъ—теперь я обязанъ вамъ ею больше, нежели когда нибудь.

„Не въ услугахъ цѣна дружбы — въ уваженіи: если я признаніемъ своимъ лишился вашего, я не буду на то жаловаться."

— Буркгеймъ, Буркгеймъ! вскричалъ опять Фридрихъ, бросясь въ его объятія, почти со слезами на глазахъ. — Неужели можете вы думать это?

„Нѣтъ, нѣтъ!" сказалъ смягченный Викторъ, я не буду этого думать; но теперь вы обязаны не дружбѣ моей, не вашей дружбѣ, но принесенной мною жертвѣ—обязаны вѣрить мнѣ, думать, что я рѣшился на то не по однимъ мечтательнымъ опасеніямъ; обязаны наконецъ зло, которое причинилъ я себѣ для васъ, не сдѣлать безполезнымъ".

— Нѣтъ, любезный Буркгеймъ!—подхватилъ съ жаромъ Фридрихъ—я не допущу васъ претерпѣвать отъ того, что сдѣлали вы для меня. Иду сей-часъ къ Колле, заставлю его молчать, и если онъ уже говорилъ, то Шпальтбергъ, Рейхбрунъ узнаютъ отъ меня, что должно уважать друга, котораго я люблю и почитаю больше, нежели когда нибудь.

„Просить у нихъ, изъ милости, ко мнѣ состраданія. Я еще не унизился до такой степени"—сказалъ Викторъ съ гордостію; потомъ онъ продолжалъ смягченнымъ голосомъ: „И вы не унизитесь до того, чтобы, услуживая мнѣ, одолжаться ими".

— Буркгеймъ—возразилъ Фридрихъ почти съ упрекомъ: я удивляюсь мнѣнію вашему о Шпальтбергѣ.

„А я имъ огорчаюсь: я любилъ Шпальтберга; я нѣсколько ему обязанъ; признаю въ немъ нѣкоторыя хорошія качества; но привычка къ безпорядочной жизни и нетвердость правилъ были причиною, что онъ окружилъ себя людьми, которые гораздо его хуже. Вы, Мильнунгъ—нѣтъ, вы не допустите себя увеличить подобное общество.

— Какъ бы вы о немъ ни думали, милый Буркгеймъ, повѣрьте, что для меня оно безопасно.

„Опасностямъ начинаютъ вѣрить не прежде, какъ когда уже имъ подвергаются: это зависитъ не отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, котор[redacted] всякому извѣстны, но отъ расположенія, отъ с[redacted], которыхъ не узнаешь въ самомъ себѣ, потому что прежде того ихъ не чувствовалъ. Вы, Мильнунгъ, не можете упасть такъ низко, какъ я: въ ваши лѣта я не имѣлъ столь нѣжныхъ чувствованій, столь просвѣщеннаго разума; но если-бъ и мнѣ, наканунѣ того дня, въ который сдѣлалъ я проступокъ, оставшійся пятномъ всей моей жизни, если бы сказали мнѣ, что я способенъ къ тому, я бы почелъ для себя гораздо легче броситься въ воду.“ Викторъ умолкъ на минуту, какъ бы угнетенный симъ мрачнымъ воспоминаніемъ; потомъ продолжалъ: „Вы хотите, любезный Мильнунгъ, чтобъ я положился на вашу дружбу; благодарю васъ душевно. При всемъ томъ я долженъ отъ нея отказаться, если между вами и мною будутъ еще такіе люди, какъ Шпальтбергъ и его товарищи.“ Фридрихъ казался удивленнымъ; слова Виктора получили большую живость. „Мнѣ ли идти искать васъ посреди тѣхъ, которые всѣ почитаютъ себя теперь въ правѣ ругаться надо мною? или мнѣ высматривать робко, въ какую минуту могу я застать васъ безъ нихъ? Нѣтъ, Мильнунгъ, я не потерплю добровольно униженія видѣть ихъ или отъ нихъ бѣгать; и если только для васъ однихъ долженъ это дѣлать, то хотя съ сожалѣніемъ, но съ твердою рѣшимостію....

— Нѣтъ, любезный Буркгеймъ! — прервалъ Фридрихъ — вы вѣрно не думаете обо мнѣ такъ низко, чтобъ я поколебался между ими и вами, хотя бы судилъ объ нихъ гораздо снисходительнѣе, нежели вы. Но дайте мнѣ время, чтобъ я могъ разстаться съ ними пристойно, и особливо — присовокупилъ онъ, повысивъ голосъ — чтобъ я успѣлъ увѣриться, что ваше великодушное пожертвованіе не будетъ вамъ стоить такъ дорого, какъ вы полагаете.

Викторъ тщетно старался отклонить сіе намѣреніе; Фридрихъ увѣрялъ, что онъ будетъ умѣть соблюсти во всемъ приличіе и нисколько не унизитъ его достоинства; онъ даже оскорблялся противорѣчіемъ Виктора. Тогда сей отпустилъ его, видя, что единственное средство сохранить надъ нимъ сколько нибудь власти, состояло въ томъ, чтобъ не оказывать ему большой недовѣрчивости. Черезъ часъ времени Фридрихъ пришелъ на квартиру Виктора съ радостнымъ видомъ. „Колле не говорилъ ничего“ — сказалъ онъ ему — „я былъ въ томъ увѣренъ“ — Онъ присовокупилъ значительно: „Повѣрьте, любезный Буркгеймъ, что онъ и не будетъ говорить; секретъ вашъ останется только между нами. Я надѣюсь“ — продолжалъ онъ, подавая ему свою руку — „что вы не раскаетесь, повѣривъ его мнѣ.“

Викторъ пожалъ руку Фридриха и нѣжно благодарилъ его, хотя не былъ удостовѣренъ, какъ онъ, въ успѣхѣ его поступка. Но тутъ же повторилъ онъ ему, что твердо рѣшился не имѣть никакого сообщенія съ Шпальтбергомъ и его собратіею. „Да и нѣтъ нужды ни вамъ, ни мнѣ!“ сказалъ Фридрихъ съ восторгомъ дружбы, возросшей въ это время отъ мыслей объ услугѣ, которую, какъ ему казалось, сдѣлалъ онъ для Виктора. Онъ обѣщалъ ему избѣгать свиданія съ людьми, если не виновными, то по крайней мѣрѣ подозрительными для его друга. Они разстались потомъ съ нѣжнѣйшими увѣреніями во взаимной приверженности, и Викторъ остался доволенъ, что на сей день избавилъ Фридриха отъ гибели, но не столь покоенъ на счетъ будущаго.

Послѣ сего Фридрихъ очень часто проводилъ время съ Викторомъ. Когда только сему послѣднему оставались минуты, свободныя отъ его многочисленныхъ занятій, Фридрихъ приходилъ къ нему, полагая, что ему нужно утѣшеніе друга, и его врожденное великодушіе усугубляло въ немъ еще болѣе приверженность къ Виктору, который замѣчалъ это и относилъ единственно къ добротѣ его сердца. Но вскорѣ Фридрихъ началъ опять отставать отъ него: ему нужны были удовольствія болѣе разнообразныя, нежели постоянное дружество и занимательные разговоры. Вскорѣ замѣтилъ Викторъ, что молодой другъ его уже не находитъ въ бесѣдѣ съ нимъ прежняго удовольствія, а наконецъ онъ и совсѣмъ пересталъ ходить къ нему.

Фридрихъ встрѣчался опять съ Шпальтбергомъ и Рейхбруномъ въ спектакляхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ. Они шутили на счетъ случившагося съ нимъ, какъ они называли, похищенія, и вскорѣ, по словамъ ихъ, а особливо Рейхбруна, замѣтилъ онъ, что Колле не былъ съ ними такъ скроменъ, какъ старался въ томъ его увѣрить. Огорченный Фридрихъ просилъ ихъ молчать о томъ, что они знали; они обѣщали ему, и сіе снисхожденіе, а вмѣстѣ хорошіе отзывы Шпальтберга о Викторѣ, котораго упрекалъ онъ только въ излишней мечтательности, пріобрѣли вновь доброе сердце Фридриха, такъ что онъ не сомнѣвался болѣе въ напрасныхъ опасеніяхъ Виктора. Такимъ образомъ сталъ онъ забывать данное имъ слово, посѣщая добровольно общество Шпальтберга. Вскорѣ завлекли его въ такія удовольствія, которыя требовали большихъ издержекъ; обманутый опасными примѣрами, онъ считалъ, что очень легко вознаградить ихъ игрою. Съ сего времени стыдъ отдалилъ его отъ Виктора, который уже его угадывалъ, страдалъ въ душѣ своей за слабаго, но любезнаго молодаго человѣка, и жалѣлъ, что попечительность и жертва его остались втунѣ. Нечего было дѣлать: чтобы сохранить власть свою, дружба должна сохранить свое достоинство; къ тому-жъ и положеніе Виктора было не таково, чтобы преслѣдовать покинувшаго его друга.

Однажды Викторъ, пришедши къ одной изъ учениць своихъ, родственниць Фридриха, замѣтилъ, что мать ея очень печальна.

Послѣ урока дочери, мать отвела его въ сторону, и сказавъ, что ей извѣстна дружеская связь, какую имѣлъ онъ съ Фридрихомъ, и участіе, которое принималъ онъ въ немъ, призналась, что родственникъ ея подаетъ большую причину къ огорченію. Въ это утро приходилъ онъ къ расходчику ея мужа, банкира, у котораго отецъ Фридриха открылъ ему полный кредитъ; онъ требовалъ трехъ тысячъ гульденовъ, прося, чтобъ не сказывать о томъ банкиру до утра. Расходчикъ, удивленный такимъ требованіемъ, нашелъ предлогъ отложить на нѣсколько часовъ выдачу денегъ и немедленно увѣдомилъ о томъ своего хозяина. Передъ тѣмъ временемъ, и еще наканунѣ, видали Фридриха въ игорномъ домѣ, почему и полагали, что онъ проигрался, и по обыкновенію игроковъ, не сомнѣвающихся ни мало, чтобъ фортуна имъ измѣнила въ другой разъ, надѣется въ нынѣшній вечеръ остаться въ выигрышѣ и возвратить занятыя деньги. Жена банкира, любившая отъ души Фридриха, ожидала его къ назначенному часу для выдачи ему требованной суммы и хотѣла притомъ поговорить съ нимъ; но это время давно уже прошло, а онъ еще не бывалъ, почему полагали, что онъ догадался объ умыслѣ расходчика и что не пришелъ нарочно, не желая подвергнуть себя упрекамъ родственниковъ. Опасались, что онъ употребитъ какія нибудь разорительныя или унизительныя для себя средства, чтобы только достать нужную сумму денегъ, но еще болѣе боялись того, что въ этотъ же вечеръ онъ можетъ пуститься въ большую игру и довести себя до погибели. — Викторъ огорчился чрезвычайно этимъ извѣстіемъ; онъ чувствовалъ, что не время уже щадить себя и рѣшился употребить всѣ усилія къ спасенію молодаго человѣка. Но тщетно искалъ онъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только предполагалъ застать его. Возвратясь въ домъ банкира, онъ узналъ, что тамъ все еще его не было. Тогда, потерявъ надежду найти его гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, онъ рѣшился уже идти прямо въ игорный домъ. И здѣсь его не было. Мрачныя мысли овладѣли Викторомъ: онъ не могъ сомнѣваться болѣе, что Шпальтбергъ и Рейхбрунъ увели его въ какое нибудь отдаленное мѣсто, чтобъ удобнѣе исполнить злые свои умыслы. Оставаясь долго въ нерѣшимости, дожидаться ли здѣсь или идти искать въ другихъ подобныхъ мѣстахъ, онъ рѣшается наконецъ выдти. Вдругъ на лѣстницѣ встрѣчается ему Фридрихъ, идущій на верхъ, держа за руку Рейхбруна. Онъ былъ совсѣмъ не тотъ: лице его страннымъ образомъ измѣнилось и живость, на немъ замѣтная, происходила, казалось, отъ разгоряченія виномъ и надеждами, которыхъ ожидается близкое исполненіе. Онъ поблѣднѣлъ, увидя Виктора. „Мильнунгъ!" сказалъ ему сей, подавая руку, — „на одно слово!" Фридрихъ наклонился къ нему, чтобъ выслушать, но не выпустилъ руки Рейхбруна, какъ будто опасаясь лишиться подпоры, въ которой имѣлъ нужду для обороны отъ нападенія Виктора. „Любезный Мильнунгъ!" продолжалъ Викторъ: „родственники ваши знаютъ, въ какомъ вы затрудненіи; они готовы помочь вамъ изъ него выпутаться, если вы только не хотите сами его увеличить".

— Что? . . .— возразилъ Фридрихъ въ большомъ смущеніи — какое затрудненіе? Что хотите вы сказать? Онъ произнесъ это довольно громко и приближась нарочно къ Рейхбруну, чтобы прервать разговоръ.

„Вы знаете это лучше меня",—продолжалъ Викторъ съ кроткимъ упрекомъ; потомъ, бросивъ презрительный взглядъ на Рейхбруна, прибавилъ: „впрочемъ, я полагаю, что и этому господину все извѣстно.

— Великая бѣда! — воскликнулъ Рейхбрунъ съ издѣвкою, — когда у отца денегъ много, почему-жъ бы сыну и не проиграть для своего удовольствія нѣсколько тысячъ талеровъ?

„Я не думаю",.. сказалъ Фридрихъ.

— Да чего тутъ запираться! прервалъ Рейхбрунъ, это для него все равно, что потерять съ руки какой нибудь перстень; а вы, г. Буркгеймъ, вѣрно того же мнѣнія, что можно располагать такою потерею, какъ вздумается.

„Рейхбрунъ!" вскричалъ Фридрихъ, раздраженный сими словами; но тотъ продолжалъ издѣваться, а между тѣмъ Викторъ, не обращая на него вниманія, говорилъ твердымъ голосомъ Фридриху: „Не ужели вы пожертвуете приверженностью родныхъ своихъ сообществу людей недостойныхъ?"

— Да и что за такое затрудненіе! — подхватилъ Рейхбрунъ — что Фридрихъ проигралъ небольшую сумму денегъ? Ну! проигралъ сегодня, выиграетъ вдесятеро завтра. — Говоря слова сіи, онъ хотѣлъ идти насильно впередъ, оттолкнувъ Виктора; но сей схватилъ его за руку и, вырвавъ ее изъ руки Фридриха, толкнулъ съ такою силою Рейхбруна, что онъ полетѣлъ внизъ черезъ пять ступеней.

Фридрихъ въ величайшемъ замѣшательствѣ не зналъ, что начать; но видя, что раздраженный Рейхбрунъ хочетъ броситься на Виктора, онъ становится между ними. „Я не допущу" — говоритъ онъ — „чтобь друзья мои ссорились передъ моими глазами."

— Друзья ваши! возразилъ Викторъ, отступая съ гордостію; здѣсь у васъ одинъ только: онъ или я. — Потомъ, обратясь къ Рейхбруну, который старался освободить себя изъ рукъ Фридриха, онъ сказалъ ему: „Намъ одно только средство раздѣлаться, г. Рейхбрунъ. Выдемъ отсюда; это дѣло одной минуты!"

Рейхбрунъ притворился, что не слышитъ, и старался только вырваться отъ Фридриха. — „Что у васъ тутъ?" раздался внизу голосъ Шпальтберга, который пришелъ въ эту минуту. Вверху также показалось нѣсколько человѣкъ, привлеченныхъ шумомъ. Въ числѣ ихъ былъ Колле, который, увидя Шпальтберга и Рейхбруна, сошелъ поспѣшно и сказалъ имъ въ полголоса: „Фалькартъ ужъ давно здѣсь; ступайте скорѣе — васъ ждутъ." Викторъ подходитъ въ тоже время къ Рейхбруну и говоритъ ему также тихо: „Если ты не послѣдній изъ подлецовъ, то иди сей часъ со мною."

— На это и завтра будетъ время — отвѣчалъ тотъ и, оттолкнувъ Фридриха, вбѣжалъ скоро на лѣстницу. — Теперь у меня есть другія дѣла — поважнѣе! примолвилъ онъ, хватаясь за двери.

„И вы пойдете за нимъ?“ сказалъ Викторъ Фридриху съ горькою улыбкою. Сей не отвѣчалъ ни слова; онъ стоялъ, пораженный низкимъ безстыдствомъ того, кого за минуту называлъ своимъ другомъ. Шпальтбергъ посмотрѣлъ внимательно на него и на Виктора; потомъ громко засмѣялся и сказалъ: „Прощайте, господа, ваша взяла. Ну, любезный Мильнунгъ, хорошо, что такъ берегутъ тебя!“ Съ этимъ ушелъ онъ въ залу, за нимъ и другіе; Фридрихъ и Викторъ остались на лѣстницѣ.

„Прошу васъ“,—началъ Викторъ—„именемъ всего, что вамъ любезно, добрый Мильнунгъ, согласитесь выслушать меня одну минуту“. Фридрихъ съ потупленными внизъ глазами оставался неподвиженъ, и когда Викторъ взялъ его за руку, онъ, въ смущеніи, въ нерѣшимости, далъ вести себя безъ сопротивленія. Они вошли въ кофейный домъ напротивъ игорнаго. Викторъ спросилъ особую комнату; они садятся тамъ подлѣ стола и, послѣ нѣсколькихъ минутъ глубокаго молчанія, Фридрихъ, не поднимая глазъ, говоритъ со вздохомъ Виктору: „Вы дѣлаете изъ меня, что хотите“.

— То, чего вы сами захотите черезъ минуту, любезный Мильнунгъ.

„Можетъ быть вы и правы, Буркгеймъ“,—сказалъ Фридрихъ;—„но“ — присовокупилъ онъ, вставая и начавъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ бы въ жестокой досадѣ—„вы лишаете меня единственнаго средства пособить себѣ въ моемъ несчастіи“.

— Вы называете это несчастіемъ, вы называете это пособить себѣ?

„Но что-жъ мнѣ дѣлать иначе?“ воскликнулъ Фридрихъ въ запальчивости, которая заставила его обнаружить тайну. „Я проигралъ двѣ тысячи талеровъ, я долженъ еще тысячу особо — гдѣ возьму ихъ?“

— Найдется вѣрно человѣкъ—сказалъ Викторъ съ кротостію—который, слушая васъ теперь, согласился бы скорѣе заплатить за васъ три тысячи талеровъ, нежели допустить васъ доставать ихъ такимъ средствомъ.

„Батюшка!“ вскричалъ Фридрихъ; „просить батюшку! ни за что въ свѣтѣ!“

— Почему же? развѣ онъ такъ строгъ?

„Онъ!“ сказалъ Фридрихъ, и слезы выступили изъ глазъ его. Садясь опять и облокотя руки свои на столъ, онъ повторилъ: „Мой батюшка! ахъ, можетъ ли быть добрѣе кто нибудь! онъ никогда не сдѣлалъ мнѣ ни одного упрека; онъ былъ слишкомъ хорошихъ обо мнѣ мыслей!“ Стѣсненіе въ груди прервало рѣчь его; потомъ, залившись слезами, съ усиліемъ произнесъ онъ: „Мой батюшка пріобрѣлъ все своими трудами; дѣти мои!—говорилъ онъ мнѣ и Еленѣ—я трудился для васъ; вы мнѣ и награда!“

— Сестрица ваша называется Еленою? — спросилъ Викторъ, пораженный трогательнымъ воспоминаніемъ.

„Бѣдная Елена!“ продолжалъ Фридрихъ: „она почитала брата своего лучшимъ изъ людей — и я лишу ихъ этого утѣшенія! нѣтъ, нѣтъ!“

— Но подумали-ль вы — началъ опять Викторъ нѣсколько суровымъ голосомъ — приходило ли вамъ на мысль, что вы повергаете ихъ въ жесточайшее несчастіе?

„Не всегда же проигрываютъ“, — сказалъ Фридрихъ — „а сегодня“ — прибавилъ онъ и въ ту же минуту смутился — „сегодня представлялся особый случай...“

— Какой это? спросилъ Викторъ въ безпокойствѣ.

„Одинъ молодой человѣкъ“ — продолжалъ Фридрихъ, приходя съ каждымъ словомъ въ большее смущеніе — „богатый молодой человѣкъ, который можетъ располагать своими деньгами и очень рискуетъ....“

— Кто-жъ онъ? спросилъ Викторъ, пораженный внезапною мыслію: не ужели Фалькартъ, о которомъ, какъ я помню теперь, говорилъ Колле? Фалькарта я знаю; онъ служитъ при Банкѣ.... Деньги, на которыя играетъ онъ, не могутъ принадлежать ему“. Фридрихъ не отвѣчалъ ничего; онъ былъ какъ бы уничтоженъ сими словами. Викторъ сложилъ руки свои и опустилъ голову въ величайшей горести. — И вы, Фридрихъ, вы хотѣли воспользоваться его слабостію?

„Боже! Боже мой!“ вскричалъ Фридрихъ, закрывая руками лице свое, въ сознаніи стыда жесточайшаго. Нѣсколько времени пребыли они въ молчаніи; потомъ Викторъ началъ опять голосомъ, болѣе кроткимъ: „Забудемъ минуту вашего заблужденія, Мильнунгъ; я увѣренъ, что впередъ вы ему не подвергнетесь. Но положимъ, что счастіе послужило бы вамъ: неужели думали вы возвратить сегодня все потерянное? Неужели полагали вы отъ чистаго сердца, что тѣ, которые уже два мѣсяца стараются завлечь васъ въ погибель, дадутъ однимъ разомъ раздѣлаться съ ними? Нѣтъ, нашли бы средства заставить васъ играть и завтра. Если вы пуститесь въ игру назавтра, Мильнунгъ“ — продолжалъ Викторъ съ большимъ жаромъ — „то же будетъ и на слѣдующій день и далѣе. Доставать деньги — о, будьте покойны: — вамъ дадутъ всѣ къ тому средства; имя вашего отца послужитъ надолго залогомъ, и кто знаетъ, какъ далеко завлекутъ васъ? Но будетъ конецъ. Вообразите себѣ минуту, когда всѣ пагубныя средства, изобрѣтенныя для вашего разоренія, наконецъ истощатся; вы обязаны отречься отъ своихъ мечтательныхъ, жалкихъ надеждъ; у васъ даже ихъ отнимаютъ; не вѣрятъ вамъ болѣе; васъ преслѣдуютъ; вы должны, какъ сегодня, во всемъ обличить себя — въ чемъ же? Связь людей, закоренѣвшихъ въ безпутствѣ; долги унизительные, жизнь пагубная дѣломъ и примѣромъ. Гдѣ ваши силы перенести посрамленіе? Гдѣ твердость явиться предъ лицемъ любимаго отца, видѣть старость его отравленною, дѣла приведенныя въ разстройство,

если только онъ не захочетъ лучше предать васъ на поруганіе тѣхъ, которые вамъ вѣрили? Накопецъ, Мильнунгъ, каково будетъ вамъ въ томъ домѣ, гдѣ вы были радостью, утѣшеніемъ? Каково будетъ вамъ, когда съ потупленными глазами, въ нѣмомъ сознаніи порока, посреди родныхъ, вы будете служить предметомъ жалости и часто безпокойства, смущенія — потому что не осмѣлятся показать васъ безбоязненно свѣту? Каково — когда во весь остатокъ жизни вамъ будетъ чуждо кроткое названіе сына отъ отца — его нѣжный взоръ, на васъ въ умиленіи обращенный?...."

Тутъ Фридрихъ, который сидѣлъ дотолѣ съ поникшею на руки головою, безъ всякаго движенія, испустилъ глубокій вздохъ. Викторъ, положивъ руку свою на плечо его, продолжалъ нѣжнымъ, пріязненнымъ тономъ: „Любезный Мильнунгъ! теперь предупредите вы все это сцѣпленіе проступковъ и несчастій, загладите прежнее заблужденіе — своимъ признаніемъ, которое неминуемо было бы нужно и послѣ."

— Буркгеймъ! — сказалъ Фридрихъ, поднимая съ усиліемъ свою голову: будьте увѣрены, я напишу къ батюшкѣ.

„Когда же, любезный Мильнунгъ?"

— Другъ мой, дайте мне подышать свободно.

„Свободно дышать — подъ бременемъ порока, подъ бременемъ столь труднаго признанія! Пока его не сдѣлаете, бѣдный другъ мой, дотолѣ несчастіе будетъ неразлучно съ вами. Когда же сдѣлаете его, вамъ останется одно только раскаяніе.... И въ немъ находятъ утѣшеніе" — присовокупилъ онъ, сжимая его руку — „если только твердая рѣшимость добродѣтели будетъ его поддерживать."

— Какъ вамъ угодно — сказалъ Фридрихъ со вздохомъ. Викторъ велѣлъ принести бумаги и чернилъ. „Какъ начну я?" говорилъ Фридрихъ, мучась тоскою. Но едва написалъ онъ первыя строки, какъ сердце его раскрылось; обильныя слезы вырвались изъ глазъ; выраженія, исполненныя раскаянія, нѣжности и упованія на доброту родителя, полились быстро на бумагу. Онъ съ трудомъ началъ — теперь не могъ, казалось, кончить. Наконецъ онъ дописалъ листъ, заключилъ письмо, сложилъ его и, отдавая Виктору, сказалъ: „Располагайте имъ."

— Добрый Мильнунгъ — сказалъ Викторъ, принимая письмо съ сердечнымъ движеніемъ: — я никогда не забуду, что вы доставили мнѣ одну изъ счастливѣйшихъ минутъ въ жизни.

Фридрихъ бросился въ его объятія. „Буркгеймъ!" вскричалъ онъ: „вы другъ благодѣтельный."

Вдругъ передъ окнами кофейнаго дома раздался пистолетный выстрѣлъ. Крикъ, суматоха на улицѣ. Викторъ и Фридрихъ сбѣгаютъ поспѣшно внизъ и узнаютъ отъ собравшейся толпы, что кто-то застрѣлился у дверей игорнаго дома, вышедъ вѣроятно оттуда. Приносятъ огня, чтобъ посмотрѣть, дышитъ ли онъ еще; но онъ мертвъ. „Человѣкъ молодой" — говоритъ одинъ изъ тѣхъ, которые видѣли его близко. Викторъ приближается и восклицаетъ: „Фаль-

картъ!“ Фридрихъ блѣднѣетъ и, чувствуя себя дурно, опирается на плечо Виктора. „Боже!“ говоритъ онъ слабымъ голосомъ: „еслибъ и я былъ въ числѣ обыгравшихъ его!“ Викторъ его уводитъ. Слабость Фридриха увеличивается до того, что въ нѣкоторомъ разстояніи надобно было его посадить; наконецъ источникъ слезъ исторгается изъ глазъ его и стѣсненная грудь облегчается.

„Ахъ!“ говоритъ онъ, всплеснувъ руками: „когда батюшка узнаетъ объ этомъ, какъ будетъ онъ готовъ простить мнѣ!

— Онъ узнаетъ—сказалъ Викторъ—и то, что вы не дождались этого ужаснаго примѣра. Возблагодаримъ Небо, что онъ не былъ вамъ нуженъ!

„Ахъ!“ сказалъ Фридрихъ, „совѣсть моя будетъ мнѣ часто представлять его. Для чего“ — воскликнулъ онъ, бросаясь въ объятія Виктора и заливаясь горькими слезами — „для чего вы не были также другомъ Фалькарта?“ Викторъ, хотя и самъ былъ пораженъ глубокою горестью, старался его успокоить и успѣлъ въ томъ нѣсколько. Когда они поднялись, чтобъ идти далѣе, вдругъ увидѣли бѣгущаго къ нимъ на встрѣчу банкира; услышавъ, что какой-то молодой человѣкъ застрѣлился при выходѣ изъ игорнаго дома, спѣшилъ онъ въ испугѣ узнать, кто это. Онъ вскрикнулъ отъ радости, когда увидѣлъ Фридриха. „Вотъ онъ!“ сказалъ Викторъ, угадывая мысли его. Фридрихъ потупилъ глаза: ему было стыдно, что подалъ поводъ къ такой радости; онъ чувствовалъ, что его безразсудное поведеніе повергло его какъ бы въ дѣтство, такъ что каждый имѣлъ право надзирать за нимъ. „Ну, какъ вы положили?“ спросилъ банкиръ Виктора, обнявъ передъ тѣмъ и его и Фридриха.

„Я буду ожидать“—отвѣчалъ послѣдній—„приказаній батюшки; и вотъ другъ“—присовокупилъ онъ, сжимая руку Виктора—„который такъ добръ, что беретъ на себя ему за меня поручиться“.

Они разстались. Викторъ былъ бы очень доволенъ днемъ симъ, если-бъ не представлялся безпрестанно глазамъ его несчастный Фалькартъ, сей молодой человѣкъ, котораго за нѣсколько дней видѣлъ онъ во цвѣтѣ жизни, исполненной надеждъ высочайшихъ. Онъ припомнилъ слова Фридриха: для чего вы не были также другомъ Фалькарта! Ему казалось, что, обрекши себя на благо общее, онъ долженъ былъ нѣкоторымъ образомъ отвѣтствовать за каждое несчастіе, случившееся въ глазахъ его. И любовь къ добродѣтели имѣетъ иногда свои слабости, которыя должно превозмогать, покоряя совѣсть свою суду разума, чтобы дозволять ей только то, чего она въ правѣ требовать.

(Библіотека для чтенія, составленная изъ повѣстей, анекдотовъ и другихъ произведеній изящной словесности).

V.

Драматическія піесы.

35. Отрывокъ изъ комедіи:

ПОДАРОКЪ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Машенька и Анюта *сидятъ за прялками и прилежно работаютъ. На столѣ горитъ ночникъ. Рано поутру.*

Анюта. Чу! Вотъ уже пробило и семь часовъ! Теперь уже недолго до разсвѣта! Но гдѣ же матушка? Вѣдь она давно уже встала!

Машенька. Да; она встала раненько, и, чтобы насъ не разбудить, потихоньку прокралась въ другую горницу. Я не спала уже и видѣла, какъ она взяла батюшкину большую библію и вошла въ его кабинетъ. Съ тѣхъ поръ она тамъ читаетъ и молится. Добрая маменька. Она молится за насъ!

Анюта. И сегодня такъ рано встала. Все это для насъ! Она готовитъ намъ подарки на новый годъ! Милая, добрая маменька! Все думаетъ только объ насъ, а сама еще и чаю не кушала; а самоваръ уже кипитъ!

Машенька. Чѣмъ заплатить намъ за любовь ея! О! помоги намъ Господи утѣшить ее! — Какъ ты думаешь, Анюта, какіе подарки она приготовила для насъ къ новому году? Конечно, всякой даръ ея для меня драгоцѣненъ, но все таки мнѣ хотѣлось бы знать, что будетъ такое?

Анюта. Почему же мнѣ знать, что для насъ приготовлено! А вотъ бы хорошо было, если бы маменька подарила намъ этой полушелковой матеріи, что мы намедни видѣли въ лавкахъ! Какія бы у насъ были прекрасныя праздничныя платья! — Но что объ этомъ и думать! Это слишкомъ дорого! — Вѣроятно достанется намъ по ленточкѣ на кушакъ, по парѣ башмаковъ, по платочку! — Ахъ, какъ весело! Съ какимъ нетерпѣніемъ я жду вечера!

Машенька. Можетъ статься, маменька прибавитъ къ этому псалтирь и библію, чтобы намъ было что читать по праздникамъ. — О, какъ намъ благодарить ее!

Анюта. А вотъ сосѣдка наша, Сашенька, не намъ чета! Для той, въ ея великолѣпныхъ палатахъ, я чаю, готовится чудный праздникъ, чтобы встрѣтить новый годъ! — О! къ ней пріѣзжаетъ новый годъ въ богатой колесницѣ — а къ намъ онъ приходитъ пѣшкомъ.

Машенька. А все таки не съ пустыми руками! Всякому свое! Въ палаты, въ хижины, Господь всюду посылаетъ радости дѣтямъ! Каждому по его состоянію. Развѣ ты забыла, что говаривалъ покойный батюшка: „Богъ любитъ всѣхъ людей, какъ нѣжная мать любитъ дѣтей своихъ! Онъ не забываетъ никого! Не всякому достается золото и драгоцѣнные камни, но всякій изъ насъ участвуетъ въ Его отеческой любви! Солнце грѣетъ и свѣтитъ всѣмъ равно, богатымъ и бѣднымъ!“

ЯВЛЕНІЕ 2.

Тѣже и госпожа Шахова.

Г-жа Шахова. Здравствуйте, мои дѣтушки! Ужъ и за работою! Вотъ что прекрасно! Колеса вашихъ прялокъ вертятся проворно, какъ на почтовыхъ скачутъ на встрѣчу новому году! Покажите-ка свою работу.

Обѣ дѣвочки вмѣстѣ. Ахъ, маменька! Здравствуйте, милая маменька! (*Обнимаютъ мать*).

Анюта. Мы ужъ давно васъ ждемъ!

Машенька. Безъ васъ, маменька, какъ-то страшно! Мы объ васъ безпокоились.

Г-жа Шахова. Напрасно, дѣти! Мнѣ было очень весело! Я молилась, читала Евангеліе и думала объ отцѣ вашемъ!

Машенька. И плакали!—Ахъ! Я и сама часто думаю о папенькѣ и всегда плачу!

Анюта. И я также!—Но, милая маменька, перестаньте плакать. Пожалуйста не плачьте!

Г-жа Шахова. Нѣтъ, друзья мои, я не плачу!—Я готова переносить все, что Господь ни пошлетъ мнѣ! Да будетъ воля Его святая! Хотя сердце мое и глубоко уязвлено, однако я не хочу ни жаловаться, ни роптать! — О! я такъ нѣжно, такъ горячо любила отца вашего! Станемъ безпрестанно вспоминать объ немъ, о его добродѣтеляхъ, будемъ молиться объ немъ, и утромъ и вечеромъ, съ утѣшительною вѣрою, что и онъ молится за насъ предъ престоломъ Всевышняго. (*Всѣ стоятъ нѣсколько времени въ задумчивости*).

Машенька. Маменька! Я пойду принесу вамъ чай: самоваръ давно уже кипитъ (*уходитъ*).

Г-жа Шахова. Поди, душа моя! А я между тѣмъ посмотрю вашу работу. Увидимъ, которая-то изъ васъ лучше напряла! — (*разсматриваетъ пряжу*). Очень хорошо! Машенька прядетъ хоть куда: нитка у нея ровна какъ струнка! А ты, Анюта, прядешь хорошо, ровно: только пряжа твоя недовольно ссучена; надобно сучить покруче.

(*Машенька приноситъ самоваръ; обѣ дѣвочки накрываютъ столъ, ставятъ на него самоваръ, чайникъ, сливки, сахаръ и чашки. Мать придвигаетъ себѣ къ столу кресло, дѣти берутъ стулья, всѣ садятся вокругъ стола и пьютъ чай*).

Ну, дѣти, для васъ наступаетъ веселый день! Наканунѣ новаго года у насъ обычай дарить, чѣмъ Богъ послалъ; и я изготовила уже для васъ подарки, какіе могла.

Анюта. Ахъ, маменька! Пожалуйста хорошенькіе и побольше.

Машенька. Особливо, чтобы между этими подарками не было для которой изъ насъ розги!

Г-жа Шахова. Вы всегда были добрыми дѣтьми; розги не были нужны даже и тогда, какъ вы были гораздо меньше, а теперь и подавно въ нихъ нѣтъ надобности; и я стыдилась-бы употреблять это средство къ вашему исправленію. Однако не ждите того, что бывало при покойномъ вашемъ отцѣ: тогда средства у насъ были другія! Его дѣятельность и заботливая любовь приводили изобиліе въ нашъ домъ. Теперь, если нѣтъ прежняго изобилія, надобно благодарить Бога, что мы не терпимъ недостатка. Сколько могу, стараюсь отвратить его отъ васъ. Я приготовила для васъ подарки по достатку моему; мнѣ весело награждать васъ за добронравіе, послушаніе и прилежность до наступленія вечера, вы должны показать мнѣ всѣ ваши пожитки; я хочу видѣть, все ли у васъ бережно и въ порядкѣ; вы также должны разсказать мнѣ о себѣ все, съ величайшею искренностію, какъ бы на исповѣди.

Машенька. О, маменька! Я съ радостію покажу вамъ мой ларчикъ; вы увидите, все ли у меня въ порядкѣ и сохранности! И мнѣ такъ весело разсказать вамъ все, что у меня на душѣ!

Анюта. И мнѣ также! Совѣсть моя чиста.

Г-жа Шахова. Однако я должна предупредить васъ, что та, которая въ училищѣ получила лучшія отмѣтки, та, которая и дома была добронравнѣе и прилежнѣе; однимъ словомъ, та изъ васъ, которая во всемъ была лучше другой, получитъ отъ меня такой подарокъ, съ которымъ никакой иной сравниться не можетъ.

Машенька. А если мы обѣ равно хорошо вели себя, тогда кому изъ насъ достанется этотъ драгоцѣнный подарокъ!

Г-жа Шахова. Тогда я стану благодарить за васъ Бога, и мой драгоцѣнный подарокъ будетъ общимъ для васъ обѣихъ. — Но, милыя дѣти, подумайте: сколько на свѣтѣ бѣдныхъ, которымъ новый годъ не приноситъ никакой радости! Для богатыхъ веселья, лакомства, обновки — а бѣднымъ: слезы, сухія корки хлѣба и рубище! Думайте объ этомъ, и какъ ни малы дары мои, примите ихъ съ благодарностію къ Богу, который послалъ мнѣ возможность доставить вамъ хотя небольшую радость. Между тѣмъ не забывайте бѣдныхъ и отдавайте имъ свое излишество.

Машенька. О! если бы у меня было побольше излишества! Дарить гораздо еще веселѣе, нежели получать подарки!

Анюта. Это правда, маменька! Подумаемъ-те вмѣстѣ: что бы намъ отдать бѣднымъ!

Г-жа Шахова. Хорошо, душа моя, подумаемъ! Но я — бѣдная вдова, а вы — сироты! Слава Богу, что, по смерти отца вашего, мы не впали еще въ совершенную нищету! Мы не можемъ давать много, но должны давать съ благоразуміемъ. Будьте бережливы, потому что у бережливаго всегда останется что нибудь на долю бѣднаго. Давайте съ разборчивостью; давать во время есть истинное благодѣяніе; и пословица говоритъ: дорога милостыня во время скудости. Однако прибирайте чай и ваши самопрялки. Вотъ, Сашенька сей часъ прошла мимо окна; вѣрно она идетъ къ намъ.

(*Дѣти все въ горницѣ прибираютъ*).

ЯВЛЕНІЕ 5.

МАШЕНЬКА и САШЕНЬКА (*садятся за самопрялки*).

Сашенька. Маша, добрая моя Маша! Если бъ ты знала, какъ нынче мнѣ весело! Я рада и тому, что мы остались съ тобою однѣ! Я такъ люблю тебя!

Машенька. И я люблю тебя всѣмъ сердцемъ, милая Сашенька!

Сашенька. Я очень люблю Анюту, и мнѣ всегда весело играть съ нею, но тебя люблю гораздо больше! Ты какъ-то ближе къ моему сердцу. Ты всегда умѣешь отгадывать, когда мнѣ бываетъ грустно; умѣешь, съ такою кротостью, исправлять меня отъ моихъ недостатковъ и наставлять на доброе!

Машенька. А ты, милая Сашенька, всегда обо мнѣ думаешь. Ты раздѣляешь со мною всѣ свои чувства. Вѣрная твоя дружба исправила меня отъ многаго и доставила мнѣ много счастія.

Сашенька. О, замолчи! Перестань хвалить меня; не то я и въ самомъ дѣлѣ повѣрю, что я очень добра! — Лишь бы далъ Богъ, чтобъ я была похожа на тебя! Я больше ничего не желаю! (*Онѣ встаютъ и обнимаются. Сашенька, посмотрѣвъ Машенькѣ въ глаза очень пристально, говоритъ*) Маша! Что съ тобою сдѣлалось? Отъ чего ты такъ печально на меня смотришь!

Машенька. Я хотѣла было утаить отъ тебя, но чувствую, что мнѣ это невозможно!

Сашенька. Нѣтъ, Маша, не скрывай отъ меня ничего! Я не изъ пустаго любопытства желаю знать все, что до тебя касается. Ты знаешь, какъ я тебя люблю! Не могу ли я помочь тебѣ?

Машенька. Можешь, о конечно можешь! Послушай, я все разскажу тебѣ; но мнѣ надобно начать издалека; вѣдь ты ничего не знаешь.

Сашенька. Ну, скорѣе! Сказывай мнѣ все!

Машенька. Въ нашемъ приходѣ, вотъ въ угольномъ большомъ домѣ, въ самомъ нижнемъ жильѣ, которое до половины въ землѣ, жилъ одинъ ткачъ съ семействомъ—съ матерью, женою и дочерью. Онъ и жена его работали на фабрикѣ и тѣмъ безъ нужды содержали себя и семью. Съ полгода тому назадъ умеръ отъ горячки сперва ткачъ, а въ слѣдъ за нимъ и жена его. Остались старуха мать и тринадцати-лѣтняя дочь Катерина. Страшно было видѣть это несчастное семейство! Въ одинъ день вынесли два гроба! Мы были на погребеніи. Какъ теперь вижу бѣдную Катерину возлѣ могилы отца и матери! Какъ теперь слышу, съ какимъ отчаяніемъ она звала ихъ! Потомъ, несчастная, пошла прочь отъ безотвѣтной могилы и, воротясь домой, стала молиться со слезами. Она читала про себя: *Отче нашъ*, только громко и съ рыданіемъ воскликнула: *да будетъ воля Твоя!*—Долго она ничего не видала, не замѣчала; наконецъ, пришедъ нѣсколько въ себя, увидѣла, что я стою возлѣ нея; она бросилась ко мнѣ на шею и мы долго плакали обнявшись. (*Отираетъ слезы*).

Сашенька. Для чего же ты мнѣ объ этомъ не сказала ни слова? Пошлемъ за нею: я хочу подарить ей что нибудь къ новому году.

Машенька. Нѣтъ, это можетъ обидѣть ее! Она очень бѣдна, но работаетъ—и милостыни ни отъ кого не приметъ.

Сашенька. Надѣюсь, что эта бѣдная сирота живетъ не одна, а съ своею бабушкою.

Машенька. Да, она живетъ съ бабушкою, и съ величайшею любовью ходитъ за дряхлою старухой. Но слушай еще: намедни я носила имъ кушанье, которое посылала имъ маменька. Бѣдная Катерина плакала, но не хотѣла сказать мнѣ, о чемъ плачетъ; однако я приступала до тѣхъ поръ, что наконецъ она подвела меня къ стану покойнаго отца своего и указала на него со слезами. Я увидѣла основу холстинки бѣлой съ голубыми полосками. „Батюшка хотѣлъ выткать для меня обнову къ празднику“, сказала Катерина печально: „матушка все это сама и пряла и красила! Какъ прилежно-было они принялись работать для меня! Теперь оба отдыхаютъ въ сырой землѣ! Куда ни погляжу, вездѣ дѣти встрѣчаютъ праздники и новый годъ съ весельемъ, а для меня нѣтъ ни праздниковъ, ни радостей!“ продолжала она рыдая: „а мнѣ на часть достались слезы! Да я радостей и не хочу! О, еслибы мнѣ возможно было поднять ихъ изъ могилы и привесть домой опять!“ — Ахъ Сашенька! Я не говорила тебѣ о Катеринѣ, но она ни на минуту не выходила изъ ума моего! Я часто навѣщала ее и выдумывала, чѣмъ бы можно было ее обрадовать. — Наконецъ, вотъ что мнѣ пришло въ голову; я пошла въ лавки, купила у знакомаго купца точно такой холстинки бѣлой съ голубыми полосками, какъ та, которую я видѣла на станѣ, и отдала портному сшить платье для Катерины по своей мѣркѣ. Она хотя годомъ старѣе меня, но точно одного со мною роста. Нынче принесутъ это платье и мнѣ на-

добно расплатиться съ купцомъ и портнымъ. Я нынче обѣщала отнесть имъ деньги.

Сашенька. У тебя нѣтъ денегъ? — Займи у меня; я дамъ тебѣ съ радостью!

Машенька. О, нѣтъ! Я занимать не хочу; но прошу тебя, размѣняй мнѣ это!

Сашенька. Какъ! У тебя есть золото! Ну, Машенька, я не знала, что ты такъ богата!

Машенька. Ахъ! съ этимъ полуимперіаломъ я разстаюсь какъ съ душею! Но возьми его, и не говори объ этомъ ни маменькѣ, ни Анютѣ.

Сашенька. Теперь я узнаю его. Это старинный тотъ полуимперіалъ, который подарилъ тебѣ твой покойный батюшка. — О! конечно онъ предвидѣлъ, что ты употребишь его на доброе дѣло! — И не ошибся. Однако я не стану его размѣнивать. Скажи, сколько тебѣ нужно денегъ? — Я сей часъ принесу.

Машенька. Нѣтъ, Сашенька, не отнимай у меня моей радости! Размѣняй мой полуимперіалъ! Если ты не хочешь этого сдѣлать, то я отнесу его купцу и размѣняю въ лавкѣ, потомъ пойду къ портному и возьму платье и отнесу его Катеринѣ. Но мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ этотъ полуимперіалъ попался въ чужія руки.

Сашенька. Изволь, изволь, ангелъ мой Машенька! Подай мнѣ свое золото; я принесу тебѣ серебра. Объ одномъ только прошу тебя; возьми меня съ собою, когда ты понесешь Катеринѣ платье. Мнѣ хочется видѣть ея радость.

Машенька. Но Катерина, ни подъ какимъ видомъ, не должна знать, кто подарилъ ей платье; иначе разрушится весь мой планъ и вся радость моя будетъ отравлена. Видишь ли: послѣ обѣда Катерина съ бабушкой пойдутъ за дровами, которыя онѣ купили на трудовыя деньги; въ это время я прокрадусь къ нимъ на квартиру и положу на столъ платье съ записочкою, въ которой должно быть сказано: „*Сиротъ въ семействѣ Бога нѣтъ!* — Начатое отцемъ твоимъ довершено теперь: Господь посылаетъ тебѣ радость къ новому году!“ — Вотъ что будетъ написано въ записочкѣ!

Сашенька. Не понимаю, почему бы Катеринѣ не знать, кто даритъ ее! — Она бы такъ была тебѣ благодарна! И тебѣ было бы такъ весело видѣть ея благодарность!

Машенька. Того-то я и не хочу. Я не хочу, чтобы знали о томъ, что я сдѣлала. Въ Евангеліи сказано: „Да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя! Да будетъ милостыня твоя въ тайнѣ и Отецъ твой, видяй въ тайнѣ, той воздастъ тебѣ явѣ!“ — Сашенька! уже лишнее и то, что ты знаешь; но мнѣ нужна твоя помощь. Мнѣ гораздо веселѣе будетъ думать про себя, что я обрадовала бѣдную Катерину, и что она не подозрѣваетъ, кто подарилъ ее! Мнѣ такъ весело будетъ, когда она станетъ показывать мнѣ свое платье и говорить о своемъ удивленіи.

Сашенька. Ты настоящій ангелъ. Мнѣ стыдно смотрѣть на тебя О, какъ я тщеславна! Я люблю давать; но люблю также, чтобы знали, что я даю, и хвалили меня! Если я сдѣлаю что нибудь доброе, то всегда первая о томъ разсказываю! — Ты же потихоньку вкрадываешься въ жилище нищеты, отираешь слезы горести, слушаешь съ участіемъ жалобы несчастныхъ и утѣшаешь ихъ. Я могу горстями сыпать милостыню, не чувствуя отъ того никакого лишенія, а ты—отдаешь послѣднее.—Какая разница между нами! — Но не переставай любить меня! Я хочу быть на тебя похожею, хочу во всемъ слѣдовать твоимъ совѣтамъ, перенимать у тебя все доброе! Машенька, наставляй меня.

Машенька. Полно, перестань! Я не заслуживаю всѣхъ этихъ похвалъ. — Однако, послушай, у меня есть еще просьба до тебя.— Зная, что мы съ тобою дружны, Катерина тотчасъ вообразитъ, что я говорила съ тобою объ ней, и увѣрится, что подарокъ присланъ ей отъ тебя. Она непремѣнно придетъ благодарить тебя.... Сашенька, сдѣлай мнѣ милость, прими ея благодарность! — Между друзьями не должны быть расчеты; пускай мое доброе дѣло считаютъ твоимъ! Благотворительность твоя извѣстна всѣмъ; натурально и въ этомъ случаѣ, подозрѣнія падутъ на тебя; не выводи никого изъ заблужденія.

Сашенька. Ты требуешь отъ меня слишкомъ много. — Но пусть будетъ по твоему! Я стану молчать, приму Катеринину благодарность; но въ глубинѣ души буду смиряться предъ тобою, какъ предъ ангеломъ, который гораздо выше меня.

Машенька. Я также готова все раздѣлять съ тобою. Готова умереть за тебя. Теперь пойдемъ за Катерининымъ платьемъ. (*Уходятъ*).

Анна Зонтагъ.

(*Три комедіи для дѣтей*).

---

34. ЦАРЬ-ДѢВИЦА,

ТРАГЕДІЯ ДЛЯ ТЕАТРА МАРІОНЕТОКЪ.

Царь жила-была Дѣвица,
Шепчетъ русска старина;
Будто солнце свѣтлолица,
Будто тихая весна.

Державинъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ:

Царь-Дѣвица.—Въ богатомъ кокошникѣ и въ сарафанѣ; въ косу вплетена золотая лента; когда она входитъ на сцену, играютъ звончатыя гусли.

Первый Министръ.—Въ большой красной мантіи, въ парикѣ.

Ильинишна.—Нянюшка Царь-Дѣвицы. — Въ богатомъ старинномъ робронтѣ съ фижмами.

Китайскій Богдыханъ.—Въ золотомъ китайскомъ платьѣ; на головѣ у него шапочка съ колокольчиками, въ рукѣ опахало.

Одиссей, Царь Итаки.—Въ древнемъ греческомъ костюмѣ, на шлемѣ корона, черезъ плечи перекинута красная мантія; на ногахъ сандаліи, переплетенныя до колѣна.

Странствующій Рыцарь Бириби.—Въ платьѣ Крестоваго рыцаря; на головѣ шлемъ съ забраломъ и перьями; весь въ латахъ, сверхъ которыхъ бѣлый туникъ съ краснымъ крестомъ, въ рукахъ у него предлинный мечъ.

Гаврилычъ, отставной солдатъ.—Въ военномъ сертукѣ, съ фуражкой въ рукахъ.

Министры и Придворные Царь-Дѣвицы, въ старинныхъ русскихъ кафтанахъ, и разные подданные въ кафтанахъ попроще. Китайцы, греки и рыцари.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(*Театръ представляетъ богатыя палаты Царь-Дѣвицы; изъ окошекъ видно море; кругомъ стоятъ придворные; на аванъ-сценѣ Ильинишна съ большимъ подносомъ, на которомъ лежитъ пирогъ*).

Ильинишна.—Ну, стоять же смирно, не шевелиться! Царь-Дѣвица еще не вышла изъ опочивальни. Да смотрите же, какъ только она войдетъ, то кланяйтесь ниже, какъ можно ниже. Вѣдь сегодня день ея рожденія, моей матушки. — Я за то ей сама пирожокъ

испекла, слышите ли, сама, сама, своими бѣлыми руками.... ужъ увидите, какъ будетъ кушать, да похваливать.

(*Гусли играютъ, дверь отворяется, входитъ Царь-Дѣвица. Придворные кланяются*).

Ильинишна. — Дай тебѣ Богъ здравствовать, матушка Царь-Дѣвица, несчетные годы, да еще столько, да полстолько, да сто лѣтъ на покрышку. (*Придворные кланяются*. А я тебѣ, матушка, на радости пирожокъ испекла; кушай его, матушка! тѣлу во здравіе, душѣ въ утѣшеніе. (*Придворные кланяются*).

Царь-Дѣвица. — Спасибо, Ильинишна; — благодарю васъ, друзья мои, за усердіе; я увѣрена, что оно искренно. (*Послѣ нѣкотораго молчанія*). Но пора однакожъ приняться за дѣло; ни одного дня терять не надобно, а особенно день рожденья. (*Садится на приготовленное подъ балдахиномъ кресло*). Ильинишна, поди-ка по городу, поищи кто всѣхъ бѣднѣе — тому и отдай пирожокъ свой.

Ильинишна. — Какъ это, матушка? Да я вѣдь для тебя, Царь-Дѣвица, а не для кого другаго пирожокъ-то пекла. Онъ на серебрѣ испеченъ — золотомъ посыпанъ. Статно-ли дѣло такую вещь невѣсь кому отдать!

Царь-Дѣвица. — Если онъ для меня, такъ онъ мой, а если онъ мой, то и могу я изъ него дѣлать, что мнѣ хочется. Ступай же, Ильинишна....

Ильинишна. (*въ сторону*). — Ужъ что не вздумаетъ матушка! — Мнѣ, да въ такомъ нарядѣ, да по нищимъ ходить! (*Уходитъ, бормоча про себя*).

Царь-Дѣвица. Гдѣ мой фельдмаршалъ!

Гаврилычъ (*выходитъ изъ толпы*). — Здравія желаемъ вашему благородію.

Царь-Дѣвица. — Сегодня вамъ, господинъ фельдмаршалъ, никакого особаго приказа не будетъ. Сегодня день моего рожденія: я хочу, чтобы всѣ веселились; всѣхъ солдатъ распустите по домамъ.

Гаврилычъ. — Слушаю, ваше благородіе. (*Повертывается на-лѣво кругомъ и уходитъ*).

Царь-Дѣвица. — Гдѣ мой первый министръ?

Первый министръ. — Что угодно будетъ приказать, Царь-Дѣвица?

Царь-Дѣвица. — Всѣ ли спокойны, всѣ ли счастливы въ моемъ царствѣ?

Первый министръ. — Всѣ спокойны, всѣ счастливы въ твоемъ царствѣ, премудрая Царь-Дѣвица.

Царь-Дѣвица. — Неправда, мой любезный министръ, — быть не можетъ, чтобы всѣ были довольны въ обширномъ царствѣ; вѣрно, кто нибудь жалуется, кто нибудь ищетъ суда праваго.

Первый министръ. — Виноватъ, премудрая Царь-Дѣвица, поступило ко мнѣ дѣло; но оно такъ трудно для рѣшенія, что я побоялся тебѣ сегодня его представить.

Царь-Дѣвица. — Напрасно, мой любезный министръ. Судъ и дѣло никогда не должно откладывать. Разскажи мнѣ, что такое.

Первый министръ. — Въ царствѣ твоемъ жилъ былъ купецъ Золотой Кошель; лѣтъ двадцать тому назадъ, онъ построилъ здѣсь палаты, серебромъ кованыя, съ изумрудными окошками, и поѣхалъ за море торговать; но корабль его потонулъ, никто не спасся, остался лишь сынъ его, который проситъ отдать ему серебряныя палаты. Какъ прикажешь, Царь-Дѣвица?

Царь-Дѣвица. Тутъ я еще ничего труднаго не вижу. Разумѣется, отцовскія палаты должно отдать сыну.

Первый министръ. — Но не позволишь ли, Царь-Дѣвица, прежде представить тебѣ этого сына Золотаго Кошеля.

Царь-Дѣвица. — Позволяю.

Бирючь (*кричитъ*). Сынъ Золотаго Кошеля! — Ступай на судъ къ Царь-Дѣвицѣ.

(*Между тѣмъ возвращается Ильинишна и становится между придворными*).

1-й проситель. — Учини судъ и правду, премудрая Царь-Дѣвица! Я единственный сынъ Золотаго Кошеля; нашъ корабль потонулъ; я одинъ спасся; прикажи мнѣ отдать серебряныя палаты моего батюшки.

2-й проситель. — Учини судъ и правду, премудрая Царь-Дѣвица! Я единственный сынъ Золотаго Кошеля; нашъ корбль потонулъ; я одинъ спасся; прикажи мнѣ отдать серебряныя палаты моего батюшки.

3-й проситель. — Учини судъ и правду, премудрая Царь-Дѣвица! Я единственный сынъ Золотаго Кошеля; нашъ корабль потонулъ; я одинъ спасся; прикажи мнѣ отдать серебряныя палаты моего батюшки.

Царь-Дѣвица. — А! такъ васъ трое! и каждый изъ васъ говоритъ, что онъ единственный сынъ Золотаго Кошеля. Да, правду ты говоришь, мой первый министръ — трудно рѣшить это дѣло. (*Обращаясь къ придворнымъ*). Ну, что? какъ вы думаете?

(*Придворные молчатъ*).

Царь-Дѣвица. — У Золотаго Кошеля былъ одинъ сынъ, а теперь трое называютъ себя его сыновьями. Понимаете ли?

Придворные (*всѣ вмѣстѣ громко*). Понимаемъ, матушка Царь-Дѣвица.

Царь-Дѣвица. — Кому же отдать серебряныя палаты?

Придворные (*еще громче*). Не знаемъ, матушка Царь-Дѣвица.

(*Царь-Дѣвица задумывается*).

Ильинишна. И, матушка Царь-Дѣвица, чего тутъ долго думать! Послушай меня старуху — я не даромъ шестой десятокъ на свѣтѣ

живу — я вѣдь тебя еще маленькую на рукахъ нянчила. Вишь они воры какіе обманщики! что ихъ воровъ жалѣть! Прикажи-ка серебряныя палаты на себя взять, а ихъ воровъ отсюда палками прогнать, чтобы и впередъ имъ повадки не было.

Царь-Дѣвица. — Нѣтъ, Ильинишна, не чисто судишь. Двое изъ нихъ обманщики, конечно; ну, а третій-то? Какъ мнѣ у сына отнять отцовское наслѣдство? Знаешь пословицу: кто чужое беретъ, того Богъ убьетъ. Нѣтъ, я другое придумала. Принесите-ка сюда портретъ Кошеля.

(*Нѣкоторые изъ придворныхъ уходятъ*).

(*Просителямъ*). А вы, пойдите, возьмите свои луки да стрѣлы.

Ильинишна. — Что ты это, матушка Царь-Дѣвица, дѣлать хочешь?

Царь-Дѣвица. — А вотъ увидишь, Ильинишна.

(*Придворные приносятъ портретъ золотаго Кошеля во весь ростъ, а просители являются съ луками и стрѣлами*).

Царь-дѣвица. — Ну, слушайтежъ, просители; дѣло ваше рѣшить трудно и я сама не могу разсудить васъ. Посмотримъ, не поможетъ-ли намъ счастіе! Вотъ портретъ Золотаго Кошеля, стрѣляйте въ него — кто прямо ему въ грудь попадетъ, тому я и велю серебряныя палаты отдать.

Ильинишна. — И, матушка Царь-Дѣвица, — что ты выдумала! какая же тутъ будетъ правда! который изъ нихъ лучше стрѣляетъ, тотъ, разумѣется, и скорѣй попадетъ. Ужъ вели имъ лучше палаты между собою поравну раздѣлить.

Царь-Дѣвица. — Молчи, Ильинишна. (*Къ просителямъ*). Стрѣляйте-жъ.

(*1-й проситель стрѣляетъ и попадаетъ въ пустое мѣсто на картинѣ*).

Первый министръ. — Мимо.

(*2-й проситель стрѣляетъ и попадаетъ въ костыль Золотаго Кошеля*).

Первый министръ. — Мимо!

3-й проситель. (*бросаетъ свой лукъ и стрѣлы на землю*). Нѣтъ, матушка Царь-Дѣвица, ужъ вели имъ лучше такъ отдать серебряныя палаты — у меня на батюшку руки не могутъ подняться.

Царь-Дѣвица (*встаетъ съ своего кресла*). Того-то мнѣ и надобно было! Вотъ онъ, вотъ настоящій сынъ Золотаго Кошеля. Велите ему отдать серебряныя палаты!

Всѣ придворные. — О премудрая Царь-Дѣвица!

(*За кулисами слышенъ барабанный бой*).

Бирючъ (*входитъ поспѣшно*). Матушка Царь-Дѣвица! Китайскій Богдыханъ къ городу подходитъ.

Царь-Дѣвица (*подумавъ немного*). — Мы съ нимъ въ мирѣ.... отворите двери; однакожъ гдѣ мой фельдмаршалъ?

Гаврилычъ. — Что приказу будетъ, Ваше благородіе?

Царь-Дѣвица. — Солдаты распущены по домамъ?

Гаврилычъ. — Какъ приказали Ваше благородіе, такъ и исполнено.

Царь-Дѣвица. — Хорошо, поди-ка, бей сборъ — да приди мнѣ сказать, скоро ли они соберутся. Мало ли что можетъ случиться. Береженаго и Богъ бережетъ.

Гаврилычъ. — Слушаю, Ваше благородіе. (*Поворачивается нальво кругомъ и уходитъ скорымъ маршемъ*).

(*Дверь отворяется, трубы играютъ, барабаны гремятъ; Китайскаго Богдыхана вносятъ китайцы на золотыхъ носилкахъ*).

Китайскій Богдыханъ. — (*Не выходя изъ носилокъ, густымъ басомъ*). По добру ли, по здорову поживаешь, Царь-Дѣвица? Я приношу тебѣ поклонъ, да ласковое слово, да сердитое слово.

Царь-Дѣвица. — Я живу — поживаю, какъ Богъ милуетъ. Для поклона могъ бы ты и подняться изъ носилокъ, за ласковое слово благодарю, а сердитаго не боюсь. Да за что же ты, господинъ Богдыханъ, такъ прогнѣвался?

Китайскій Богдыханъ. — Еще бы и не гнѣваться, гордая—прегордая царевна! Мы въ Китаѣ живемъ, только и дѣло, что чай пьемъ, а теперь у насъ чаю не достанетъ, — твой народъ все беретъ, — весь чай у насъ выпилъ. Закажи твоему народу китайскій чай пить, а не то худо тебѣ будетъ жить. Я твой городъ сожгу, всѣхъ людей изловлю, а ты будешь въ чести, будешь у меня полъ мести.

Царь-Дѣвица. Я твоей грозы не пугаюсь, и что сдѣлано — въ томъ не каюсь. Ужъ что мой народъ себѣ возьметъ, того никому не отдаетъ, и у него что взято, то свято. Не запрещу я моему народу китайскій чай кушать, а тебя не хочу я и слушать.

Богдыханъ. — Такъ-то, Царь-Дѣвица! хорошо — увидимъ.

Царь-Дѣвица. — Не увидимъ, такъ услышимъ.

Богдыханъ. — Маршъ! (*Носилки поворачиваются и Богдыхана уносятъ*).

Ильинишна. — Ахъ, матушка Царь-Дѣвица! Что ты надѣлала— ну, что было съ нимъ спорить....

Царь-Дѣвица. — Такъ отдать ему мой народъ въ обиду? — Никогда этого не будетъ — (*обращаясь къ окружающимъ*) не такъ ли?

Всѣ. — Да здравствуетъ Царь-Дѣвица!

Царь-Дѣвица. — Однако, что дѣлаетъ мой фельдмаршалъ?

Гаврилычъ (*является на сцену*). По приказу Вашего благородія все исполнено; — но солдатъ до вечера всѣхъ не собрать: почти всѣ за море на Веселой Островъ уѣхали — да и вѣтеръ на бѣду съ моря.

Царь-Дѣвица. — Нечего времени терять — отправить пароходъ за солдатами. (*Слышенъ барабанный бой*).

Бирючь. — Премудрая Царь-Дѣвица, Одиссей, греческій царь, подъ городъ подошелъ и слова проситъ.

Царь-Дѣвица. — Ну чтожъ, по крайней мѣрѣ умный человѣкъ, хоть и любитъ на хитрости подыматься. Отворите ворота.

(*Дверь отворяется; трубы играютъ; входитъ Одиссей, Царь Итаки, въ сопровожденіи оруженосцевъ*).

Одиссей. — Славной царицѣ, премудрой Царь-Дѣвицѣ, отъ Одиссея низкій поклонъ.

Царь-Дѣвица. — Здравствуй, — мудрый Царь, — что скажешь?

Одиссей. — Смотрю я на тебя, Царь-Дѣвица — много я ѣздилъ по бѣлому свѣту — былъ и за моремъ, былъ и подъ Троею, а все о тебѣ думалъ. Дѣло твое дѣвичье, — некому за тебя вступиться, некому тебѣ совѣтомъ помочь. — Чтобы тебѣ за мужъ за меня выйти.... То-то бы житье тебѣ было. Я бы самъ твоимъ царствомъ управлялъ, доходы бы собиралъ, свои бы законы заводилъ, а ты бы лежала на подушкахъ, да нѣжилась....

Царь-Дѣвица (*въ сторону*). Вотъ къ чему подъѣзжаетъ хитрый старикъ! (*Къ Одиссею*). Много чести мнѣ дѣлаешь, мудрый царь Одиссей; но самъ ты, умный человѣкъ, разсуди, какъ мнѣ за тебя за мужъ выйти? — Вѣдь у тебя есть жена....

Одиссей. — Кто, Пенелопа? — Да я ужъ ее лѣтъ двадцать не видалъ, а уѣхалъ изъ Итаки, далъ ей позволеніе за мужъ выйти, если черезъ двадцать лѣтъ не возвращусь; и потому я думаю, что она или давно умерла, или за другаго за мужъ вышла.

Царь-Дѣвица. — Нѣтъ, мудрый царь, Пенелопа живетъ и холстину тчетъ. Много жениховъ у ней; но она всѣмъ отвѣчаетъ, что ни за кого за мужъ не выйдетъ, пока свою холстину не кончитъ; а ты знаешь, что она днемъ начнетъ, то ночью распуститъ и все тебя поджидаетъ.

Одиссей (*въ сторону*). Все знаетъ эта дѣвчонка. (*Къ Царь-Дѣвицѣ*). Ну, пожалуй, и такъ. — Я добрый человѣкъ; хоть и не выйдешь за меня за мужъ, я все готовъ тебѣ помогать, и твоимъ царствомъ управлять.... Согласна ли?

Царь-Дѣвица. — Въ самомъ дѣлѣ ты добрый человѣкъ, Одиссей, да только.... (*вбѣгаетъ воинъ*).

Воинъ. — Царь-Дѣвица, Китайскій Богдыханъ въ стѣны тараномъ бьетъ.

Царь-Дѣвица (*тихо воину*). — Молчи.... (*громко*) Ну такъ чтожъ, развѣ наши стѣны не крѣпки?....

Воинъ. — Стѣны-то крѣпки, да на стѣнахъ-то почти нѣтъ никого.

Царь-Дѣвица (*въ сторону*). — Глупецъ!.... (*громко*) Ты вѣрно ослѣпъ отъ страха — поди, и не говори мнѣ такого вздора.

Одиссей (*въ сторону*). — Ге, ге! ей, я вижу, плохо приходитъ.... *громко*) Не хочешь-ли, мудрая Царь-Дѣвица, я тебѣ загадаю загадку?

Царь-Дѣвица (*спокойно*) — Пожалуй, я очень люблю загадки....

Одиссей. — Но только съ условіемъ: отгадаешь, я пойду и сей часъ китайцевъ прогоню; а не отгадаешь — ты мнѣ свое царство отдашь....

Царь-Дѣвица. — Загадывай.

Одиссей (*важнымъ голосомъ*). — Слушай же внимательно, это загадка чудная и претрудная; слушай: какое это животное, которое поутру ходитъ на четырехъ ногахъ, въ полдень на двухъ ногахъ, а вечеромъ на трехъ ногахъ? А? каково?

Царь-Дѣвица. — Ахъ, Царь Одиссей! Какая старина! Да еще и не твоя. Эту загадку о человѣкѣ у насъ мальчики въ школахъ знаютъ.... Не знаешь-ли чего поновѣе?

Одиссей (*обидѣвшись*). — Да какъ бы то ни было, Царь-Дѣвица, хочешь ли уступить мнѣ хоть полцарства, — а не то сей часъ пойду и соединюсь съ Богдыханомъ....

Царь-Дѣвица (*рѣшительно*). Нѣтъ! — Ты хочешь воспользоваться моимъ положеніемъ, но ничего не возьмешь у меня ни силою, ни хитростію.... Я бы могла задержать тебя, но не хочу; двери тебѣ отворены, ступай, соедини свою греческую хитрость съ китайскою глупостію.

(*Одиссей, разсерженный уходитъ*).

Царь-Дѣвица. — Теперь мѣшкать нечего, вооружайтесь — пошлите гонцовъ къ фельдмаршалу, чтобы онъ перевелъ всю артиллерію на стѣны. Я сама поведу васъ.... (*Хочетъ итти и встрѣчается въ дверяхъ съ Рыцаремъ Бириби*).

Рыцарь Бириби (*становится на одно колѣно*). Царевна, я весь вашъ: мой щитъ, мой мечь, все къ вашимъ услугамъ. — Гдѣ ваши враги? Я всѣхъ переколю, перерублю и выброшу за окошко. — Меня знаютъ во всей Европѣ, во всей Азіи и во всей Африкѣ. Я съ одного удару разкошу человѣка пополамъ; я однажды такъ ударилъ копьемъ Сарацина, что онъ взлетѣлъ на воздухъ и уже больше на землю не возвращался. Но только въ вашемъ городѣ меня обидѣли, Царь-Дѣвица, и я требую удовлетворенія. — Я шелъ по улицамъ, а за мною толпа ребятишекъ ну кричать: Дурень! Дурень! — Я тотчасъ счелъ долгомъ обратиться и спросить у нихъ: почему я дурень? — Смотрю, въ рукахъ ребятишекъ книжки, — они начали показывать на меня пальцами и продолжали кричать: „Дурень! Дурень! грамоты не знаетъ!“ — Пожалуйте, Царевна, запретите вашимъ ребятишкамъ книги читать, я этого терпѣть не могу; по моему: руби, валяй, ничего не читай! — Запретите имъ читать,

Царевна, чтобы никто грамоты не зналъ.... съ этимъ только условіемъ я буду защищать васъ, и сей часъ пойду и сто тысячъ человѣкъ на землю положу.

Царь-Дѣвица. — Мнѣ некогда съ тобою толковать, Бириби. (*Къ окружающимъ*). За мной!

Рыцарь Бириби. — Хорошо! хорошо! Такъ знайте-жъ, Царевна, я сей часъ пойду и соединюсь съ Китайскимъ Богдыханомъ....

Царь-Дѣвица. — Посадите его на время въ курятникъ, тамъ онъ будетъ въ своей компаніи....

(*Бириби уходитъ. — Сцена перемѣняется. — Театръ представляетъ городскую башню; съ одной стороны ея видно море.... Возлѣ башни Одиссей вмѣстѣ съ греками уставляетъ древнія стѣнобитныя орудія; на башню всходитъ Царь-Дѣвица съ нѣсколькими воинами*).

Царь-Дѣвица (*на башнѣ*). — А мой фельдмаршалъ еще далеко!.... Что дѣлать! надобно продлить время.... Царь Одиссей! одно слово....

Одиссей (*подъ башнею*). — (*Въ сторону*) А! Смирилась, гордая! — но теперь поздно, меня не перехитришь. (*Къ Царь-Дѣвицѣ*) Ну, что скажешь, мудрая, многоученая Царь-Дѣвица! Не то ли, что твои ребятишки въ школахъ больше меня знаютъ? — Не такъ ли?

Царь-Дѣвица. — Нѣтъ, Одиссей, я хочу войти съ тобою въ переговоры.

Одиссей. — Какіе преговоры! Сдавайся....

Царь-Дѣвица. — Вспомни, Одиссей, что я еще могу защищаться!....

Одиссей. — Некѣмъ, твои солдаты за моремъ, а вѣтеръ противный.

Царь-Дѣвица. — Можно ѣздить и противъ вѣтра....

Одиссей. — Это что, загадка что-ли?

Царь-Дѣвица. — Да! загадка! отгадай ее и я тебѣ отдамъ мое царство безъ всякаго кровопролитія....

Одиссей (*въ сторону*). — Охъ, греческая кровь! — Не могу удержаться. (*Къ Царь-Дѣвицѣ*). Ну, загадывай....

Царь-Дѣвица. — Какой это корабль, на которомъ кипятятъ воду и онъ отъ того идетъ противъ вѣтра?....

Одиссей (*подумавъ*). — Не знаю.... никогда не слыхалъ.... странно!

Царь-Дѣвица. — Ну, вотъ тебѣ другая полегче: какое это искуство, посредствомъ котораго человѣкъ испишетъ листъ бумаги и черезъ часъ у него явится тысяча такихъ листовъ.

Одиссей. — Объ этомъ въ Греціи у насъ никогда не говорили.... странно.... не знаю!

Царь-Дѣвица. — Ну, вотъ тебѣ и третья, еще легче: я положу въ мѣдную трубку немножко угля, селитры и сѣры, вкачу туда же желѣзный шаръ и этотъ шаръ будетъ убивать людей сильнѣе грома и молніи.

Одиссей. — Эге! да ты смѣешься, я вижу, надо мною. Ты мнѣ говоришь загадки — безъ разгадокъ.

Царь-Дѣвица.—Неправда, побѣдитель Трои. Есть искуство, которое въ короткое время можетъ умножить письмо человѣка; это искуство сдѣлало то, что я знаю много такого, чего тебѣ и въ голову не приходило: оно называется книгопечатаніемъ.

Одиссей. — Я не могъ слышать объ этомъ.... Но что я вижу!

(*На морѣ появляется пароходъ съ солдатами Царь-Дѣвицы*).

Царь-Дѣвица.—Судно, которое ты видишь, есть пароходъ; на немъ отъ водяныхъ паровъ приходятъ въ движеніе колеса.... и онъ, какъ изволишь видѣть, ходитъ и противъ вѣтра.

(*Слышны съ парохода пушечные выстрѣлы; стѣнобитныя орудія разрушаются—многіе изъ воиновъ Одиссея побиты*).

Одиссей. — О Зевесъ!.... Это громъ....

Царь-Дѣвица. — Нѣтъ, не громъ — но пушки — моя третья загадка....

(*Одиссей съ своими воинами и китайцами убѣгаютъ со сцены.... Пароходъ приближается къ берегу, съ разноцвѣтными флагами; пушки стрѣляютъ; музыка гремитъ и солдаты кричатъ*):

Да здравствуетъ Царь-Дѣвица!

Дѣдушка Ириней.

(*Дѣтская библіотека, А. Очкина*).

VI.

Статьи изъ естественныхъ наукъ.

35. Течение, засыпание и линяние животныхъ.

а) течение животныхъ (*).

Нельзя не замѣтить, при самомъ поверхностномъ наблюденіи, что у насъ зимою животныхъ и особенно птицъ гораздо менѣе, нежели лѣтомъ, и это временное исчезаніе животныхъ можно объяснить только двоякимъ образомъ: или животныя оставляютъ насъ и переходятъ въ другія страны, или онѣ скрываются въ нашихъ странахъ, засыпая спячкою: дикія утки отлетаютъ, а медвѣдь засыпаетъ.

Такъ сѣверные олени, на которыхъ ѣздятъ Лапландцы и другіе сибирскіе народы, совершаютъ, въ теченіе одного года, двѣ тяги: лѣтомъ, когда въ сѣверной полосѣ Сибири, покрытой тундрами, размножаются до невѣроятности мелкія насѣкомыя, извѣстныя подъ общимъ именемъ мошкары, и тревожатъ оленей, они подымаются выше, въ болѣе сѣверныя полосы; когда же здѣсь наступающій сильный холодъ лишаетъ ихъ нужной пищи, состоящей преимущественно изъ разныхъ мховъ, они спускаются опять въ тундровыя полосы, покрытыя мелкими растеніями, и эта тяга оленей составляетъ важный періодъ въ жизни туземцевъ, которые проводятъ большую часть года посреди снѣговъ и имѣютъ только два средства пропитанія, чтобы влачить жалкую жизнь свою: или они расчитываютъ на уловъ рыбы, когда она весною изъ морей стадами заходитъ въ устья рѣкъ для метанія икры, или же стерегутъ стада текущихъ оленей; и кто не успѣлъ запастись рыбою въ количествѣ достаточномъ до времени тяги оленей, или кто не набьетъ оленей, во время ихъ теченія, столько, чтобы прожить до будущаго прилива рыбы весною въ рѣки, тотъ обреченъ на неминуемую смерть. Путешественники разсказываютъ съ ужасомъ, какъ цѣлыя поселенія, изнемогая на снѣгу, умираютъ среди муче-

(*) Періодическое перехожденіе животныхъ изъ одной страны въ другую и таковое же возвращеніе ихъ въ первую издавна называютъ у насъ книжнымъ терминомъ *путешествія*, переводя его съ языковъ западныхъ: voyage, Wanderung; но наши звѣроловы и птицеловы, которые по необходимости болѣе другихъ обращаютъ вниманіе на сіе явленіе, имѣющее существенное вліяніе на ихъ промыслъ, говорятъ въ такомъ случаѣ, что звѣрь или птица *течетъ*, напр. на югъ и т. д. Мы рѣшились употребить это выраженіе тѣмъ охотнѣе, что оно удачно передаетъ соединенное съ нимъ явленіе.

ній голодной смерти отъ того только, что уловъ ихъ рыбы или оленей былъ несчастливъ.

Бѣлка въ Европейской Россіи передъ зимою изъ сѣверной ея части *течетъ* въ болѣе умѣренныя полосы, изъ Архангельской въ Олонецкую и Новогородскую, что, конечно, твердо помнятъ звѣроловы.

Пеструшка, особый родъ пестрыхъ полевыхъ мышей, водящаяся въ Лапландіи, размножившись въ иные годы до изумительнаго количества и поѣвъ на корню весь хлѣбъ, оставляетъ эту страну и отправляется отыскивать другую, гдѣ встрѣтитъ достаточную пищу.

Всѣ на водѣ живущія птицы, каковы — дикіе лебеди, гуси, утки, гагары, всѣ птицы, питающіяся насѣкомыми — соловьи, пѣночки, малиновки, травнички, оставляютъ насъ на зиму и отлетаютъ въ болѣе южныя страны, на острова Средиземнаго моря, въ Сѣверную Африку, а возвращаются къ намъ весною, когда и воды открыты, и пищу онѣ могутъ найти въ достаточномъ количествѣ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что два обстоятельства, преимущественно предъ прочими, заставляютъ животныхъ мѣнять періодически одну мѣстность на другую: годичное или періодическое измѣненіе температуры и вообще климата, и уменьшеніе пищи. Оба эти условія дѣлаютъ жизнь животнаго невозможною долѣе, въ извѣстной мѣстности, и заставляютъ его предпринимать теченія нерѣдко въ далекія страны. Имѣя въ виду эти обстоятельства, мы легко поймемъ и главныя явленія, которыя сопутствуютъ *теченію* животныхъ.

Очевидно, что главное теченіе животныхъ совершается по направленію отъ сѣвера къ югу и обратно. Передъ зимою животныя приближаются къ экватору, а весною они же возвращаются ближе къ полюсамъ; и такъ какъ, по различному положенію солнца относительно земли, на сѣверномъ полушаріи бываетъ зима въ то время, когда на южномъ бываетъ лѣто, и обратно, то и понятно, почему на первомъ полушаріи животныя *текутъ* къ экватору въ то время, когда на второмъ они отъ него удаляются, и на оборотъ, когда на южномъ полушаріи животныя приближаются къ экватору, тогда къ сѣверу отъ него животныя возвращаются къ полюсу. Почти ни одно изъ нихъ не переходитъ экватора. Такимъ образомъ на земной поверхности совершается непрерывное *теченіе животныхъ* отъ одного полюса къ другому, и тѣмъ самымъ съ одной стороны поддерживается жизнь отдѣльныхъ особей (*), а съ другой въ разныхъ мѣстностяхъ одни животныя смѣняются другими, или, какъ выражаются ученые, одна *фауна* смѣняется другою, и человѣкъ встрѣчаетъ непрестанное разнообразіе въ тваряхъ. Такъ осенью, когда отъ насъ отлетѣли наши пернатые пѣвуны, къ намъ

---

* Особью называютъ каждое животное въ частности, въ отличіе отъ *особы, лица*, которыя относятъ только къ человѣку.

на зиму прилетають зимніе гости, которыхъ напрасно вы стали бы искать въ московской губерніи лѣтомъ. Лишь только земля покроется ледянымъ черепомъ и выпадетъ порядочный снѣгъ, что случается обыкновенно около половины ноября, къ намъ прилетаютъ стадами *чечетки*, пестрые *подорожники*, и красивѣйшія изъ московскихъ птицъ — *свиристѣли*, и отлетаютъ отъ насъ весною, когда къ намъ вереницею возвращаются различныя пташки.

Животныя умѣренныхъ странъ не *текутъ*. Соловей въ московской губерніи птица *отлетная* и *прилѣтная*; напротивъ, онъ же въ Греціи, южной Италіи и южной Испаніи принадлежитъ къ *осѣдлымъ* птицамъ. Однакожъ въ каждой мѣстности, не исключая и самой сѣверной, есть животныя, которыя никогда ея не оставляютъ. Не говоря уже о китахъ, тюленяхъ и моржахъ, которые все болѣе уходятъ къ сѣверу отъ преслѣдованій промышленниковъ, въ сѣверныхъ полосахъ всегда живетъ бѣлый медвѣдь. Въ губерніи московской постоянно живутъ, кромѣ домашнихъ птицъ, по городамъ и деревнямъ, сѣрыя куропатки и бѣлыя куропатки, большіе и малые тетерева и другія.

Кромѣ упомянутаго, болѣе общаго направленія пути, есть и другія теченія, которымъ слѣдуютъ животныя и которыя столь же строго опредѣлены, какъ и первое.

На высокихъ горахъ замѣчаютъ два теченія животныхъ, подобныя теченіямъ между полюсами и экваторомъ. Передъ наступленіемъ зимы, когда вершины горъ начинаютъ покрываться снѣгомъ, или когда, по крайней мѣрѣ, холодъ на нихъ начинаетъ усиливаться, всѣ нагорныя животныя приближаются къ подошвѣ горъ, а весною опять восходятъ на горы. Замѣчено также, что сельди и другія рыбы уходятъ иногда въ глубину морскую и возвращаются въ болѣе холодное время.

Многіе морскіе раки и черепахи изъ открытаго моря приближаются къ островамъ и выходятъ на берега, отыскивая болѣе мелкія мѣста для метанія своихъ яицъ. Въ устья всѣхъ рѣкъ Сѣверной Сибири и Камчатки входятъ вереницы морскихъ рыбъ и мечутъ тамъ икру. Такъ два раза въ годъ, лѣтомъ и зимою, осетры, бѣлуга, шипы и вообще вся цѣнная рыба, которую называютъ красною, и которая употребляется въ такомъ большомъ количествѣ во всей Россіи, уходитъ изъ Каспійскаго моря въ Волгу, Каму и другія, изливающіяся въ него рѣки, и промышленники при ловлѣ рыбъ пользуются преимущественно этими двумя *теченіями*.

Теченіе животныхъ, совершающееся всегда на значительномъ пространствѣ, требуетъ отъ нихъ напряженія всѣхъ силъ; чтобы преодолѣть на пути предстоящія трудности, животное принимаетъ всѣ, зависящія отъ него предосторожности, и, не взирая на то, часто погибаетъ. Оставляя насъ осенью, всѣ животныя уже перелиняли, оправились отъ этого труднаго для нихъ времени, и возвращаются въ новой весенней одеждѣ. Передъ началомъ самаго теченія они собираются въ стада, часто весьма многочисленныя

какъ будто зная, что имъ въ такомъ случаѣ легче преодолѣть трудности, нежели каждому отдѣльно; потомъ, взвѣшивая свои силы, они пускаются нѣсколько разъ въ путь и опять возвращаются, какъ будто не довѣряя имъ. Особенно любопытно было наблюдать это явленіе въ текущемъ году около 23 августа: собравшіяся на поляхъ ласточки изъявляли волненіе свое громкимъ щебетаніемъ, подымались нѣсколько разъ и тревожно возвращались, пока, наконецъ, рѣшились пуститься вдаль. Самцы и старшія особи уходятъ прежде самокъ, и вообще слабыхъ животныхъ, и, текущій караванъ принимаетъ именно ту форму, которая всего удобнѣе разсѣкаетъ воздухъ: гуси летаютъ нитью, журавли треугольникомъ, обращеннымъ вершиною впередъ и т. д., при чемъ сильнѣйшія особи помѣщаются во главѣ каравана, такъ однакоже, что передовой, послѣ нѣкотораго пути, уходитъ назадъ, а на мѣсто его выдвигается второй, и такимъ образомъ всѣ равно раздѣляютъ трудности теченія.

То мѣсто, гдѣ птица вьетъ гнѣздо, называютъ ея отечествомъ. Мы называемъ соловья, жаворонка московскими птицами, но не можемъ назвать таковыми свиристѣля, подорожника и др.

Путь такого теченія есть возможно кратчайшій, слѣдовательно прямолинейный, и многія животныя скорѣе погибнутъ, нежели совратятъ съ него. Такъ единственное средство избавиться отъ разрушительнаго дѣйствія текущихъ пеструшекъ состоитъ въ вырытіи канавъ, въ раскладываніи огня на пути ихъ, отчего большая часть ихъ погибаетъ и т. д.

При всѣхъ сихъ условіяхъ, облегчающихъ *теченіе*, птицы къ намъ являются совершенно истощенными, худыми. Но за то для нихъ настала лучшая пора жизни, время витія гнѣздъ, кладки яицъ и ухода за птенцами, и мелкія пташки, веселыя божія созданія, переливаютъ и въ окружающую ихъ природу радость свою гармоническимъ, разнообразнымъ пѣніемъ. Забыты понесенные труды и лишенія, забыто все до будущаго линянія и новаго теченія.

Сколько теченіе животныхъ ни кажется на первый взглядъ дѣйствіемъ разсудительнымъ, но оно совершается однакожъ по инстинкту. Заприте какую-либо птицу отлетную, напримѣръ — журавля въ клѣтку, кормите его въ волю, содержите въ тепломъ мѣстѣ, и не смотря на то, что птица не будетъ имѣть ни въ чемъ недостатка, что она въ продолженіи года вывела уже птенцовъ, она будетъ сильно безпокоиться во время отлета подругъ своихъ. Почему же птица такъ хорошо знаетъ время отлета и слѣдуетъ неизмѣнно извѣстному направленію, даже въ томъ случаѣ, когда течетъ въ первый разъ? Чтобы объяснить себѣ это обстоятельство, стоитъ только обратить вниманіе на то, что такъ часто происходитъ передъ нашими глазами. Каждому извѣстно, что піявка или угорь, сохраняемые въ водѣ, всплываніемъ на поверхность ея или погруженіемъ въ нее, лягушка кваканьемъ, ласточка летаніемъ

надъ водою или въ верхнихъ слояхъ воздуха и т. д. указываютъ человѣку будущія перемѣны атмосферы — наступающую дождливую или ясную погоду, и слѣд. могутъ служить ему живымъ барометромъ; конечно, должно согласиться, что сіи животныя предсказываютъ ее не въ слѣдствіе какихъ-либо соображеній, основанныхъ на знаніи метеорологіи и астрономіи, а безсознательно указываютъ потому, что они одарены большою чувствительностію или воспріимчивостію, нужною для сохраненія своей жизни, и чувствуютъ малѣйшія перемѣны въ атмосферѣ, пріятныя для нихъ или непріятныя, которыя человѣкъ замѣчаетъ только тогда, когда уже онѣ достигли значительной степени. Здѣсь, какъ и вездѣ, видна премудрость Творца, давшаго каждому произведенію своему нужныя средства для охраненія себя: животныя, надѣленныя слабымъ разсудкомъ, чувствуютъ малѣйшія враждебныя для нихъ вліянія, и удаляются отъ нихъ часто безсознательно, подобно младенцу, отнимающему руку свою отъ пламени свѣчи, о которое обжегся; напротивъ человѣкъ, пользующійся всѣми преимуществами разума, легче оградитъ себя отъ тѣхъ же условій, оставаясь посреди ихъ. Птица, почувствовавъ какую-либо для нея непріятную перемѣну въ атмосферѣ, убѣгаетъ ее, направляетъ путь свой въ ту сторону, въ которой эта непріязненная перемѣна уменьшается, и останавливается только тогда, когда встрѣтитъ совершенно пріятную для нея атмосферу. Этимъ только можно объяснить удовлетворительно, почему птицы начинаютъ свои теченія въ разныя времена года, то ранѣе, то позднѣе, почему онѣ зимою текутъ именно къ экватору, а лѣтомъ на сѣверъ, а не обратно, почему, наконецъ, онѣ въ разные года отлетаютъ то ближе, то далѣе. И по этому не то удивительно, что птица знаетъ время отлета и направленіе теченія, а было бы напротивъ удивительно, если бы она не сознавала ихъ.

Отъ правильнаго теченія птицъ должно отличать залетаніе ихъ: часто застигаетъ ихъ на пути сильный вѣтеръ, даже буря, и заноситъ въ мѣста, гдѣ обыкновенно онѣ не извѣстны даже въ пролетѣ. Такъ въ послѣдніе годы были пойманы подъ Москвою пеликанъ и бурый грифъ, которымъ путь совсѣмъ не лежитъ на нашу губернію, но эти птицы были занесены къ намъ сильною бурею во время пролета своего осенью изъ нижнихъ волжскихъ губерній въ Южную Россію. Случалось даже, что въ Европѣ излавливали птицъ, водящихся въ Африкѣ и Америкѣ.

Одинакое значеніе съ этимъ послѣднимъ явленіемъ имѣютъ и другія насильственныя перемѣщенія животныхъ, причинами коихъ бываютъ иногда физическіе дѣятели — воздухъ, вода, иногда самъ человѣкъ. Часто облака летающей саранчи заносятся изъ колыбели ихъ—Египта и Малой Азіи—въ Крымъ и Турцію; часто вѣтеръ относитъ далеко въ открытое море стада мелкихъ, на сушѣ живущихъ пташекъ, которыя по необходимости садятся изнеможенными на плавающіе корабли; наконецъ, только движеніемъ воздуха можно пояснить явленіе падающихъ изъ атмосферы лягушекъ,

рыбъ, червей и другихъ животныхъ: безъ сомнѣнія, во время бури эти животныя, движимыя воздухомъ, поднимаются, вмѣстѣ съ водою или и безъ нея, съ поверхности земли, и относятся на болѣе или менѣе отдаленное разстояніе, куда иногда не простиралась самая буря. Замѣчали постоянно, что эти падающія животныя *) принадлежатъ тѣмъ самымъ породамъ, которыя живутъ на землѣ, и притомъ встрѣчаются чаще прочихъ. Въ 1842 году замѣтили такое явленіе въ Оренбургской и Курской губерніяхъ, и въ текущемъ году — въ Англіи. Вода также перемѣщаетъ животныхъ. Нѣсколько разъ уже замѣчали мореплаватели, какъ малые острова, съ находящимися на нихъ растеніями и небольшими животными, оторванные отъ материка Сѣверной Америки, плыли въ море по направленію къ Камчаткѣ; только теченіемъ воды и особенно большихъ ледяныхъ глыбъ можно объяснить себѣ, почему Америка, имѣющая вообще животныхъ, совершенно отличныхъ отъ Азіи и Европы, въ сѣверной части своей имѣетъ нѣсколько общихъ животныхъ съ сими частями свѣта; вѣроятно, медвѣдь, ракунъ, бобръ, бѣлка, куница, и нѣкоторыя птицы были переносимы посредствомъ льда, или переходили по немъ изъ одного материка въ другой; въ южныхъ же частяхъ тѣхъ же материковъ, между которыми нѣтъ сообщенія посредствомъ льдовъ, нѣтъ и общихъ животныхъ.

Наконецъ, самъ человѣкъ, иногда волею, иногда противъ воли, заноситъ животныхъ изъ одной мѣстности въ другую. Удовлетворяя расчетамъ своимъ, онъ привезъ въ Европу шелковаго червя изъ Китая и Японіи, Мексиканскаго червеца, доставляющаго цѣнную краску (кошениль, кармазинную краску, канцелярское сѣмя) изъ Мексики; съ тою же цѣлію перевезли въ Америку изъ Европы домашній рогатый скотъ, лошадь, свинью, кролика, собаку, гдѣ ихъ всѣхъ замѣняла, до пришествія Европейцевъ, одна *лама*, которую послѣдніе годы стараются переселить въ Шотландію. Но человѣкъ дорого бы далъ, если бы не перевезъ, вмѣстѣ съ кораблями и товарами, мурашку, изъ мѣстъ, гдѣ разводятъ сахарный тростникъ, и малаго таракана въ Европу; еслибы не перевезъ мыши изъ Европы въ Африку, Америку и Новую Голландію.

Оканчивая обзоръ явленій, относящихся къ перемѣщенію животныхъ, упомянемъ о тѣхъ изъ нихъ, которыя постоянно бродятъ или *блуждаютъ* по нѣкоторому пространству, и тѣхъ, которыя изъ одного мѣста постепенно *расходятся* въ сосѣднія, и не рѣдко значительно удаляются отъ первоначальнаго мѣста своего обитанія. Къ первымъ принадлежатъ всѣ животныя хищныя, которыя, питаясь мясомъ, не рѣдко должны рыскать на значительныхъ пространствахъ для отысканія себѣ пищи; имъ прямо противоположны травоядныя животныя, которыя находятъ ее повсю-

---

*) По общенародному выраженію — дожди животныхъ.

ду, и особенно тѣ изъ нихъ, которыя живутъ въ норахъ: это животныя *осѣдлыя.* Ко вторымъ, къ животнымъ *расходящимся*, должно отнести въ Европѣ большаго, чернаго таракана и черную крысу. Во время царя Іоанна Васильевича, первый изъ нихъ былъ еще неизвѣстенъ въ западной Россіи, и тѣмъ менѣе въ западной Европѣ. Впрочемъ, въ самой Россіи (Великой) онъ былъ нерѣдокъ, такъ что Таннеръ, находившійся при польскомъ посольствѣ, разсказываетъ съ ужасомъ, что въ Россіи есть ужасное животное, *караканъ*, водящееся въ домахъ, не безпокоящее хозяевъ ихъ, но за то съ жадностію нападающее на гостей, и что онъ самъ съ товарищами былъ почти заѣденъ этимъ чудовищемъ во время ночлега въ деревенской избѣ. До конца прошедшаго столѣтія, во всей Европѣ знали только одну *сѣрую крысу;* въ это же время, начала заходить изъ южной Азіи, вмѣстѣ съ таракапомъ, и *большая черная крыса*, распространялась постепенно къ западу Европы, размножилась уже въ большомъ количествѣ въ Москвѣ, но весьма еще рѣдко въ западной Россіи и прочей части Европы; на пути своемъ она изгоняетъ сѣрую крысу, которая, уступая ей жилища свои, удаляется болѣе на западъ и въ Москвѣ даже сдѣлалась нынѣ рѣдкостію.

b) ЗАСЫПАНІЕ ЖИВОТНЫХЪ СПЯЧКОЮ.

Каждому извѣстно, что многія животныя на зиму засыпаютъ *спячкою,* погружаются въ глубокій летаргическій) сонъ, отъ котораго пробуждаются только съ приближеніемъ весны; таковы медвѣдь, бѣлка, хомякъ, барсукъ, сурокъ, летучая мышь, змѣя, лягушка, и вообще всѣ гады и всѣ насѣкомыя.

Не подлежитъ сомнѣнію, что одна изъ главныхъ наружныхъ причинъ погруженія въ это близкое къ смерти состояніе, есть холодъ, потому что достаточно зимою внести въ теплую комнату заснувшую (или, какъ говорятъ неправильно, замерзшую) лягушку, ужа, летучую мышь, и они оживаютъ; нужно только не забывать главной предосторожности — отогрѣвать животное постепенно, подобно тому, какъ и замерзшаго человѣка возвращаютъ къ жизни, согрѣвая его постепенно все болѣе и болѣе. Въ послѣднее время, путешественники, находившіеся въ Гренландіи, нарочно замораживали лягушекъ, и, обливая водою, окружали ихъ отвсюду толстымъ слоемъ льда; возвратившись же во Францію, они удачно оживляли сихъ животныхъ. Наконецъ, животныя, которыя засыпаютъ въ полосахъ болѣе теплыхъ—медвѣдь, летучая мышь, бобры въ теченіи всего года въ Италіи и въ Греціи.

Но холодъ не единственная причина спячки; это видно изъ того, что не всѣ наши животныя подвергаются этому состоянію; требуются, слѣдовательно, со стороны животнаго нѣкоторыя условія въ устройствѣ его, которыхъ досслѣ не удалось намъ подмѣтить. Полагаютъ обыкновенно, что только тѣ животныя засыпаютъ, ко-

торыя имѣютъ мало собственной теплоты — *хладнокровныя*, каковы: гады, насѣкомыя, у которыхъ теплота тѣла не превышаетъ теплоты окружающаго воздуха; но это очевидно несправедливо: не всѣ хладнокровныя животныя засыпаютъ спячкою — рыбы, раки не подлежатъ ей, и притомъ многія животныя теплокровныя погружаются въ нее, каковы упомянутые звѣри; даже животныя, у которыхъ кровь теплѣе, нежели у всѣхъ другихъ животныхъ и самаго человѣка, — птицы, и тѣ засыпаютъ: нынѣ не сомнѣваются уже болѣе, что народное повѣрье, будто бы нѣкоторыя ласточки у насъ остаются на зиму, погружаясь въ воду или скрываясь въ дупла, справедливо.

Наконецъ, есть и другое наружное условіе, которое погружаетъ животныхъ въ это состояніе: это сильный жаръ, соединенный съ такою же сухостью въ атмосферѣ, слѣдовательно условіе совершенно противоположное сильному холоду. Только въ наше время замѣтили путешественники, что гады жаркой полосы Африки и Америки засыпаютъ спячкою на самое жаркое и сухое время лѣта. Слѣд. очевидно, что спячку животныхъ употребляетъ природа какъ средство для охраненія ихъ отъ губительнаго дѣйствія сильнаго холода или сильнаго жара.

Привезенныя къ намъ изъ жаркихъ странъ змѣи, крокодилы, черепахи засыпаютъ также спячкою или по крайней мѣрѣ погружаются въ весьма близкое къ тому состояніе. Этимъ вполнѣ объясняется, почему упомянутыя животныя такъ смирны, сонливы, почему содержатели звѣринца обходятся съ ними такъ смѣло, почему ихъ кормятъ, наконецъ, такъ рѣдко; въ самомъ дѣлѣ, спящая змѣя, даже давно ничего не ѣвшая, почти не чувствуетъ голода, а если и чувствуетъ, то не имѣетъ достаточной силы напасть на подставляемую ей жертву. Если умираетъ у насъ змѣя изъ жаркихъ странъ, то умираетъ или оттого, что не хочетъ принимать пищи, или оттого, что, принявъ, не можетъ переварить ее.

Передъ погруженіемъ въ спячку всѣ животныя принимаютъ особыя предосторожности; всѣ они *скрываются въ такія мѣста, гдѣ трудно найти ихъ хищному звѣрю*: гады углубляются въ илъ, въ тину; летучія мыши скрываются въ трещинахъ строеній, въ дупло стараго дерева; хомякъ въ норы и т. д.

Многія животныя, изъ числа засыпающихъ спячкою, пробуждаются зимою на короткое время; въ такомъ случаѣ эти животныя запасаютъ себѣ, до начала спячки, нужное на зиму количество пищи. У *бурундука* находятъ большіе запасы кедровыхъ орѣховъ, и звѣроловы не столько отыскиваютъ его, ради шкурки, которая не цѣнна и употребляется на легкія мѣха, а иногда идетъ даже за границу подъ именемъ l'ecureuil de Moscou, сколько ради собранныхъ имъ орѣховъ. *Сурокъ* стаскиваетъ въ норы свои растительныя вещества, *бѣлка* — орѣхи, корки и проч.; въ восточной части Сибири водится небольшая мышь (mus economus), которая заготовляетъ на зиму огромное количество зеренъ.

Наконецъ, всѣ спячкою засыпающія животныя охраняются отъ непріязненнаго дѣйствія холода теплѣйшимъ покровомъ, который они получаютъ при осеннемъ линяніи.

c) Линяніе.

Въ сѣверныхъ и среднихъ полосахъ, гдѣ въ теченіе года бываютъ двѣ рѣзкія перемѣны въ температурѣ, всѣ животныя перемѣняютъ два раза свой наружный покровъ, охраняющій ихъ отъ дѣйствіи природы, особенно холода. Лѣтомъ они покрыты легкимъ, болѣе цвѣтнымъ покровомъ; осенью же они его сбрасываютъ, и получаютъ болѣе теплый, одноцвѣтный, бѣлый или сѣрый. Зимой у звѣрей *ость* *) шерсти дѣлается болѣе густою и длинною, и при корняхъ ея вырастаетъ особый, мягкій, рыхлый и весьма частый волосъ — *подшерстокъ*, подобно тому, какъ у нѣкоторыхъ птицъ и звѣрей на зиму показывается пухъ, котораго у нихъ лѣтомъ почти нѣтъ. Всѣ животныя, на сѣверѣ живущія, имѣютъ *подшерстокъ* и пухъ, въ теченіе цѣлаго года; у многихъ же, имѣющихъ лѣтомъ шерсть яркаго цвѣта, напр. рыжаго, сѣраго, зимой — покровъ сплошнаго бѣлаго цвѣта; таковы песцы, горностаи, бѣлки, зайцы, сѣверные олени.

Для промышленниковъ, собирающихъ шкурки звѣрей и птицъ на *пушной товаръ*, или *мягкую рухлядь*, особенно важно знать время этого линянія. Звѣроловы (также и птицеловы, ибо птичьи шкурки употребляются тоже иногда на мѣха) ловятъ звѣрей, шкурками которыхъ мы охраняемъ себя отъ холода, постоянно зимою, когда животныя получили уже свой теплый покровъ, цѣнимый гораздо дороже лѣтняго. Соболи, куницы, медвѣди, горностаи, зайцы, бѣлки ловятся или избиваются зимою, послѣдніе три звѣря также и потому, что зимняя шкурка ихъ бѣлаго или сѣроватаго цвѣта только и идетъ въ торговлю, а лѣтняя, рыжеватаго, вовсе не употребляется. Изъ этого правила исключается только песецъ, у котораго лѣтній покровъ, сѣровато-голубаго цвѣта, особенно высоко цѣнится, а зимній — бѣлаго, весьма низко.

Отсюда уже видно, что охота на пушнаго звѣря должна производиться исключительно въ странахъ холодныхъ: сѣверной полосѣ Европы, Азіи и Америки. Есть только одинъ собственно пушной звѣрь, живущій въ жаркой полосѣ — *хинхила*, но его мѣхъ за то вовсе не тепелъ, а только красивъ!

К. Рулье.

---

*) На шкуркѣ животныхъ, волосъ бываетъ одинъ короче и чаще, другой длиннѣе и рѣже; первый называется *подшерсткомъ*, а второй *остью*, которая обыкновенно отличается и самымъ цвѣтомъ; она особенно замѣтна на животныхъ водяныхъ, какъ напр. на бобрѣ, выдрѣ и пр., и чѣмъ ость на шкурахъ этихъ животныхъ чаще и длиннѣе, тѣмъ шкурка дороже.

36. ЖАБА.

Есть французская пословица: *Laid comme un crapaud*—дуренъ какъ жаба, и эта пословица весьма справедлива. Жабы не красивы,—противъ этого ни слова; но за то жаба животное весьма любопытное, какъ вы тоже сей часъ увидите. Отвратительность жабы навлекла на нее множество клеветъ. Вообще увѣряютъ, будто жабы ядовиты, и въ разныхъ странахъ вы услышите въ деревняхъ множество анекдотовъ о томъ, какъ жаба окаменяетъ человѣка однимъ своимъ взглядомъ или дуновеніемъ. Нѣкогда жабы играли важную роль въ исторіи колдуновъ, и во Франціи, во времена невѣжества и суевѣрія, нѣкто Ванани былъ сожженъ какъ колдунъ, потому только, что у него нашли жабу въ банкѣ. Все это нелѣпости; впрочемъ правда, что жаба испускаетъ изъ своего тѣла желтоватую, вонючую жидкость, вредную для небольшихъ животныхъ, которыя до нея дотрогиваются; эта жидкость служитъ ей защитою отъ ея непріятелей.

Жабы питаются червями, гусеницами, улитками, небольшими насѣкомыми, а также разными родами растеній. Онѣ живутъ въ свѣжихъ и темныхъ мѣстахъ, въ разщелинахъ стѣнъ, въ развалинахъ, подъ камнями и въ землѣ. Въ воду онѣ ходятъ только тогда, когда кладутъ яица, и тамъ дѣлаются добычею щукъ и даже угрей; на землѣ ихъ преслѣдуютъ змѣи, а также журавли и другія большія птицы. Въ нѣкоторыхъ змѣяхъ находили жабъ, которыхъ онѣ проглотили живыхъ и которыя живутъ по нѣскольку часовъ въ ихъ внутренности. Говорятъ, будто волки и собаки тоже ими не пренебрегаютъ, но это врядъ ли справедливо, потому что собака, укусивъ жабу, начинаетъ визжать, и ротъ ея пухнетъ.

Жабы живутъ весьма долго. Знаменитый французскій естествоиспытатель Ласепедъ разсказываетъ, что одна жаба, огромная и, вѣроятно, весьма старая, найдена была подъ лѣстницею, сдѣлалась ручною и жила въ этомъ домѣ тридцать шесть лѣтъ. Днемъ она пряталась, по вечеромъ, какъ подадутъ огонь, эта ручная жаба выходила изъ своего убѣжища, и поднимала глаза, какъ будто ожидая, чтобъ ее взяли и посадили на столъ, гдѣ ей всегда приготовляли разныхъ насѣкомыхъ и особенно червей, которыхъ она очень любила. Она устремляла взоры на свою добычу, потомъ вдругъ, чрезвычайно быстро, выпускала языкъ, и насѣкомыя къ нему прилипали, потому что конецъ языка жабы покрытъ весьма клейкою матеріею. Эта жаба сдѣлалась предметомъ всеобщаго любопытства и даже дамы съѣзжались смотрѣть ее. Она, вѣроятно, прожила бы еще долго, но ворона, тоже ручная, выколола ей глазъ и съ тѣхъ поръ жаба начала чахнуть и черезъ годъ умерла.

Жабъ иногда находили въ пустотахъ скалъ или стѣнъ, въ которыя воздухъ и вода могли проходить развѣ только въ самомъ ма-

ломъ количествѣ. Изъ этого заключили, будто жабы могутъ жить безъ воздуха, и стали производить по этому предмету положительные опыты. Такимъ образомъ жабъ заключали въ шары извести, и онѣ тамъ жили; но какъ скоро воздухъ не могъ совсѣмъ проходить туда — напримѣръ, когда шаръ опускали въ воду, жабы умирали.

Жабы, подобно лягушкамъ, претерпѣваютъ разныя превращенія. Когда самка мечетъ икру, самецъ кладетъ эту икру ей на спинку; въ кожѣ ея дѣлаются углубленія и дѣти тамъ выводятся. Выходя изъ этого углубленія, они не имѣютъ ни глазъ, ни лапокъ; но за то у нихъ довольно длинные хвосты, которыхъ у взрослыхъ жабъ нѣтъ. Эти дѣтеныши могутъ дышать, подобно рыбамъ, въ водѣ; но чрезъ нѣсколько времени они сбрасываютъ съ себя кожу, лапки у нихъ выростаютъ, глаза являются, и они дѣлаются уже настоящими жабами.

Суринамская жаба отличается отъ другихъ и тѣмъ, что дѣтеныши ея вылупляются изъ яйца и вылѣзаютъ изъ подъ ея кожи уже съ лапками и глазами, однимъ словомъ, совершенными жабами въ маломъ видѣ.

37. ГРИФЪ.

Объ этой птицѣ, какъ о многихъ другихъ животныхъ, да иногда и о нѣкоторыхъ людяхъ, говорили много пустаго, неосновательнаго, несправедливаго, говорили, какъ часто бываетъ, полагаясь на разсказы людей, которые или сами хорошенько не знали того, что разсказывали другимъ, или просто обманывали своихъ легковѣрныхъ слушателей. Утверждали, будто бы грифъ, съ распущенными крыльями, бываетъ болѣе двухъ саженъ съ половиною; будто бы онъ нападаетъ на людей и убиваетъ ихъ; будто бы онъ такъ силенъ, что можетъ унести въ когтяхъ цѣлаго оленя! Все это басни. Есть народъ, который зовутъ Патагонами. Долгое время ихъ считали ужасными великанами; а какъ разсмотрѣли поближе, то увидѣли, что они немножко побольше обыкновенныхъ людей. Тоже самое случилось и съ грифомъ: онъ совсѣмъ не такъ великъ и силенъ, какъ думали.

Новѣйшія и самыя точныя извѣстія объ этой птицѣ сообщены ученому свѣту знаменитымъ путешественникомъ барономъ Александромъ Гумбольдтомъ. Мы извекаемъ изъ его творенія нѣкоторыя подробности о грифѣ.

Молодые грифы бываютъ безъ перьевъ; тѣло ихъ, какъ у маленькихъ сычей, покрыто весьма мелкимъ пухомъ, или бѣлою, кудрявою шерстью, и это такъ обезображиваетъ ихъ, что молодые

грифы кажутся иногда больше взрослыхъ. Лѣтъ двухъ грифы бываютъ покрыты перьями, не черными, какъ въ послѣдствіи, а рыжевато-бурыми, и самки не имѣютъ еще бѣлаго ожерелья, которое образуетъ у грифовъ перья нѣсколько длиннѣе другихъ, расположенныя вокругъ нижней части шеи. Эти перемѣны, производимыя возрастомъ, ввели многихъ естествоиспытателей въ заблужденіе, такъ что нѣкоторые изъ нихъ утверждали, будто грифы бываютъ двухъ родовъ, одни черные, другіе бурые, и будто у самокъ совсѣмъ не бываетъ ожерельевъ.

Грифъ или Андскій коршунъ не столько замѣчателенъ по длинѣ своихъ крыльевъ (которыя впрочемъ бываютъ въ полторы сажени и болѣе), какъ по своей отважности, огромному клюву и большимъ когтямъ. Клювъ у него прямой, но въ концѣ очень загнутый; нижняя часть гораздо короче верхней. Голова его, и отчасти шея, голы и покрыты толстою, сухою, морщиноватою кожею, красноватаго цвѣта; она бываетъ иногда усѣяна кое-гдѣ черноватыми, чрезвычайно жесткими щетинами; черепъ у него очень приплюснутъ, какъ у большой части самыхъ свирѣпыхъ животныхъ.

Грифъ, подобно ламамъ, вигони и проч., водится только въ Андскихъ горахъ; тамъ грифы обыкновенно сидятъ по-трое и по-четверо на обнаженныхъ скалахъ и глядятъ внизъ, высматривая добычу. На этихъ скалахъ кладутъ они и свои яйца, просто на камень.

Спускаясь въ долины, грифы садятся не на деревья, а на землю, можетъ быть потому, что имъ своими прямыми когтями трудно ухватиться за вѣтви. Они нападаютъ не только на Андскихъ оленей, но и на малаго льва, на вигонь, даже на молодыхъ коровъ и быковъ. Они преслѣдуютъ свою жертву и поражаютъ ее клювомъ и когтями до того, что наконецъ корова, испуская жалобное мычаніе, высовываетъ языкъ. Грифъ, большой охотникъ до языковъ (разумѣется, не копченыхъ, какіе мы ѣдимъ), вырываетъ его, потомъ выклевываетъ глаза, и несчастная жертва умираетъ въ ужасныхъ мученіяхъ.

Жители Южной Америки ловятъ грифовъ живыхъ. Для этого убиваютъ корову или лошадь и бросаютъ ихъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ водятся грифы, которые, почуявъ запахъ мяса, тотчасъ слетаются. По необычайной своей прожорливости, они наѣдаются до того, что совершенно отяжелѣютъ и не могутъ подняться съ земли. Тутъ ихъ прикрываютъ сѣтями. Это составляетъ любимую забаву жителей Квито и Перу.

(*Дѣтская Библіотека, А. Очкина*).

38. ПТИЦА МУХА (КОЛИБРИ).

ОБЫКНОВЕННАЯ ПТИЦА-МУХА. — ЯХОНТОВЫЙ ПРЯМОНОСЪ.

Птичка эта величиной не больше какъ съ орѣхъ; перья у ней на крыльяхъ и хвостѣ красно-чернаго цвѣта, а на остальной части тѣла, кромѣ груди и подъ крыльями, буровато-зеленаго, съ красными отблесками, и такъ мягки, что никакой бархатъ не можетъ съ ними сравняться. На головѣ у ней маленькой зеленовато-золотистый хохолокъ, такой блестящій, что когда его освѣтитъ солнце, то кажется, будто видишь звѣздочку. Клювъ у ней черный, прямой (у иныхъ бываетъ и изогнутый), тонкій, длиною съ маленькую булавку. Грудь красная съ опаловымъ отливомъ, такъ что цвѣтъ ея безпрерывно измѣняется. Однимъ словомъ, камни и металлы, выполированные искуснѣйшими мастерами, не могутъ сравниться съ птицей-мухой, которую можно назвать алмазомъ природы; въ разрядѣ птицъ, по величинѣ своей, птица-муха на послѣдней степени, но тѣмъ не меньше она составляетъ превосходнѣйшее произведеніе. Природа наградила ее всѣми дарами, изъ которыхъ другимъ птицамъ даетъ только по нѣскольку: легкость, быстрота, проворство, красота и богатство перьевъ, все досталось въ удѣлъ этой любимицѣ природы. На одеждѣ ея отсвѣчиваются изумрудъ, яхонтъ, топазъ; она никогда не омрачаетъ ихъ пылью земною: почти всю жизнь свою все летаетъ, и только изрѣдка, на минуту, едва прикасается къ травѣ, впрочемъ вѣчно порхаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, высасывая ихъ нектаръ языкомъ. Этотъ языкъ очень д709линенъ, представляетъ родъ желобка, раздѣляющагося къ концу на два отростка.

Полетъ ея очень быстръ, и отличается нѣкоторымъ журчаніемъ.

Гнѣзда этихъ птицъ соотвѣтствуютъ ихъ нѣжному тѣлу: онѣ вьютъ ихъ изъ тонкой хлопчатой бумаги и шелковистыхъ хлопчатыхъ травинокъ, собираемыхъ съ цвѣтовъ. Гнѣздо это устроено прочно, можетъ крѣпостью поравняться съ мягкой, но плотной кожей. Работу производитъ самка, а самецъ собираетъ и приноситъ матеріалы. Надо видѣть, какъ она хлопочетъ, пробуетъ, выбираетъ травинки, годныя для образованія гнѣзда, будущей колыбели ея дѣтей; она полируетъ внѣшность шейкой своей, внутренность хвостикомъ; снаружи, для большей прочности гнѣзда и защиты отъ вліяній погоды, она обклеиваетъ его небольшими кусочками коры какого нибудь смолянистаго дерева. Въ совокупности своей гнѣздо прикрѣпляется къ двумъ листикамъ, или къ сучку померанцоваго, апельсиннаго дерева. Величиною гнѣздо бываетъ съ пол-абрикоса. Въ немъ обыкновенно находишь яички, совершенно бѣлыя, и не

болѣе горошины. Самка и самецъ сидятъ на нихъ попеременно въ продолженіе двѣнадцати дней; на тринадцатый дѣти вылупляются и бываютъ тогда съ обыкновенную муху. Я никогда не замѣчалъ, говоритъ Дютертръ, чтобы матка кормила ихъ чѣмъ нибудь, кромѣ того, что давала имъ сосать языкъ свой, обмазанный сладкимъ сокомъ цвѣтовъ.

Есть особая порода птицъ-мухъ, которую называютъ красно-горлымъ или яхонтовымъ прямоносомъ, потому что горлышко у ней блеститъ такъ ярко, какъ яхонтъ; когда на него смотрѣть съ боку, то къ яхонтовому цвѣту примѣшивается золотистый, переходя къ низу въ темно-гранатный. Верхняя часть тѣла зелено-золотистая, измѣняющаяся въ красно-мѣдный. Зобъ и весь передъ состоитъ изъ сѣроватобѣлаго и черноватаго цвѣта. Два среднія пера въ хвостѣ цвѣта одинакаго съ спиною, а боковыя перья темно-пурпуровыя. У самки на горлышкѣ маленькія темныя пятнышки, а на крыльяхъ бѣлыя. Клювъ и ноги какъ у самки, такъ и у самца черные.

Ничто не можетъ сравниться съ живостію этихъ птичекъ, которыхъ вся величина, вмѣстѣ съ клювомъ, простирается не болѣе какъ на три дюйма. Ихъ мужество или, лучше сказать, дерзость невѣроятна.

Часто онѣ яростно преслѣдуютъ птицъ въ двадцать разъ болѣе себя, вцѣпляются въ нихъ и, летя вмѣстѣ съ ними, клюютъ до тѣхъ поръ, пока утолятъ крошечный гнѣвъ свой. Иногда и между собою онѣ жестоко сражаются; нетерпѣливыя отъ природы, подлетѣвши къ цвѣтку, если найдутъ, что онъ ужъ увялъ, съ досадою ощипываютъ его листки. Яхонтовый прямоносъ вьетъ гнѣздо обыкновенно на сучкѣ какого нибудь дерева; и гнѣздо и яйца такія же, какъ у другихъ птицъ-мухъ.

Разныхъ породъ птицы-мухи живутъ въ самыхъ жаркихъ странахъ Новаго Свѣта. Онѣ очень многочисленны; отечество ихъ полоса между-тропичная; тѣ, которыя лѣтомъ залетаютъ далѣе троиковъ къ югу или сѣверу, не остаются тамъ надолго. Онѣ какъ будто слѣдятъ за солнцемъ: вмѣстѣ съ нимъ подвигаются взадъ или впередъ, и улетаютъ на крыльяхъ зефира, вслѣдъ за вѣчной весной.

(*Дѣтскій Мозаикъ*).

59. О ЛАСТОЧКАХЪ.

Посмотри на верхъ, милый мой — сказалъ однажды отецъ маленькому Вильяму — на верхъ, на эти птичьи гнѣздышки надъ окнами комнатъ нашихъ, подъ кровлею. Видишь, одни только что начаты, только что прилѣплено къ стѣнѣ нѣсколько глины; другія до половины окончены; а нѣкоторыя совсѣмъ готовы — плотны и чисты, съ однимъ маленькимъ отверстіемъ, въ которое птички будутъ влетать и вылетать.

— Какія это гнѣзда? спросилъ Вильямъ.

„Это — гнѣзда ласточекъ, отвѣчалъ отецъ — и вотъ ты видишь хозяевъ ихъ. Какъ неутомимо летаютъ онѣ туда и сюда, приносятъ во рту глину и землю, и работѣ своей даютъ форму носиками и ножками! Эти гнѣзда очень крѣпки и плотны, какъ стѣна изъ глины, и внутри устланы пухомъ и перьями, чтобъ малюткамъ мягко было лежать. Ласточки питаются мушками и другими насѣкомыми, и всегда строятъ себѣ гнѣздо въ городахъ и деревняхъ около домовъ. Люди не тревожатъ ихъ: эти птички болѣе полезны, нежели вредны, и намъ пріятно смотрѣть на образъ жизни ихъ. Посмотри, какъ быстро несется она по воздуху, преслѣдуя добычу свою! Поутру онѣ просыпаются на самомъ разсвѣтѣ, щебечутъ и шумятъ у окна, пока мы еще въ постелѣ, и цѣлый день не складываютъ крыльевъ, летая за пищею для себя и для дѣтей своихъ. Наловивъ нѣсколько мухъ, онѣ тотчасъ спѣшатъ къ гнѣздышкамъ, быстро влетаютъ въ отверстіе и кормятъ малютокъ. Я разскажу тебѣ, какую величайшую заботливость имѣютъ онѣ о дѣтяхъ своихъ. Двѣ ласточки построили однажды гнѣздо себѣ въ одной галлереѣ: когда онѣ уже имѣли малютокъ, случилось, что одна изъ нихъ, вскарабкавшись до отверстія прежде нежели оперилась, выпала изъ гнѣзда и ушиблась до смерти о каменный полъ галлереи. Старыя птички, увидѣвъ это несчастіе, полетѣли и принесли коротенькихъ прутиковъ изъ твердой соломы и укрѣпили ихъ глиною въ родѣ частокола около отверстія гнѣзда, чтобы предохранить другихъ малютокъ отъ жалкой участи ихъ бѣднаго брата.

— Какъ умно было выдумано это! — вскричалъ Вильямъ.

„Да, отвѣчалъ отецъ, я могу разсказать тебѣ еще другой примѣръ ихъ дальновидности и готовности помогать другъ другу. Одинъ дерзкій воробей (ты знаешь, какъ они бываютъ иногда безстыдны) забрался въ гнѣздо ласточки во время ея отсутствія, и когда она, возвратясь, хотѣла влетѣть въ жилище свое, то воробей высунулъ голову изъ отверстія и смотрѣлъ на нее разинувъ ротъ. Бѣдная ласточка была жестоко обижена и опечалена такою несправедливостію, но не могла собственною силою отомстить за себя. И такъ она улетѣла назадъ и возвратилась со множествомъ товарищей: у каждаго изъ нихъ въ носикѣ было нѣсколько глины, которою онѣ

замазали отверстіе въ гнѣздѣ и заключили въ вѣчную темницу воробья, очень скоро умершаго отъ недостатка воздуха и пищи.

— Съ нимъ поступили очень справедливо,—сказалъ Вильямъ.

„Это правда, отвѣчалъ отецъ. Можно еще много сказать о дальновидности этихъ птицъ. Осенью, когда начинается холодная погода, ласточки сбираются въ великомъ множествѣ на кровляхъ высокихъ строеній и приготовляются летѣть въ страну, гдѣ теплѣе; ибо такъ какъ всѣ насѣкомыя умираютъ здѣсь зимою, то имъ нечѣмъ было бы питаться, если бы онѣ оставались. Чтобъ испытать свои силы, онѣ дѣлаютъ нѣсколько большихъ круговъ по воздуху въ разныя стороны, и потомъ, выбравъ тихій прекрасный день, отправляются всѣ вмѣстѣ на югъ чрезъ моря и земли, въ страны часто весьма далекія.

— Но какъ онѣ находятъ дорогу? спросилъ Вильямъ.

— Мы говоримъ, отвѣчалъ отецъ его, что ихъ научаетъ *инстинктъ*: это значитъ, что Богъ поселилъ въ нихъ желаніе летѣть въ тотъ климатъ, который свойственъ имъ, и далъ имъ побужденіе находить настоящій путь. Онѣ направляютъ полетъ свой въ обширномъ пространствѣ воздуха, прямо къ надлежащему мѣсту. То правда, что иногда бури и противные вѣтры гонятъ бѣдныхъ птичекъ до тѣхъ поръ, пока онѣ выбьются изъ силъ и упадутъ въ море, если не встрѣтятся съ какимъ нибудь кораблемъ, на который могутъ опуститься и отдохнуть. Полагаютъ, что ласточки улетаютъ на зиму отсюда въ средину Африки, гдѣ погода всегда тепла и насѣкомыя водятся цѣлый годъ. Весною же онѣ отправляются назадъ въ наши сѣверныя страны. Иногда, при раннемъ настаніи у насъ хорошей погоды, нѣкоторыя изъ нихъ прилетаютъ слишкомъ рано; и когда погода опять перемѣнится на холодъ и снѣгъ, то бѣдняжки умираютъ отъ недостатка въ пищѣ или отъ мороза. Отсюда происходитъ пословица, что

Одна ласточка весны не дѣлаетъ.

Но когда прилетаетъ ихъ множество, то мы можемъ быть увѣрены, что зима миновалась, и отъ того мы всегда очень радуемся ихъ возвращенію. Ласточки находятъ опять дорогу чрезъ большое пространство морей и земли къ тѣмъ самымъ деревнямъ и домамъ, гдѣ онѣ выросли. Чтобъ удостовѣриться въ этомъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ ловили и замѣчали какими нибудь знаками. Онѣ поправляютъ свои старыя гнѣзда или дѣлаютъ новыя, потомъ кладутъ яйца и высиживаютъ дѣтей.—Милыя малютки! Надѣюсь, что вы никогда не будете разрушать ихъ гнѣздъ, ни брать яичекъ или дѣтей ихъ! Если онѣ изъ такой отдаленной страны прилетаютъ къ намъ въ гости и такъ довѣрчиво поселяются въ домахъ нашихъ, то и мы должны быть ласковы къ нимъ.

---

40. СѢВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ.

Сѣверный олень водится въ Лапландіи, во всѣхъ сѣверныхъ губерніяхъ нашихъ, лежащихъ около Бѣлаго и Ледовитаго морей, въ Швеціи, Норвегіи и другихъ сѣверныхъ странахъ.

Онъ красивъ, имѣетъ длинные вѣтвистые рога и кроткіе глаза. Цвѣтъ сѣвернаго оленя бываетъ лѣтомъ — темнокоришневый, зимою же отъ чрезвычайнаго холоднаго климата сѣроватый. Онъ терпѣливъ, покоренъ и бодро возитъ тяжести. Смирнымъ нравомъ и послушливостію своею, онъ, кажется, очень походитъ на верблюда. Лапландцы употребляютъ сѣверныхъ оленей такъ, какъ мы лошадей: они ѣздятъ на нихъ верхомъ или запрягаютъ въ сани, на которыхъ носятся стрѣлою по большимъ пространствамъ снѣга.

Лапландцы, я думаю, не могли бы жить безъ сѣверныхъ оленей: почти вся одежда ихъ состоитъ изъ оленьей кожи, которая такъ толста, что едва ли какой холодъ можетъ проникнуть ее. Лапландцы очень малы ростомъ, и это отъ чрезвычайной стужи своего климата, которая не допускаетъ ихъ рости такъ, какъ ростемъ мы. Я думаю, что они смѣшны видомъ, въ своихъ мѣховыхъ платьяхъ и мѣховыхъ шапкахъ, особливо маленькія дѣти ихъ.

Бѣдняжки! мнѣ жаль ихъ, когда я подумаю, что у нихъ такъ много зимы: вѣдь у нихъ зима продолжается почти полгода, и ихъ зима не походитъ на *нашу*. Мы, часто и зимою, видимъ солнце, а если солнце и скроется у насъ за облака, то все-таки не бываетъ такъ темно, какъ у нихъ. Жалкіе человѣчки! вѣрно они часто выходятъ смотрѣть на сѣверное сіяніе, которое блеститъ на небѣ, какъ бриліантовая радуга, и на свѣтлыя звѣздочки, сверкающія на холодной и темной высотѣ.

Смотря на все это, они вѣрно хлопаютъ отъ радости въ ладоши, и тогда—о! я воображаю, какъ они забавны тогда,—они вѣрно покажутся всякому, кто смотритъ на нихъ, четверо-угольными, т. е. одной величины въ длину и ширину.

Бѣдныя лапландскія дѣти-малютки! вы никогда не чувствуете прелести прохладнаго вѣтерка весны; никогда не видите цвѣточковъ нашихъ, ни фіялки, ни розы, ни бѣлой и лиловой сирени! никогда не слышите, какъ милый жаворонокъ поетъ утреннюю пѣснь свою къ Богу, и какъ заливается флейточкой ночной соловушекъ нашъ! Всѣ эти радости, всѣ эти чистыя наслажденія для васъ потеряны навсегда.

А вы, друзья мои, вы, которые можете бѣгать и въ зеленыхъ поляхъ и въ прекрасныхъ садахъ; можете рвать цѣлыми горстями и васильки, и маргаритки; можете играть на мягкомъ лугу въ золотой часъ захожденія солнца; можете сидѣть передъ каминомъ и, рука въ руку съ любимымъ братомъ или сестрой, слушать пріятную игру на фортепьяно или пѣніе маменьки, или занимательные

благоволитъ папеньки о чемъ нибудь любопытномъ или новомъ и никогда прежде неслыханномъ, вы, наслаждающіеся всѣми этими радостями, неизвѣстными для лапландцевъ, подумайте, какъ велико ваше счастіе, въ сравненіи съ участью этихъ бѣдныхъ карликовъ! Подумайте, сколько удовольствій Небесный Отецъ ниспослалъ вамъ, и съ глубочайшею благодарностію благословите великое имя Его.

41. ГІЕНА.

Гіена принадлежитъ къ числу самыхъ злыхъ и отвратительныхъ существъ въ мірѣ; она любитъ проливать кровь, даже и безъ нужды, а иногда питается мертвыми тѣлами, вырывая ихъ изъ могилъ.

Древніе разсказывали множество нелѣпостей о гіенѣ; Плиній, естествоиспытатель, приводитъ многія изъ этихъ басень, хотя и не вѣритъ имъ. Напримѣръ, утверждали, будто бы гіена не можетъ повернуть головы иначе, какъ со всѣмъ тѣломъ, потому что шея у ней состоитъ изъ одной толстой кости; будто бы она подражаетъ не только крику разныхъ животныхъ, но даже человѣческому голосу и, стараясь заманить людей въ свое логовище, называетъ ихъ по имени; что собаки теряютъ голосъ отъ одной тѣни гіены, а прикосновеніе лѣвой передней лапы ея производитъ онѣмѣніе во всемъ тѣлѣ животнаго, до котораго она дотронется. Само собою разумѣется, что все это нелѣпости.

Гіены животныя ночныя: это показываетъ и устройство глазъ ихъ. Онѣ предпочитаютъ всякой другой пищѣ мясо, которое уже начинаетъ портиться; но между тѣмъ могутъ питаться и растительными веществами, напримѣръ хлѣбомъ или корнями. Гіены нападаютъ на животныхъ и даже иногда на человѣка, но только въ такомъ случаѣ, когда имъ не достаетъ падальщины. Въ жаркихъ странахъ, въ которыхъ нечистыя испаренія чрезвычайно вредны, люди пользуются ихъ прожорливостію; въ городахъ падаль и всякія нечистоты оставляютъ на улицахъ: ночью приходятъ гіены и все это съѣдаютъ. Гіены славятся своею дикостію, но между тѣмъ, съ терпѣніемъ и твердою волею, ихъ можно сдѣлать ручными. Напримѣръ нѣкто Г. Мартень, — содержатель звѣринца, который былъ показываемъ въ Парижѣ и многихъ другихъ европейскихъ городахъ — пріучилъ къ себѣ не только львовъ и тигровъ, съ которыми онъ играетъ какъ съ собачками, но даже свою гіену; она повинуется ему безъ малѣйшаго сопротивленія, даже какъ бы охотно и, голодная, бросаетъ, по приказанію своего господина, кровавое мясо, которое было у ней во рту

Англійскій естествоиспытатель Барро увѣряеть, что въ нѣкоторыхъ странахъ гіену употребляютъ на охотѣ и что она не уступаетъ собакѣ ни въ смышлености, ни въ вѣрности. Одну гіену везли въ парижскій музеумъ естественной исторіи; дорогою она убѣжала, бѣгала нѣсколько дней по полямъ, не дѣлая никому зла, и потомъ ее взяли безъ малѣйшаго сопротивленія. Послѣ она жила въ Парижѣ шестнадцать лѣтъ и была всегда очень смирна; только передъ концемъ своей жизни, вѣроятно, по причинѣ страданій, неразлучныхъ съ старостью, она сдѣлалась очень зла.

Офицеры экспедиціи, посыланной французскимъ правительствомъ въ Верхній Египетъ для привезенія оттуда знаменитаго Луксорскаго обелиска, разсказываютъ, что во многихъ деревняхъ той страны есть ручныя гіены, которыя расхаживаютъ по улицамъ, нисколько не пугая жителей. Начальникъ одной изъ этихъ деревень подарилъ врачу, состоявшему при экспедиціи, свою ручную гіену: но ее никакъ не возможно было заставить выйти изъ дома, къ которому она привыкла. Жителямъ велѣно было отнести ее на корабль, и они, чтобы исполнить приказаніе своего начальника, убили *отчизнолюбивую* гіену и снесли ее на корабль мертвую. Само собою разумѣется, что врачъ былъ имъ не очень благодаренъ за эту услугу.

Такъ называемыя *пестрыя* гіены охотятся днемъ и притомъ цѣлою стаею и съ нѣкоторымъ порядкомъ. Всѣ гіены вообще держатъ заднія ноги и даже всю заднюю часть тѣла согнутыми, отъ чего онѣ ходятъ какъ бы прихрамывая.

Гіены водятся только въ самыхъ жаркихъ странахъ стараго свѣта; въ новомъ ихъ не знаютъ.

---

42. НІАГАРСКІЙ ВОДОПАДЪ.

Въ числѣ чудесъ, разсѣянныхъ всемогуществомъ Божіимъ по лицу земли, одно изъ первыхъ мѣстъ, безъ сомнѣнія, долженъ занимать водопадъ Ніагарскій. Рѣка Ніагара, шириною около 130 сажень и чрезвычайно глубокая, вытекаетъ изъ озера Эріе и, верстахъ въ пятидесяти оттуда, впадаетъ въ озеро Онтаріо. Плаваніе по ней чрезвычайно затруднительно по причинѣ быстроты, неровности въ теченіи и множества скалъ, которыми усѣяно ея русло. Но, удаляясь отъ своего истока, она постепенно расширяется, скалы исчезаютъ, и Ніагара, столь же быстрая, какъ и при началѣ своемъ, представляетъ, по крайней мѣрѣ, гладкую поверхность. Но вдругъ сцена перемѣняется: волны снова начинаютъ свирѣпствовать, и, съ ужаснымъ шумомъ разбиваясь о скалы, поражаютъ пу-

тешественника, смотрящаго на нихъ съ берега, трепетомъ, отъ котораго воздержаться не возможно. Ничто не можетъ быть величественнѣе и вмѣстѣ ужаснѣе зрѣлища сей огромной массы воды, неудержимо стремящейся въ бездну. Рѣка раздѣляется по срединѣ узкимъ островомъ, котораго боковая часть имѣетъ многія выдавшіяся мѣста, а то, которое видишь прямо противъ себя, кажется ровнымъ. Само собою разумѣется, что внизу водопада вода еще долго бушуетъ, взволнованная паденіемъ. Въ верхней части по ней еще можно плавать; но, для избѣжанія несчастій, которыя могла бы причинить неосторожность или дерзость плавателей, стража, находящаяся въ фортѣ Ніагара, не позволяетъ никому переправляться черезъ рѣку. Потокъ сей падаетъ на скалу. Надобно думать, что, по времени, онъ силою своего паденія выдолбилъ въ камнѣ глубокую пещеру; это заключаютъ изъ шума, слышимаго у самаго водопада, шума, походящаго на отдаленный громъ, и изъ того, что бросаемыя туда вещи никогда не выплываютъ на поверхность воды.

Доселѣ тщетно старались измѣрить глубину сего великолѣпнаго водопада: его можно видѣть только съ боку, и потому при семъ нельзя употребить инструментовъ, которые обыкновенно служатъ для измѣренія высоты или глубины отдаленныхъ предметовъ; но путешественники, осматривавшіе Ніагарскій водопадъ со всѣхъ сторонъ, съ которыхъ его можно видѣть, полагаютъ, что глубина его должна составлять отъ 20 до 25 саженъ.

Берега водопада всегда оживлены множествомъ хищныхъ птицъ, которыя стерегутъ играющую на поверхности его рыбу или тѣла бѣлокъ, дикихъ козъ и даже медвѣдей, которые, стараясь переправиться черезъ рѣку повыше ея паденія, были увлечены стремительнымъ ея теченіемъ и свергнуты въ бездну.

Тутъ всѣ хищныя птицы находятъ богатую добычу; но самыя сильныя изъ нихъ встрѣчаютъ врага еще сильнѣйшаго, который жаднымъ взоромъ слѣдитъ всѣ ихъ движенія и содержитъ ихъ въ безпрерывномъ трепетѣ: этотъ врагъ ихъ есть *бѣлоголовый орелъ* или *беркутъ*.

Бѣлоголовый орелъ водится во всѣхъ странахъ, вездѣ грабитъ другихъ хищныхъ птицъ, но, любя рыбу, чаще всего живетъ на берегахъ моря.

Сидя на вершинѣ какого нибудь гигантскаго дерева, господствующаго надъ землею и водами, онъ смотритъ внизъ и сторожитъ движенія хищныхъ птицъ втораго разряда; если онъ видитъ въ числѣ ихъ рыболова или баклана, глаза его блистаютъ, шея вытягивается, перья на ней поднимаются; онъ расправляетъ крылья и трепещетъ отъ нетерпѣнія. Бакланъ спускается съ быстротою стрѣлы, потомъ съ радостнымъ крикомъ подымается, держа въ когтяхъ рыбу, которая напрасно силится освободиться изъ нихъ. Беркутъ только и ждетъ этого радостнаго крика; онъ устремляется, преслѣдуетъ, настигаетъ баклана, который, въ испугѣ, летитъ изо всѣхъ силъ, но наконецъ бросаетъ свою добычу. Беркутъ оста-

навливается, собирается съ силами, вдругъ низвергается совершенно перпендикулярно, и схватываетъ добычу свою на лету. Путешественники, посѣщающіе берега Ніагары, часто наслаждаются зрѣлищемъ борьбы беркута съ баклапомъ, и сила обоихъ противниковъ, ихъ необычайная ловкость, всегда возбуждаютъ всеобщее удивленіе.

(*Всеобщая Библіотека полезныхъ для юношества свѣдѣній*).

43. ФАРФОРОВАЯ БАШНЯ.

Посреди Нанкина, прежней столицы Китая, возвышается необыкновенная башня, которой удивляются всѣ путешественники. Она вышиною около двадцати девяти сажень и сверху до низу покрыта фарфоромъ и раскрашена самыми яркими цвѣтами. Эта башня раздѣлена на девять этажей, къ которымъ ведетъ лѣстница во сто восемьдесятъ четыре большихъ ступени. Каждый этажъ составляетъ галлерею, которая окружена колоннами и защищена кровлею, загнутою къ верху, какъ обыкновенно бываетъ въ китайскихъ зданіяхъ; по угламъ крыши придѣланы бронзовые колокольчики: при большомъ вѣтрѣ они издаютъ удивительно-гармоническіе звуки. На вершинѣ башни находится деревянный шпицъ, который, по увѣренію китайцевъ, покрытъ листовымъ золотомъ. Съ высоты ея взоръ обнимаетъ не только весь Нанкинъ, одинъ изъ огромнѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ, но и всю окрестную страну. Видъ великолѣпныхъ зданій и прелестной, окружающей городъ долины, по которой извивается широкая рѣка, и горъ, виднѣющихся въ дали, составляетъ одно изъ прекраснѣйшихъ зрѣлищъ, какія только представляются путешественникамъ.

Неизвѣстно, по какому случаю и когда эта башня построена. Одни говорятъ, что это родъ храма; другіе увѣряютъ, что она памятникъ, воздвигнутый лѣтъ за семь сотъ до нашего времени, въ воспоминаніе побѣдъ, одержанныхъ китайцами надъ татарами. Какъ бы то ни было, но если бы эта башня извѣстна была древнимъ, то они, конечно, причислили бы ее къ чудесамъ міра.

44. МЕРТВОЕ МОРЕ.

Мертвое море есть огромное озеро, въ которое впадаетъ Іорданъ и которое находится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, какъ вамъ извѣстно изъ Священнаго Писанія, провалились Содомъ и Гоморъ. Одинъ французскій путешественникъ, г. Мишо, описываетъ это озеро слѣдующимъ образомъ:

„Мы посѣтили Мертвое море, которое лежитъ въ трехъ четвертяхъ лье отъ устья Іордана. Это было въ семь часовъ утра; легкій вѣтерокъ струилъ поверхность озера; волны его застились къ берегу. Оно не испускаетъ ни дыма, ни пара; воздухъ вокругъ него чистъ, валы его столь же блестящи, столь же голубоваты, какъ валы Архипелага и Геллеспонта. То, что разсказываютъ о горечи и дурномъ вкусѣ воды его, совершенно справедливо: я зачерпнулъ ее горстью, попробовалъ, и мнѣ съ четверть часа послѣ того было дурно. По краямъ озера бѣлѣется соль, смѣшанная мѣстами съ красноватою смолою, которая осѣдаетъ изъ воды.—Наши ученые естествоиспытатели еще сомнѣваются въ томъ, есть ли въ Мертвомъ морѣ рыбы: есть, но онѣ малы и худы. Старый арабскій шейхъ и два арабскихъ всадника, сопровождавшіе насъ, говорили, что они однажды пробовали эту рыбу, но запахъ и вкусъ ея такъ отвратительны, что они не могли проглотить ни куска. Мнѣ очень хотѣлось выкупаться въ этомъ озерѣ, чтобы собственнымъ опытомъ узнать, точно ли вода его такъ тяжела, что поддерживаетъ тѣло человѣка; но какъ я передъ тѣмъ былъ боленъ лихорадкою, то и не осмѣлился войти въ воду. Но одинъ изъ бывшихъ съ нами англичанъ сдѣлалъ при мнѣ этотъ опытъ; онъ легъ на воду, старался погрузиться, но тѣло его плавало, какъ дерево. Впрочемъ, это уже не разъ пробовали. Императоръ Веспасіанъ, по свидѣтельству историка Іосифа, бросалъ въ это озеро нѣсколькихъ невольниковъ съ связанными руками и ногами; но ни одинъ изъ нихъ не пошелъ ко дну. Англійскій путешественникъ Пококкъ и другіе также бросались въ озеро и никакъ не могли погрузиться.

„Я не думаю, чтобы во всемъ свѣтѣ были мѣста, которыя бы сильнѣе поражали воображеніе, чѣмъ это озеро и его окрестности. Это точно Мертвое море: оно тихо и безмолвно какъ могила! Земля вокругъ его безплодна и какъ бы сожжена, горы дики и обрывисты, какъ бы еще недавно поражены были громомъ. Когда буря ударяетъ въ озеро, оно издаетъ глухой гулъ, и тогда кажется, будто слышишь стоны погребенныхъ въ немъ жителей Содома и Гомора."

43. СКОРПІОНЪ.

Маленькое животное, одно изъ самыхъ опасныхъ во всей природѣ, потому что ужаленіе его причиняетъ смерть, или по крайней мѣрѣ тяжкую болѣзнь, и отъ него уберечься трудно, потому что оно всегда прячется и очень скоро бѣгаетъ. Скорпіоны водятся только въ жаркихъ странахъ обоихъ полушарій, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ многочисленны, что содержатъ жителей въ безпрерывномъ страхѣ. Они живутъ на землѣ и прячутся подъ камнями, въ разсѣлинахъ скалъ и стѣнъ, вообще въ мѣстахъ мрачныхъ и прохладныхъ, а иногда и въ домахъ; ихъ находили даже въ постеляхъ. Вы можете вообразить, какъ это пріятно! Скорпіоны бѣгаютъ, какъ мы уже говорили, очень скоро, загибая хвостъ къ верху. Этотъ хвостъ служитъ имъ оружіемъ; онъ состоитъ изъ шести, а иногда изъ семи колѣнъ; на концѣ его острое жало и въ немъ дырочки, сквозь которыя проходитъ ядъ. Скорпіоны питаются жуками и другими насѣкомыми, ловятъ ихъ клещами, укалываютъ жаломъ и потомъ съѣдаютъ.

Величина скорпіоновъ различна по странамъ, въ которыхъ живутъ они: такъ напримѣръ у насъ въ Грузіи, въ Крыму и въ другихъ южныхъ провинціяхъ, и вообще во всѣхъ европейскихъ странахъ, они обыкновенно бываютъ не болѣе дюйма, а въ Индіи дюймовъ по пяти. Они живутъ попарно: самка кладетъ яица, и когда маленькіе скорпіоны выведутся, она съ мѣсяцъ держитъ ихъ у себя на спинѣ и тогда уже не выходитъ изъ своего убѣжища. Они такъ жадны, что иногда съѣдаютъ другъ друга, и даже отецъ и мать пожираютъ дѣтей своихъ. Собака, или другое животное, ужаленное скорпіономъ, начинаетъ пухнуть и чрезъ нѣсколько часовъ умираетъ. Впрочемъ, не всѣ скорпіоны ядовиты. Въ Тосканѣ есть такіе, которыхъ ужаленіе не причиняетъ никакого вреда. Увѣряютъ, что если скорпіона обложить кругомъ горячими угольями, то онъ, видя невозможность избавиться отъ бѣды, самъ себя ужаливаетъ и умираетъ.

(*Дѣтская Библіотека, А. Очкина*).

46. СТРОУСЪ.

Строусы находятся въ африканскихъ степяхъ — въ Аравіи, въ Еѳіопіи, и въ американской провинціи Перу. Строусъ есть самая большая изъ всѣхъ птицъ. Въ вышину, съ ногъ до спины, бываетъ онъ обыкновенно отъ 5 до 6 футовъ. Спина его широка и крѣпка; она покрыта темносѣрыми перьями. Голова его мала, и болѣе широка, нежели кругла; носъ короткій, прямой и широкій; языкъ маленькій. Какъ шея, такъ и голова, покрыты, вмѣсто перьевъ, бѣлою блестящею шерстью. Глаза имѣютъ видъ яйца и обведены бровями.

По длинной шеѣ и по высокой спинѣ строусъ очень похожъ на верблюда. На груди есть у него твердая шишка, на которую онъ опирается, когда отдыхаетъ. Голову держитъ прямо, поднявши вверхъ. Кожа на ногахъ у него морщиноватая и цвѣтомъ сѣрая. Хвостъ и большія перья въ крыльяхъ бѣлыя, а прочія синія, красныя и зеленыя. Летать онъ неспособенъ.

Строусовы перья весьма мягки и гибки. Крылья его крѣпки, хотя и коротки; онѣ служатъ ему, какъ парусы судну, для бѣга,— бѣгаетъ же онъ чрезвычайно скоро; рѣдкія птицы столь быстро летаютъ.

Питается сія птица по большей части травами, бобами, хлѣбомъ, костями, также кожею и другими подобными веществами. Несправедливо, однакожъ, говорятъ, что строусъ можетъ ѣсть желѣзо, мѣдь и камни. Когда случится ему проглотить мѣдь, то она превращается въ желудкѣ его въ ядъ, отъ котораго онъ скоро умираетъ. Иногда находятъ въ желудкѣ строусовомъ частицы нѣкоторыхъ металловъ, весьма мелкія; но изъ того нельзя еще заключать, чтобъ желудокъ его могъ варить металлы.

Строусы чрезвычайно плодовиты; они кладутъ отъ 20 до 30 яицъ. Яица ихъ круглы, какъ шаръ, и величиною бываютъ съ голову младенца; скорлупа на нихъ бѣлая, блестящая — и такъ тверда, что изъ нея дѣлаются сосуды для питья, которыя можно употреблять вмѣсто фарфоровыхъ. Турки и Персіяне привѣшиваютъ ихъ къ сводамъ своихъ мечетей.

Сказываютъ, что строусы не сидятъ на яицахъ, но зарываютъ ихъ въ теплый песокъ, чтобъ птенцы выродились отъ солнечнаго жару. Но это, безъ сомнѣнія, выдумка: достовѣрные путешественники пишутъ, что строусы высиживаютъ своихъ птенцовъ также, какъ и другія птицы. Молодые строусы всѣ бываютъ темнаго цвѣта.

На Мысѣ Доброй Надежды и въ Перу находятся смирные строусы; тамошніе жители содержатъ ихъ стадами, какъ домашнихъ птицъ.

Знатные люди въ Африкѣ забавляются по большей части ловлею строусовъ. Когда гонятся за ними, то онѣ стараются выбѣгать на открытое поле и укрываться въ обыкновенныхъ своихъ жилищахъ, но столь глупы и безпамятны, что часто забѣгаютъ между охотничьихъ лошадей. Рѣдкая лошадь можетъ выдержать ударъ, который онѣ даютъ, пробѣгая мимо. Послѣднее средство, какое употребляютъ онѣ, будучи въ опасности, состоитъ въ томъ, что прячутъ голову за деревья, воображая, что за ними уже не гонятся, когда они того не видятъ. Въ это время подходятъ къ нимъ тихо, ловятъ нарочно для того сдѣланными крючьями живыхъ, усмиряютъ, и потомъ продаютъ путешественникамъ, которые отвозятъ ихъ въ Европу.

47. СОЛОВЕЙ.

Между тѣмъ какъ въ свѣтѣ не знаютъ имени многихъ блестящихъ птицъ, щедро украшенныхъ природою, кто не слыхалъ о соловьѣ? Его прославляютъ въ стихахъ, объ немъ поютъ въ пѣсняхъ, и всѣ его любятъ; Европеецъ и дикой — каждый его хвалитъ по-своему.

А соловей вовсе не красивъ: это маленькая птичка пепельнаго или темносѣраго цвѣта, мѣстами рыжеватаго, а подъ грудью изсѣра-бѣлаго. Онъ похожъ на воробья, вертитъ хвостомъ и питается червячками. Но эта птичка прелестно поетъ. Видно, дарованіе лучше красоты.

Соловей начинаетъ пѣть съ весною; онъ любитъ порхать по розамъ—отъ чего на востокѣ прозвали его *любителемъ розы*. Ничто не можетъ быть пріятнѣе его пѣнія въ тишинѣ лѣтней ночи, при ясномъ небѣ: сильный и нѣжный голосъ его льется въ душу. Соловей разнообразенъ въ своемъ пѣніи и безпрерывно восхищаетъ и трогаетъ сладостными трелями, свистомъ, или жалобнымъ стономъ.

Соловей живетъ въ тѣнистыхъ рощахъ, въ чащѣ деревъ; любитъ уединеніе и скрывается отъ многолюдства. На вѣтвяхъ, опушенныхъ весеннею зеленью, онъ поетъ, защуря глаза, и всегда начинаетъ тихо, но мало по малу свищетъ громче и громче, особенно на зарѣ. Другія птицы почтительно умолкаютъ передъ нимъ. Ни одна изъ нихъ не сравнится въ искуствѣ съ темносѣрымъ пѣвцемъ, который умѣетъ пѣть за всѣхъ птицъ. Славный нашъ баснописецъ Крыловъ такъ описываетъ его пѣніе:

Защелкалъ, засвисталъ,
На тысячу ладовъ тянулъ, переливался,
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной въ-далекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры:
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.

Замѣчательно, что пѣніе или пріятные звуки музыки побуждаютъ соловья къ пѣнію. Онъ какъ будто хочетъ похвалиться своимъ голосомъ и заглушить чужіе звуки: но случалось, что отъ такого усилія соловей лишался жизни. Эта птичка самолюбива. Соловей, сидящій въ одной клѣткѣ съ канарейкою, не даетъ ей много пѣть, и вообще соловей не любитъ пѣть съ другими соловьями; но, удаляясь отъ соперниковъ, старается пѣть одинъ — и охотнѣе тамъ, гдѣ бы эхо повторяло его пѣніе.

Лишь только показывается первая зелень весны, соловей вьетъ себѣ гнѣздо изъ травы, шерсти и тростника, и вьетъ на кустарникѣ или хворостѣ, чтобъ быть ближе къ землѣ. Это видно для того, чтобъ лакомиться червячками. Когда у него выведутся дѣти, тогда онъ перестаетъ пѣть, и кормитъ ихъ. Мать вовсе не поетъ; ей меньше досуга.

Соловей отлетная птичка и въ сентябрѣ летитъ туда, гдѣ теплѣе. Онъ любитъ природу и волю, и если видитъ, что трогаютъ его гнѣздо, то оставляетъ его; однако же соловей можетъ сдѣлаться ручнымъ, и, по своей чувствительности, любитъ своего хозяина; даже узнаетъ его по походкѣ и встрѣчаетъ радостнымъ крикомъ, трепеща крылышками. Были примѣры, что, по смерти господина своего, соловьи не хотѣли принимать корму и умирали.

Говорятъ, что были бѣлые соловьи: одинъ такой соловей былъ подаренъ римской императрицѣ Агриппинѣ, и стоилъ нѣсколько тысячъ рублей на наши деньги.

48. БОБРЪ.

Бобръ наружностью походитъ нѣсколько на крысу, но очень длинную, потому что имѣетъ почти три фута длины. Все тѣло его покрыто шерстью темноорѣховаго цвѣта. Эта шерсть бываетъ двухъ родовъ: одна—длинная и грубая; другая—короткая и шелковистая. На заднихъ ногахъ у бобра есть перепонка между пальцами. Широкій и плоскій хвостъ его покрытъ чешуею и служитъ ему вмѣсто руля во время плаванія.

Подлинно, удивительное животное! Оно по природѣ своей относится частію къ рыбамъ, частію къ четвероногимъ; способно жить и на землѣ и въ водѣ. Бобры въ большомъ количествѣ водятся въ сѣверной Америкѣ; встрѣчаются и во многихъ странахъ на сѣверѣ Европы.

Они особенно примѣчательны чуднымъ искуствомъ, съ какимъ строятъ свои жилища, образующія укрѣпленный, правильный городъ.

Въ іюнѣ и іюлѣ бобры собираются большими стадами—въ каждомъ ихъ бываетъ до двухъ сотъ—обыкновенно на берегахъ озеръ и рѣкъ, и прежде всего устроиваютъ плотину, т. е. набрасываютъ довольно высокій земляной валъ, который бы защищалъ домы ихъ отъ затопленія, въ случаѣ, если вода въ рѣкѣ возвысится.

Такая плотина часто простирается на сто футовъ въ длину, въ основаніи имѣетъ десять или двѣнадцать футовъ ширины, и крѣпостью построенія не уступаетъ фундаменту большаго дома.

Внѣшняя стѣна этой плотины составлена изъ дерева и глины. Маленькіе бобры зубами перегрызаютъ одно или два дерева и водою сплавливаютъ ихъ на мѣсто. Потомъ они зубами же раздѣляютъ дерево на части, передними ногами вдавливаютъ куски его, будто сваи, въ набросанную землю. Между большими кусками всовываютъ они еще маленькіе кусочки дерева, и всю стѣну обмазываютъ глиною, чтобы сырость не могла вредить валу. Глину размазываютъ они широкимъ, плоскимъ хвостомъ своимъ, будто лопаткой.

За тѣмъ они начинаютъ строить свои домы, давая имъ овальную форму и раздѣляя ихъ на этажи. Нижняя комната или кухня обыкновенно бываетъ вырыта въ землѣ, подъ основаніемъ плотины, соединена съ рѣкою или озеромъ, и потому наполнена водою—такъ что бобры могутъ плавать туда. Второй этажъ служитъ имъ столовою, пріемною и спальнею: тамъ они собираются для ѣды, для забавы, для сна и для воспитанія дѣтей своихъ. Верхнее жилье остается въ запасѣ на случай наводненія.

Стѣны красиво выштукатурены и снаружи и внутри: бобры зубами рвутъ мелкую траву и смѣшиваютъ ее съ грязью, которая отъ того связывается и не разсыпается; такимъ образомъ они защищаютъ покои свои отъ вреднаго вліянія погоды.

Главная комната ихъ имѣетъ обыкновенно около двѣнадцати футовъ въ длину и восемь или десять въ ширину, и можетъ вмѣщать въ себѣ отъ шести до восьми бобровъ. Впрочемъ, иногда находили ихъ по триста и по четыреста въ одномъ большомъ домѣ, раздѣленномъ на множество покоевъ, между которыми было сообщеніе.

Въ августѣ или въ сентябрѣ, бобры, окончивъ свои постройки, начинаютъ складывать запасы на зиму, именно вѣтви и прутья березы, явора и другихъ деревьевъ.

Иногда въ такихъ вѣтвяхъ, которыя они употребляютъ въ пищу, бываетъ до десяти футовъ длины. Они ихъ размачиваютъ въ водѣ, чтобы сдѣлать ихъ мягче и удобнѣе для пищи.

Весь зимній свой запасъ они размѣщаютъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ мы привыкли видѣть совсѣмъ приготовленный строевой лѣсъ, и откладываютъ ровно такое количество, какое можетъ понадобиться. Прутья лежатъ накрестъ одинъ на другомъ — такъ что можно всякій разъ брать сколько нужно, не разстроивая всего остальнаго.

Передъ окончательнымъ употребленіемъ, прутья раздѣляются на меньшія частицы и препровождаются въ какой-нибудь просторный покой; тамъ цѣлое семейство бобровъ собирается, и всякій получаетъ по ровной долѣ.

Такъ живутъ бобры въ продолженіе всей зимы; такъ живутъ они изъ одного поколѣнія въ другое — въ мирѣ и согласіи. Тревожитъ ихъ только человѣкъ, которому нуженъ ихъ мѣхъ на шляпы и на воротники.

Лучшія шляпы покрываются бобровымъ пухомъ, который для этого бываетъ вычесанъ, вымытъ и выкрашенъ. Касторовое масло, столь употребительное, какъ лекарство, также добывается изъ бобра.

49. ОБЕЗЬЯНЫ.

Обезьяны живутъ въ жаркихъ странахъ Азіи, Африки и Америки, особенно въ Индіи — въ обширныхъ дремучихъ лѣсахъ; но не принадлежатъ къ числу плотоядныхъ звѣрей, а питаются листьями, плодами, просомъ, маисомъ, птичьими яицами, особенно же любятъ яблоки и виноградъ.

Онѣ удивительно переимчивы, чрезвычайно проворны, но безсмысленны, упрямы, мстительны, коварны, прожорливы и неопрятны, — не могутъ пробыть минуты безъ движенія и столько забавны, что могутъ разсмѣшить самаго печальнаго человѣка.

Не смотря на то, что имѣютъ по наружности сходство съ человѣкомъ, онѣ безобразны: носъ у нихъ плоскій, лице въ морщинахъ — лукавое и печальное, что дѣлаетъ ихъ еще забавнѣе. При всемъ томъ онѣ очень любятъ смотрѣться въ зеркало. Въ движеніяхъ ихъ видно коварство и любопытство.

Онѣ истребляютъ поля, засѣянныя плодами, и часто грабятъ хижины, въ которыхъ примѣтятъ съѣстные припасы; не столько ѣдятъ плоды, сколько портятъ, — примутся за одинъ, и, откусивъ, тотчасъ хватаютъ другой. Случится ли путешественнику обѣдать на полѣ, близь деревьевъ, на которыхъ сидятъ обезьяны: онъ не углядитъ, какъ онѣ подкрадутся и растаскаютъ обѣдъ его. Этого мало: успѣвъ что-нибудь унесть, онѣ издали дразнятъ его, кривляются, показываютъ ему унесенное и отпрыгиваютъ, или бросаются на дерево, какъ только онъ приблизится къ нимъ.

При всей своей вѣтрености и торопливости, онѣ, собираясь во множествѣ, сохраняютъ порядокъ и осторожность. Нападая на поля, засѣянныя дынями, онѣ становятся одна возлѣ другой въ длинную линію, которая оканчивается на горѣ ими обитаемой. Переднія хватаютъ дыни и передаютъ ихъ другимъ, тихонько перебрасывая, такъ что дыни очутятся наконецъ на горѣ, гдѣ обезьяны складываютъ свою добычу. Между тѣмъ разставляютъ онѣ нѣсколько сторожей, и при малѣйшемъ крикѣ ихъ, все стадо скрывается въ лѣсъ или на гору.

Если случится, что одну обезьяну бьютъ, то другія кидаются помогать ей, и, ожесточаясь, преслѣдуютъ своихъ непріятелей каменьями и палками. Съ Неграми у нихъ безпрестанная война, и онѣ гоняются за ними даже въ самыя хижины ихъ.

Обезьянъ можно пріучить прислуживать въ домашнихъ работахъ, носить небольшія тяжести, поливать цвѣты, играть на дудкѣ, одѣваться, бить въ барабанъ, убирать комнату, вертѣть колесо, высѣкать огонь и даже плясать по канату. Такъ велика ихъ переимчивость; но нельзя полагаться на нихъ: онѣ не отстаютъ отъ своихъ склонностей и привычекъ. X

Въ Александріи одна обезьяна, одѣтая въ богатое платье, чрезвычайно искусно плясала. Всѣ зрители думали, что это танцовщикъ подъ маскою. Вдругъ кто-то изъ нихъ бросилъ на полъ горсть орѣховъ, и обезьяна, оставивъ пляску, бросилась съ такою поспѣшностью на орѣхи, что разсмѣшила всѣхъ.

Разсказываютъ множество анекдотовъ о шалостяхъ обезьянъ. Одна изъ нихъ видѣла, какъ женщина мыла свое дитя въ теплой водѣ, и вздумала также вымыть его: взяла ведро съ холодной водой, и вылила на него; потомъ схватила-было съ очага горшокъ съ кипяткомъ, чтобъ еще его окатить, но, къ счастію, на крикъ ребенка прибѣжали домашніе и спасли его отъ такой усердной няньки.

Въ одномъ домѣ, въ Италіи, умерла госпожа, дряхлая старушка. Послѣ ея погребенія, одинъ изъ слугъ, вошедъ въ ея спальню,

бросился оттуда опрометью, крича, что покойная госпожа его лежитъ въ постели. Другой слуга, который былъ посмѣлѣе, смѣясь надъ нимъ, пошелъ туда, и возвратился тоже въ испугѣ. Внукъ покойной самъ захотѣлъ узнать правду, и черезъ минуту выбѣжалъ, говоря: точно такъ! бабушка возвратилась съ того свѣта; я самъ видѣлъ ее! Весь домъ встревожился; всѣ пошли въ спальню, и съ ужасомъ смотрѣли на постель. На ней, казалось, лежала покойница въ своемъ чепцѣ, парикѣ и капотѣ; но, встревоженная шумомъ и крикомъ, она вдругъ вскочила и прыгнула черезъ головы въ двери. Въ это время парикъ и чепецъ свалились съ нее, и всѣ узнали — обезьяну, которая принадлежала покойницѣ.

Чтобы ни сталъ кто дѣлать, обезьяны всегда готовы перенимать, какъ будто не желая ни въ чемъ уступить человѣку. Когда ученые — Бугеръ и Кондаминъ дѣлали наблюденія во время своихъ путешествій, обезьяны примѣчали всѣ движенія ихъ; и черезъ нѣсколько времени господа ученые увидѣли въ одномъ мѣстечкѣ показываемыхъ обезьянъ, которыя, надѣвъ на носъ очки, смотрѣли въ нихъ на звѣзды, чертили по бумагѣ перомъ и глядѣли на часы, подражая ихъ движеніямъ.

Обезьяны столько привыкаютъ понимать человѣческій языкъ, что по приказу хозяина надѣваютъ на себя такое платье, какое онъ велитъ, — и даже не ошибаются въ выборѣ цвѣта.

Онѣ нѣжно любятъ дѣтей своихъ, кормятъ ихъ и таскаютъ съ собою; дѣти висятъ у нихъ на спинѣ, ухватясь за шею. Обезьяны ихъ няньчатъ и обнимаютъ такъ крѣпко, что отъ излишней нѣжности иногда задушаютъ ихъ.

---

50. РИНОЦЕРОСЪ.

Риноцеросъ, или носорогъ, называется такъ по крѣпкому рогу, похожему на кеглю и нѣсколько выгнутому, который имѣетъ онъ на носу. Сіе животное считается послѣ слона самымъ большимъ звѣремъ. Риноцеросъ имѣетъ рыло похожее на свиное — съ тою только разницею, что оно острѣе свинаго, — маленькіе глаза, длинныя стоячія уши, толстую, морщиноватую и почти совсѣмъ нагую кожу, которая вдоль и поперегъ какъ бы ножемъ изчерчена. Цвѣтъ кожи его пепельной или черноватый, а между морщинами — красноватый, — хвостъ короткій и покрытъ нѣсколько шерстью.

Носороги находятся въ Азіи и Африкѣ. Африканскіе носороги имѣютъ только одинъ рогъ, длиною въ цѣлый футъ, иногда и болѣе; азіятскіе разнятся отъ нихъ тѣмъ, что имѣютъ два рога, изъ которыхъ задній менѣе передняго. Увѣряютъ, что риноцеросъ

ростетъ около 25-ти лѣтъ и живетъ до 150-ти. Длиною бываетъ по крайней мѣрѣ въ 12 футовъ, а вышиною отъ 6 до 7-ми.

Сей звѣрь весьма дикъ, однакожъ не свирѣпъ и не питается мясомъ другихъ животныхъ. Онъ не дѣлаетъ никакого вреда людямъ, если его не раздразнятъ; когда же разсердятъ, или увидитъ онъ человѣка въ красномъ платьѣ, то устремляется на него съ великою яростью и опрокидываетъ все, что ни попадетъ. Догнавши своего непріятеля, подхватываетъ его рогомъ и бросаетъ черезъ себя съ такою силою, что почти всегда убиваетъ до смерти.

Хотя онъ и очень скоръ, однако безъ труда можно уходить отъ него, отбѣгая только всегда въ сторону, какъ скоро онъ на нѣсколько шаговъ приближается; ему очень трудно оборачиваться. Ружьями, копьями и саблями нельзя отъ него обороняться: кожа его такъ крѣпка, что пули отъ нея отскакиваютъ. Этимъ оружіемъ можно ранить его только въ брюхо, въ глазъ и около ушей.

Индѣйцы почитаютъ мясо сего животнаго пріятною пищею, а рогъ сильнымъ лекарствомъ противу яду и другихъ разныхъ болѣзней. Кожу его также выдѣлываютъ, — и нѣтъ другой, подобной ей въ крѣпости и прочности.

31. СЛОНЪ.

Слонъ есть самое огромное животное. Онъ ростетъ до тридцати лѣтъ, а живетъ почти двѣсти.

Какая ужасная труба находится у головы сего животнаго! это хоботъ. У большаго слона бываетъ хоботъ длиною болѣе сажени. Слонъ можетъ поворачивать его во всѣ стороны, сжимать и вытягивать. Онъ употребляетъ его вмѣсто руки: можетъ имъ поднимать съ земли, что угодно, развязывать узлы, раскупоривать бутылки, отпирать замки. Онъ имѣетъ такую силу въ этомъ хоботѣ, что убиваетъ имъ быка и даже тигра; можетъ втягивать имъ воду, и опять ее выпускать; хоботъ служитъ ему для дыханія и для рева. Ревъ слона подобенъ звуку трубы.

Подъ хоботомъ изо рта выказываются два большіе клыка; у большихъ слоновъ они бываютъ вѣсомъ болѣе ста фунтовъ.

Изъ клыковъ, которыхъ кость чрезвычайно бѣла, дѣлаютъ разныя вещи: табакерки, вѣеры и тому подобное. Ноги слона коротки и толсты, а слѣды его круглы. Кожа на немъ весьма жестка, вся въ морщинахъ, подобно корѣ дерева, и кое-гдѣ покрыта щетиною, которая толще, нежели щетина дикаго кабана. Цвѣтомъ слонъ сѣрый (бываютъ и бѣлые).

Слоны обитаютъ въ жаркихъ странахъ свѣта въ Африкѣ и Азіи. Они тамъ живутъ въ лѣсахъ цѣлыми сотнями. Питаются же одними плодами, а другихъ животныхъ не ѣдятъ.

Слоны суть самыя кроткія и самыя умныя животныя. Они рѣдко кого затрогиваютъ, особливо когда ихъ не сердятъ. Хоботъ и клыки большею частію употребляютъ они только для защиты. Легко можно вообразить себѣ силу сего огромнаго животнаго. Хоботомъ своимъ вырываетъ онъ деревья; однимъ натискомъ опрокидываетъ стѣну!

Слона весьма легко можно сдѣлать ручнымъ. Его пріучаютъ къ верховой ѣздѣ, ношенію тяжестей, и заставляютъ тянуть повозки. Когда хотятъ взлѣсть на него, онъ ложится на землю, и позволяетъ своему хозяину стать на переднюю свою ногу; хозяинъ садится ему на шею и управляетъ имъ словами, или побуждаетъ его острымъ желѣзомъ. Къ сѣдлу прикрѣпляютъ ящикъ; въ немъ садится ѣздокъ, желающій путешествовать на слонѣ.

Слонъ можетъ подымать болѣе трехъ тысячъ фунтовъ. Хоботомъ онъ поднимаетъ тяжесть, состоящую изъ двухъ сотъ фунтовъ и болѣе, и легко кладетъ оную себѣ на спину; клыками онъ также поднимаетъ около тысячи фунтовъ. Ручной слонъ сработаетъ болѣе, нежели шесть лошадей; но за то требуетъ лучшаго присмотра и болѣе пищи.

Слонъ знаетъ весьма хорошо голосъ своего хозяина, и сдѣлаетъ все, что ему приказываютъ. Онъ хозяина своего любитъ и не бываетъ упрямъ, когда съ нимъ обращаются хорошо. Даже дѣти могутъ имъ управлять; и ничто не бываетъ для него столько пріятно, какъ ласки. Въ Африкѣ на слонахъ ѣздятъ на охоту.

Не только клыки, которые даютъ намъ извѣстную слоновую кость, употребляются въ дѣло; но и изъ кожи слона дѣлаютъ щиты.

Вы вѣрно думаете, что это неуклюжее животное ходитъ съ трудомъ? Напротивъ! оно въ день можетъ пройти около осьмидесяти верстъ. Слонъ плаваетъ весьма хорошо; и потому обыкновенно его употребляютъ при переправахъ черезъ рѣки. Навьючиваютъ на него вещи, сверхъ того еще нѣсколько человѣкъ держатся за уши и хвостъ, и такимъ образомъ слонъ идетъ въ рѣку. Но хоботъ онъ поднимаетъ къ верху, чтобы свободно дышать.

Слоновъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ они водятся, употребляютъ иногда вмѣсто нянекъ. Это конечно удивляетъ васъ? Знайте же, что отецъ и мать отлучаются отъ своего малютки въ лѣсъ за листьями и плодами для слона. Они привязываютъ его на цѣпь; а ребенка, который еще не умѣетъ ходить, кладутъ возлѣ него. Умное животное охраняетъ дитя, какъ нянька. Малютка иногда отползаетъ отъ него, и слонъ бережно обхватываетъ его своимъ хоботомъ, и снова придвигаетъ къ себѣ. За то получаетъ онъ отъ родителей полную корзину листьевъ и плодовъ.

52. ХЛѢБНОЕ ДЕРЕВО.

Хлѣбное дерево растетъ въ Суматрѣ, Явѣ, на всѣхъ Маріанскихъ островахъ — особливо на Тиніанѣ, — на нѣкоторыхъ Филиппинскихъ островахъ, въ Отаити и на нѣкоторыхъ островахъ Южнаго моря.

На островѣ Тиніанѣ найдено оно славнымъ лордомъ Ансономъ, и пріятность сего острова для бывшихъ при немъ морскихъ служителей увеличивалась изобиліемъ вкусныхъ плодовъ этого дерева. Во все время пребыванія ихъ тамъ не было раздаваемо имъ хлѣба; почему и дано названіе плоду сему — *хлѣбнаго*.

Растетъ онъ на высокомъ деревѣ, котораго вершину составляютъ большіе и широко распространяющіеся сучья; листья дерева цвѣтомъ темнозеленые, съ зубчиками по краямъ, длиною отъ одного фута до 18-ти дюймовъ. Плодъ, который выростаетъ на каждомъ сучкѣ одинъ, продолговато-круглой, и окруженъ жесткою корою; длиною бываетъ по большей части отъ семи до восьми дюймовъ. Когда онъ уже совершенно выросъ, но цвѣтомъ еще зеленъ и походитъ вкусомъ на артишоковое зерно, тогда почитается самымъ лучшимъ для употребленія. Созрѣвши, становится мягче, получаетъ желтый цвѣтъ и весьма сладкой вкусъ, съ запахомъ сливы, но тогда почитается нездоровымъ.

Въ немъ есть зерно величиною съ толстое перо. Употребляемая въ пищу часть плода находится между кожею и зерномъ — бѣла, какъ снѣгъ, и мягка, какъ недавно испеченный хлѣбъ. Для употребленія въ пищу ее разрѣзываютъ на три или на четыре куска и поджариваютъ; вкусъ ея имѣетъ тогда великое сходство со пшеничнымъ хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ картофельною мукою.

Нѣкоторые островитяне собираютъ плоды съ сего дерева, еще не совсѣмъ спѣлые: варятъ ихъ, пока корка не почернѣетъ, и потомъ облупливаютъ. Симъ способомъ приготовляется небольшой хлѣбецъ — съ тонкою желтою кожицею — мягкой, какъ свѣжій калачь. Однако должно варить ихъ не больше, какъ сколько надобно для употребленія въ одинъ день, потому что на другой день они начинаютъ твердѣть и черствѣютъ. Также сушатъ ихъ свѣжіе на солнцѣ, разрѣзавъ на части, — что доставляетъ вкусную пищу.

Жители отаитскіе толкутъ сей плодъ каменными пестами, и дѣлаютъ тѣсто, разводя его либо на водѣ, либо на молокѣ изъ кокосовыхъ орѣховъ. Они дѣлаютъ изъ него и кислое тѣсто, приготовляя его слѣдующимъ образомъ: собираютъ плоды не задолго передъ тѣмъ, какъ они совершенно созрѣютъ; кладутъ ихъ въ кучи и прикрываютъ листьями. Въ семъ состояніи они бродятъ и получаютъ весьма сладкой и непріятной вкусъ. Потомъ вырываютъ изъ нихъ зерно со стеблемъ, а мякоть бросаютъ въ ямы, которыя

на сей конецъ обыкновенно приготовляются въ домахъ и устилаются какъ по сторонамъ, такъ и на днѣ травою. Въ сихъ ямахъ тѣсто закрываютъ листьями и придавливаютъ каменьями; тогда оно еще бродитъ, и становится кислымъ. Послѣ этого оно уже держится многіе мѣсяцы безъ всякой перемѣны. Его берутъ изъ ямы сколько надобно для употребленія, катаютъ въ шарики, обвертываютъ листьями и пекутъ. Такой печеной хлѣбъ держится недѣль пять или шесть, и жители отаитскіе рѣдко безъ него садятся за столъ.

Въ Отаити ѣдятъ также сей плодъ сырой; — для сего слупливаютъ только съ него корку, вынимаютъ зерно, и потомъ кусаютъ какъ хлѣбъ.

Жители островов Маркизскихъ поджариваютъ хлѣбные плоды, ссыпаютъ ихъ въ корыто, и, подливши воды, дѣлаютъ изъ нихъ кашу, которая составляетъ главную ихъ пищу.

Разводить хлѣбное дерево очень легко: надобно только отрѣзать свѣжую вѣтвь и воткнуть въ землю. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно родится, кто садитъ десять такихъ деревъ, тотъ исполняетъ въ отношеніи къ дѣтямъ своимъ ту обязанность, которую въ нашемъ суровомъ климатѣ исполняетъ земледѣлецъ, работая цѣлый годъ для прокормленія своего семейства.

35. КОФЕ.

Только на горахъ Еменскихъ растетъ такъ называемый *Мокскій* кофе, и именно въ трехъ мѣстахъ: въ Санаа, Голани и Беттель-фагѣ. Послѣднее мѣсто находится въ 35 французскихъ миляхъ отъ Мокки.

Кофейное дерево бываетъ вышиною въ 12 футовъ, а толщиною въ 15 дюймовъ. Чѣмъ оно старѣе, тѣмъ нижнія вѣтви его кривѣе, и, расширяясь, образуютъ круглый щитъ. Кора на немъ бѣловата и жестка, — листья похожи на лимонные, только гораздо тонѣе. Оно цвѣтетъ и приноситъ плоды во всякое время года. Бѣлый цвѣтъ его сходенъ съ ясминнымъ, имѣетъ ароматическій запахъ, но вкусомъ горекъ. Онъ бываетъ подъ листьями на вѣтви, и когда спадетъ, то на его мѣстѣ показываются зеленыя ягоды, которыя, созрѣвая, краснѣютъ, имѣютъ величину крупной вишни, вкусны и питательны. Въ срединѣ ягоды, вмѣсто вишневой косточки, находится бобъ, называемый *кофе*, покрытый тонкою кожицею и твердѣющій отъ солнца по мѣрѣ того, какъ засыхаетъ ягода, которая обращается въ кофейную скорлупу. Арабы изъ сей внѣшней скорлупы дѣлаютъ лучшій кофе свой, называемый султанскимъ.

Зрѣлая ягода бываетъ сѣменемъ дерева. Оно требуетъ густой тѣни и влажнаго мѣста. Вокругъ его роютъ обыкновенно каналы и наполняютъ ихъ водою для частаго поливанія. На открытыхъ южныхъ мѣстахъ садятъ кофе подъ вѣтвями большихъ тополей.

Три раза въ годъ собираютъ кофейныя ягоды, а всего болѣе въ маѣ. Подъ деревьями разстилаютъ полотно, и трясутъ ихъ; сушатъ ягоды на солнцѣ, сбиваютъ палкою или камнемъ скорлупу, раздѣляютъ бобъ на двѣ части, — снова сушатъ, и просѣваютъ въ большихъ решетахъ.

Абд-ель-Кадеръ, мединскій уроженецъ, и еще древнѣйшій авторъ Бенъ Абд-ель-Гастеръ, жившій въ Счастливой Аравіи, пишутъ о началѣ употребленія кофе слѣдующее: аденскій муфти, слабый здоровьемъ, вспомнилъ, что онъ въ Персіи видалъ людей, которые пили кофе; вообразилъ, что оный поможетъ ему; началъ его пить, и въ самомъ дѣлѣ нашелъ, что кофе облегчаетъ головную боль, веселитъ душу и прогоняетъ сонъ. Муфти, сдѣлавъ такое открытіе, пріучилъ своихъ дервишей пить кофе, чтобъ они не дремали по ночамъ на молитвѣ. Это случилось въ девятомъ столѣтіи эгиры, или въ XV вѣкѣ. Примѣръ муфти ввелъ кофе во всеобщее употребленіе — сперва въ Счастливой Аравіи, а послѣ въ Каирѣ и во всемъ Египтѣ.

Лѣтъ черезъ сто послѣ сего, два Турка, именемъ Легемъ и Гекемъ, завели общенародные кофейные домы въ Константинополѣ, гдѣ царствовалъ тогда Солиманъ Великій.

Солиманъ-Ага, находившійся турецкимъ посломъ во Франціи въ 1669 году, былъ первоначальною причиною употребленія кофе въ Европѣ.

54. О САХАРѢ.

Разсказываютъ объ одной простенькой дѣвушкѣ, которая, ходя съ матерью своею по полю и услышавъ, что тутъ растетъ ленъ, сказала: „гдѣ жь онъ? я не вижу ни одного волокна.“ Еслибъ эта дѣвушка ходила по сахарному полю и услышала, что тутъ растетъ сахаръ, то конечно спросила бы: „гдѣ жъ сахарныя головы?“ потому что не увидѣла бы ничего, кромѣ тростника. Сахарный тростникъ растетъ на два и на три аршина въ вышину, а толщиною бываетъ въ два пальца. Онъ называется сахарнымъ, потому что изъ соку его дѣлается сахаръ.

Видомъ онъ почти таковъ же, какъ простой тростникъ, имѣетъ много колѣнъ, которыя отстоятъ одно отъ другаго на четверть аршина. Чѣмъ рѣже колѣна, тѣмъ больше сахару въ трости. На ней растутъ длинные зеленые листья, а на вершинѣ ея цвѣтокъ.

Пишутъ, что сахарный тростникъ въ первый разъ найденъ на островѣ Ивицѣ, который есть одинъ изъ Питіусскихъ острововъ,

лежащихъ на Средиземномъ морѣ. Теперь же растетъ его весьма много въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ—особливо въ Бразиліи,—также въ испанскихъ провинціяхъ—Гранадѣ, Андалузіи, Мурціи, Валенціи,—и въ королевствѣ обѣихъ Сицилій.

Сей тростникъ созрѣваетъ черезъ девять или десять мѣсяцевъ; тогда его срѣзываютъ и выжимаютъ изъ него сладкой сокъ. Этотъ сокъ должно нѣсколько разъ варить, переливать изъ одного котла въ другой и очищать щелокомъ, который дѣлается изъ пеплу и извести, прежде нежели онъ получитъ тотъ видъ, въ какомъ мы его покупаемъ.

Часто его не совсѣмъ еще готовый привозятъ къ намъ подъ именемъ сыраго сахару. Уже въ европейскихъ варницахъ получаетъ онъ надлежащую чистоту и бѣлизну, и наливается въ формы. Большую часть сахару доставляетъ намъ Америка.

Когда сахаръ льютъ въ формы, то вытекаетъ изъ него сладкой темноватаго цвѣта сокъ, который называется сиропомъ (патокою).

Хотя сахаръ сладокъ для вкуса, однако оставляетъ въ желудкѣ нѣкоторую кислоту; почему излишнее употребленіе его вредно. Итакъ тѣ дѣти весьма хорошо дѣлаютъ, которые не привыкаютъ къ разнымъ сахарнымъ конфектамъ, портящимъ не только желудокъ, но и зубы.

55. КАМЕННЫЙ МОСТЪ ВЪ ВИРГИНІИ.

Каменный мостъ въ Виргиніи есть одно изъ самыхъ величественныхъ произведеній природы. Онъ находится въ 15 верстахъ отъ Синихъ горъ — надъ глубокою трещиною горы, которая разсѣлась на двое, съ вершины до основанія, послѣ какого-нибудь великаго переворота въ природѣ.

Трещина имѣетъ почти 2 мили въ длину; ширина ея измѣняется съ высотою горы: гдѣ она выше, тамъ самая большая ширина— 300 футовъ.

Очевидно, что обѣ боковыя стѣны сей трещины составляли нѣкогда одно цѣлое: выдавшіеся каменные куски съ одной стороны имѣютъ туже фигуру, какую углубленія и впадины съ другой; земля, песокъ и глина лежатъ ровными слоями на обѣихъ сторонахъ.

Надъ сею-то пропастью виситъ въ воздухѣ груда камней, столь тѣсно соединенныхъ, что кажется, будто сей, природою созданный, мостъ состоитъ изъ одного куска. Когда гора растреснулась, то, вѣроятно, сія каменная громада перекинулась чрезъ трещину, ибо съ одной стороны она плотна, а съ другой прилегаетъ къ слою земли.

Дорога къ каменному мосту идетъ густымъ лѣсомъ чрезъ холмъ. Достигнувъ вершины послѣдняго, вдругъ усматриваете открытое мѣсто, не обросшее деревьями; сдѣлавъ впередъ нѣсколько шаговъ, видите себя на краю ужасной пропасти, невольно отступаете назадъ, почитая сіе явленіе дѣйствіемъ воображенія. Тогда вы находитесь на самомъ мосту. Съ одной стороны можно приблизиться къ краю онаго безъ всякой опасности, перегнуться и смотрѣть въ бездну, ибо здѣсь самый мостъ образуетъ перила. На другой же сторонѣ невозможно стоять безъ опасности. Тамъ нѣтъ перилъ; проѣзжая дорога, идущая по срединѣ моста, поката къ этому краю. Къ счастію, скатъ сей обросъ высокими деревьями, преимущественно соснами и кедрами. Другая сторона также прежде была обросшая деревьями, и черезъ мостъ можно было ходить, не примѣчая того, что на немъ находишься, ибо онъ имѣетъ въ ширину 80 футовъ; но любопытные срубили сіи деревья для того, чтобъ удобнѣе видѣть пропасть.

За нѣсколько шаговъ отъ моста, извивается по одной сторонѣ разсѣлины до самой пропасти узенькая тропинка между огромными скалами и высокими деревьями—и тутъ-то представляется самый величественный видъ! Чѣмъ болѣе разсматриваешь удивительный мостъ, тѣмъ болѣе находишь его чудеснымъ. Онъ представляется какъ бы образованнымъ человѣческими руками посредствомъ рѣзца. Маленькій ручеекъ, называемый Кедровымъ, съ шумомъ протекаетъ по скаламъ въ разсѣлинѣ и придаетъ сему виду еще болѣе красоты и величія.

VII.

Письма, притчи и разсужденія.

36. ИЗЪ ПИСЕМЪ РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Рига, 31 мая 1789 года.

Вчера, любезнѣйшіе друзья мои, пріѣхалъ я въ Ригу, и остановился въ *Hôtel de Pétersbourg*. Дорога меня измучила. Не довольно было сердечной грусти, которой причина вамъ извѣстна: надлежало еще идти сильнымъ дождямъ; надлежало, чтобы я вздумалъ, къ несчастію, ѣхать изъ Петербурга на *перекладныхъ*, и нигдѣ не находилъ хорошихъ кибитокъ. Все меня сердило. Вездѣ, казалось, брали съ меня лишнее; на каждой перемѣнѣ держали слишкомъ долго. Но нигдѣ мнѣ не было такъ горько, какъ въ Нарвѣ. Я прі-

ѣхалъ туда весь мокрый, весь въ грязи; насилу могъ найти купить двѣ рогожи, чтобы сколько нибудь закрыться отъ дождя, и заплатилъ за нихъ покрайней мѣрѣ какъ за двѣ кожи. Кибитку дали мнѣ негодную, лошадей скверныхъ. Лишь только отъѣхали съ полверсты, переломилась ось; кибитка упала въ грязь, и я съ нею. Илья мой поѣхалъ съ ямщикомъ назадъ за осью, а бѣдный вашъ другъ остался на сильномъ дождѣ. Этого еще мало: пришелъ какой-то полицейской, и началъ шумѣть, что кибитка моя стояла середи дороги. Спрячь ее въ карманъ! сказалъ я съ притворнымъ равнодушіемъ, и завернулся въ плащъ. Богъ знаетъ, каково мнѣ было въ эту минуту! Всѣ пріятныя мысли о путешествіи затмились въ душѣ моей. О если бы мнѣ можно было тогда перенестись къ вамъ, друзья мои!

Есть всему предѣлъ; волна, ударившись о берегъ, назадъ возвращается, или, поднявшись высоко, опять внизъ упадаетъ — и въ самый тотъ мигъ, какъ сердце мое стало полно, явился хорошо одѣтый мальчикъ лѣтъ тринадцати, и съ милою, сердечною улыбкою сказалъ мнѣ по-нѣмецки: „У васъ изломалась кибитка? Жаль, очень жаль! Пожалуйте къ намъ — вотъ нашъ домъ — батюшка и матушка приказали васъ просить къ себѣ." — Благодарю васъ, государь мой! только мнѣ нельзя отойти отъ своей кибитки; къ тому же я одѣтъ слишкомъ по-дорожному, и весь мокръ. — Къ кибиткѣ приставимъ мы человѣка; а на платье дорожныхъ кто смотритъ? Пожалуйте, сударь, пожалуйте!" — Тутъ улыбнулся онъ такъ убѣдительно, что я долженъ былъ стряхнуть воду съ шляпы своей — разумѣется, для того, чтобы съ нимъ идти. Мы взялись за руки, и побѣжали бѣгомъ въ большой каменный домъ, гдѣ въ залѣ перваго этажа нашелъ я многочисленную семью, сидящую вокругъ стола; хозяйка разливала чай и кофе. Меня приняли такъ ласково, подчивали такъ сердечно, что я забылъ все свое горе. Хозяинъ, пожилой человѣкъ, у котораго добродушіе на лицѣ написано, съ видомъ искренняго участія расспрашивалъ меня о моемъ путешествіи. Молодой человѣкъ, племянникъ его, недавно возвратившійся изъ Германіи, сказывалъ мнѣ, какъ удобнѣе ѣхать изъ Риги въ Кенигсбергъ. Я пробылъ у нихъ около часа. Между тѣмъ привезли ось, и все было готово. „Нѣтъ, еще постойте!" сказали мнѣ — и хозяйка принесла на блюдѣ три хлѣба. „Нашъ „хлѣбъ, говорятъ, хорошъ: возьмите его." *Богъ съ вами!* примолвилъ хозяинъ, пожавъ мою руку; *Богъ съ вами!* — Я сквозь слезы благодарилъ его и желалъ, чтобы онъ и впредь своимъ гостепріимствомъ утѣшалъ печальныхъ странниковъ, разставшихся съ милыми друзьями. — Гостепріимство, священная добродѣтель, обыкновенная во дни юности рода человѣческаго, и столь рѣдкая во дни наши! Если я когда нибудь тебя забуду, то пусть забудутъ меня друзья мои!

Штаргардъ, 26 іюня.

Я видѣлъ одинъ изъ древнихъ разбойничьихъ замковъ. Онъ лежитъ на возвышеніи, и обведенъ со всѣхъ сторонъ широкими рвами, которые прежде были наполнены водою. Тутъ, въ высокомъ теремѣ, сидѣли мать и дочь за пяльцами, и поглядывали въ окно, когда мужъ и отецъ, какъ голодный левъ, рыскалъ по лѣсамъ и полямъ, ища добычи. „Ѣдетъ! ѣдетъ!" кричали онѣ, и мосты гремѣли и опускались — гремѣли и опять подымались и грабитель былъ безопасенъ въ объятіяхъ своей жены и дочери. Тутъ раскладывались похищенныя богатства, и женщины отъ радости ахали. Тутъ несчастные путешественники, которые въ тотъ день попались въ руки злодѣю, заключались въ подземную темницу, въ двадцать семь саженъ глубиною, гдѣ густой воздухъ спирался и тяготилъ дыханіе, и гдѣ громъ цѣпей былъ имъ первымъ привѣтствіемъ. Иногда бѣдный отецъ прибѣгалъ къ симъ широкимъ рвамъ, и, смотря на сіи острыя башни, восклицалъ: „Отдайте мнѣ сына, и возьмите все, что имѣю! Несчастная мать день и ночь крушится; печальная невѣста всякой часъ слезами обливается. Отдайте матери сына и невѣстѣ жениха!"

Потсдамъ, іюля 4.

Въ Потсдамѣ есть русская церковь подъ надзираніемъ стараго русскаго солдата, который живетъ тамъ со временъ царствованія императрицы Анны. Мы насилу могли сыскать его. Дряхлый старикъ сидѣлъ на большихъ креслахъ, и слыша, что мы Русскіе, протянулъ къ намъ руки, и дрожащимъ голосомъ сказалъ: *Слава Богу! Слава Богу!* Онъ хотѣлъ сперва говорить съ нами по-русски, но мы съ трудомъ могли разумѣть другъ друга. Намъ надлежало повторять почти каждое слово; а что мы съ товарищемъ между собою говорили, того онъ никакъ не понималъ, и даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы мы говорили по-русски. „Видно, что у насъ на Руси языкъ очень перемѣнился, сказалъ онъ: или я, можетъ быть, забываю его". И то и другое правда, отвѣчали мы. „Пойдемте въ церковь Божію, сказалъ онъ, и помолимся вмѣстѣ, хотя нынѣ и нѣтъ праздника". Старикъ на силу могъ передвигать ноги. Сердце мое наполнилось благоговѣніемъ, когда отворилась дверь въ церковь, гдѣ столько времени царствуетъ глубокое молчаніе, едва перерываемое слабыми вздохами и тихимъ голосомъ молящагося старца, который по воскресеньямъ приходитъ туда читать святѣйшую изъ книгъ, приготовляющую его къ блаженной вѣчности. Въ церкви все чисто. Церковная утварь и книги хранятся въ сундукѣ. Отъ времени до време-

ни старикъ перебираетъ ихъ съ молитвою. „Часто отъ всего сердца, сказалъ онъ, сокрушаюсь я о томъ, что по смерти моей, которая отъ меня конечно уже недалеко, некому будетъ смотрѣть за церковью". — Съ полчаса пробыли мы въ семъ священномъ мѣстѣ, простились съ почтеннымъ старикомъ и пожелали ему — тихой смерти.

Дрезденъ, іюля 12.

Нынѣ по-утру вошелъ я въ придворную католическую церковь во время обѣдни. Великолѣпіе храма, громкое и пріятное пѣніе, сопровождаемое согласными звуками органа, благоговѣніе молящихся, къ небу воздѣтыя руки священниковъ — все сіе вмѣстѣ произвело во мнѣ нѣкоторый восхитительный трепетъ. Мнѣ казалось, что я вступилъ въ міръ ангельскій, и слышу гласы блаженныхъ духовъ, славословящихъ Неизреченнаго. Ноги мои подогнулись; я сталъ на колѣни и молился отъ всего сердца.

Лейпцигъ, іюля 14.

Въ 11 часовъ ночи. Я остановился въ трактирѣ у Мемеля противъ почтоваго двора Комната у меня чиста и свѣтла, а хозяинъ услужливъ и говорливъ до крайности. Между тѣмъ, какъ я разбиралъ свой чемоданъ, разсказывалъ онъ мнѣ о порядкѣ, заведенномъ въ его домѣ, — о своемъ безкорыстіи, честности и проч. „Всѣ тѣ, которые жили у меня — говорилъ онъ — были мною довольны. Я получаю конечно немного барыша, да за то идетъ обо мнѣ добрая слава, за то у меня совѣсть чиста и спокойна — а у кого покойна совѣсть, тотъ счастливъ въ здѣшней жизни, и ничего не боится, и ни отъ чего не блѣднѣетъ". — Въ самую сію секунду грянулъ громъ, и г. Мемель испугался и поблѣднѣлъ. Что съ вами сдѣлалось? спросилъ я. „Ничего, отвѣчалъ онъ запинаясь, ничего; только надобно затворить окно, чтобы не было сквознаго вѣтру".

Въ нынѣшнее лѣто я еще не видалъ и не слыхалъ такой грозы, какая была сегодня. Въ нѣсколько минутъ покрылось небо тучами; заблистала молнія, загремѣлъ громъ, буря съ градомъ зашумѣла, и — черезъ полчаса все прошло; солнце снова освѣтило небо и землю, и трактирщикъ мой опять началъ говорить о неустрашимости того, кто беретъ за все умѣренную цѣну и, подобно ему, имѣетъ чистую совѣсть.

Базель.

Нынѣ за обѣдомъ былъ я свидѣтелемъ трогательнаго явленія. Пожилой человѣкъ, кавалеръ Св. Людовика, сидѣлъ на концѣ стола съ пожилою дамою. На лицахъ ихъ изображалась горесть и блѣдность изнеможенія. Они не брали участія въ общемъ разговорѣ; взглядывали иногда другъ на друга, и утирали платкомъ покраснѣвшіе глаза свои. Всѣ смотрѣли на нихъ съ почтительнымъ сожалѣніемъ и съ видомъ скрываемаго любопытства. Молодой Женевецъ, сидѣвшій подлѣ меня, сказалъ мнѣ на ухо: *это знатный французскій дворянинъ съ своею женою, который по нынѣшнимъ обстоятельствамъ долженъ былъ бѣжать изъ Франціи.* Въ то время, какъ подавали намъ десертъ, вошли въ залу молодой человѣкъ и молодая дама въ дорожномъ платьѣ. *Mon père! ma mère! mon fils! ma fille!* и при сихъ восклицаніяхъ кавалеръ Св. Людовика и сидѣвшая подлѣ него дама вдругъ очутились на срединѣ комнаты въ объятіяхъ молодыхъ людей. Глубокое молчаніе въ залѣ—всѣ мы, сидѣвшіе за столомъ, казались оцѣпенѣвшими: одинъ держалъ въ рукѣ бисквитъ, другой рюмку и остался неподвиженъ въ семъ положеніи; тѣ, которые говорили и замолчали, не успѣли затворить рта, устремивъ взоры свои на обнимающуюся группу. Ты пролетѣла, минута молчанія и тишины! но глубокія черты оставила ты въ моемъ сердцѣ, которыя всегда будутъ воспоминать мнѣ чувствительность людей—ибо она превратила насъ въ камень, когда мы увидѣли отца и мать, сына и дочь, съ жаромъ, съ восторгомъ обнимающихъ другъ друга!—Наконецъ кавалеръ Св. Людовика, отирая ліющіяся слезы свои, оборотился къ намъ и сказалъ прерывающимся голосомъ: *Простите, государи мои, простите радостному изступленію нѣжныхъ родителей, которые трепетали о жизни милыхъ дѣтей своихъ; но, благодаря Всевышняго! видятъ ихъ въ цѣлости и прижимаютъ къ своему сердцу! мы лишились своего имѣнія и отечества; но когда живъ сынъ нашъ, когда жива дочь наша, то мы забываемъ все прочее горе!* Потомъ, держа другъ друга за руки, вышли они изъ залы. Всѣ мы встали, пошли за ними, и, нашедши на крыльцѣ слугу ихъ, окружили его и требовали, чтобы онъ объяснилъ намъ видѣнную нами сцену.—„Я могу вамъ сказать единственно то", отвѣчалъ онъ, „что бунтующіе поселяне хотѣли убить моего господина; что онъ принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, оставивъ замокъ свой въ огнѣ и въ пламени, и не зная объ участи дѣтей своихъ, которыя были въ гостяхъ у брата его и которыя теперь, по его письму, благополучно сюда пріѣхали.

Цирихъ.

Я болѣе и болѣе удивляюсь Лафатеру, любезные друзья мои. Вообразите, что онъ часа свободнаго не имѣетъ, и дверь кабинета его почти никогда не затворяется; когда уйдетъ нищій, придетъ печальный, требующій утѣшенія, или путешественникъ, не требующій ничего, но отвлекающій его отъ дѣла. Сверхъ того посѣщаетъ онъ больныхъ, не только живущихъ въ его приходѣ, но и другихъ. Нынѣ въ семь часовъ, отправивъ на почту нѣсколько писемъ, схватилъ онъ шляпу, побѣжалъ изъ комнаты, и сказалъ мнѣ, что я могу итти съ нимъ вмѣстѣ. Посмотримъ, куда? — думалъ я, и пошелъ за нимъ изъ улицы въ улицу, и наконецъ совсѣмъ вонъ изъ города, въ маленькую деревеньку и на крестьянскій дворъ. *Жива ли она?* спросилъ онъ у пожилой женщины, которая встрѣтила насъ въ сѣняхъ. *Чуть душа держится*, отвѣчала она со слезами, и отворила намъ дверь въ горницу, гдѣ увидѣлъ я старую, изсохшую и блѣдную женщину, лежащую на постелѣ. Два мальчика и двѣ дѣвочки стояли подлѣ постели и плакали; но, увидѣвъ Лафатера, бросились къ нему и схватили его за обѣ руки и начали цѣловать ихъ. Онъ подошелъ къ больной, и ласковымъ голосомъ спросилъ у нея, какова она. *Умираю — умираю*, отвѣчала старушка, и болѣе не могла сказать ни слова, устремивъ глаза на грудь свою, которая страшнымъ образомъ вверхъ подымалась. Лафатеръ сѣлъ подлѣ нея, и началъ приготовлять ее къ смерти. „Часъ твой приближился, сказалъ онъ, и Спаситель нашъ ожидаетъ тебя. Не страшись гроба и могилы; не ты, но только бренное тѣло твое въ нихъ заключится. Въ самую ту минуту, когда глаза твои закроются на-вѣки для здѣшняго міра, возсіяетъ тебѣ заря вѣчной и лучшей жизни. Благодаря Бога, ты дожила здѣсь до глубокой старости, видѣла дѣтей и внучатъ своихъ, возросшихъ въ добронравіи и благочестіи. Они будутъ всегда благословлять память твою и наконецъ съ лицемъ свѣтлымъ обнимутъ тебя въ жилищѣ блаженныхъ. Тамъ, тамъ составимъ мы всѣ одно счастливое семейство!“ — При сихъ словахъ прервался Лафатеровъ голосъ; онъ утерся бѣлымъ платкомъ, и прочитавъ молитву, благословивъ умирающую, простился съ нею — поцѣловалъ маленькихъ дѣтей — сказалъ, чтобы они не плакали, и, давъ имъ по нѣскольку копѣекъ, ушелъ. Мнѣ было очень тяжело, однакожъ слезы не хотѣли литься изъ глазъ моихъ; на-силу могъ я свободно вздохнуть на чистомъ вечернемъ воздухѣ.

Гдѣ вы берете столько силъ и столько терпѣнія? сказалъ я Лафатеру, удивляясь его дѣятельности. „Другъ мой!“ отвѣчалъ онъ съ улыбкою: „человѣкъ можетъ дѣлать много, если захочетъ; и чѣмъ болѣе онъ дѣйствуетъ, тѣмъ болѣе находитъ въ себѣ силы и охоты къ дѣйствію.“

Не думаете ли вы, друзья мои, что Лафатеръ, помощникъ бѣдныхъ, очень богатъ? нѣтъ, доходы его весьма не велики. Но онъ продаетъ многія изъ своихъ сочиненій, и печатныя и письменыя, въ пользу неимущихъ братій, и, собирая такимъ образомъ изрядную сумму денегъ, раздаетъ ее просящимъ.

Долина Гасли.

Я пришелъ въ маленькую горную деревеньку, которой жители ведутъ пастушью жизнь во всей простотѣ ея, не зная ничего, кромѣ скотоводства, и питаясь однимъ молокомъ. Они дѣлаютъ большіе сыры, и черезъ Валисцовъ отправляютъ ихъ въ Италію. Сырные анбары построены изъ тонкихъ бревенъ на высокихъ столбахъ или подпорахъ, для того, чтобы воздухъ могъ отвсюду проходить въ нихъ.

Жажда меня томила. Я остановился подлѣ одной хижины, на берегу чистаго ручья, и видя молодаго пастуха, у дверей сидящаго, попросилъ у него стакана. Онъ не скоро понялъ меня; но, понявъ, тотчасъ бросился въ свой домикъ и вынесъ чашку. *Она чиста*, сказалъ онъ худымъ нѣмецкимъ языкомъ, показывая мнѣ дно ея; побѣжалъ къ ручью, зачерпнулъ воды, и опять вылилъ ее назадъ — посмотрѣлъ на меня и улыбнулся — зачерпнулъ въ другой разъ, и опять вылилъ—взглянулъ на меня и засмѣялся — почерпнулъ въ третій разъ, и принесъ мнѣ, говоря: *пей, добрый человѣкъ, пей нашу воду!* Я взялъ чашку, и если бы не побоялся пролить воды, то конечно бы обнялъ добродушнаго пастуха съ такимъ чувствомъ, съ какимъ обнимаетъ братъ брата: столь любезенъ казался онъ мнѣ въ эту минуту!

Женева.

На сихъ дняхъ познакомился я съ господиномъ Ульрихомъ, цирихскимъ уроженцемъ, который природно-глухихъ и нѣмыхъ учитъ говорить, читать и писать. Онъ живетъ здѣсь въ домѣ одного богатаго человѣка, у котораго есть нѣмая дочь, дѣвушка лѣтъ тринадцати, прекрасная собою. Посредствомъ его искуства и стара-

ній начинаетъ она уже изъясняться и разумѣть другихъ. Сперва показывая ей, какъ для всякаго слова надобно растворять ротъ, двигать языкъ и губы, научаетъ онъ ее произношенію тоновъ, а потомъ знаками изъясняетъ ей смыслъ ихъ. Когда другіе люди говорятъ нескоро и произносятъ извѣстныя ей слова, то она по движенію губъ понимаетъ ихъ. Все это чудно. Сколько есть отвлеченныхъ идей, которыхъ, кажется, никакъ нельзя изъяснить знаками! Третьяго дни былъ я въ гостяхъ у сего Ульриха. При мнѣ говорилъ онъ съ своей ученицею, и такъ свободно, какъ со всякимъ другимъ. Она разумѣла и нѣкоторыя изъ моихъ словъ, и отвѣчала мнѣ довольно хорошо; только въ голосѣ ея есть нѣчто дикое и непріятное, чего уже никакъ нельзя поправить. Она пишетъ чисто, и съ наблюденіемъ ороографіи. Мать ея велитъ ей записывать, что съ нею всякій день случается. Ульрихъ показывалъ мнѣ этотъ журналъ, писанный складно, но только слишкомъ отрывисто. Она чрезвычайно любитъ своего учителя, и ласкается къ нему болѣе, нежели къ отцу и къ матери. Въ журналѣ ея между прочимъ замѣтилъ я слѣдующее: „Госпожа *N. N.* звала меня къ себѣ въ гости — я не пошла къ ней — она не звала моего учителя.“ — Ульрихъ ѣздилъ въ Парижъ за тѣмъ только, чтобы видѣться съ Аббатомъ л'Епе, который завелъ тамъ особливое училище для нѣмыхъ. Чему дивиться болѣе: разуму ли учителя или понятію учениковъ? Конечно сему послѣднему; но все вмѣстѣ заставляетъ меня удивляться способностямъ души человѣческой.

Лондонъ, 1790.

Я хотѣлъ идти за городъ, въ прекрасную деревеньку Гамстетъ; хотѣлъ взойти на холмъ *Примрозъ*, гдѣ благоухаетъ скошенное сѣно; хотѣлъ оттуда посмотрѣть на Лондонъ, возвратиться къ ночи въ городъ и ѣхать въ воксалъ.... но нигдѣ не былъ, и не жалѣю. День не пропалъ: сердце мое было тронуто.

Подлѣ самаго *Cavendish Sqvare* встрѣтился мнѣ старый, слѣпой нищій, котораго вела.... собачка, привязанная на снуркѣ. Собачка остановилась, начала ко мнѣ ласкаться, лизать ноги мои; нищій сказалъ томнымъ голосомъ: „добрый господинъ! сжалься надъ бѣднымъ и слѣпымъ! Я отдалъ ему шилингъ. Онъ поклонился, тронулъ снурокъ, и собака побѣжала. Я пошелъ за ними. Собачка вела его срединою *тротуара*, какъ можно далѣе отъ края и всѣхъ отверстій, чтобы слѣпой старикъ не упалъ; часто останавливалась, лаская людей (но не всѣхъ, а по выбору: она казалась физіогномистомъ!) и почти всякой давалъ ни-

щему. Мы прошли двѣ улицы. Сабачка остановилась подлѣ женщины, не молодой, но миловидной и очень бѣдно одѣтой, которая противъ одного дому сидѣла на стулѣ, играла на лютнѣ и пѣла жалобнымъ голосомъ. Прекрасный мальчикъ, также бѣдно одѣтый, держалъ въ рукахъ нѣсколько печатныхъ листочковъ, стоялъ прислонившись къ стѣнѣ и умильно смотрѣлъ на поющую. Увидѣвъ старика, онъ подбѣжалъ къ нему и сказалъ: „добрый Томасъ! здоровъ ли ты?"—*Слава Богу! а мать твоя?.... Какъ она хорошо поетъ! послушаю.*—Сынъ началъ ласкать собачку; а мать, поговоривъ съ старикомъ, снова заиграла и запѣла.... Я долго слушалъ и положилъ ей на колѣни нѣсколько пенсовъ. Мальчикъ взглянулъ на меня благодарными глазами и подалъ мнѣ печатный листокъ. Это былъ гимнъ, который пѣла мать его. Вмѣсто того, чтобы идти за городъ, я воротился домой и перевелъ гимнъ. Вотъ онъ:

Господь есть бѣдныхъ покровитель
И всѣхъ печальныхъ утѣшитель:
Всевышній зритъ, что нужно намъ,
И двумъ тоскующимъ сердцамъ
Пошлетъ въ свой часъ отраду.
Отдастъ ли насъ онъ въ жертву гладу?
Забудетъ ли отецъ дѣтей?
Прохожій сжалится надъ нами
(Есть сердце у людей!),
А мы молитвой и слезами
Заплатимъ долгъ ему.

Въ словахъ нѣтъ ничего отмѣннаго; но если бъ вы, друзья мои, слышали, какъ бѣдная женщина пѣла, то не удивились бы, что я переводилъ ихъ—со слезами.

Карамзинъ.

57. АЛТАРЬ ДЛЯ ЖЕРТВЫ.

Діонъ, богатый юноша, сдѣлался очень боленъ и долгое время пролежалъ въ постелѣ; но наконецъ стало ему легче и онъ выздоровѣлъ. Вышедши въ первый разъ въ садъ, онъ былъ какъ бы новорожденный, полонъ радости и славословилъ Господа громкимъ голосомъ, и, въ избыткѣ благодарныхъ чувствъ, обращая взоры и сердце свое къ небу, произнесъ: „О Всеблаженный и Вседовольный! Если бы человѣкъ могъ что-либо воздать Тебѣ.... о, какъ охотно отдалъ бы я все свое имѣніе!“

Слова эти слышалъ одинъ благочестивый старецъ и, подошедши къ богатому юношѣ, сказалъ: „Благіе дары нисходятъ свыше; туда послать ты ничего не можешь. Но иди, слѣдуй за мною.“

Юноша послѣдовалъ за благочестивымъ старцемъ, и они пришли въ одну мрачную полуразвалившуюся хижину, гдѣ встрѣтила ихъ ужасная нищета и горесть. Отецъ лежалъ больной, мать плакала, дѣти были наги и просили хлѣба.

Ужаснулся юноша. Тогда старецъ сказалъ ему: „Вотъ — здѣсь алтарь для твоей жертвы! Это меньшіе братья Господни.“

Юноша простеръ къ нимъ благодѣющую руку, — и утѣшенные несчастные благословили его и назвали ангеломъ Божіимъ.

Но старецъ, улыбаясь, сказалъ ему: „Такъ всегда — сначала обращай благодарный взоръ свой на небо, а потомъ на землю.“

58. МАТЬ И ДОЧЬ.

Въ іудейской землѣ, у подошвы знаменитой горы Ѳаворъ, прославленной преображеніемъ Господа, жила одна вдова съ малолѣтнею дочерью. Онѣ были очень бѣдны, но жили въ убогой хижинѣ своей спокойно и весело; ихъ дни протекали мирно, потому что онѣ были благочестивы и богобоязненны. И мать, наставляя дочь свою въ заповѣдяхъ Господнихъ, старалась внушить ей, какъ благъ Господь ко всѣмъ, какъ Онъ произращаетъ изъ земли растенія, изливаетъ на нихъ росу и дождь, и велитъ солнцу своему восходить надъ всѣмъ живущимъ, и сколько благъ каждый день ниспосылаетъ Онъ людямъ; разсказывала также ей многія прекрасныя исторіи изъ Библіи, и такими благочестивыми бесѣдами питала и утверждала въ юномъ сердцѣ дѣтскую любовь къ Богу и надежду на

всеблагое провидѣніе Его. И когда она такъ говорила, слезы показывались на глазахъ ея. Замѣтивши это, малютка однажды спросила: маменька, ты плачешь? „О дитя мое“, отвѣчала мать, „благость Создателя такъ велика, что человѣческое сердце вмѣстить ее не можетъ!“

И каковы слова, таковы были и дѣла ихъ. И Господь благословилъ ихъ, — и маленькій садикъ ихъ, тщательно воздѣлываемый руками ихъ, приносилъ имъ разнаго рода плоды въ такомъ избыткѣ, что онѣ могли дѣлиться ими и съ другими, и оказывать пособіе больнымъ и нуждающимся. Замѣтивши, съ какимъ радушіемъ дѣвочка исполняла священный долгъ благотворенія, мать сказала ей съ радостною улыбкою: „Не правда ли, моя милая, что *блаженнѣе давать, нежели принимать.* О, какое счастіе, что и мы можемъ принесть нашу лепту въ жертву Богу! Что дѣлаемъ мы другимъ, то дѣлаемъ какъ бы самому Господу. Всѣ люди суть дѣти Его“.

Такъ жили онѣ спокойно и весело въ убогой хижинѣ своей и со всѣмъ тщаніемъ обработывали садикъ свой, который доставлялъ имъ такъ много радостей.

Но вдругъ появилась губительная зараза, — и мать заболѣла и слегла въ постель. Отъ печали и скорби занемогла и дочь.

Чувствуя приближеніе смерти, мать говорила тихимъ голосомъ и съ улыбающимся лицемъ: „Милое дитя мое! Часъ мой пришелъ.... Но ты не упывай и не отчаявайся.... Отецъ небесный — твой покровитель.... Судьба твоя — въ Его десницѣ.

Выговоривши это, она не могла далѣе продолжать; силы ея совсѣмъ исчезли. Но дочь, обливаясь слезами, пала на колѣни и, простирая руки свои къ небу, молилась: „О всеблагій и милосердый Отецъ небесный! Оставь мнѣ мою маменьку. Какъ же мнѣ будетъ жить безъ нея!“

Такъ молилась малютка. И ангелы вознесли молитву невинности на небеса къ престолу Божію.

Настало утро и солнце освѣтило хижину. Малютка увивалась около матери и старалась согрѣть ее.

Тогда въ золотомъ лучѣ утренняго свѣта приблизился къ нимъ ангелъ смерти и разрѣшилъ души ихъ, — и онѣ воспарили въ блистаніи утренняго солнца въ лучшій міръ.

59. КАИНЪ.

Однажды Каинъ (поселившійся послѣ ужаснаго преступленія въ землѣ Нодъ) сидѣлъ подъ теревинѳомъ, склонивши голову на свои руки, и вздыхалъ. Жена его, которая съ малюткою на рукахъ вышла искать его, нашедши его въ такомъ положеніи, долго стояла подлѣ него подъ деревомъ и слушала вздохи его.

Тогда сказала она ему: „Что ты все вздыхаешь? И будетъ ли конецъ твоей печали?“ Каинъ испугался, приподнялъ голову и сказалъ: „Ахъ, это ты, Селла! — Грѣхъ мой такъ великъ, что прощенія ему не будетъ.“ Сказавши это, онъ снова склонилъ голову и закрылъ глаза свои рукою.

Селла сказала кроткимъ голосомъ: „Каинъ! Господь милосердъ и благость Его велика!“

Услышавши эти слова, Каинъ снова испугался и сказалъ: „О, неужели, Селла, и твой языкъ долженъ быть для меня жаломъ, терзающимъ сердце!“ — „Сохрани Богъ,“ отвѣчала Селла. „Но, Каинъ, послушай и посмотри: не зеленѣютъ ли поля наши, и не двукратно ли уже собрали мы съ нихъ богатую жатву? И такъ не милостивъ ли Господь къ намъ и не щедро ли изливаетъ на насъ дары свои?“

„Къ тебѣ, Селла, къ тебѣ Онъ милостивъ и къ твоему Эноху, но не ко мнѣ!“ — отвѣчалъ Каинъ. „Я въ благости Его познаю только, какъ я далекъ былъ отъ Него, когда убилъ Авеля....

„Но, Каинъ,“ прервала его Селла — „не ты ли воздѣлываешь поле и сѣешь сѣмена въ землю? И не свѣтитъ ли тебѣ утренняя заря, какъ въ Эдемѣ, и не блистаетъ ли роса на цвѣтахъ и стебляхъ?“

„Ахъ, Селла, несчастная жена моя!“ сказалъ ей Каинъ. „Въ утренней зарѣ я вижу только обагренную кровію голову Авеля, и въ росѣ на каждомъ стеблѣ я вижу слезу, и въ каждомъ цвѣткѣ —капли крови. И когда всходитъ солнце, я вижу позади себя въ тѣни моей Авеля—убитаго, а передъ собою—меня самого, убійцу его. — Самое журчаніе источника не есть ли жалобный стонъ объ Авелѣ, и въ дыханіи прохладнаго вѣтерка не носится ли передо мною его дыханіе?—Ахъ! стократъ ужаснѣе, нежели то слово гнѣва, которое прогремѣло въ громѣ и воззвало ко мнѣ: „Гдѣ братъ твой Авель?“—стократъ ужаснѣе для меня тотъ тихій голосъ, который повсюду слышится мнѣ. И когда настаетъ ночь,—ахъ! она объемлетъ меня, какъ мрачная могила, и вокругъ меня распростирается царство мертвыхъ, которое однако одного только меня вмѣщаетъ въ себѣ. Только полдень есть часъ мой, когда солнце палитъ голову мою, и потъ каплетъ съ меня на землю, и нѣтъ тѣни вокругъ меня?“

Тогда Селла сказала: „О Каинъ! О мой возлюбленный! Посмотри, вонъ—идутъ наши овечки, бѣлыя, какъ полевыя лиліи! Какъ весело рѣзвятся и скачутъ онѣ при сіяніи вечерней зари!“

Каинъ быстро взглянулъ и сказалъ: „Это овцы Авеля. Не красны ли онѣ отъ крови Авеля? Не есть ли блеяніе ихъ жалобный вопль объ Авелѣ? Не голосъ ли это плача? Чтожъ такое могло бы принадлежать Каину?“

Селла заплакала и сказала: „А развѣ я—Селла, которая любитъ тебя, не твоя жена?“

Но онъ отвѣчалъ: „Какъ можешь ты любить Каина, который самъ себя не любитъ? Что имѣешь ты отъ меня, кромѣ слезъ и вздоховъ?—Какъ можешь ты любить Каина, убійцу Авеля?“

Тутъ поднесла она къ нему Эноха,—и малютка улыбнулся отцу своему.

Каинъ бросился на землю, рыдалъ и взывалъ: „Ахъ! и я долженъ еще видѣть улыбку невинности! Нѣтъ, это улыбка не сына Каинова! Это улыбка Авеля! — это улыбка Авеля, котораго убилъ Каинъ!“

Такъ взывалъ онъ и лежалъ простертый лицемъ на землѣ! — Селла задрожала, приклонилась къ теревинѳу, — и слезы ручьемъ полились изъ глазъ ея на землю.

60. ПЕРСИКИ.

Одинъ поселянинъ привезъ изъ города пять прекрасныхъ персиковъ. Дѣти его въ первый разъ увидѣли эти плоды, и потому съ удивленіемъ смотрѣли на нихъ и любовались красивою ихъ наружностію и нѣжнымъ пушкомъ. Отецъ раздѣлилъ ихъ четыремъ сыновьямъ своимъ, а остальной достался матери.

Вечеромъ, когда дѣти собрались ужинать, отецъ спросилъ ихъ: „А что, дѣти, каковы персики? вкусны ли?“

„Прекрасные, батюшка“, сказалъ старшій, „такъ сочны и такъ вкусны! Я косточку спряталъ и выращу изъ нея дерево“.

„Хорошо“, сказалъ отецъ, „это знакъ хозяйства и попеченія о будущемъ, какъ прилично поселянину“.

„А я персикъ свой тотчасъ съѣлъ“, сказалъ младшій, „и косточку бросилъ; матушка дала мнѣ еще половину отъ своего. Пресладкій персикъ, такъ и таетъ!“

„Ну“ — сказалъ отецъ — „ты поступилъ не очень благоразумно, но естественно и по-дѣтски. Для благоразумія еще будетъ время“.

Тогда сказалъ второй сынъ: „Косточку, которую бросилъ Петруша, я поднялъ и разбилъ; въ ней было зернышко, вкусное какъ орѣхъ. А персикъ свой я продалъ, и мнѣ дали за него столько денегъ, что я, когда пойду въ городъ, могу купить себѣ на нихъ цѣлую дюжину“.

Отецъ покачалъ головою и сказалъ: „конечно это благоразумно, но не по-дѣтски и не натурально“.

„А ты, Никаноръ?“ спросилъ отецъ. Никаноръ спокойно отвѣчалъ: „Я персикъ свой отнесъ сыну нашего сосѣда, больному Егорушкѣ. Онъ не хотѣлъ взять его отъ меня, но я положилъ къ нему на постель и ушелъ“.

„Кто жъ изъ васъ, дѣти“, сказалъ тогда отецъ, сдѣлалъ лучшее употребленіе изъ своего персика?—„Никаноръ“, отвѣчали всѣ трое. Но Никаноръ молчалъ, а мать, съ слезами на глазахъ, бросилась обнимать его.

61. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

Наденька была очень добрая, милая дѣвочка. Всѣ любили ее, но въ особенности братъ ея, Костя, маленькій мальчикъ, котораго и она съ своей стороны также очень любила. Вдругъ она занемогла и болѣзнь ея крайне опечалила добраго Костю. Впрочемъ ему и на мысль не приходило, чтобы она могла умереть; онъ никогда не видалъ покойниковъ и совсѣмъ еще не зналъ, что такое—умереть.

Когда Наденька больная лежала въ постелѣ, Костя думалъ, какъ бы развеселить ее, и пошелъ въ поле нарвать ей цвѣтовъ. Онъ зналъ, что она очень любила цвѣты.

Но между тѣмъ, какъ онъ ходилъ, Наденька умерла, и ее одѣли въ бѣлую одежду.

Костя взошелъ въ комнату, гдѣ она лежала, и показывалъ ей издали цвѣты: но дѣвочка не смотрѣла. Тогда онъ сказалъ: „Наденька! что я принесъ тебѣ!“ Но она не слыхала. Онъ подошелъ поближе, посмотрѣлъ на Наденьку и сказалъ: „Она спитъ. Я положу ей цвѣты на грудь, чтобы обрадовать ее, когда она проснется. Тогда она скажетъ: „это сдѣлалъ Костя!“

Положивши ей потихоньку на грудь цвѣты и улыбнувшись, онъ пошелъ послѣ того къ матери и сказалъ: „Я нарвалъ Наденькѣ цвѣтовъ, которые она больше любитъ: но она спитъ. Поэтому я положилъ ихъ на грудь къ ней, чтобы обрадовать ее, когда она встанетъ“.

Но мать заплакала и сказала: „да, она спитъ, и больше ужъ не встанетъ“.

Тогда Костя сказалъ: „Ахъ, маменька! если она спитъ, такъ какъ же она не встанетъ?“

Такъ говорилъ мальчикъ. Мать не могла болѣе отвѣчать ему; она закрыла лице свое и плакала.

Но мальчикъ удивлялся и говорилъ: „маменька! что же ты плачешь?"

62. ОБЛАКА.

Какъ прекрасны облака поутру! Они похожи на рубины, оправленные въ золото; жаворонокъ подымается къ нимъ и поетъ, будто при вратахъ неба.

Какъ пышны облака въ полдень, когда они висятъ такъ высоко и сіяютъ бѣлизною въ лазуревомъ пространствѣ!

При закатѣ солнечномъ они опять прекрасны, и на далекомъ западѣ принимаютъ всякіе цвѣта и образы. Иногда они бываютъ похожи на башни и замки, на высокіе престолы и терема изъ топазовъ и золота.

Ночью, когда ихъ освѣщаетъ мѣсяцъ, они такъ ярки, и бѣлы, и чисты; и когда все успокоится и затихнетъ, они — будто стадо спящихъ барашковъ.

Но что такое облака? Просто пары. Они быстро изчезаютъ, быстро измѣняются: то они темнѣютъ во время грозы, то надуваются въ бурю; но потомъ является радуга милосердія, и природа, посреди потоковъ дождя, улыбается.

Жизнь подобна облаку: такъ же проходчива и перемѣнчива; сегодня она свѣтла и пріятна, завтра темна и печальна; но снова солнце сіяетъ надъ нею, и она съ миромъ погружается въ вѣчный покой.

Что придаетъ облакамъ ихъ блескъ и красоту? Солнце, которое ихъ освѣщаетъ, золотитъ своими лучами и раскрашиваетъ своей улыбкой.

Что придаетъ жизни ея сіяніе? Улыбка Того, Кто облакамъ велѣлъ дождемъ орошать землю и освѣжать всѣ растенія и травы.

Онъ, Онъ даритъ утру жизни свѣтлую радость; Онъ въ годы мужества поддерживаетъ и укрѣпляетъ насъ; въ бурю и мракъ, Онъ, какъ радуга, сіяетъ намъ Своею улыбкою, и даже, когда смерть готова опустить передъ нами завѣсу свою, Онъ освѣщаетъ намъ душу — свѣтомъ надежды.

63. ПѢСЕНКА ПРИ СѢЯНІИ ЦВѢТОВЪ.

Ложись, зернышко мое, въ тихую, холодную могилу, ложись въ земляную постельку! Я насыплю на тебя, зернышко мое, сырой земли столько, что тебя совсѣмъ не будетъ видно сверху.

Еслибъ знало ты, что я дѣлаю съ тобою, и могло бы говорить, ты сказало бы съ слезами: „Не видать мнѣ никогда болѣе ни небесъ, ни садика, ни яркаго солнышка!“

Но, малютка мой, не унывай! Смотри, вѣдь тебѣ мягко и хорошо лежать! Вотъ скорехонько и выспишься! А тамъ и выглянешь изъ земли, и зацвѣтешь цвѣточкомъ, и совсѣмъ вновь родишься.

Настанетъ день — и я такъ же, какъ и ты, лягу въ холодную постельку, и меня покроетъ земля; но изъ этой тихой, мрачной могилы я возстану еще лучшимъ созданіемъ по слову Творца моего: „Будь!“

64. САМАЯ ПЕРВАЯ ОБЯЗАННОСТЬ.

Самою первою, самою святою обязанностью пусть будетъ для васъ, любезныя дѣти, искренняя любовь къ Богу, охота къ молитвѣ и усердіе къ Церкви Божіей.

Когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ жилъ на землѣ, Онъ очень любилъ дѣтей за простоту ихъ и незлобіе; часто бесѣдовалъ съ ними, и даже ставилъ ихъ въ примѣръ взрослымъ. Любите же Его всею силою нѣжныхъ и добрыхъ сердецъ вашихъ; вспоминайте объ Немъ чаще какъ о самомъ лучшемъ своемъ благодѣтелѣ, и молитесь Ему усердно каждый день. Тотъ, Кто изъ устъ младенцевъ совершилъ себѣ хвалу, безъ сомнѣнія, милостиво приметъ молитвы ваши и исполнитъ ваши прошенія.

Когда станутъ приглашать васъ въ церковь, ходите всегда охотно — какъ бы для свиданія съ ближайшими родственниками; потому что Богъ есть отецъ всѣхъ людей, а церковь — Его жилище. Стойте въ церкви благоговѣйно и скромно, отнюдь не дозволяя себѣ развлекаться пустыми мыслями, а еще менѣе — разговаривать или оглядываться по сторонамъ. Помните, что во время молитвы вы находитесь передъ лицемъ самого Бога, который видитъ не только наружные безпорядки, но и тѣ, кои вы сокрыли бы въ глубинѣ своего сердца.

65. ВЕЧЕРНІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

Какъ провелъ ты нынѣшній день? Думалъ ли ты, наслаждаясь ниспосланными на твою долю дарами Божіими, о великомъ Подателѣ ихъ? Чувствовало ли твое сердце любовь и благодарность къ Нему? Уповалъ ли ты на Него въ несчастіи и не забылъ ли Его въ счастіи? Изгонялъ ли ты въ туже минуту изъ сердца своего всякую злую мысль, всякое злое желаніе, въ него закрадывавшіяся? И лучше ли ты сдѣлался съ нынѣшнимъ днемъ?

Поставьте себѣ за правило, каждый вечеръ поразмыслить въ тишинѣ о томъ, какъ вы провели прошедшій день; и если найдется что-нибудь такое, въ чемъ упрекнетъ васъ совѣсть ваша, то запишите это въ свою памятную книжку. Вспоминая иногда о вашемъ проступкѣ, вы будете остерегаться, какъ бы не впасть въ него снова. Такимъ образомъ вы съ каждымъ днемъ будете дѣлаться лучше и, слѣдовательно, довольнѣе и счастливѣе.

66. О ПОЛЬЗѢ ТРУДА ВЪ ЮНОСТИ.

Всѣ мы рождаемся для трудовъ, и того уважаемъ болѣе, кто болѣе другихъ трудится. Но никогда трудъ не можетъ быть пріятнѣе, какъ въ молодыхъ лѣтахъ: тогда сердце у насъ спокойно, силы свѣжія, духъ бодрый, умъ неозабоченный никакими нуждами житейскими;—трудись только, да благодари Бога и наставниковъ, что доставляютъ прекрасныя средства къ образованію. Настанетъ пора отдыха,—труды забудутся, и самъ порадуешься, что молодость провелъ не безъ дѣла. Такъ радуется заботливый поселянинъ, когда наполнитъ житницы свои хлѣбомъ, котораго посѣвъ и уборка стоили ему большихъ трудовъ.

Юность издавна называютъ весною жизни, а душу нашу полемъ необработаннымъ: что посѣешь во время весны, то и пожнешь осенью; что пріобрѣтешь въ юности, тѣмъ и будешь пользоваться въ зрѣломъ возрастѣ. Кто не видалъ людей, которые провели молодость въ однѣхъ забавахъ и не трудились тогда, когда доставляли имъ всѣ средства къ трудамъ благодарнымъ и полезнымъ? Жаль смотрѣть на нихъ, когда они являются въ свѣтъ и вступаютъ на службу. Ограниченность ума и скудость въ самыхъ маловажныхъ свѣденіяхъ стыдятъ ихъ на каждомъ шагу и не могутъ быть замѣ-

нены ни богатствомъ, ни знатностью происхожденія. Теперь они хотѣли бы начать свое образованіе, желали бы неутомимо трудиться, да уже поздно: голова устарѣла вмѣстѣ съ привычками къ разсѣянности.

67. ЭМБЛЕМЫ.

Есть много понятій, которыя мы составляемъ въ умѣ безъ помощи зрѣнія и другихъ нашихъ чувствъ, на примѣръ: понятія о добродѣтели, порокѣ, чести, несчастіи, смерти; предметы сихъ понятій не суть видимые, но мысленные.

Въ самомъ дѣлѣ, ихъ нельзя ни видѣть, ни ощущать, а можно только думать о нихъ.

Однако случается иногда, что мы желаемъ какое-нибудь изъ этихъ понятій сдѣлать очевиднымъ, т. е. сдѣлать такое изображеніе, которое видимо напоминало бы о семъ понятіи уму зрителей. Для этого мы избираемъ дѣйствіе или положеніе, которыя соотвѣтствуютъ той мысли, и которыя могутъ быть выражены посредствомъ живописи или ваянія. Такое изображеніе называется *эмблемою.*

Есть мѣста, гдѣ осуждаются преступники и оправдываются невинные. Чтобъ отличить такое мѣсто отъ другихъ зданій, легко было бы надписать надъ его входомъ: *Здѣсь храмъ правосудія.* Но для этого употребили способъ гораздо остроумнѣе: на высотѣ зданія поставили фигуру, которая показываетъ, что оно назначено — быть храмомъ правосудію.

Для сего надобно было сдѣлать видимымъ понятіе мысленное, невидимое: чтобы олицетворить сіе понятіе, изваяли человѣческую фигуру, отличивъ ее принадлежностями, которыя наиболѣе относятся къ свойствамъ правосудія. Правосудіе сохраняетъ вѣрность и безпристрастіе, не уклоняясь ни на чью сторону, и для того оно изображается держащимъ одною рукою вѣсы; другая его обязанность есть наказывать преступленія, и для того другая рука его вооружается мечемъ. Вотъ изображеніе эмблематическое: *вѣсы* и *мечъ* здѣсь—эмблемы.

Вотъ человѣкъ, остановившійся на вершинѣ высокой утесистой горы; онъ хочетъ взойти еще выше,—подымаетъ лѣстницу и упираетъ ее въ облако. Это *честолюбецъ.* Онъ и такъ уже на большой высотѣ, но его увлекаетъ страсть еще возвыситься; онъ отваживается идти по лѣстницѣ, хотя она не имѣетъ другой опоры, кромѣ облака и повисла надъ пропастью.

Вотъ другой человѣкъ; у него глаза завязаны, а онъ переходитъ свирѣпый потокъ по скользкимъ каменьямъ. Онъ вѣрно упадетъ въ волны. Это изъ числа тѣхъ людей, которые бросаются въ опасность, не размысливъ, куда идутъ,—и ты можешь назвать его *безразсуднымъ*.

Видишь ли руку, которая протянулась изъ чернаго облака, и гаситъ свѣтильникъ. Этотъ свѣтильникъ—*жизнь;* рука, которая гаситъ его—*смерть*.

Взгляни на этого человѣка, смотрящаго на солнечные часы, со свѣчою въ рукѣ. Эти часы могутъ показывать время только при солнечномъ свѣтѣ. Слѣдовательно онъ изображаетъ *невѣжество*.

Вотъ трость, которой конецъ въ водѣ, и она кажется переломленою. Что жь, трость въ самомъ дѣлѣ переломлена? Нѣтъ, только свойство воды даетъ ей такой видъ. Это эмблема *заблужденія*.

Кто этотъ бѣднякъ, который бѣжитъ со всѣхъ ногъ и оглядывается на тѣнь свою? Ты можешь назвать его страхомъ или *трусостью*.

Но кто этотъ сѣятель, разсыпающій зерна на пашнѣ? Тутъ есть что-то похожее на воспитаніе, но можетъ изображать также и *надежду;* ибо никто не сѣетъ безъ надежды на жатву.

Что думаешь ты объ этомъ зеркалѣ, передъ которымъ стоитъ восковая свѣча, и въ немъ отражается? Это эмблема *истины*. Главное свойство истины—представлять вѣрное изображеніе предметовъ и отражать ихъ въ нашемъ сердцѣ. Здѣсь свѣча изображена зажженною, для означенія блеска истины.

А вотъ ты видишь здѣсь женщину, которая распутываетъ мотокъ; она представляетъ *терпѣніе*.

Но что ты думаешь объ этой прекрасной женщинѣ, которая поливаетъ цвѣты и смотритъ на нихъ съ такою нѣжностію? Это *благотворительность?*

Узнаешь ли ты эту женщину, съ физіономіею скромною и осторожною, которая приложила палецъ къ устамъ и держитъ узду въ другой рукѣ? Это благоразуміе или *скромность*.

Н. П.

СТИХИ.

1. СИРОТКА.

Едва она узрѣла свѣтъ,
Ужъ ей печаль знакома стала:
Веселье — спутникъ дѣтскихъ лѣтъ,
А ей судьба въ немъ отказала.

Въ семьѣ томилась сиротой;
Ее грядущее страшило, —
Но Провидѣніе хранило
Младенца тайною рукой.

О ты, святое Провидѣнье!
Въ твоемъ владѣньи нѣтъ сиротъ!
Боязнь и ропотъ — заблужденье;
Всегда къ добру Твой путь ведетъ.

Среди неистовыхъ враговъ
Сиротка матерью забыта;
Сгорѣлъ ея родимый кровъ,
И ей невинность не защита.

Но бѣдный съ нищенской клюкой
Ей Богомъ посланъ во спасенье....
На краѣ бездны Провидѣнье
Сдружило слабость съ нищетой.

О Промыслъ, спутникъ невидимый
И сиротства и нищеты,
Сколь часто путь непостижимый
Къ спасенью избираешь Ты!

И, породнившися судьбой,
Сиротка и старикъ убогой,
Безъ трепета, рука съ рукой,
Пошли погибельной дорогой.

Дорога бѣдныхъ привела
Въ гостепріимную обитель....
Имъ былъ Всевышній предводитель;
Ихъ Милость въ пристани ждала.

О Ты, святое Провидѣнье,
Сколь намъ Твой безопасенъ слѣдъ!
Творишь изъ гибели спасенье,
Ведешь къ добру стезею бѣдъ.

Играй, дитя, гроза прошла:
Ужасный громъ ударилъ мимо;
Тебя мать *добрая* нашла
На мѣсто матери *родимой*.

Дорога жизни предъ тобой
Цвѣтами счастія покрыта....
Молись же: чтобъ Творецъ защита
Былъ *Той*, кто здѣсь хранитель твой.

Услышь младенца, Провидѣнье!
Прими *ее* подъ щитъ любви:
Она чужихъ дѣтей спасенье —
Ея дѣтей благослови.

Жуковскій.

2. ЗАРЯ ПОГАСЛА.

Заря погасла, — вѣтерки
Въ полянѣ дуютъ межъ кустами,
Срываютъ ландышъ, васильки, —
И вмѣстѣ съ алыми цвѣтами,
Подобно пестрымъ мотылькамъ,
Кружа, разносятъ по лугамъ.

И. Козловъ.

3. МЛАДЕНЕЦЪ.

Въ бурю, въ легкомъ челнокѣ,
Окруженный тучи мглою,
Плылъ младенецъ по рѣкѣ,
И несло челнокъ волною.

Буря вкругъ него кипитъ,
Челнъ ужасно колыхаетъ —
Беззаботно онъ сидитъ
И весломъ своимъ играетъ.

Волны плещутъ на челнокъ —
Онъ веселыми глазами
Смотритъ, бросивъ въ нихъ цвѣтокъ,
Какъ цвѣтокъ кружитъ волнами.

Челнъ, ударясь у бреговъ
Объ утесы, развалился....
И на брегѣ межъ цвѣтовъ
Мореходецъ очутился.

Челнъ забытъ, а гибель? страхъ?
Ихъ невинность и не знаетъ....
Улыбаясь, на цвѣтахъ
Мой младенецъ засыпаетъ.

Вотъ примѣръ: безпечно въ свѣтъ!
Пусть гроза, пускай волненье;
Намъ погибели здѣсь нѣтъ:
Правитъ челнъ нашъ Провидѣнье.

Здѣсь твоя стезя вѣрна;
Менѣ чѣмъ другимъ опасна;
Жизнь красой души красна....
А твоя душа прекрасна!

Жуковскій.

4. СИРОТКА.

Мальчикъ.

Родимая, пойдемъ скорѣе!
Ужъ стало поздно; все темнѣе,
А намъ далеко вѣдь домой;
Мнѣ страшно здѣсь....

Поселянка.

Господь съ тобой!

Мальчикъ.

Кругомъ кладбище; по долинѣ
Однѣ могилы да кресты.

Поселянка.

Вотъ храмъ Господень по срединѣ.
Перекрестись.... Ну, что же ты?

Мальчикъ (*жмется къ ней*).

Потише! Видишь ли, родная,
Вонъ что-то черное встаетъ?....
Все пуще страхъ меня беретъ.
Мертвецъ....

Поселянка (*оглядывается*).

Гдѣ? Троица Святая,
Помилуй насъ!.... Пойдемъ.... Ахъ, нѣтъ,
Ты испугалъ меня, мой свѣтъ,
Навѣрное сиротка наша
Зашла сюда. И впрямь!

(*Подходятъ къ дѣвушкѣ, сидящей на могилѣ*).

Параша!

Дѣвушка.

Кто звалъ меня? мой братъ, не ты ли
Услышалъ плачъ мой и въ могилѣ?....
Нѣтъ, не дождусь отвѣта я!
Нажала грудь его земля! (*плачетъ*).

Поселянка.

Дитя мое!

Дѣвушка (*равнодушно*).

Кто здѣсь?

Поселянка.

Ужели
Узнать не можешь ты меня?

Дѣвушка.

Ахъ, это ты! узнала я.

Поселянка.

Чу! слышишь, пѣтухи пропѣли.
Вѣдь это полночь! спать пора.
Пойдемъ; пробудь хоть до утра
У насъ въ избѣ....

Дѣвушка.

Зачѣмъ отсюда?
Мнѣ хорошо и здѣсь покуда.
Идите съ Богомъ по домамъ;
Гостить здѣсь не у кого вамъ.

Поселянка (*горестно*).

А ты въ гостяхъ?

Дѣвушка.

Я здѣсь у брата.
Со мною онъ! одна отрада
Надъ нимъ проплакать день и ночь....

Поселянка.

Слезами горю не помочь.
Послушай.

Дѣвушка (*задумчиво*)

Въ утреннемъ туманѣ,
Нарву цвѣтовъ ему заранѣ,
И канетъ, прежде чѣмъ роса,
Къ нему на грудь моя слеза....

Поселянка.

Пойдемъ!

(*Отрываетъ ее насильно отъ могилы и уводитъ.*)

И спутница младая
Идетъ, сама не понимая,
Куда, зачѣмъ. Ей все равно,—
Все горе на сердцѣ одно!
Пришли въ село; въ избушку вводятъ
Ее по темнымъ ступенямъ,
И вотъ покой: лучины тамъ
Горятъ, и свѣтъ кругомъ наводятъ.
Очнулась гостья.

Дѣвушка.

Гдѣ же я?

Поселянка.

Не бойся; ты въ избушкѣ нашей.
Садись поближе къ этой чашѣ.
Ты голодна?

Дѣвушка.

Пусти меня!
Мнѣ тяжко здѣсь; дышу насилу;
Пусти на братнину могилу,
Мнѣ легче тамъ, мнѣ лучше тамъ (*бѣжитъ къ дверямъ*).

Поселянка.

Напрасно рвешься ты къ дверямъ.
Не отопру. Хоть по неволѣ
Ты у меня пробудешь долѣ.
Дитя! повѣрь мнѣ, ты больна,
И день и ночь не знаешь сна....
Но вотъ постель тебѣ готова.
Ложись.

И болѣе ни слова.
Лучина вмигъ погашена.
Легла сиротка по неволѣ,
И о своей печальной долѣ
Опять задумалась она.
Мечты смѣшались; какъ ни больно
Ей было на сердцѣ, но сонъ

Смежилъ глаза ея невольно,
Хоть не принесъ отрады онъ, —
И тѣ же думы обладали
Ея душою и во снѣ.
Уста лишь жалобы однѣ,
Да имя брата лепетали.
И тотъ, кто ей такъ дорогъ былъ,
Во снѣ явяся говорилъ:
„Сестра, не плачь, не плачь, сестра,
„По мнѣ отъ утра до утра.
„Мнѣ дорогъ даръ твоей любви,
„Но слезы въ тягость мнѣ твои;
„Огнемъ онѣ текутъ по мнѣ,
„И весь горю я какъ въ огнѣ.
„Взгляни на саванъ: видишь, онъ
„Слезами жаркими прожженъ!
„Сестра, въ залогъ своей любви,
„Ты Бога долѣ не гнѣви;
„Не плачь напрасно надо мной, —
„И сладокъ будетъ мой покой!“

Она проснулась. Смутный взоръ
Искалъ вокругъ любимой тѣни:
Ея мучительныя пени
Ей въ душу врѣзались. Съ тѣхъ поръ
Она томилась и вздыхала,
Возведши взоръ на небеса,
Но никогда ея слеза
На память брату не блистала.

И черезъ годъ она пошла
Опять на братнюю могилу.
Тамъ было тихо; и насилу
Ее узнать она могла:
По ней узорчатой грядою
Блистали яркіе цвѣты,
Да разрослися полосою
Травы заглохшіе кусты;
И безопасно въ ихъ срединѣ,
Въ надеждѣ мира и тепла,
На лѣто гостья въ той долинѣ,
Гнѣздо малиновка вила.

А. Подолинскій.

5. ХВАЛА БОГУ ЗА ЕГО НЕБЕСНЫЕ И ЗЕМНЫЕ ДАРЫ.

Когда гуляю лѣтомъ въ полѣ,
Какъ много бѣдныхъ вижу я!
Чѣмъ мнѣ воздать Тебѣ, о Боже,
За все, что сдѣлалъ для меня!

Я недостойнѣе другаго,
А милосердъ Ты такъ ко мнѣ!
Я сытъ, межъ тѣмъ какъ у инаго
Нѣтъ хлѣба и ломтя въ сумѣ.

На улицѣ дѣтей я вижу
Заброшенныхъ, полунагихъ,
А я одежду и защиту
Всегда имѣю отъ родныхъ.

Иной несчастный и не знаетъ,
Куда склонить ему главу!
Меня же дома ожидаетъ
Постель, въ которой сладко сплю.

Иной ребенокъ безъ надзора,
И по незнанію грѣшитъ,
Меня же учатъ имя Бога
Въ благоговѣніи твердить.

Вотъ каждый день чѣмъ надѣляетъ
Всемилосердый Богъ меня!
Дары Его да прославляетъ
Мольба сердечная моя.

Е. Тютчева.

6. ПТИЧКА.

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей;
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возратилъ свободу ей.

Она изчезла, утопая
Въ сіяньи голубаго дня,
И такъ запѣла, улетая,
Какъ бы молилась за меня.

Ѳ. Туманскій.

7. ЗАЛИВЪ.

Скрылось солнце. Надъ заливомъ,
Въ блескѣ яркомъ и игривомъ,
Всходитъ вечера звѣзда;
Край небесъ зарей пылаетъ;
Какъ златая ткань, сіяетъ
Въ отдаленіи вода.

Рѣзвый мальчикъ сѣлъ въ челнокъ,
Въ парусъ превратилъ платокъ,
Молодую срѣзалъ иву,
Сладилъ мачту кое-какъ,
Взялъ весло, и вотъ смѣльчакъ
Разъѣзжаетъ по заливу.

Отплывая отъ земли,
Видитъ мальчикъ, что вдали,
Яркимъ золотомъ свѣтлѣетъ
Темносиняя волна,
А вблизи, вокругъ челна,
Глубина одна чернѣетъ.

Поплыву же я туда,
Гдѣ такъ свѣтится вода,
Думалъ мальчикъ, и принялся
Всею силой за весло;
Берегъ изъ виду терялся,
Но далеко, гдѣ свѣтло.

Плылъ онъ часъ, плыветъ другой;
Утомленною рукой
Онъ гребетъ весломъ сильнѣе;
Все вдали блеститъ волна,
А вкругъ лодки глубина
Все чернѣе и чернѣе.

Ночь одѣла сводъ небесъ;
Моря дальній блескъ изчезъ.
Въ утомленьѣ, въ страхѣ, въ горѣ,
Бросилъ плаватель весло.
Вѣтеркомъ, вспорхнувшимъ въ морѣ,
Членъ ко брегу принесло.

Въ морѣ жизни мы плывемъ;
Счастьемъ дальній блескъ зовемъ;
Но вотще къ нему стремленье;
Блескъ сей — неба отражанье!
Смертный, смертный! брось весло!
Небо лишь одно свѣтло.

Масальскій.

8. НАСЪ СЕМЕРО.

... Какъ счастливо дитя!
Какъ беззаботно, какъ рѣзво!
Въ немъ жизнь играетъ и кипитъ;
Смерть непонятна для него.

Я встрѣтилъ крошку близь села.
Ей былъ седьмой лишь годъ; она
(Хоть въ бѣдномъ платьицѣ) была
Какъ ангелъ, прелести полна.

У ней кудрявы волоса,
Румяно личико у ней,
И что за яркіе глаза!
Отъ нихъ мнѣ стало веселѣй!

„Скажи, малютка, сколько васъ
Въ семействѣ братьевъ и сестеръ?“
— „Да сколько? семеро всѣхъ насъ.—
И на меня вперила взоръ.

„А гдѣ“, спросилъ я: „гдѣ они?“
— Насъ семь у маменьки всего:
Живутъ два братца у родни,
Да двое въ морѣ... далеко!

Да на кладбищѣ двое спятъ.
Лежитъ сестрица тамъ моя,
И съ нею маленькой мой братъ;
Седьмая же у мамы — я! —

„Два у родни, ты говоришь;
Два на морѣ, да ты: вотъ пять;
А всѣхъ васъ семеро; скажи-жъ,
Какъ это, душенька, понять?“

Малютка снова начала:
— Насъ, видишь, семь: сестра да братъ,
Что на кладбищѣ, вотъ ужъ два;
Они близь хижинки лежатъ. —

„Ты бредишь, свѣтикъ! мудрено
Твои мнѣ счеты разобрать:
Когда ужъ два схоронено,
Такъ стало быть васъ только пять?“

— Могилы тамъ; хоть самъ взгляни,
Сказала дѣвочка: пойдемъ!
Вотъ отъ пути шагахъ въ пяти....
Тамъ положили ихъ рядкомъ.

Тамъ часто я чулокъ вяжу,
Или платочекъ свой рублю;
Тамъ подъ березкой я сижу
И братцамъ пѣсенки пою.

Какъ солнышко зайдетъ весной,
И вечеръ такъ прекрасенъ, тихъ,
Туда несу я ужинъ свой
И кушаю въ гостяхъ у нихъ....

Сначала Джени померла;
Она стонала день и ночь,
Потомъ утихла и легла....
И унесли сестрицу прочь....

Зарыли гробъ ея; надъ нимъ
Цвѣточки послѣ я рвала,
И съ братомъ маленькимъ моимъ
Все лѣто тамъ вѣнки плела.

Пришла зима: ужъ братъ не могъ,
Играть по прежнему со мной;
Закрылъ глаза и въ гробикъ легъ,
И спитъ онъ также подъ землей.

„Двоихъ взялъ Богъ!" воскликнулъ я;
„Такъ сколько же васъ всѣхъ за тѣмъ?"
На это дѣвочка моя:
— Ахъ! семь насъ, право семь! —

„Но двое умерли, мой другъ:
Живетъ у Господа ихъ духъ;
Ужъ нѣтъ ихъ въ мірѣ!" Но ничѣмъ
Не убѣждалася она
И все твердила: Нѣтъ, насъ семь!

Я. Гротъ.

9. МОЛИТВА.

Вечеръ былъ; сверкали звѣзды;
На дворѣ морозъ трещалъ; —
Шелъ по улицѣ малютка,
Посинѣлъ и весь дрожалъ.

„Боже!" говорилъ малютка,
„Я прозябъ и ѣсть хочу;
„Ктожъ согрѣетъ и накормитъ,
„Боже добрый, сироту?"

Шла дорогой той старушка —
Услыхала сироту,
Пріютила и согрѣла
И поѣсть дала ему;

Положила спать въ постельку —
„Какъ тепло!" промолвилъ онъ:
Заперъ глазки.... улыбнулся....
И заснулъ.... Спокойный сонъ! —

Богъ и птичку въ полѣ кормитъ,
И кропитъ росой цвѣтокъ:
Безпріютнаго сиротку
Также не оставитъ Богъ!

К. Петерсонъ.

10. БѢДНОСТЬ И ТРУДЪ.

(НАРОДНАЯ СКАЗКА).

Что-то, утихла ль мятель? — Посмотри-ка ты, Лиза, въ окошко.
Бабушка, съ печки слѣзая, такъ внучкѣ сказала, — и Лиза
Порхъ, катъ синичка, къ окну — и окно отворя и защолкнувъ:
Бабушка! страшно мететъ, и сугробы, какъ горы, а съ крышекъ
Вихорь такъ клочья и рветъ и вертитъ! ни звѣзды нѣтъ!.... а мѣсяцъ
Въ мутную тучу уплылъ! Ахъ, какъ страшно, какъ холодно въ полѣ!
Какъ же въ свѣтлицѣ намъ быть-то? — Опять вы въ бирюльки? Аль вѣчно
Руки поджавши сидѣть, а работу подъ лавку? Нѣтъ, дѣти!
Боже спаси васъ! Вѣдь чуть залѣнишься, откуда возьмется
Гость нежеланный на дворъ, гость недобрый; зовется онъ — Бѣдность!
Бѣдность! охъ! бойтесь ее: то лихая колдунья съ клюкою;
Ходитъ въ отрепьяхъ: на ней закоптѣлая старая шуба,
Вѣтеръ пустую суму и лохмотья хлобыщетъ.... Злодѣйка
Бродитъ по селамъ, какъ волкъ, и грызетъ поселянъ; а мальчишекъ
Гонитъ на снѣгъ босикомъ, чтобъ кричали проѣзжимъ: „подайте!"
Чѣмъ же Бѣдность гонять? — спросила сонливая Соня. —
„Только Трудомъ, да Трудомъ!" прибодрясь отвѣчала старушка.
„Трудъ, хоть-куда молодецъ! и какое село онъ залюбитъ,
Тамъ и житье..... Отъ его богатырскаго посвиста Бѣдность,
Злобясь, бѣжитъ и, назадъ озираясь, зубами щелкаетъ!" —
„Чтожъ то за Трудъ молодецъ? да откуда приходитъ та Бѣдность?
Бабушка, семъ разскажи намъ объ этомъ получше!" Такъ съ печи
Спрыгнувъ и рѣчь перебивъ, подхватила вертлявая Катя. —
„Вотъ ужъ я вижу, опять мнѣ придется васъ сказкой потѣшить:
Въ сказкѣ, какъ въ зеркалѣ, все!"—Ахъ, чего же намъ лучше? всѣ въ голосъ:
„Вечеръ вѣдь только насталъ, и ночникъ прогоритъ еще долго.
Сядь же, родная, за столъ, хоть въ почетномъ углѣ подъ божницей! —
Сѣла, а внучки кругомъ, такъ и ластятся, вьются къ старушкѣ—
Ждутъ не дождутся;—но вотъ и безъ дѣла остаться не смѣютъ:
Лиза взялась за чулокъ, а работу полегче — то Сонѣ;
Катенька-жъ, съ донцемъ подсѣвъ, веретеномъ, какъ игрушкой, вертѣла. —
„Чтожъ начинать ли?" спросила старушка.—Скорѣе! скорѣе! . . "

„Ну, такъ сидите-жъ!“ — Сидимъ.— „Ну, да слушайте-жъ!“ Слушаемъ.“ Тихо!
Богъ вѣсть, давно ли и гдѣ, только жили да были крестьяне
Всѣ на лѣнтяѣ лѣнтяй! — Вотъ придетъ ли пора чтобъ посѣять,
Пахоты нѣтъ!... Стрекоза ужъ юлитъ, и козелецъ во цвѣтѣ.
Сыплетъ и рожь. Эй! пора, имъ твердятъ, яровое подъ соху!
Лѣто летитъ и не ждетъ; а лѣнивцы все тары да бары.
Тихо, вяло, плугомъ нивы слегка чуть поранятъ....
Нивы звонцомъ заросли, и покрылося волчцемъ все поле.
Что имъ до поля?... Еще-жъ, на бѣду, искушенье въ сосѣдствѣ:
Пиво и пѣнникъ и медъ!.. Вотъ и пьютъ и шумятъ и гуляютъ.
Время-жъ бѣжитъ да бѣжитъ!... „Ну, а что же и жены и дѣти?“—
Малый за стырымъ идетъ!...Ихъ и жены и дѣти лѣнились;
Все, чтобъ попить, поплясать, да на ярмарку.... коней избили:
Домы свели!... а къ зимѣ, какъ сурки по норамъ, западали....
Страшно къ нимъ въ избу войти: поутру, лишь затопится печка,
Хлынетъ вдругъ дымъ; — и давай тутъ и двери и окна всѣ настежъ!....
Копотно, сине вверху!—а съ полатъ, угорѣвъ, ребятишки
На полъ, да на полъ скорѣй!... полегли на соломѣ... а тутъ же
Гость къ нимъ — козелъ бородатый вдругъ шасть.... и овца по привычкѣ
Въ избу; и ну теребить изъ-подъ нихъ, аль изъ люльки солому....
Горе имъ въ горькомъ дыму! . . . Гдѣ ни взглянешь, все скудно.... лѣнивцы
Терпятъ отъ лѣности все и чернѣютъ, коптясь тихомолкомъ.
Глухо въ ихъ гумнахъ, кругомъ ни гугу! .... да чему-жъ у лѣнивцевъ
Рано и поздно стучать?—Аль цѣпамъ по токамъ? Въ подовинахъ —
Спятъ ихъ цѣпы,—а въ снопахъ воробьи лишь, воруя, щебечутъ;
Въ житницахъ вѣтеръ живетъ; про запасъ селянинъ не молотитъ;
Что-жъ молотилъ, то и съѣлъ!... а въ рекрутскую складу, а подать
Чѣмъ же платить, какъ придетъ къ нимъ съ высокою палкой десятникъ?
„Вынь да положь, а не то“.... Ну, казна-то не свой братъ, не шутитъ!
То-то лѣнивыхъ житье! вѣдь ни ложки, ни плошки въ деревнѣ:
Вѣкъ по чужимъ все угламъ ихъ волочитъ съ заплечной котомкой
Бѣдность злодѣйка—съ клюкой впереди, а за нею лѣнивцы?
Тихо, уныло и робко, скрыпучей тропою по снѣгу,
Скорчась, подъ окна бредутъ и насилу прошепчутъ осипло:
„Дайте н[illegible] ради Христа!.... И въ селѣ ихъ ко храму Господню
Сн[illegible] и слѣдъ замело!... Хоть звоны и звонятъ и трезвонятъ
Рѣзко имъ въ уши, но звонъ улетаетъ на вѣтеръ.... Когда же
Къ церкви пойдутъ, такъ смотрѣть на оборванныхъ стыдно! — Ну, дѣти,
Вотъ вамъ и Бѣдность! „А Трудъ?“—Погодите немного, — у старыхъ
Память тупѣетъ! — а вамъ не сидится? — ну, тихо-жъ! — да слушать:

Посланъ къ лѣнивцамъ былъ Трудъ, и то знать за мольбы ужъ отцовски:
Ловкій дѣтина пришелъ къ нимъ, и Богъ вѣсть, и какъ и откуда,
Гоголемъ парень идетъ, и рѣчистъ и уменъ и привѣтливъ,
Ростомъ высокъ онъ, плечистъ и въ подбитомъ овчиной кафтанѣ,
Статенъ, пригожъ молодецъ!.... По бедрамъ коломенковый поясъ;
Шапка съ заломомъ; лице—словно кровь съ молокомъ; взглядъ—соколій!....
Онъ-то былъ Трудъ; — и въ село чуть вошелъ — закричалъ на лѣнивцевъ:
„Что? аль не видите вы, что грозитъ вамъ бѣда неминуча?
Бѣдность васъ всѣхъ загрызетъ! — Такъ вставай, не зѣвай, за работу!"
Вотъ какъ бы кто растолкалъ всѣхъ лѣнивцевъ: лѣнивцы проснулись!
Тотъ за топоръ, а другой съ долотомъ, съ молоткомъ, да съ обухомъ.
Стукъ по деревнѣ и гукъ!.... Закружась, жерпова заревѣли;
По клину клинъ зазвенѣлъ.... и пила, расходясь, засипѣла....
Скрыпнули створы, коней всякъ выводитъ, и кони чуть бродятъ!—
Всѣ собрались и гужемъ потянулися въ путь во дорогу....
Жены-жъ, оставшись, межъ тѣмъ ужъ досужи и падки къ работѣ;
Только пѣтухъ кукарекнулъ—лучина горитъ ужъ по избамъ:
Ярко горитъ и трещитъ, только искры, какъ блестки, сверкаютъ!....
Вьется кудель,—и, вертясь, вертено промежъ пальцевъ играетъ;
Пряжа прядется; а тамъ—скрыпучія, шаткія кросны
Ходятъ: проворный челнокъ то туда, то сюда все шныряетъ,
Берда бренчатъ!.... Такъ зима пролетѣла, какъ сутки.... Знать стало
Близко къ веснѣ, что вдругъ клокотъ, кудахтанье куръ; тутъ откуда
Утки, шрюшкомъ, ковылькомъ, шепелявыя, плещутся въ лужахъ;
Говорныхъ гордыхъ гусей долгошейна ватага гогочетъ,
Сипло шипя на прохожихъ.... вдругъ клокчутъ, курлычутъ индѣйки....
Каркаетъ черный вранъ, грахаетъ грачъ, и сорока стрекочетъ.
Свищетъ и гаркаетъ чижъ, и все въ рощѣ чиликаетъ, чуя
Весну и красные дни.... Такъ все было.—Вдругъ утромъ, однажды,
Что-то чернѣетъ въ дали.... и всѣ смотрятъ и слышатъ все ближе;
Съ топотомъ шумъ!.. и въ селѣ, что за крикъ, что за скрыпъ, что за шелестъ?
Кони заржали.... И вотъ воротился обозъ нашъ! и всякій
Сытъ и одѣтъ и коня откормилъ, а притомъ и копѣйку
Всякій зашибъ.... И пошли поживать, попѣвая, крестьяне.—
Съ той-то поры въ томъ селѣ старики молодымъ говорили:
Дѣти! живите съ трудомъ, и не будетъ опасна вамъ Бѣдность!"—

Ѳ. Глинка

11. ОБЕЗЬЯНЫ.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать,
И Боже сохрани, какъ худо!
Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.
Кто обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,
Какъ жадно все онѣ перенимаютъ.
Такъ въ Африкѣ, гдѣ много обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтвямъ на деревѣ густомъ,
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тихонько толкъ подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:
„Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него такъ, право, нѣтъ конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ ни ногъ.
Ужь мы ль на все не мастерицы,
А этого у насъ искуства не видать,
Красавицы сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;
Авось уйдетъ, тогда мы тотчасъ..." Глядь,
Онъ подлинно ушелъ, и сѣти тутъ оставилъ.
„Что жъ," говорятъ онѣ, „и время намъ терять?
Пойдемъ-ка попытаться!"
Красавицы сошли. Для дорогихъ гостей
Разостлано внизу премножество сѣтей.
Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться,
Кричать, визжать, веселье хоть куда!
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться!
Хозяинъ между тѣмъ стерегъ,
И видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками.
Онѣ, чтобъ на утекъ,
Да ужь никто распутаться не могъ;
И всѣхъ ихъ побрали руками.

Крыловъ.

12. ДОБРАЯ ЛИСИЦА.

Стрѣлокъ весной малиновку убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое;
Но нѣтъ, за ней еще должны погибнуть трое:
Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смысла и безъ силъ,
Малютки терпятъ голодъ,
И холодъ,
И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
„Какъ можно не страдать,
Малютокъ этихъ видя?
И сердце чье объ нихъ не заболитъ?"
Лисица птицамъ говоритъ,
На камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя:
„Не киньте, милыя, безъ помощи дѣтей;
Хотя по зернышку бѣдняжкамъ вы снесите,
Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку притквите,
Вы этимъ жизнь ихъ сохраните.
Что дѣла добраго святѣй!
Кукушка! посмотри, вѣдь ты и такъ линяешь:
Не лучше ль дать себя немножко ощипать,
И перьемъ бы твоимъ постельку ихъ устлать:
Вѣдь попустужъ его ты растеряешь.
Ты жавронокъ, чѣмъ по верхамъ
Тебѣ кувыркаться, кружиться,
Ты бъ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,
Чтобъ съ сиротами подѣлиться.
Ты, горлинка, твои птенцы ужъ подросли;
Промыслить кормъ они и сами бы могли:
Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,
Да вмѣсто матери къ малюткамъ сѣла;
А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ
Берегъ.
Ты бъ, ласточека, ловила мошекъ,
Полакомить безродныхъ крошекъ.
А ты, мой милый соловей, —
Когда птеняточекъ ко сну потянетъ,
Межъ тѣмъ какъ съ гнѣздышкомъ зефиръ качать ихъ станетъ,
Ты бъ прибаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.
Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,
Вы бъ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ
Есть добрыя сердца, и что...." При сихъ словахъ
Малютки бѣдныя всѣ трое,
Не могши съ голоду сидѣть въ покоѣ,

Попадали къ лисѣ на низъ.
Что жъ кумушка? — Тотчасъ ихъ съѣла!
И поученья не допѣла.
Читатель, не дивись!
Кто добръ поистинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ;
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,
Тотъ часто только добръ на счетъ другова,
За тѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытка никакова.
На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ —
Сродни моей лисѣ.

Крылов

13. ВЕЧЕРЪ НА РОЖДЕСТВО (*).

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ;
Голодный звѣрь въ ущельи вылъ;
Въ селѣ далекомъ лаялъ песъ;
Въ ту пору путникъ шелъ чрезъ лѣсъ
Въ пустыню, гдѣ былъ кровъ его.
Морозитъ; завтра Рождество.

Глухою, снѣжною тропой,
Усталый, онъ спѣшитъ домой
Къ женѣ, къ малюткамъ дорогимъ,
И хлѣбъ для праздника роднымъ
Несетъ онъ съ барскаго двора;
Имъ въ пищу служитъ лишь кора.

Но меркнетъ, меркнетъ въ вышинѣ;
Вдругъ отрокъ виденъ въ сторонѣ:
Къ сугробу молча прислоненъ,
Дыханьемъ руки грѣетъ онъ,
И, мнится, пламя жизни въ немъ
Погаснуть хочетъ вмѣстѣ съ днемъ.

„Куда твой путь, бѣдняжка мой?
Приди погрѣться къ намъ домой.“
И онъ озябшаго беретъ,
Вотъ наконецъ онъ у воротъ!
Вотъ онъ вошелъ на пиръ къ роднымъ,
Съ гостинцемъ, съ другомъ молодымъ.

* У Шведовъ, Норвежцевъ и нашихъ Финляндцевъ.

У печки тамъ жена его.
Младенца кормитъ своего;
„Какъ ты себя заставилъ ждать!
Приди-жъ къ огню, поближе сядь;
Ты также!" Ласкова, нѣжна,
Дитя къ огню ведетъ она.

И черезъ мигъ, послушно ей,
Взвивалось пламя ужъ рѣзвѣй;
Не помня нужды, весела,
Тогда свой хлѣбъ она взяла,
На столъ снесла его, потомъ
И крынку съ жидкимъ молокомъ.

Ихъ полъ, для жданнаго денька,
Соломой былъ прикрытъ слегка.
Съ него всталъ рой ребятъ къ столу:
Одинъ лишь гость еще въ углу.
Хозяйка бѣднаго беретъ
И также къ ужину ведетъ.

Когда молитва отошла,
Хозяйка хлѣбецъ почала.
„Благословенъ убогихъ даръ!"
Промолвилъ отрокъ. Дивный жаръ
Съ слезой въ очахъ его сіялъ,
Когда свою онъ долю взялъ.

Мать рѣжетъ хлѣбъ и для дѣтей,
Но хлѣбъ все цѣлъ да цѣлъ у ней.
На гостя юнаго она
Вперяетъ взоръ изумлена;
И смотритъ, смотритъ: что же съ нимъ?
Внезапно сталъ онъ весь другимъ.

Въ очахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Блеститъ таинственно чело;
Слетаетъ съ нѣжныхъ плечъ покровъ,
Какъ передъ утромъ паръ съ луговъ.
Привѣтный Ангелъ обнаженъ;
Какъ Божій рай прекрасенъ онъ.

Денница радости взошла;
Въ сердцахъ надежда разцвѣла,
И незабвенъ былъ вечеръ сей
Подъ кровомъ набожныхъ людей.
Гдѣ пиръ прекраснѣе бывалъ?
Здѣсь добрый Ангелъ пировалъ.

Чрезъ много зимъ, на мѣстѣ томъ,
И я былъ ночь предъ Рождествомъ.
Еще стоялъ смиренный кровъ,
И жилъ тамъ правнукъ тѣхъ жильцовъ.
И онъ ужъ старъ былъ, ужъ сѣдѣлъ,
Но у того-жъ стола сидѣлъ.

Такъ чудно было, такъ свѣтло!
Жена сидѣла близь него,
И рядъ дѣтей ихъ окружалъ,
Молитвой воздухъ тамъ дышалъ;
И вѣрилось—обитель та
Какъ нѣкій храмъ была свята.

Горѣла свѣчка на столѣ
(Одна лишь и была въ семьѣ!)
Тамъ бѣлый хлѣбъ и молоко;
Но ихъ не трогаетъ никто.
„Чье это мѣсто?“ я спросилъ.
„Тамъ“ мнѣ сказали: „Ангелъ былъ“.

Съ Шведскаго Я. Гротъ.

14. ХВАЛИ ТВОРЦА.

Хвали Творца, лишь день начнется!
Хвали, когда земля проснется!
Съ восходомъ солнечнымъ хвали!
Хвалу пріемлетъ Богъ любви.

Хвали Творца цвѣтовъ съ сіяньемъ,
Съ жужжаньемъ пчелъ, птицъ щебетаньемъ;
Съ ихъ общимъ хоромъ слей твой духъ:
Богъ близко, Божій всюду слухъ.

Хвали Творца, какъ полдень свѣтитъ,
Хвали и ночью; Онъ замѣтитъ
И въ ночь и въ день твой чистый жаръ: —
Молитвы шопотъ, сердца даръ.

15. ЗОЛОТО И БУЛАТЪ.

Все мое, сказало злато;
Все мое, сказалъ булатъ.
Все куплю, сказало злато;
Все возьму, сказалъ булатъ.

А. Пушкинъ.

16. ИЗЪ СКАЗКИ—ОБЪ ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ И СѢРОМЪ ВОЛКѢ.

ПОѢЗДКА КЪ БАБѢ-ЯГѢ.

Иванъ царевичь,
Оборотившись на востокъ лицемъ,
Пошелъ впередъ. Идетъ онъ день, идетъ
Другой; на третій онъ приходитъ къ лугу
Зеленому; на томъ лугу три дуба
Ростутъ; межъ тѣхъ дубовъ находитъ онъ
Чугунную съ кольцемъ желѣзнымъ дрерь;
Онъ подымаетъ дверь; подъ тою дверью
Крутая лѣстница; по ней онъ внизъ
Спускается, и передъ нимъ внизу
Другая дверь чугунная жъ, и крѣпко
Она замкомъ висячимъ заперта.
И вдругъ, онъ слышитъ, конь заржалъ; и ржанье
Такъ было сильно, что, съ петлей сорвавшись,
На землю дверь упала съ громкимъ стукомъ;
И видитъ онъ, что вмѣстѣ съ ней упало
Еще одиннадцать дверей чугунныхъ;
За этими чугунными дверями
Давнымъ давно конь богатырскій запертъ
Былъ колдуномъ. Иванъ царевичь свиснулъ;
Почуявъ сѣдока, на молодецкій
Свистъ, богатырскій, конь изъ стойла прянулъ
И прибѣжалъ, легокъ, могучъ, красивъ,
Глаза какъ звѣзды, пламенныя ноздри,
Какъ туча грива, словомъ — конь не конь,
А чудо. Чтобъ узнать каковъ онъ силой,
Иванъ царевичь по спинѣ его
Повелъ рукой; и подъ рукой могучей

Конь захрапѣлъ и сильно пошатнулся,
Но устоялъ, копыта втиснувъ въ землю.
И человѣчьимъ голосомъ Ивану
Царевичу сказалъ онъ: добрый витязь,
Иванъ царевичъ, мнѣ такой, какъ ты,
Сѣдокъ и надобенъ; готовъ тебѣ
Я вѣрою и правдою служить;
Садися на меня, и съ Богомъ въ путь нашъ
Отправимся; на свѣтѣ всѣ дороги
Я знаю; только прикажи, куда
Тебя везти, туда и привезу.
Иванъ царевичъ въ двухъ словахъ коню
Все объяснилъ, и, сѣвши на него,
Прикрикнулъ; и взвился могучій конь,
Отъ радости заржавши, на дыбы.
Бьетъ по крутымъ бедрамъ его сѣдокъ,
И конь бѣжитъ, подъ нимъ земля дрожитъ;
Несется выше онъ деревъ стоячихъ,
Несется ниже облаковъ ходячихъ,
И прядаетъ черезъ широкій долъ,
И застилаетъ узкій долъ хвостомъ,
И грудью всѣ заграды пробиваетъ,
Летя стрѣлой, и легкими ногами
Былиночки къ землѣ не пригибая,
Пылиночки съ земли не подымая.
Но такъ скакавъ день цѣлый, наконецъ
Конь утомился; потъ съ него бѣжалъ
Ручьями; весь былъ окруженъ, какъ дымомъ,
Горячимъ паромъ онъ. Иванъ царевичъ,
Чтобъ дать ему вздохнуть, поѣхалъ шагомъ.
Ужъ было подъ вечеръ; широкимъ полемъ
Иванъ царевичъ ѣхалъ и прекраснымъ
Закатомъ солнца любовался. Вдругъ
Онъ слышитъ дикій крикъ; глядитъ—и что же?
Два лѣшіе дерутся на дорогѣ,
Кусаются, брыкаются, другъ друга
Рогами тычутъ. Къ нимъ Иванъ царевичъ
Подъѣхавши, спросилъ: за что у васъ,
Ребята, дѣло стало? Вотъ за что,
Сказалъ одинъ: три клада намъ досталось —
Драчунъ-дубинка, скатерть-самобранка
Да шапка-невидимка; насъ же двое;
Какъ поровну намъ раздѣлиться? Мы
Заспорили и вышла драка. Ты
Разумный человѣкъ; подай совѣтъ намъ,
Какъ поступить? А вотъ какъ, имъ Иванъ
Царевичъ отвѣчалъ: пущу стрѣлу,

А вы за ней бѣгите; съ мѣста жъ, гдѣ
Она на землю упадетъ, обратно
Пуститесь взапуски ко мнѣ; кто первый
Здѣсь будетъ, тотъ возьметъ себѣ на выборъ
Два клада; а другому взять одинъ.
Согласны ль вы? Согласны, закричали
Рогатые, и стали рядомъ. Лукъ
Тугой свой натянувъ, пустилъ стрѣлу
Иванъ царевичь. Лѣшіе за ней
Помчались, выпуча глаза, оставивъ
На мѣстѣ скатерть, шапку и дубинку.
Тогда Иванъ царевичь, взявъ подъ мышку
И скатерть и дубинку, на себя
Надѣлъ спокойно шапку-невидимку,
Сталъ невидимъ и самъ и конь, и далѣ
Поѣхалъ, глупымъ лѣшіимъ оставивъ
На произволъ, начать ли снова драку,
Или мириться.
Богатырскій конь
Поспѣлъ еще до захожденья солнца
Въ дремучій лѣсъ, гдѣ обитала Баба
Яга. И, въѣхавъ въ лѣсъ, Иванъ царевичь
Дивится древности его огромныхъ
Дубовъ и сосенъ, тускло освѣщенныхъ
Зарей вечернею; и все въ немъ тихо:
Деревья всѣ, какъ сонныя, стоятъ;
Не колыхнется листъ, не шевельнется
Былинка; нѣтъ живаго ничего
Въ безмолвной глубинѣ лѣсной, ни птицы
Между вѣтвей, ни въ травкѣ червяка;
Лишь слышится въ молчаньи повсемѣстномъ
Гремучій топотъ конскій. Наконецъ
Иванъ царевичь выѣхалъ къ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ. Онъ сказалъ: избушка,
Избушка, къ лѣсу стань задомъ, ко мнѣ
Стань передомъ. И передъ нимъ избушка
Перевернулась: онъ въ нее вошелъ;
Въ дверяхъ остановясь, перекрестился,
На всѣ четыре стороны потомъ,
Какъ должно, поклонился, и, глазами
Избушку всю окинувши, увидѣлъ,
Что на полу ея лежала Баба
Яга.... Услышавъ стукъ
Въ дверяхъ, она забормотала: фу!
Фу! фу! донынѣ Русскаго здѣсь духу
Еще слыхомъ не слыхано, видомъ
Не видано, а нынѣ Русскій духъ

Въ очахъ ужъ совершается. За чѣмъ
Пожаловалъ сюда, Иванъ царевичь?
Неволею, или волею? Донынѣ
Здѣсь ни дубравный звѣрь не проходилъ,
Ни птица легкая не пролетала,
Ни богатырь лихой не проѣзжалъ;
Тебя какъ Богъ сюда занесъ, Иванъ
Царевичь?

ПОЕДИНОКЪ ДРАЧУНА - ДУБИНКИ СЪ ЗМѢЕМЪ.

Конь поскакалъ, и скоро прискакалъ
Къ крутой горѣ, на высотѣ которой
Кощеевъ замокъ былъ. Ея подошва
Обведена была стѣной желѣзной;
И у воротъ желѣзной той стѣны
Двѣнадцатиголовый змѣй лежалъ;
И изъ его двѣнадцати головъ
Всегда шесть спали, а другія шесть
Не спали (по два раза днемъ и ночью
Смѣняясь); а насупротивъ воротъ
Никто и вдалекѣ остановиться
Не смѣлъ; змѣй подымался, и отъ зубъ
Его ужъ не было спасенья; онъ
Былъ невредимъ и только самъ себя
Могъ умертвить; чужая жъ сила сладить
Съ нимъ никакая не могла. Но конь
Былъ остороженъ. Онъ подвезъ Ивана
Царевича къ горѣ со стороны
Противной воротамъ, съ которыхъ змѣй
Лежалъ и караулилъ. Потихоньку
Иванъ царевичь въ шапкѣ-невидимкѣ
Подъѣхалъ къ змѣю. Шесть его головъ
Во всѣ глаза по сторонамъ глядѣли,
Разинувъ рты, оскаливъ зубы; шесть
Другихъ головъ на вытянутыхъ шеяхъ
Лежали на землѣ, не шевелясь,
И сномъ объятыя, храпѣли. Тутъ
Иванъ царевичь, подтолкнувъ дубинку,
Висѣвшую спокойно на сѣдлѣ,
Шепнулъ ей: начинай!

Не стала долго

Дубинка думать; тотчасъ прыгъ съ сѣдла,
На змѣя кинулась, и ну его
По головамъ и спящимъ и неспящимъ
Гвоздить. Онъ зашипѣлъ, озлился, началъ
Туда-сюда бросаться; а дубинка

Его себѣ-колотитъ да колотитъ:
Лишь только онъ одну разинетъ пасть,
Чтобы ее схватить—анъ нѣтъ, прошу
Не торопиться, ужъ она
Ему другую чешетъ морду; всѣ онъ
Двѣнадцать ртовъ откроетъ, чтобъ ее
Поймать—она по всѣмъ его зубамъ,
Оскаленнымъ какъ будто напоказъ,
Гуляетъ, и всѣ зубы чиститъ; взвывъ
И всѣ носы наморщивъ, онъ зажметъ
Всѣ рты и лапами схватить дубинку
Попробуетъ—она тогда его
Честитъ по всѣмъ двѣнадцати затылкамъ.
Змѣй, въ изступленіи какъ одурѣлый,
Кидался, вылъ, кувыркался, отъ злости
Дышалъ огнемъ, грызъ землю—все напрасно:
Не торопясь, отчетливо, спокойно,
Безъ промаховъ, надъ нимъ свою дубинка
Работу продолжаетъ, и его,
Какъ на току усердный цѣпъ, молотитъ.
Змѣй наконецъ озлился такъ, что началъ
Грызть самого себя и, когти въ грудь
Себѣ вдругъ запустивъ, рванулъ такъ сильно,
Что разорвался на двое и, съ визгомъ
На землю грянувшись, издохъ. Дубинка
Работу и надъ мертвымъ продолжать
Свою, какъ надъ живымъ, хотѣла; но
Иванъ царевичь ей сказалъ: довольно!
И вмигъ она, какъ будто не бывала
Ни въ чемъ, повисла на сѣдлѣ.

СПЯЩЕЕ ЦАРСТВО.

Царство все отъ самыхъ
Его границъ до царскаго дворца
Объято было сномъ непробудимымъ;
И гдѣ они ни проѣзжали, все
Тамъ спало: на полѣ передъ сохой
Стояли спящіе волы; близь нихъ
Съ своимъ бичемъ, взмахнутымъ и заснувшимъ
На взмахѣ, пахарь спалъ; среди большой
Дороги спалъ ѣздокъ съ конемъ, и пыль,
Поднявшись, сонная недвижнымъ клубомъ
Стояла. Въ воздухѣ былъ мертвый сонъ:
На деревахъ листы дремали молча;
И въ вѣтвяхъ сонныя молчали птицы.

Въ селеньяхъ, въ городахъ все было тихо,
Какъ будто въ гробѣ: люди, по домамъ,
На улицахъ, гуляя, сидя, стоя,
И съ ними все — собаки, кошки, куры,
Въ конюшняхъ лошади, въ закутахъ овцы,
И мухи на стѣнахъ, и дымъ въ трубахъ —
Все спало.

ПРІѢЗДЪ СѢРАГО ВОЛКА НА СВАДЬБУ ИВАНА ЦАРЕВИЧА.

Когда, наполнивъ
Виномъ заздравный кубокъ, царь Демьянъ
Даниловичь хотѣлъ провозгласить
Самъ многолѣтье новобрачныхъ, громко
На площади раздался трубный звукъ;
Всѣ изумились, всѣ оторопѣли;
Царь съ молодыми самъ идетъ къ окну,
И что же ихъ является очамъ?
Карета въ восемь лошадей (трубачъ
Съ трубою впереди) къ крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачетъ;
И та карета золотая; козлы
Съ подушкою и бархатнымъ покрыты
Наметомъ; назади шесть гайдуковъ;
Шесть скороходовъ по бокамъ; ливреи
На нихъ изъ сѣраго сукна; по швамъ
Бассаны; на каретныхъ дверцахъ гербъ:
Въ червленомъ полѣ волчій хвостъ подъ графской
Короною. Въ карету заглянувъ,
Иванъ царевичь закричалъ: да это
Мой благодѣтель Сѣрый Волкъ! Бѣгомъ
Онъ побѣжалъ его встрѣчать. И точно
Сидѣлъ въ каретѣ сѣрый волкъ. Иванъ
Царевичь, подскочивъ къ каретѣ, дверцы
Самъ отворилъ, подножку самъ откинулъ
И гостя высадилъ; потомъ онъ съ нимъ
Поцѣловавшись, взялъ его за лапу,
Ввелъ во дворецъ, и самъ его царю
Представилъ. Сѣрый Волкъ, отдавъ поклонъ
Царю, осанисто на заднихъ лапахъ
Всѣхъ обошелъ гостей, мужчинъ и дамъ,
И всѣмъ, какъ слѣдуетъ, по комплименту
Пріятному сказалъ. Онъ былъ одѣтъ
Отлично: красная на головѣ
Ермолка съ кисточкой, подъ морду лентой
Подвязанная; шелковой платокъ

На шеѣ; куртка съ золотымъ шитьемъ;
Перчатки лайковыя съ бахрамою;
Перепоясанныя тонкой шалью
Изъ алаго атласа шаравары;
Сафьянныя на заднихъ лапахъ туфли
И на хвостѣ серебряная сѣтка
Съ жемчужной кистью. Такъ былъ сѣрый волкъ
Одѣтъ. И всѣхъ своимъ онъ обхожденьемъ
Очаровалъ.

Жуковскій.

17. БОГАТЫРСКАЯ ГОЛОВА.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
Надъ усыпленною землей;
Дымятся синіе туманы,
И всходитъ мѣсяцъ золотой.
Померкла степь. Тропою темной,
Задумчивъ, ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ сквозь ночной туманъ —
Вдали чернѣетъ холмъ огромной
И что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе, слышитъ,
Чудесный холмъ какъ будто дышитъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ;
Но шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ: смотритъ храбрый князь —
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова!
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ объяты;
Храпитъ, качая шлемъ пернатый;
И перья въ темной высотѣ
Какъ тѣни ходятъ, развиваясь, —
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь.
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безъимянной,

Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Объѣхалъ голову кругомъ,
И сталъ предъ носомъ молчаливо,
Щекотитъ ноздри копіемъ;
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула....
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвился пыль, съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ;
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ, —
Едва самъ рыцарь усидѣлъ;
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
„Куда ты, витязь неразумный?
„Ступай назадъ, я не шучу;
„Какъ разъ нахала проглочу!
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
„Чего ты хочешь отъ меня?“
Нахмурясь голова вскричала:
„Вотъ гостя мнѣ судьба послала!
„Послушай, убирайся прочь;
„Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
„Прощай.“ Но витязь знаменитый,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью, сердитый:
„Молчи, пустая голова!
„Слыхалъ я истину бывало:
„Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало,
„Я ѣду, ѣду, не свищу,
„А какъ наѣду, не спущу“.
Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова. Какъ жаръ
Кровавы очи засверкали;
Напѣнясь, губы задрожали;
Изъ устъ, ушей поднялся паръ;
И вдругъ она, что было мочи,
На встрѣчу князю стала дуть.
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи

Невѣрный продолжаетъ путь.
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь, изнеможенный,
Далече въ полѣ отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ,
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ;
А голова ему во слѣдъ,
Какъ сумасшедшая хохочетъ,
Гремитъ: „Ай, витязь! ай, герой!
„Куда ты? тише, тише, стой!
„О витязь! шею сломишь даромъ;
„Не трусь, наѣздникъ, и меня
„Порадуй хоть однимъ ударомъ,
„Пока не заморилъ коня.“
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
Грозитъ ей молча копіемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодной
Вонзился въ дерзостный языкъ;
И кровь изъ бѣшенаго зѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва
Въ минуту дерзости лишась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла,
Въ спокойномъ духѣ горячась.
Такъ иногда средь нашей сцены
Плохой питомецъ Мельпомены,
Внезапнымъ свистомъ оглушенъ,
Ужъ ничего не видитъ онъ;
Блѣднѣетъ, ролю забываетъ,
Дрожитъ, поникнувъ головой;
И заикаясь, умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой.
Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ объятой головѣ смущеньемъ,
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ подъятой грозною десницей,
И въ щеку тяжкой рукавицей
Съ размаху голову разитъ,
И степь ударомъ огласилась;
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обагрилась;
И зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,

И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда, на мѣстѣ опустѣломъ,
Мечъ богатырскій засверкалъ.
Нашъ витязь въ трепетѣ веселомъ
Его схватилъ—и къ головѣ
По окровавленной травѣ
Бѣжитъ съ намѣреньемъ жестокимъ
Ей носъ и уши обрубить.
Уже Русланъ готовъ разить,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ—
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
Главы молящей жалкій стонъ....
И тихо мечъ онъ опускаетъ,
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
И мщенье бурное падетъ
Въ душѣ моленьемъ усмиренной:
Такъ на долинѣ таетъ ледъ,
Лучемъ полудня пораженной.

А. Пушкинъ.

18. ЗИМА.

Гдѣ сладкій шопотъ
Моихъ лѣсовъ?
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы.
Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ;
Все цѣпенѣетъ,
Лишь вѣтеръ злой,
Бушуя, воетъ
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.

Баратынскій.

19. ОСЕНЬ И ЗИМА.

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день;
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась;
Ложился на поля туманъ;
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ ноябрь ужъ у двора.
Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ—и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ.
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучина передъ ней.
И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средь полей....
Опрятнѣй моднаго паркета
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта.
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

20. ЗИМА.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ;
Зимы ждала, ждала природа;
Снѣгъ выпалъ только въ ноябрѣ —
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ, —
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ,
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ:
Все ярко, все бѣло кругомъ.
Зима.... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ-нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки Жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно....

21. ВЕСНА.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса.

Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

А. Пушкинъ.

22. ВОСКРЕСНОЕ УТРО ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Слушай, дружокъ! (говоритъ Воскресенью Суббота) деревня
Вся ужъ заснула давно; въ окрестности все ужъ покойно;
Время и мнѣ на покой; меня одолѣла дремота;
Полночь близко!.... И только успѣла Суббота промолвить:
„Полночь!" а полночь ужъ тутъ, и ее принимаетъ безмолвно
Въ тихое лоно. Моя череда! говоритъ Воскресенье.
Легкой рукою, тихонько двери свои отворило,
Вышло, и смотритъ на звѣзды: звѣзды ярко сіяютъ;
На небѣ темно и чисто; у солнышка завѣсъ задернутъ.
Долго еще до разсвѣта; все спитъ; иногда повѣваетъ
Свѣжій ночной вѣтерокъ, сквозь сонъ встрепенувшись, какъ будто
Утра далекій приходъ боясь пропустить. Невидимкой
Ходитъ, какъ духъ безтѣлесный, неслышной стопой Воскресенье.
Въ рощу заглянетъ — тамъ тихо; листья молчатъ; сквозь вершины
Темныхъ деревъ, какъ безчисленны очи, звѣздочки смотрятъ;
Кое-гдѣ яркій свѣтлякъ на листочкѣ горитъ, какъ лампада
Въ кельѣ отшельника. По лугу тихо пройдетъ—тамъ незримый
Шепчетъ ручей, пробираясь по камнямъ; кругомъ вся окрестность—
Холмы, деревья въ невѣрныя тѣни слилися, и молча
Слушаютъ шопотъ. Зайдетъ на кладбище—могилы въ глубокомъ
Снѣ, и подъ легкимъ ихъ дерномъ, какъ будто что дышитъ свободнымъ,
Свѣжимъ дыханьемъ. Въ село завернетъ—и тамъ все покойно;
Пусто на улицѣ; спятъ пѣтухи, и сельская церковь
Съ темной своей колокольней, внутри озаренная слабымъ
Блескомъ свѣчи предъ иконой, стоитъ какъ будто безмолвный
Сторожъ деревни.—Спокойно на паперти сѣвъ, Воскресенье,

Ждетъ посреди глубокой тьмы и молчанья, чтобъ утро
На небѣ тронулось.... Тронулось утро; во тьму и молчанье
Что-то живое проникло; стало свѣжѣе, и звѣзды
Начали тускнуть.... Пѣтухъ закричалъ. Воскресенье тихонько
Подняло занавѣсъ спящаго солнца, тихонько шепнуло:
„Солнышко, встань!....“ И разомъ подернулся блѣдной струею
Темный востокъ; началось тамъ движенье, и слѣдомъ за яркой
Утренней звѣздочкой, рой облаковъ прилетѣлъ и усыпалъ
Небо, и лучъ за лучемъ полились, облака зажигая....
Вдругъ между ними, какъ радостный ангелъ, солнце явилось.
Вся деревня проснулась и видитъ: стоитъ Воскресенье
Въ свѣжемъ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и, сіяя на солнцѣ,
„Доброе утро!“ всѣмъ говоритъ. И торжественно-тихій
Праздникъ приходитъ на смѣну заботливо-трудной недѣли;
Благовѣстъ звонкій въ церковь зоветъ — и въ одеждѣ воскресной
Старый и малый идутъ на молитву.... Въ деревнѣ молчанье,
Въ церкви дымятся кадилы, и тихое слышится пѣнье.

Жуковскій.

23. ГРОЗА.

Вотъ за далекими горами
Скрывается прекрасный день;
Отъ сѣней лѣса надъ водами
Волнообразными рядами
Длиннѣетъ трепетная тѣнь;
Въ рѣкѣ сверкаетъ блескъ зарницы,
Пустѣютъ холмы, долъ и брегъ;
Въ село въѣзжаютъ вереницы
Поля покинувшихъ телѣгъ;
Гдѣ-гдѣ залаетъ песъ домовый,
Иль вѣтерокъ зашелеститъ
Въ листахъ темнѣющей дубровы,
Иль птица робко пролетитъ,
Иль возъ тяжелый и скрыпучій,
Усталымъ движимый конемъ,
Считая бревна колесомъ,
Переступаетъ мостъ пловучій.
И вдругъ отрывный и глухой

Промчится грохотъ надъ рѣкой,
Уже спокойной и дремучей,
И вдругъ замолкнетъ. Но вдали,
На краѣ неба, мѣсяцъ полный
Со всѣхъ сторонъ заволокли
Большія облачныя волны;
Вонъ разступились, вонъ сошлись,
Вонъ грозно тихія слились
Въ одну громаду непогоды,
И на лазоревые своды,
Молніеносна и черна,
Съ востока крадется она.
Уже безмолвіе лѣсное
Налетомъ вѣтра смущено;
Уже немирно и темно —
Рѣки теченіе ночное;
Широко зыблются на немъ
Тѣней раскидистыя чащи,
Какъ парусъ въ воздухѣ дрожащій,
Почти упущенный пловцемъ,
Когда внезапно буря встанетъ,
Покатитъ шумные струи,
Рванетъ крыло его ладьи
И надъ пучиною растянетъ.
Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнуетъ,
Взрываетъ воды и лѣса,
Гремитъ и блещетъ и бушуетъ —
Мгновенья дивныя! Когда
Съ конца въ конецъ по тучамъ бурнымъ
Зубчатой молніи бразда
Огнемъ разсыплется пурпурнымъ,
Все видно: цѣпь далекихъ горъ —
И разноцвѣтныя картины
Извивовъ Сороти, озеръ,
Села, и брега, и долины.
Вдругъ тьма угрюмѣй и чернѣй,
Удары громче громовые,
Шумнѣе, гуще и быстрѣй
Дождя потоки проливные.
Но завтра въ пышной тишинѣ
На небо ярко-голубое
Свѣтило явится дневное,
Возставить утро золотое
Грозой омытой сторонѣ.

Н. Языковъ.

24. ЛАСТОЧКА.

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь,
Надъ гнѣздышкомъ сидя, поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь,
Иль стелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ простряся, плывешь.
Ты часто во зеркалѣ водномъ
Подъ рдяной играешь зарей;
На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
Тѣнью мелькаешь твоей.
Ты часто, какъ молнія, рѣешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успѣешь
Невидимы видѣть слѣды.
Но видишь тамъ всю ты вселенну
Какъ будто съ высотъ на коврѣ:
Тамъ башню, какъ жаръ, позлащенну,
Въ чешуйчатомъ флотъ тамъ сребрѣ;
Тамъ рощи въ одеждѣ зеленой,
Тамъ нивы въ вѣнцѣ золотомъ;
Тамъ холмъ, синій лѣсъ отдаленной;
Тамъ мошки толкутся столпомъ;
Тамъ гнутся съ утеса въ понтъ воды,
Тамъ ластятся струи къ брегамъ.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лѣта роскошнаго храмъ.
Но видишь и бури ты черны,
И осени скучной приходъ;
И прячешься въ бездны подземны,
Хладѣя зимою, какъ ледъ.
Во мракѣ лежишь бездыханна;
Но только лишь придетъ весна,
И роза вздохнетъ лишь румяна,
Встанешь, откроешь зѣницы
И новый лучъ жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,

Ты новое солнце поешь.
Душа моя! гостья ты міра,
Не ты ли перната сія?
Воспой же безсмертіе, лира!
Возстану, возстану и я!

Державинъ.

23. УТРО.

Какъ прекрасно все созданье!
Какъ все весело вокругъ!
Въ разноцвѣтномъ одѣяньѣ
Улыбается намъ лугъ!—
Будто бисеромъ красуясь,
Роща свѣтится росой;
Будто гладкій шелкъ волнуясь,
Нива движется рѣкой.

Отъ чего все такъ прекрасно,
Все такъ весело вокругъ?
Что пернатыхъ хоръ согласной,
Что вѣщаетъ рощи въ слухъ? —
Что тамъ шепчетъ со цвѣтами
Тихій, нѣжный вѣтерокъ?
Что лепечетъ съ бережками
Тамъ игривый ручеекъ?

Дѣти!—утра появленье —
Торжество природы всей!
Празднуетъ она рожденье
Изъ ничтожности своей!
Какъ хозяинъ пребогатый,
Солнце, сынъ ея большой,
Входитъ въ свѣтлыя палаты,
И зоветъ на пиръ съ собой!

Все хваленіемъ срѣтаетъ
Лучезарныхъ дней отца;
Онъ насъ снова увѣряетъ
Въ новыхъ милостяхъ Творца!

Онъ приходитъ: пробудитесь!
Исчезаетъ ночи тѣнь.
Онъ вѣщаетъ: веселитесь!
Богъ еще даетъ вамъ день.

Богъ даетъ вамъ день на радость
И на добрыя дѣла!—
Пойте, птички, жизни младость!
Утучняйтеся, поля!
Дерева, распространите
Тѣнь подобную шатру!
Люди, другъ друга любите
И учитеся добру!

Преклоните же колѣна,
Дѣти милыя, въ сей часъ,
Передъ Тѣмъ, кого вселенна,
Въ безпрерывный хоръ слiясь,
Громко хвалитъ, прославляетъ,
Какъ нѣжнѣйшаго отца,
Кто вамъ пищу посылаетъ
И щедроты безъ конца!

Говорите: о Безвѣстной,
Ты, который вѣстенъ намъ
По одной любви чудесной,
По родительскимъ сердцамъ!—
Если птичекъ пѣснопѣнье
Ты внимаешь отъ небесъ:
Прiими дѣтей хваленье,
Благодарныхъ жертву слезъ! —

Дай намъ разумъ просвѣщенной,
Чтобъ дѣла Твои узнать;
Дай намъ сердце умиленно,
Чтобъ однимъ тобой дышать!—
Дай благое совершенье
Всѣмъ родительскимъ мольбамъ! —
Людямъ всѣмъ благословенье —
Ахъ! они всѣ братья намъ!—

Мерзляковъ.

26. ВОРОНА И ЛИСИЦА.

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ.
Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру;
На ель ворона взгромоздясь,
Позавтракать-было совсѣмъ ужъ собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ:
Лисица видитъ сыръ,—Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ не сводитъ,
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
—„Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Разсказывать, такъ право сказки!
Какія перушки! какой носокъ!
И вѣрно ангельскій быть долженъ голосокъ!
Спой, свѣтикъ, не стыдись!—что, ежели, сестрица,—
При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь ты-бъ у насъ была царь-птица!"
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло,
И на привѣтливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыръ выпалъ—съ нимъ была плутовка такова.

Крыловъ.

---

27. ДУБЪ И ТРОСТЬ.

Дубъ съ Тростію вступилъ однажды въ разговоры:
Жалѣю, Дубъ сказалъ, склоня къ ней важны взоры,
Жалѣю, Тросточка, объ участи твоей!
Я чаю, для тебя тяжелъ и воробей;
Легчайшій вѣтерокъ, едва струящій воду,
Ужасенъ для тебя, какъ буря въ непогоду,
И гнетъ тебя къ земли;

Тогда какъ я—высокъ, осанистъ и вдали
Не только Фебовы лучи пересѣкаю,
Но даже бурный вихрь и громы презираю;
Стою, и слышу вкругъ спокойно трескъ и стонъ:
Все для меня Зефиръ, тебѣ-жъ все Аквилонъ.
Блаженна-бъ ты была, когда-бъ росла со мною.
  Подъ тѣнію моей густою
Ты-бъ не страшилась бурь; но рокъ тебѣ судилъ
  Расти, на мѣсто злачна дола,
На топкихъ берегахъ владычества Эола.
По чести, и въ меня твой жребій грусть вселилъ.
„Ты очень жалостливъ, Трость Дубу отвѣчала:
Но, право, о себѣ еще я не вздыхала,
  Да не о чемъ и воздыхать:
Мнѣ вѣтры менѣе, чѣмъ для тебя, опасны.
  Хотя порывы ихъ ужасны
И не могли тебя досель поколебать,
Но подождемъ конца“.—Съ симъ словомъ вдругъ завыла
Отъ сѣвера гроза, и небо помрачила;
Ударилъ грозный вѣтръ—все рушитъ и валитъ.
Летитъ, кружится листъ; Трость гнется—Дубъ стоитъ.
Вѣтръ, пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи,
И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ—
                    Упалъ!

И. Дмитріевъ.

28. ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько Медвѣдя толкъ ногой:
—„Смотри-ка“, говоритъ: „кумъ милый мой!
  Что это тамъ за рожа?
Какіе у нея ужимки и прыжки!
  Я удавилась бы съ тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа:
  А вѣдь, признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть“.
—„Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?

Ей Мишка отвѣчалъ,
Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.
Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ.
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ на руку нечистъ, всѣ это знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

Крыловъ.

29. ПѢТУХЪ, КОТЪ И МЫШЕНОКЪ.

О, дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта! —
Мышенокъ, не видавшій свѣта,
Попалъ-было въ бѣду, и вотъ-какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей.
„Оставя нашу нору
И перебравшися чрезъ гору,
Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
Какъ молодой мышенокъ.
Который хочетъ показать,
Что онъ ужъ не ребенокъ.
Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ:
Какіе звѣри, самъ не зналъ;
Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
Такъ миловиденъ былъ собою!
Другой: нахалъ, крикунъ; теперь лишь будто съ собою;
Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ
Какой-то огненнаго цвѣта,
И будто двѣ руки, служащи для полета;
Онъ ими такъ махалъ,
И такъ ужасно горло дралъ,
Что я, таки не трусъ, а подавай богъ ноги —
Скорѣе отъ него съ дороги.
Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
Нашелъ наставника и друга!
Въ глазахъ его была написана услуга;
Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
Смиренны, кроткіе, но полные огня!

Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
Что у него должна быть симпатія съ нами,
Высокородными Мышами".
А я тебѣ на то скажу,
Мышенка мать остановила,
Что этотъ доброхотъ,
Котораго тебя наружность такъ прельстила,
Смиренникъ этотъ.... Котъ!
Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель;
Другой же былъ Пѣтухъ, миролюбивый житель.
Не только отъ него не видимъ мы вреда,
Иль огорченья,
Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья.

И. Дмитріевъ.

30. ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся:
По четверти обрѣзалъ рукавовъ —
И локти заплатилъ. Кафтанъ опять готовъ:
Лишь на четверть голѣе руки стали,
Да что до этого печали?
Однако же смѣется Тришкѣ всякъ.
А Тришка говоритъ: „Такъ я же не дуракъ
И ту бѣду поправлю:
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю".
О, Тришка малый не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.
Такимъ же образомъ, видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь: въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ.

Крыловъ.

31. ПѢСНЯ БѢДНЯКА.

Куда мнѣ голову склонить?
Покинутъ я и сиръ!
Хотѣлъ бы весело хоть разъ
Взглянуть на Божій міръ.

И я въ семьѣ моихъ родныхъ
Когда-то счастливъ былъ!
Но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ,
Какъ я ихъ схоронилъ.

Сады веселыхъ богачей
И нивы ихъ кругомъ....
Моя жъ дорога мимо ихъ
Съ заботой и трудомъ.

Но я счастливыхъ не дичусь;
Моя печаль въ тиши:
Я всѣмъ веселымъ радъ сказать:
Богъ помочь! отъ души.

О щедрый Богъ! не вовсе жъ я
Тобою позабытъ!
Источникъ милости Твоей
Для всѣхъ равно открытъ.

Въ селеньи каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ олтаремъ.

Мнѣ свѣтитъ солнце и луна;
Любуюсь на зарю;
И, слыша благовѣстъ, съ Тобой,
Создатель, говорю.

И знаю: будетъ добрымъ пиръ
Въ небесной сторонѣ, —
Тамъ буду праздновать и я!
Тамъ мѣсто есть и мнѣ!

Жуковскій.

32. ЧИЖИКЪ.

Бѣдный чижичекъ! давно ли
Ты по жердочкамъ порхалъ
И, не чувствуя неволи,
Въ клѣткѣ пѣсни распѣвалъ?

А теперь!... Открой же глазки,
Встань, взгляни, какъ плачу я!...
Не встаешь: мой зовъ и ласки
Не разбудятъ ужъ тебя.

Ужъ подъ крылышками холодъ;
Ножка рѣзвая смирна;
И къ зерну ужъ больше голодъ
Не приманитъ пѣвуна.

Спи, мой чижикъ! отъ тебя я
Въ память перышко беру;
Скоро я тебя, вздыхая,
Въ тѣсный ящичекъ запру.

И въ саду его зарою,
И могилку подъ кустомъ
Маргаритками покрою,
И прощусь съ моимъ пѣвцомъ!

Я. Гротъ.

33. КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жь дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой Чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой старый воинъ,
Закаленъ въ бою:
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь, будетъ время,
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя,
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью....
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выду —
Ты махнешь рукой....
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!....
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю....
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою....
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Лермонтовъ.

34. ПЕРЕЛЕТНАЯ ПТИЧКА.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.

Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ —
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.

За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ —
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ:

Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море
Улетаетъ до весны.

А. Пушкинъ.

35. ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ.

Дѣти, овсяный кисель на столѣ; читайте молитву;
Смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не соваться;
Кушайте: всякій намъ даръ совершенъ и даяніе благо;
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.
Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ.
Вотъ Господь-Богъ сказалъ: поди домой, не заботься;
Я не засну; безъ тебя онъ взойдетъ, разцвѣтетъ и созрѣетъ.
Слушайте жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и мирно
Спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго, долго
Спитъ онъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ, и не пьетъ, и не пикнетъ, доколѣ
Въ рыхлую землю его не положатъ и въ ней не согрѣютъ.
Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ и малюткѣ тепло подъ землею;
Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ,
Сокъ изъ роднаго зерна, и ростетъ, и невидимо зрѣетъ;
Вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешокъ пробуравилъ;

Роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ.
Что же?.... Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ.... „Какъ бы про-
вѣдать,
„Что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ творится?....“ Тайкомъ, боязливо
Выглянулъ онъ изъ земли.... Ахъ! Царь мой небесный, какъ любо!
Смотришь — Господь-Богъ Ангела шлетъ къ нему съ неба:
„Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй“.
Пьетъ онъ.... ахъ, какъ же малюточкѣ сладко, свѣжо и свободно.
Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось,
На горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной
Свѣтлой дорогѣ: прилежно работая, смотритъ на землю,
Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,
Такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли.
„Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!“
Въ чемъ же его рукодѣлье? Точетъ облачко дождевое;
Смотришь: померкло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло.
Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ — онъ обсохнулъ.
„Нѣтъ (говоритъ онъ) теперь ужъ подъ землю меня не заманятъ.
„Что мнѣ въ потемкахъ? здѣсь я останусь; пусть будетъ что будетъ“.
Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.
Ждетъ и малюточку тяжкое время: темныя тучи
День и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце;
Снѣгъ и мятель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ.
Ахъ, мой бѣдный зародышекъ, какъ же онъ зябнетъ! какъ ноетъ!
Что съ нимъ будетъ! земля заперлась и негдѣ взять пищи.
„Гдѣ же (онъ думаетъ) красное солнышко? Что не выходитъ?
„Или боится замерзнуть? Иль и его нѣтъ на свѣтѣ?
„Ахъ, за чѣмъ покидалъ я родимое зернышко! дома
„Было мнѣ лучше; сидѣть бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею“.
Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ; и вамъ доведется
Вчужѣ межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая
Хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой печали:
„Худо мнѣ; лучше бы дома сидѣть у родимой за печкой....“
Богъ васъ утѣшитъ, друзья; всему есть конецъ; веселѣе
Будетъ и вамъ, какъ былиночкѣ. Слушайте: въ ясной день майской
Свѣжесть повѣяла.... солнышко яркое на горы вышло,
Смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ нимъ? и крошку цѣлуетъ.
Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ.
Мало по малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
Вишня въ саду зацвѣла; зеленѣетъ и слива, и въ полѣ
Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница, и просо;
Наша былиночка думаетъ: „я назади не останусь!“
Кстати-ль! листки распустила.... кто такъ прекрасно соткалъ ихъ?
Вотъ стебелекъ показался.... кто изъ жилочки въ жилку
Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колосъ....
Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ

Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шелковыхъ нитяхъ?
Ангелы! кто же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ
По полю взадъ и впередъ съ благодатью небесной летаютъ.
Вотъ ужъ и цвѣтомъ нѣжный, зыбучій колосикъ осыпанъ;
Наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчальномъ.
Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка
Шепчетъ, качая въ раздумьи головкой: я знаю, что будетъ.
Смотришь: слетаются мошки, жучки, молодую поздравить;
Пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: многія лѣта!
Въ сумерки-жъ, только что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ,
Тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ посвѣтить ей въ потемкахъ.

Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй.
Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно скосили;
Собраны вишни; въ саду ни одной не осталося сливки;
Вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо;
Ужъ и на жниво сбирать босикомъ ребятишки сходились
Колосъ оброшенный: имъ помогла тихомолкомъ и мышка:....
Что-то былиночка дѣлаетъ? О, ужъ давно пополнѣла;
Много, много въ ней зернышекъ; гнется и думаетъ: „полно;
„Время мое миновалось: зачѣмъ мнѣ одной оставаться
„Въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?"
Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука, и Дуняша:
Ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы;
Вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ молотили
Съ трехъ часовъ поутру до пяти пополудни на ригѣ;
Вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ;
Началъ жерновъ молоть, и зернышки стали мукою;
Вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная
Полный горшечикъ; сварила кисель, чтобъ дѣтушкамъ кушать;
Дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: спасибо.

Жуковскій.

36. СМЕРТЬ ОЛЕГА.

Какъ нынѣ сбирается Вѣщій Олегъ,
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ;
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣсу на встрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,

Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ, —
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ;
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей враговъ,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня,
Въ награду любаго возьмешь ты коня.

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ,
Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

„Запомни же нынѣ ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Побѣдой прославлено имя твое,
Твой щитъ на вратахъ Царяграда;
И воды и суша покорны тебѣ,
Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

„И синяго моря обманчивый валъ,
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ,
Щадятъ побѣдителя годы....
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ,
Незримый хранитель могущему данъ.

„Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;
Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
То мчится по бурному полю:
И холодъ и сѣча ему ничего,
Но примешь ты смерть отъ коня своего!“

Олегъ усмѣхнулся, — однако чело
И взоръ омрачилися думой;
Въ молчаньѣ, рукой опершись на сѣдло,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладитъ и треплетъ по шеѣ крутой.

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
Разстаться настало намъ время:

Теперь отдыхай! ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя!
Прощай, утѣшайся, да помни меня;
Вы отроки, други, возьмите коня;

„Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
Въ мой лугъ подъ устцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите."
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
А князю другаго коня подвели.

Пируетъ съ дружиною Вѣщій Олегъ,
При звонѣ веселомъ стакана;
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ? примолвилъ Олегъ:
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
Здоровъ ли? все также ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?"
И внемлютъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ!

Могучій Олегъ головою поникъ,
И думаетъ: что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье!
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня!
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости:
И видятъ — на холмѣ, у брега Днѣпра,
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ.
И молвилъ: „спи, другъ одинокой!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;
На тризнѣ — уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь,
И жаркою кровью мой прахъ напоишь.

„Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала!"

Изъ мертвой главы гробовая змія,
Шипя, между тѣмъ выползала;
Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась.
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запѣнясь, шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ,
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

37. СЕЛЬСКАЯ СИРОТКА.

Разсталась я съ тяжелымъ сномъ,
Не встрѣтясь съ радостной мечтою;
Я вмѣстѣ съ утренней зарею
Была на холмѣ луговомъ.
Запѣла птичка тамъ надъ свѣжими кустами;
Въ душистой рощицѣ привольно ей летать....
Вдругъ съ кормомъ нѣжно къ ней стремится.... вѣрно мать!
И залилася я слезами.
Ахъ! мнѣ не суждено, какъ птичкѣ молодой,
Въ тиши безвѣстной жить у матери родной.
Дубъ мирное гнѣздо отъ бури укрываетъ;
Привѣтный вѣтерокъ его тамъ колыхаетъ;
А я, бѣдняжка, что имѣю на земли?
И колыбели я не знала:
У храма сельскаго, когда меня нашли,
На камнѣ голомъ я лежала.
Покинутая здѣсь, далеко отъ своихъ,
Не улыбалась я родимой ласкѣ ихъ!
Скитаюся одна; вездѣ чужія лицы;
Слыву въ деревнѣ сиротой;
Подружки лѣтъ моихъ—долинныя дѣвицы,
Стыдятся звать меня сестрой.
И люди добрые сиротку не пускаютъ:
На вечеринкахъ ихъ нѣтъ мѣста мнѣ одной.

Со мною бѣдной не играютъ
Вкругъ яркаго огня семейною игрой;
Украдкой пѣснямъ я привмчивымъ внимаю
И передъ сладкимъ сномъ, въ ту пору какъ дѣтей
Отецъ, благословя, прижметъ къ груди своей,
Вечерній поцѣлуй я издали видаю.
И тихо, тихо въ храмъ святой
Иду я съ горькими слезами;
Лишь онъ сироткѣ не чужой,
Лишь онъ одинъ передо мной
Всегда съ отверстыми дверями.
И часто я ищу на камнѣ роковомъ
Слѣда сердечныхъ слезъ, которыя на немъ,
Быть можетъ, мать роняла,
Когда она меня въ чужбинѣ оставляла.
Пятнадцать разъ уже весна
Въ слезахъ сиротку здѣсь встрѣчаетъ;
Цвѣтокъ безрадостный, она
От непогоды увядаетъ.
Родная, гдѣ же ты? Увидимся ль съ тобой?
Приди: я жду тебя все также сиротою —
И все на камнѣ томъ, и все у церкви той,
Гдѣ я покинута тобою!

И. Козловъ.

38. ГРОЗА.

Въ укромной хижинѣ отдыхаетъ старецъ-дѣдъ; а молодой внукъ его смотритъ на дѣйствіе грозы и разсказываетъ по своему, что видитъ.

ВНУКЪ (*отпирая окно*)

Дѣдушка, буря встаетъ! Небо, какъ ночь, почернѣло!
Тамъ, надъ замкомъ высокимъ, сходятся синія тучи....
Дѣдушка! Красныя длинныя молніи блещутъ, сверкаютъ
Ярко. И вотъ, посмотри: зашатались старые дубы.
Вонъ, изъ кровель листы, какъ соломенки, рветъ и уноситъ;
Вѣсу въ желѣзѣ не стало! Буря сильнѣе, сильнѣе.
Дѣдушка-свѣтъ! Посмотри-ка: рухнула черная башня!

ДѢДЪ.

Что намъ до башенъ, дружокъ мой! Что намъ до тучъ и до бури?
Буря — гибель замкамъ.... Что ей у насъ? — Не велика
Хижинка наша... Смотри: вѣдь она подъ горою, въ долинѣ
Смирно прижавшись, сидитъ въ уголкѣ — и не видно уютной!....
Бури, громы — все мимо!....Пусть себѣ ссорятся съ ними
Дубы спесивые, княжескихъ замковъ верхи съ позолотой!....
Много тамъ золота, другъ! и грѣховъ, говорятъ, у нихъ много!..

ВНУКЪ.

Дѣдушка, страшно мнѣ! страшно! Гроза разгорѣлась; все небо
Пышетъ! А тамъ, посмотри-ка, голубчикъ! надъ замкомъ — туча,
Сжавшись, повисла, какъ коршунъ.... Охъ, быть тутъ бѣдѣ и великой!..

ДѢДЪ.

Полно, молися, дитя!.... Грозы ты не бойся! — Гроза вѣдь
Праздникъ небесный!.... Злодѣй отъ грозы и дрожитъ и блѣднѣетъ:
Доброму-жъ чистая *совѣсть* привѣтливо шепчетъ: „не бойся."

ВНУКЪ.

Батюшка, дѣдушка! Вонъ загорѣлись и замокъ и стѣны....
У!... Какъ столпомъ поднялось, изъ-за дыму, багровое пламя!
Вотъ — бѣгутъ.... Кричатъ!.... тѣни, все тѣни мелькаютъ....

ДѢДЪ

Божій судъ, дитя!.... Вѣдь въ замкѣ томъ много и много
Было грѣховъ!...." — Успокоилась буря; — веселое небо
Стадо на лугъ вызывало; развалины замка курились.....
Хижина-жъ все какъ была! и кругомъ ея птички щебечутъ.

Ѳ. Глинка.

---

39. ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Нет

„Пріятель дорогой! здорово, гдѣ ты былъ?" —
„Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!

Какія бабочки, букашки!
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!" —
„А видѣлъ-ли слона? Каковъ собой на взглядъ!
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ" —
„Да развѣ тамъ онъ?" — Тамъ. — „Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ."

Крыловъ.

40. ЧИЖИКЪ И ЗЯБЛИЦА.

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо, и, сидя въ немъ, поетъ:
„Ахъ! скоро-ль солнышко взойдетъ,
И съ домикомъ меня застанетъ?
Ахъ! скоро ли оно проглянетъ?
Но вотъ ужъ и взошло! какъ тихо и красно!
Какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость!
Ахъ! я такого дня не видывалъ давно."
Но безъ товарища и радость намъ не въ радость:
Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!
„Любезна Зяблица! кричитъ мой Чижъ сосѣдкѣ,
Смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ:
Что ты задумалась? давай-ка день хвалить!
Смотри, какъ солнышко...." Но солнце вдругъ сокрылось,
И небо тучами отвсюду обложилось;
Всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзды, кто въ рѣку,
Лишь галки стаями гуляютъ по песку,
И крикомъ бурю вызываютъ,
Да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ;
Быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ;
А конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву,
Ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву.
И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ восшумѣлъ,
Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ,
И пали пастухи со стадомъ.
Потомъ прошла гроза и солнце разцвѣло,
Все стало ярче и свѣтлѣе,
Цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе —
Лишь домикъ у Чижа куда-то занесло.

О бѣдненькій мой Чижъ! Онъ, мокрыми крылами
Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ,
И ей со вздохомъ и слезами,
Носокъ повѣся, говоритъ:
„Ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ:
Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ.“

И. Дмитріевъ.

41. ГУСИ.

нет

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать;
И, правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ гусиной:
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе объ этомъ толковали,
И, встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пѣняли:
„Гдѣ можно насъ, гусей, несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ, какъ будто бы простыхъ гусей, гоняетъ;
А этого не смыслитъ неучъ сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ,
Что мы свой знатный родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ:
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены.“ —
„А вы хотите быть за что отличены?“
Спросилъ прохожій ихъ. — „Да наши предки....“ — „Знаю
И все читалъ, но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли?“
— „Да наши предки Римъ спасли!“ —
„Все такъ, да вы что сдѣлали такое?“ —
— „Мы? ничего.“ — „Такъ чтожъ и добраго въ васъ есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ подѣломъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.“
Басню эту можно бы и болѣ пояснить;
Да чтобъ гусей не раздразнить.

Крыловъ.

42. КОТЪ И ПОВАРЪ.

Какой-то Поваръ, грамотѣй,
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что же, возвратясь, онъ видитъ? На полу
Объѣдки пирога; а Васька Котъ въ углу,
Припавъ за уксуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.
—„Ахъ, ты, обжора! ахъ, злодѣй!"
Тутъ Ваську Поваръ укоряетъ:
„Не стыдно ль стѣнъ тебѣ, не только что людей?
(А Васька все-таки курченка убираетъ)
Какъ! бывъ честнымъ Котомъ до этихъ поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ:
А ты.... ахти, какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
Котъ-Васька плутъ, Котъ-Васька воръ!
И Ваську-де не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню;
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!"
(А Васька слушаетъ, да ѣстъ).
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.
Но что-жъ? Пока его онъ пѣлъ,
Котъ-Васька все жаркое съѣлъ.
А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

Крыловъ.

---

43. ВЕРХОВОЙ КОНЬ.

Верховой гордой Конь, увидя Клячу въ полѣ,
Въ работѣ подъ сохой,
И въ нѣгѣ не такой,
И не въ уборѣ, и не въ холѣ,
Какую гордой Конь у барина имѣлъ,
Съ пренебреженіемъ на Клячу посмотрѣлъ,

Предъ Клячею бодрился,
И хвасталъ, чванился, и тѣмъ и семъ хвалился.
„Что“, говоритъ онъ Клячѣ той:
„Бывалъ ли на тебѣ уборъ когда такой,
Какъ мой?
И знаешь ли, меня какъ всякой почитаетъ?
Всякъ, кто ни встрѣтится, дорогу уступаетъ;
Всякъ обо мнѣ твердитъ и всякой похваляетъ.
Тебя же кто на свѣтѣ знаетъ?“
Несносна Клячѣ спѣсь Коня.
„Пошелъ хвастунъ!“ ему на это отвѣчаетъ:
„Оставь съ покоемъ ты меня.
Тебѣ ль со мной считаться
И мною посмѣхаться!
Не такъ бы хвастать ты умѣлъ,
Когда бы ты овса моихъ трудовъ не ѣлъ?“

Хемницеръ.

44. ОБЕЗЬЯНА.

Какъ хочешь ты трудись:
Но пріобрѣсть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы.
Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился,
Трудился такъ крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой;
За то, кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать!
Мартышку это въ зависть вводитъ;
Хвалы приманчивы: какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбакъ, и ну надъ нимъ возиться!
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочетъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ
И наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ:
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ
И не диковинка, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

Крыловъ.

45. СЛОНЪ И МОСЬКА.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно на показъ.
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ;
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возмись, на встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метатся,
И лаять, и визжать, и рваться:
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
— „Сосѣдка, перестань срамиться,"
Ей шавка говоритъ: „тебѣ-ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ".
—„Эхъ, эхъ!" ей Моська отвѣчаетъ:
„Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большія забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
—„Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лаетъ на Слона!"

Крыловъ.

46. МУХА.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ;
А муха у него сидѣла на рогахъ,
И муху-же они дорогой повстрѣчали.
Откуда ты, сестра? отъ этой былъ вопросъ. —
А та, поднявши носъ,
Въ отвѣтъ ей говоритъ: откуда? мы пахали! —
Отъ басни завсегда
Нечаянно дойдешь до были.
Случалось-ли подчасъ вамъ слышать, господа:
„Мы сбили! мы рѣшили!"

И. Дмитріевъ.

47. ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАКЪ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ:
    На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выйдетъ изъ него не дѣло, только мука.
    Однажды Лебедь, Ракъ да Щука
    Везти съ поклажей возъ взялись,
  И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу!
Поклажа-бы для нихъ казалась и легка:
    Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ, — судить не намъ.
    Да только возъ и нынѣ тамъ.

Крыловъ.

48. ОСЕЛЪ И СОЛОВЕЙ.

        Оселъ увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: — „Послушай-ка, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великій мастерище:
        Хотѣлъ бы очень я
    Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
    Велико-ли твое умѣнье?“
Тутъ Соловей являть свое искуство сталъ:
        Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
        То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался
        Внимало все тогда
    Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
        И прилегли стада.
    Чуть-чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
        И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
  — „Изрядно,“ говоритъ: „сказать неложно,
  Тебя безъ скуки слушать можно:

А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ:
Еще бъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немного поучился."
Услыша судъ такой, мой бѣдный Соловей
Вспорхнулъ и — полетѣлъ за тридевять полей.
Избави, Богъ, и насъ отъ этакихъ судей.

Крыловъ.

49. СЛѢПЕЦЪ И РАЗСЛАБЛЕННЫЙ.

„И ты несчастливъ!.... дай же руку!
Начнемъ другъ другу помогать.
Ты скажешь: есть кому мнѣ вздохъ мой передать;
А я скажу: мою онъ знаетъ грусть и муку—
И легче будетъ намъ".
Такъ говорилъ мудрецъ востока,
И вотъ его же притча вамъ.
Два были нищіе, и оба властью рока
Лишенны были средствъ купить трудами хлѣбъ;
Одинъ былъ слѣпъ,
Другой разслабленный; желаютъ смерти оба;
Но горемыки здѣсь, какъ дара ждутъ и гроба;
На помощь къ нимъ и смерть нейдетъ.
Разслабленный конца своимъ страданьямъ ждетъ
На голой мостовой, снося и жаръ и холодъ,
Всего же чаще голодъ
И нечувствительность румяныхъ богачей.
Слѣпецъ равно терпѣлъ, или еще и болѣ:
Тотъ могъ, хотя вдали, въ день лѣтній видѣть поле;
А для него ужъ нѣтъ и солнечныхъ лучей!
Вся жизнь глубока ночь, и скоро-ль разсвѣтаетъ,
Увы! не знаетъ.
Одной собачкой онъ былъ искренно любимъ,
Ласкаемъ и водимъ;
И ту какіе-то злодѣи не украли,
А нагло отъ его веревки отвязали,
И увели съ собой.
Слѣпецъ случайно очутился
На томъ же мѣстѣ, гдѣ разслабленный томился
Онъ слышитъ стонъ его, и самъ пускаетъ вздохъ.
„Товарищъ! говоритъ, несчастныхъ сводитъ Богъ;

Намъ должно побрататься,
Имѣть одну суму
И вмѣстѣ горевать. Не станемъ разлучаться!"
Согласенъ, отвѣчалъ разслабленный ему:
Но, добрая душа! какою мы подмогой
Другъ другу можемъ быть? ты слѣпъ, а я безногой!
Что жъ будемъ дѣлать мы? еще тебѣ скажу.
„Какъ! подхватилъ слѣпецъ: ты зрячь, а я хожу,
Такъ ты ссужай меня глазами,
А я съ охотою ссужусь тебѣ ногами,
Ты за меня гляди, я за тебя пойду —
И будемъ каждый такъ служить въ свою чреду".

И. Дмитріевъ.

50. ПѢСНЬ РУССКОМУ ЦАРЮ.

Боже! Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю,
Все ниспошли!
Перводержавную
Русь православную,
Боже, храни!
Царство ей стройное,
Въ силѣ спокойное!
Все жъ недостойное;
Прочь отжени!
Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни!
Воинамъ мстителямъ,
Чести спасителямъ,
Миротворителямъ,
Долгіе дни!
Мирныхъ воителей,
Правды блюстителей,
Боже, храни!
Жизнь ихъ примѣрную,
Нелицемѣрную,
Доблестямъ вѣрную
Ты помяни!

О Провидѣніе!
Благословеніе
Намъ ниспосли!
Къ благу стремленіе,
Въ счастьи смиреніе,
Въ скорби терпѣніе
Дай на земли!
Будь намъ заступникомъ,
Вѣрнымъ сопутникомъ,
Насъ провожай!
Свѣтлопрестольная,
Жизнь поднебесная,
Сердцу извѣстная,
Сердцу сіяй!

Жуковскій.

51. УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА.

Откуда, звѣздочка краса!
Что рано такъ на небеса
Въ одеждѣ праздничной твоей,
Въ огнѣ блистающихъ кудрей,
Въ красѣ воздушно-голубой,
Умывшись утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше насъ?
Анъ нѣтъ! мы жнемъ ужъ цѣлый часъ;
Не счесть накиданныхъ сноповъ.
Кто всталъ до дня, тотъ днемъ здоровъ;
Бодрѣй глядитъ на Божій свѣтъ;
Ему за трудъ вкуснѣй обѣдъ.

Другой привыкъ до полдня спать;
За то и утра не видать.
А жнецъ съ восточною звѣздой
Всегда встаетъ передъ зарей.
Работа рано по утру,
Досугъ и пѣсни ввечеру.

А птички? всѣ давно ужъ тутъ;
Играютъ, свищутъ и поютъ;
Съ куста на кустъ, изъ сѣни въ сѣнь,

Кричатъ другъ дружкѣ: добрый день!
И томно горлинки журчатъ;
Да чу! и къ завтренѣ звонятъ.

Вездѣ молитва началась:
„Небесный Царь, услыши насъ;
„Твое владычество приди,
„Насъ въ искушенье не введи;
„На путь спасенія наставь
„И отъ лукаваго избавь“.

За чѣмъ же, звѣздочка-краса,
Всегда такъ рано въ небеса?....
Звѣзда-подружка тамъ горитъ.
Пока родное солнце спитъ,
Спѣшатъ увидѣться онѣ
Въ уединенной вышинѣ.

Тайкомъ сквозь дремлющій разсвѣтъ
Она за милою во слѣдъ
Бѣжитъ, сіяя, на востокъ;
И будитъ ранній вѣтерокъ;
И, тихо вѣя съ высоты,
Онъ милой шепчетъ: гдѣ же ты?

Но что-жъ? Увидятся ли?.... нѣтъ,
Спѣшитъ за ними солнце вслѣдъ.
Ужъ вотъ оно: востокъ зажгло,
Свой алый завѣсъ подняло,
Надѣло знойный свой уборъ,
И ярко смотритъ изъ-за горъ.

А звѣздочка?.... Ужъ не блеститъ,
Печально-блѣдная бѣжитъ,
Подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой!
И скрылась въ безднѣ голубой.
И солнце на небѣ одно,
Великолѣпно и красно.

Идетъ по свѣтлой высотѣ
Въ своей спокойной красотѣ;
Затеплился на церкви крестъ;
И тонкій паръ встаетъ окрестъ;
И взглянетъ лишь куда оно,
Тамъ мигомъ все оживлено.

На кровлѣ аистъ носъ остритъ;
И въ небѣ ласточка кружитъ;

И дымъ клубится изъ печей;
И будитъ мѣльницу ручей;
И тихо рдѣетъ темный боръ;
И звучно въ немъ стучитъ топоръ.

Жуковскій.

52. ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Знать солнышко утомлено;
За горы прячется оно,
Лучъ погашаетъ за лучемъ,
И, алымъ тонкимъ облачкомъ
Задернувъ ликъ усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаемъ: лѣтній дологъ путь.
Вездѣ жъ работа: на горахъ,
Въ долинахъ, рощахъ и лугахъ;
Того согрѣй, тѣмъ свѣту дай,
И всѣхъ притомъ благословляй.

Буди заснувшіе цвѣты
И имъ расписывай листы;
Потомъ медвяною росой
Пчелу работницу напой,
И чистыхъ капель межъ листовъ
Оставь про рѣзвыхъ мотыльковъ.

Зерну скорлупку расколи,
И молодую изъ земли
Былинку выведи на свѣтъ:
Пичужкамъ приготовь обѣдъ;
Тѣхъ пріюти между вѣтвей,
А тѣхъ на гнѣздышкѣ согрѣй.

И вишнямъ дай румяный цвѣтъ,
Не позабудь горячій свѣтъ
Разсыпать на зеленый садъ,
И золотистый виноградъ
Отъ зноя листьями покрыть,
И колосъ зрѣлостью налить.

А если жаръ для стадъ жестокъ,
Смани ихъ къ рощѣ въ холодокъ;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой съ небесъ
Сойди на темный лугъ и лѣсъ.

А гдѣ подъ острою косой
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сіяй
И сѣна въ копна собирай,
Чтобъ къ ночи лугъ отъ нихъ пестрѣлъ,
И съ ними рядъ возовъ скрипѣлъ.

И такъ совсѣмъ не мудрено,
Что разгорѣлося оно,
Что отдыхаетъ на горахъ
Въ полупотухнувшихъ лучахъ,
И намъ, сходя за небосклонъ,
Въ прохладѣ шепчетъ: добрый сонъ!

И вотъ сошло; и свѣтъ потухъ;
Одинъ на башнѣ лишь пѣтухъ
За нимъ глядитъ, сіяя, вслѣдъ....
Гляди, гляди: въ томъ пользы нѣтъ!
Сей часъ оно передъ тобой
Задернетъ алый завѣсъ свой.

Есть и про солнышко бѣда:
Нѣтъ ладу съ сыномъ никогда.
Оно лишь только въ глубину,
А онъ какъ разъ на вышину;
Того и жди что заблеститъ;
Давно за горкой онъ сидитъ.

Но что-жъ такъ медлитъ онъ вставать?
Все хочетъ солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло въ сумеркахъ оно.
И вотъ онъ всходитъ, въ долъ глядитъ,
И блѣдно зелень серебритъ.

И ночь ужъ на небо взошла,
И тихо на небѣ зажгла
Гостепріимные огни;
И все замолкнуло въ тѣни;
И по долинамъ, по горамъ
Все спитъ.... пора ко сну и намъ.

Жуковскій.

35. ЧТО ТЫ СПИШЬ, МУЖИЧОКЪ?

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ,
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ, и что сталъ,
И что есть у тебя?

На гумнѣ — ни снопа;
Въ закромахъ — ни зерна;
На дворѣ — по травѣ
Хоть шаромъ покатись.

Изъ клѣтей — домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И, погнувшись, изба
Какъ старушка стоитъ.

Вспомни время свое:
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой.

Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!

А теперь, подъ окномъ,
Ты съ бѣдою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.

А въ поляхъ сиротой
Хлѣбъ некошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,—
Бражку ковшикомъ пьютъ.

А. Кольцовъ.

54. ПѢСНЯ ПАХАРЯ.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной;
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большова лѣса
Солнышко выходитъ.

Весело на пашнѣ;
Ну! тащися, сивка!
Я самъ, другъ, съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю; —
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ;
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка —
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.

Ну! тащися, сивка!
Накормлю до-сыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди, мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

А. Кольцовъ.

55. ЩУКА И КОТЪ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ.
Да и примѣчено стократь,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,
И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.
Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За кошачье приняться ремесло.
Не знаю: завистью-ль ее лукавый мучилъ,
Иль, можетъ быть, ей рыбный столъ наскучилъ —
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту,
Мышей въ анбарѣ половить.
„Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?
Сталъ Щукѣ Васька говорить.
„Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
Не даромъ говорится,
Что дѣло мастера боится".
„И, полно, куманекъ! Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей". —
„Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!"—Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ, —
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво ее стащилъ обратно въ прудъ.
И дѣло! это, Щука,
Тебѣ наука,
Впередъ умнѣе быть,
И за мышами не ходить.

Крыловъ.

36. ЛЖЕЦЪ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
„Нѣтъ", говоритъ: „что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не нада;
Не знаешь вѣкъ: что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ:
А если-бъ посмотрѣлъ, что тамъ ростетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ!
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь-ли? Ну, право, былъ онъ съ гору." —
„Что за диковинка!" пріятель отвѣчалъ:
„На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду,
Да не вездѣ ихъ всякой примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь-ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ.
До половины не дойдетъ —
Провалится, и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ."
— „А какова у васъ рѣка?"
— „Да не мелка.
Такъ видишь-ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ,
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?"
„Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ".
— „Повѣрить трудно!
Однако-жъ какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,

Что онъ Джеца никакъ не подымаетъ,
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста, да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо."
„Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по нашему хоромы;
Что тамъ за домы?
Въ одинъ двоимъ за нужду взлѣсть,
И то ни стать, ни сѣсть?" —
„Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однако-жъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть римской твой и чуденъ огурецъ...."
— „Послушай-ка," тутъ перервалъ мой Джецъ:
„Чѣмъ на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду." —

Крыловъ.

57. НАДГРОБІЕ РУССКОМУ МЛАДЕНЦУ, УМЕРШЕМУ ВЪ НЕАПОЛѢ.

О Русскій, милый гость изъ отческой земли!
Молю тебя, замѣть сей памятникъ безвѣстный;
Здѣсь матерь и отецъ надежду погребли;
Здѣсь я покоюся, младенецъ ихъ прелестный.
Имъ молви отъ меня: не сѣтуйте, друзья;
Моя завидна скоротечность:
Не знала жизни я,
А знаю вѣчность.

Батюшковъ.

58. СОЛНЦЕ И МѢСЯЦЪ.

Ночью, въ колыбель младенца
    Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.
„Отъ чего такъ свѣтитъ мѣсяцъ?“
    Робко онъ меня спросилъ.

Въ день-денской устало Солнце,
    И сказалъ ему Господь:
„Лягъ, засни — и за тобою
    Все задремлетъ, все заснетъ,

И взмолилось Солнце брату:
    „Другъ мой, Мѣсяцъ золотой!
„Ты зажги фонарь — и ночью
    „Обойди ты край земной.

„Кто тамъ молится, кто плачетъ,
    „Кто мѣшаетъ людямъ спать:
„Все развѣдай — и поутру
    „Приходи и дай мнѣ знать“.

Солнце спитъ, а Мѣсяцъ ходитъ,
    Сторожитъ земли покой,
Завтражъ рано — рано къ Солнцу
    Постучится братъ меньшой.

Стукъ-стукъ стукъ — отворятъ двери —
    Солнце, встань! грачи летятъ;
Пѣтухи давно пропѣли,
    И къ заутрени звонятъ!

Солнце встанетъ, — Солнце спроситъ:
    „Что, голубчикъ братецъ мой?
„Какъ тебя Господь-Богъ носитъ?
    „[illegible]ченъ? что съ тобой?“

Поведетъ разсказъ свой Мѣсяцъ,
    Кто и какъ себя ведетъ:
Если ночь была спокойна,
    Солнце весело взойдетъ.

Если нѣтъ, взойдетъ въ туманѣ;
    Вѣтеръ дунетъ — дождь пойдетъ,
Въ садъ гулять не выйдетъ няня,
    И дитя не поведетъ.

И задумался младенецъ,
Долго на небо глядѣлъ,
Долго онъ молчалъ, и няню
Онъ позвать къ себѣ велѣлъ.

И велѣлъ старушкѣ нянѣ
Богородицу читать,
И за ней, сложа рученки,
Сталъ молитву повторять.

П.

59. О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одною тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морской;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
„Отпусти ты, старче, меня въ море,
„Дорогой за себя дамъ откупъ:
„Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь“.
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказалъ ей великое чудо.
Я сегодня поймалъ было рыбку,

Золотую рыбку, не простую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.
Старика старуха забранила:
Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю,
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ раскололось.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто.
Воротился старикъ ко старухѣ;
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю
(Помутилося синее море);
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою;
Избу проситъ сварливая баба.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.

Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ:
Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простофиля, избу!
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть черною крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой.

Пошелъ старикъ къ синему морю
(Не спокойно синее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою;
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Воротился старикъ ко старухѣ:
Чтожъ онъ видитъ? Высокій теремъ,
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай теперь твоя душенька довольна.
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Вотъ недѣля-другая проходитъ;
Еще пуще старуха вздурилась:
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,

А хочу быть вольною царицей.
Испугался старикъ, взмолился:
Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь,
Насмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа:
Какъ, ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью;
Не пойдешь, поведутъ по-неволѣ.

Старичекъ отправился къ морю
(Почернѣло синее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною-царицей.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!
Старичекъ къ старухѣ воротился.
Чтожъ? Предъ нимъ царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она царицей,
Служатъ ей бояре, да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вины,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ, испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ: здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна.
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали.
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впередъ тебѣ, невѣжа, наука:

Не садися не въ свои сани!
Вотъ недѣля — другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобъ жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ.
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперегъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ, на морѣ черная буря —
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морской,
Чтобъ жить ей въ окіянѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у нея на-посылкахъ.
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился....
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто.

А. Пушкинъ.

60. ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕКЪ.

Слушайте; я разскажу вамъ, друзья, про мышей и лягушекъ.
Сказка ложь, а пѣсня быль, говорятъ намъ; но въ этой
Сказкѣ моей найдется и правда. Милости-жъ просимъ
Тѣхъ, кто охотникъ въ досужный часокъ пошутить, посмѣяться,
Сказки послушать; а тѣхъ, кто любитъ смотрѣть изъ подлобья,
Всякую шутку считая за грѣхъ, мы просимъ покорно
Къ намъ не ходить, и дома сидѣть, да высиживать скуку.
Было прекрасное майское утро. Квакунъ двадесятый,
Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,
Вышелъ изъ мокрой столицы своей, окруженный блестящей
Свитой придворныхъ. Въ припрыжку они взобрались на пригорокъ,
Сочной травою покрытый, и тамъ, на кочкѣ усѣвшись,
Царь приказалъ изъ толпы его окружавшихъ почетныхъ
Стражей вызвать бойцевъ, чтобъ его, царя, забавляли
Боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы: началося; ужъ много
Было лягушечьихъ мордъ царю въ угожденье разбито;
Царь хохоталъ ; отъ смѣха придворная квакала свита
Въ слѣдъ за его величествомъ; солнце взошло ужъ на полдень.
Вдругъ изъ кустовъ молодецъ въ прекрасной бѣленькой шубкѣ,
Съ тоненькимъ хвостикомъ, острымъ какъ стрѣлка, на тоненькихъ ножкахъ
Выскочилъ; слѣдомъ за нимъ четыре такихъ-же, по въ шубахъ
Дымнаго цвѣта. Рысцей они подбѣжали къ болоту.
Бѣлая шубка, носикъ въ болото уткнувъ, и поднявши
Правую ножку, началъ воду тянуть, и, казалось,
Былъ для него тотъ напитокъ пріятнѣе меда; головку
Часто онъ вверхъ подымалъ, и вода съ усастаго рыльца
Мелкимъ бисеромъ падала; вдоволь напившись и лапкой
Рыльце обтерши, сказалъ онъ: какое раздолье студеной
Выпить воды, утомившись отъ зноя! Теперь понимаю
То, что чувствовалъ Дарій, когда онъ, въ бѣгствѣ, изъ мутной
Лужи напившись, сказалъ: я не знаю вкуснѣе напитка!
Эти слова одна изъ лягушекъ подслушала; тотчасъ
Скачетъ она съ донесеньемъ къ царю: изъ лѣса-де вышли
Пять какихъ-то звѣрковъ, съ усами турецкими, уши
Длинныя, хвостики острые, лапки какъ руки; въ осоку
Всѣ они побѣжали и царскую воду въ болотѣ
Пьютъ. А кто и откуда они, не извѣстно. Съ десяткомъ
Стражей квакунъ посылаетъ хорунжаго Пышку провѣдать,
Кто незваные гости: когда непріятели, взять ихъ,
Если дадутся; когда же сосѣди, пришедшіе съ миромъ,
Дружески ихъ пригласить къ царю на бесѣду. Сошедши
Пышка съ холма и увидя гостей, въ минуту узналъ ихъ;

Это мыши: неважное дѣло! Но мнѣ не случалось
Бѣлыхъ межъ ними видать, и это чудо. Смотрите жъ,
Спутникамъ тутъ онъ сказалъ, никого не обидѣть. Я съ ними
Самъ на словахъ объяснюся. Увидимъ, что скажетъ мнѣ бѣлый.
Бѣлый межъ тѣмъ съ удивленьемъ великимъ смотрѣлъ, приподнявши
Уши, на скачущихъ прямо къ нему съ пригорка лягушекъ;
Слуги его хотѣли бѣжать, но онъ удержалъ ихъ,
Выступилъ бодро впередъ и ждалъ скакуновъ, и какъ скоро
Пышка съ своими къ болоту приблизился: здравствуй, почтенный
Воинъ, сказалъ онъ ему; прошу не взыскать, что безъ просу
Вашей воды напился я; мы всѣ отъ охоты устали;
Въ это же время здѣсь никого не нашлось; благодарны
Очень мы вамъ за прекрасный напитокъ; и сами готовы
Равнымъ добромъ за ваше добро заплатить: благодарность
Есть добродѣтель возвышенныхъ душъ. Удивленный такою
Умною рѣчью, отвѣтствовалъ Пышка: милости просимъ
Къ намъ, благородные гости: нашъ царь, о прибытіи вашемъ
Свѣдавъ, весьма любопытенъ узнать: откуда вы родомъ,
Кто вы, и какъ васъ зовутъ. Я посланъ сюда пригласить васъ
Съ нимъ на бесѣду. Рады мы очень, что вамъ показалась
Наша по вкусу вода: а платы не требуемъ; воду
Создалъ Господь для всѣхъ на потребу, какъ воздухъ и солнце.
Бѣлая шубка учтиво отвѣтствовалъ: царская воля
Будетъ исполнена; радъ я къ его величеству съ вами
Вмѣстѣ пойти, но только сухимъ путемъ, не водою;
Плавать я не умѣю; я царскій сынъ и наслѣдникъ
Царства мышинаго. Въ это мгновеніе, спустившись съ пригорка,
Царь Квакунъ со свитой своей приближался. Царевичъ
Бѣлая шубка, увидя царя съ такою толпою,
Нѣсколько струсилъ: ибо не вѣдалъ, доброе-ль, злое-ль
Было у нихъ на умѣ. Квакунъ отличался зеленымъ
Платьемъ, глаза на выкатъ сверкали какъ звѣзды, и пузомъ
Громко онъ, прядая, шлепалъ. Царевичъ Бѣлая шубка,
Вспомнивши кто онъ, робость свою побѣдилъ. Величаво
Онъ поклонился царю Квакуну. А царь, благосклонно
Лапку подавши ему, сказалъ: любезному гостю
Очень мы рады; садись, отдохни; ты изъ дальняго, вѣрно,
Края: ибо до сихъ поръ тебя намъ видать не случалось.
Бѣлая шубка, царю поклонился опять, на зеленой
Травкѣ усѣлся съ нимъ рядомъ; а царь продолжалъ: разскажи намъ,
Кто ты? кто твой отецъ? кто мать? и откуда пришелъ къ намъ?
Здѣсь мы тебя угостимъ дружелюбно, когда не таяся
Правду всю скажешь: я царь и много имѣю богатства,
Будетъ намъ сладко почтить дорогаго гостя дарами.
„Нѣтъ никакой мнѣ причины, отвѣтствовалъ Бѣлая шубка,
Царь-государь, утаивать истину. Самъ я породы
Царской, весьма на землѣ знаменитой; отецъ мой изъ дома

Древнихъ воинственныхъ Бубликовъ, царь Долгохвость Принарій
Третій; владѣетъ пятью чердаками, наслѣдіемъ славныхъ
Предковъ, но область свою онъ самъ расширилъ войнами:
Три подполья, одинъ амбаръ, и двѣ трети ветчины
Онъ покорилъ, побѣдивши сосѣднихъ царей; а въ супруги
Взявши царевну Прасковью-Пискунью бѣлую шкурку,
Цѣлый овинъ получилъ онъ за нею въ приданое. Въ свѣтѣ
Нѣтъ подобнаго царства. Я сынъ царя Долгохвоста,
Петръ Долгохвостъ, по прозванію Хватъ. Былъ я воспитанъ
Въ нашемъ столичномъ подпольѣ премудрымъ Онуфріемъ крысой.
Мастеръ я рыться въ мукѣ, таскать орѣхи, вскребаюсь
Въ сыръ, и множество книгъ ужъ изгрызъ, любя просвѣщенье.
Хватомъ-же прозванъ я вотъ за какое смѣлое дѣло:
Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышенятокъ
Бѣгало по полю въ запуски: я, какъ шальной, раззадорясь,
Впрыгнулъ съ разбѣгу на льва, отдыхавшаго въ полѣ, и въ пышной
Гривѣ запутался; левъ проснулся и лапой огромной
Стиснулъ меня; я подумалъ, что буду раздавленъ какъ мошка;
Съ духомъ собравшись, я, высунувъ носъ изъ подъ лапы,
Левъ-Государь, ему я сказалъ, мнѣ и въ мысль не входило
Милость твою оскорбить; пощади, не губи; не ровенъ часъ,
Самъ я тебѣ пригожуся. Левъ улыбнулся (конечно
Онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ мнѣ: ты, вижу, забавникъ.
Льву услужить ты задумалъ; добро; мы посмотримъ, какую
Милость окажешь ты намъ. Ступай. Тогда онъ раздвинулъ
Лапу, а я давай Богъ ноги; но вотъ что случилось:
Дня не прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ
Нашихъ львинымъ рыканьемъ; смутилась, какъ будто отъ бури,
Вся сторона; я не струсилъ; выбѣжалъ въ поле, и что-же
Въ полѣ увидѣлъ? Царь Левъ, запутавшись въ крѣпкихъ тенетахъ,
Мечется, бьется, какъ бѣшеный; кровью глаза налилися;
Лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; и было
Все то напрасно; лишь только себя онъ запутывалъ. Видишь,
Левъ-Государь, сказалъ я ему, что и я пригодился.
Будь спокоенъ; въ минуту тебя мы избавимъ. И тотчасъ
Созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать
Зубомъ: узлы перегрызли тенетъ, и Левъ распутлялся.
Важно кивнувъ головою косматой и насъ допустивши
Къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправилъ, ударилъ
Сильнымъ хвостомъ по бедрамъ и въ три прыжка очутился
Въ ближнемъ лѣсу, гдѣ въ мигъ и пропалъ. По этому дѣлу
Прозванъ я *Хватомъ*, и славу свою поддержать я стараюсь.
Страшнаго нѣтъ для меня ничего; я знаю, что смѣлымъ
Богъ владѣетъ. Но должно однако признаться, что всюду
Здѣсь мы встрѣчаемъ опасность: такъ Богъ ужъ землю устроилъ.
Все здѣсь воюетъ: съ травою Овца, съ Овцою голодный
Волкъ, Собака съ Волкомъ, съ Собакой Медвѣдь, а съ Медвѣдемъ

Левъ; Человѣкъ-же и Льва, и Медвѣдя, и всѣхъ побѣждаетъ.
Такъ и у насъ, отважныхъ мышей, есть много опасныхъ,
Сильныхъ гонителей: Совы, Ласточки, Кошки и всѣхъ ихъ
Злѣе козни людскія. И тяжко подъ часъ намъ приходитъ.
Я однако спокоенъ: я помню, что мнѣ мой наставникъ
Мудрый, крыса Онуфрій, твердилъ: бѣды насъ смиренью
Учатъ. Съ вѣрой такою ничто не бѣда. Я доволенъ
Тѣмъ, что имѣю: счастію радъ, а въ несчастьи не хмурюсь."
Царь Квакунъ со вниманіемъ слушалъ Петра Долгохвоста.
Гость дорогой, сказалъ онъ ему, признаюсь откровенно:
Столь разумныя рѣчи меня въ изумленье приводятъ.
Мудрость такая, въ такія цвѣтущія лѣта! Мнѣ сладко
Слушать тебя: и пріятность, и польза! Теперь опиши мнѣ
То, что случалось когда съ мышинымъ вашимъ народомъ,
Что отъ враговъ вы терпѣли, и съ кѣмъ, когда воевали. —
Долженъ я прежде о томъ разсказать, какія намъ козни
Строитъ нашъ хитрый, двуногій злодѣй, Человѣкъ. Онъ ужасно
Жаденъ; онъ хочетъ всю землю заграбить одинъ, и съ мышами
Въ вѣчной враждѣ. Не изчислить всѣхъ выдумокъ хитрыхъ, какими
Наше онъ племя избыть замышляетъ. Вотъ, напримѣръ, онъ
Домикъ затѣялъ построить: два входа, широкій и узкій,
Узкій задѣланъ рѣшеткой, широкій съ подъемною дверью.
Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ подполье.
Намъ же съ дуру на мысли взбрело, что, поладить
Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостинницу. Жирный
Кусъ ветчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ; вотъ цѣлый десятокъ
Смѣлыхъ охотниковъ вызвались: въ домикъ забраться безъ платы,
Въ немъ отобѣдать и вѣрныя вѣсти принесть намъ.
Входятъ они, но только что начали дружно висячій
Кусъ ветчины тормошить, какъ подъемная дверь съ превеликимъ
Стукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопнула. Тутъ поразило
Страшное зрѣлище насъ: увидѣли мы, какъ злодѣи
Нашихъ героевъ таскали за хвостъ и въ воду бросали.
Всѣ они пали жертвой любви къ ветчинѣ и къ отчизнѣ.
Было нѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ
Множество вкусныхъ для насъ пирожковъ, и разклалъ ихъ
Словно какъ добрый, по всѣмъ закоулкамъ; народъ нашъ
Очень довѣрчивъ и вѣтренъ; мы лакомки, бросилась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Объ этомъ
Вспомнить, морозъ подираетъ по кожѣ! Открылся въ подпольѣ
Моръ: отравой злодѣй угостилъ насъ. Какъ будто шальные
Съ пиру пришли удальцы: глаза на выкатъ, разинувъ
Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью
Бѣгали съ пискомъ они; родныхъ, друзей и знакомыхъ
Болѣ не зная въ лице; наконецъ, утомясь, обезсилѣвъ,
Всѣ попадали мертвые лапками вверхъ: запустѣла
Цѣлая область отъ этой бѣды; отъ ужаснаго смрада

Труповъ ушли мы въ другое подполье, и край нашъ родимый
Надолго былъ обезмышенъ. Но главное бѣдствіе наше
Нынѣ въ томъ, что губитель двуногій крѣпко сдружился
Намъ ко вреду съ сибирскимъ котомъ, Ѳедотомъ Мурлыкой.
Кошачій родъ давно враждуетъ съ мышинымъ. Но этотъ
Хитрый Котище Ѳедотъ Мурлыка для насъ наказанье
Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился. Глупымъ мышенкомъ
Былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но мать Царица Прасковья
Съ крысой Онуфріемъ крѣпко-на-крѣпко мнѣ запретили
Норку мою покидать: но я не послушался, въ щелку
Выглянулъ; вижу камнемъ выстланный дворъ; освѣщало
Солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились;
Птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.
Выдти не смѣя, смотрю я изъ щелки, и вижу: на дальнемъ
Краѣ двора звѣрокъ усатый, сизая шкурка,
Розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя уши,
Тихо сидитъ и за птичками смотритъ; а хвостикъ, какъ змѣйка,
Такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой
Началъ усастое рыльце себѣ умывать. Облилося
Радостью сердце мое, и я ужъ сбирался покинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло
Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то
Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая,
Черныя ноги свои подымалъ онъ и когти кривые
Съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ
Длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый;
Подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ и какъ будто
Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись
По носу бился, а сзади какіе-то длинные крючья
Разнаго цвѣта торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха
Въ память придти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода
Словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши
Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной
Треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню.
Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною,
Такъ и ахнулъ. Тебя помиловалъ Богъ, онъ сказалъ мнѣ,
Свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати
Крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый
Сторожъ пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка;
Намъ же мышамъ онъ приноситъ и пользу: когда закричитъ онъ,
Знаемъ мы всѣ, что проснулись наши враги; а пріятель,
Такъ обольстившій тебя своей лицемѣрной харей,
Былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало
Котъ Мурлыка: хорошъ бы ты былъ, когда бы съ знакомствомъ
Къ этому плуту подъѣхалъ; тебя бъ онъ порядкомъ погладилъ
Бархатной лапкой своею: будь же впередъ остороженъ.

Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ;
Каждый день отъ него у насъ недочетъ. Разскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнесся въ подпольѣ
Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье;
Шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска,
Словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый
Съ радости такъ напился, что подрался съ царицей, и въ дракѣ
Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно.
Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ,
Вздумали мы кота погребать; и надгробное слово
Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный
Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ; такое прозванье
Дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ
Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ, какъ маятникъ, стукалъ.
Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ;
Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и правду:
Котъ Мурлыка въ ветчинпѣ виситъ на бревнѣ и повѣшенъ
За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка
Вытянутъ весь, и спина и хвостъ, и переднія лапы
Словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ не моргая.
Всѣ запищали мы хоромъ: повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ
Котъ окаянный; довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ
Нынче и мы. И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобралися
Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать; но лапы
Сами держались, когтями вцѣпились въ бревно, а веревки
Не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикоснулись
Наши ребята, какъ вдругъ распустилися когти, и на полъ
Хлопнулся котъ какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжались
Въ страхѣ, и смотримъ что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышитъ,
Усъ не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ да и только.
Вотъ ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу
Начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу
Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ подразнитъ
Сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе,
Тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ.
Котъ ни съ мѣста, какъ пень. Берегитесь, тогда намъ сказала
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ и на силу
Какъ-то она отъ него ушла), берегитесь; Мурлыка
Старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это
Знакъ не добрый; и шкурка цѣла у него. То услыша,
Громко мы всѣ засмѣялись. Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать,
Мышь Степанида сказала опять, а я не товарищъ
Вамъ. И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася
Съ ними въ подполье она. А мы принялись какъ шальные
Прыгать, скакать и кота тормошить. Наконецъ, поуставши,

Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его и поэтъ нашъ
Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ, на Мурлыкино пузо
Взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово;
Мы-жъ при каждомъ стихѣ хохотать; и вотъ что прочелъ онъ:
„Жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка котъ Сибирской,
„Ростъ богатырской, сизая шкурка, усы какъ у Турка;
„Былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ.
„Радуйся, наше подполье!“.... Но только успѣлъ проповѣдникъ
Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся.
Мы бѣжать. . . . Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцать изъ насъ остались на мѣстѣ, а раненыхъ втрое
Болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ,
Тотъ безъ уха, другой съ отъѣденной мордой; иному
Хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались какъ тряпки; Царицу Прасковью
Чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки;
Царь Припарій спасся съ рубцемъ на носу; по премудрый
Крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.

Жуковскій.

61. ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.

Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ?
— Родимый, Лѣсной Царь въ глаза мнѣ сверкнулъ:
Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой. —
О нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.

„Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
„Веселаго много въ моей сторонѣ:
„Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи;
„Изъ золота слиты чертоги мои.“

— Родимый, Лѣсной Царь со мной говоритъ
Онъ золото, перлы и радость сулитъ. —
О нѣтъ, мой младенецъ, ослышался ты:
То вѣтеръ, проснувшись, колыхнулъ листы.

„Ко мнѣ, мой младенецъ, въ дубравѣ моей
„Узнаешь прекрасныхъ моихъ дочерей:
„При мѣсяцѣ будутъ играть и летать,
„Играя, летая, тебя усыплять.“

— Родимый, Лѣсной Царь созвалъ дочерей:
Мнѣ, вижу, киваютъ изъ темныхъ вѣтвей. —
О нѣтъ, все спокойно въ ночной глубинѣ:
То вѣтлы сѣдыя стоятъ въ сторонѣ.

„Дитя, я плѣнился твоей красотой:
„Неволей иль волей, а будешь ты мой.
— Родимый, лѣсной Царь насъ хочетъ догнать;
Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать. —

Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ;
Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ. . . .
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Жуковскій.

62. МАРТЫШКА И ОЧКИ.

Мартышка въ старости слаба глазами стала;
А у людей, она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести Очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала,
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
„Тьфу пропасть!“ говоритъ она: „и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про Очки лишь мнѣ налгали;
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ“.
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.
Къ несчастью, тожъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь, — цѣны не зная ей,
Невѣжа про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжа познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ

Крыловъ.

65. КВАРТЕТЪ.

Проказница Мартышка,
Оселъ,
Козелъ,
Да косолапый Мишка,
Затѣяли сыграть Квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрыпки,
И сѣли на лужокъ подъ липки,
Плѣнять своимъ искуствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ. —
„Стой, братцы, стой!" кричитъ Мартышка: „погодите!
Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я прямо сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы."
Разсѣлись, начали Квартетъ:
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
— „Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ!"
Кричитъ Оселъ: „мы вѣрно ужъ поладимъ,
Коль рядомъ сядемъ."
Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ;
А все-таки Квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье:
„Пожалуй," говорятъ: „возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы Квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!" —
„Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй,"
Имъ отвѣчаетъ Соловей:
„А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь."

Крыловъ.

64. ЛЬВИНОЕ ПРАВО.

Медвѣдя Левъ просилъ: черезъ твою берлогу
Позволь мнѣ проложить военную дорогу. —
Не льзя: сказалъ Медвѣдь, и въ шубу носъ уткнулъ.
Что-жъ сдѣлалъ Левъ? — перешагнулъ.

И. Дмитріевъ.

65. ПОЛЕВОЙ ЦВѢТОКЪ.

Простой цвѣточикъ, дикой,
Нечаянно попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой;
И что-же? отъ нея душистымъ сталъ и самъ.
Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

И. Дмитріевъ.

66. ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты горятъ;
Лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ,
Хоть видитъ око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись попусту часъ цѣлой,
Пошла и говоритъ съ досадою: — „Ну, что-жъ!
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ — ягодки нѣтъ зрѣлой
Тотчасъ оскомину набьешь.

Крыловъ.

67. ПРОХОЖІЙ И ПЧЕЛА.

О Пчелка! межъ цвѣтовъ, прекраснѣйшихъ для взора,
Есть ядовитые: отравятъ жизнь твою;
Смотри же, не садись на каждый безъ разбора! —
Не бойся: ядъ при нихъ; я только нектаръ пью.

И. Дмитріевъ.

68. ЧУЖЕЗЕМНОЕ РАСТЕНІЕ.

Что сдѣлалось съ тобою нынѣ?
О милый кустъ! ты блѣденъ сталъ;
Гдѣ зелень, запахъ твой? — Увы! онъ отвѣчалъ:
Я на чужбинѣ.

И. Дмитріевъ.

69. КЪ ДѢТЯМЪ.

Бывало въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ: —
Бывало люблю крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

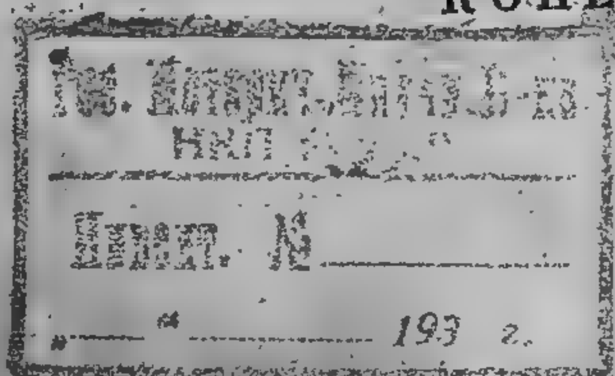
Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
Для васъ беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота;
Нѣтъ въ комнатѣ жизни; кроватка пуста;
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ.
Мнѣ грустно, малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!

О дѣти, въ глубокій полуночный часъ
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать;
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

А. Хомяковъ.

КОНЕЦЪ.

Инв. № 193 г.

Оин. N 41751

Инв N 41751.

